

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 2

Средневековая археология евразийских степей

*Материалы Учредительного съезда
Международного конгресса*

Казань, 14–16 февраля 2007 г.

Том II

Казань 2007

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 2

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственные редакторы:

член-корреспондент Академии наук РТ
доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**,
кандидат исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, **Хузин Фаяз Шарипович** (Казань) – сопредседатель, **Артемьева Надежда Григорьевна** (Владивосток), **Афанасьев Геннадий Евгеньевич** (Москва), **Байпаков Карл Молдахметович** (Алматы, Казахстан), **Белорыбкин Геннадий Николаевич** (Пенза), **Боталов Сергей Геннадьевич** (Челябинск), **Волков Игорь Викторович** (Москва), **Гмыря Людмила Борисовна** (Махачкала), **Евглевский Александр Викторович** (Донецк, Украина), **Кляшторный Сергей Григорьевич** (С.-Петербург), **Кызласов Игорь Леонидович** (Москва), **Мухамадиев Азгар Гатауллович** (Казань), **Мыц Виктор Леонидович** (Симферополь, Украина), **Нарожный Евгений Иванович** (Армавир), **Овсянников Владимир Владиславович** (Уфа), **Рашиев Рашио** (Шумен, Болгария), **Руденко Константин Александрович** (Казань), **Савинов Дмитрий Глебович** (С.-Петербург), **Табалдиев Кубатбек Шакиевич** (Бишкек, Киргизия), **Татауров Сергей Филиппович** (Омск), **Тихонов Сергей Семенович** (Омск), **Тишкин Алексей Алексеевич** (Барнаул), **Фодор Иштван** (Будапешт, Венгрия), **Худяков Юлий Сергеевич** (Новосибирск).

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна (Казань) – ответственный секретарь

Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 180 с.

ISBN 978-5-94981-087-3

Надежда Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток*

ПАМЯТНИКИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ (1215–1233 гг.)

На территории Приморья уже не одно десятилетие ведутся археологические исследования горных городищ. Эти памятники сразу были датированы XII–XIII вв., временем существования Золотой империи чжурчжэней – Цзинь (1115–1234 гг.). Весь обнаруженный археологический материал по всем признакам хорошо укладывался именно в этот период. Единственное, что всегда настораживало исследователей – это небольшой культурный слой на памятниках. Лишь в конце 90-х годов прошлого столетия среди эпиграфических находок были обнаружены новые девизы правления, которые не упоминались в официальных хрониках «Цзинь ши». Позже было выяснено, что они появляются с именем Пусянь Ваньну, с которым были связаны исторические события, развернувшиеся на последнем этапе существования чжурчжэньской империи Цзинь.

Монгольские вторжения в Восточную Азию внесло не только разорение и падение многих династий, но и привело к созданию новых государственных объединений. Таким примером может служить чжурчжэньское государство Восточное Ся, созданное Пусянем Ваньну (1215–1233 гг.). Многолетняя война монголов с Цзинь привела к расшатыванию военной мощи империи и большому успеху монгольской армии на территории чжурчжэньского государства. Этому также способствовали сепаратистские тенденции цзиньских военачальников отдельных областей и округов. При первой же возможности они объявляли о своей самостоятельности, а затем о своем подчинении монголам. Начиная с 1215 г. цзиньский двор контролировал только юг империи, связь с северными территориями была потеряна. Политическая обстановка толкала Ваньну на утверждение себя в качестве самостоятельного правителя подчинявшегося ему района Ляонина и прибрежных островов в Ляодунском заливе. В ноябре 1215 г. он провозгласил себя правителем с титулом «небесного вана» государства Великое Чжэнь и принял свой девиз правления Тянь-тай («Небесное благоденствие»). Тогда же монголы подступили к Ляо-

дуну. Пусяню Ваньну ничего не оставалось, как изъявить им свою покорность, а своего сына Тегэ отправить в монгольскую армию. Этот ход позволил Ваньну по-прежнему оставаться правителем своего владения.

Провозглашение нового государства не укрепило ни политических, ни военных позиций Ваньну, т. к. с юга и севера его владения неоднократно подвергались нападению цзиньских войск, с запада – монголов и киданей во главе с Люгэ, который однажды, воспользовавшись отсутствием Пусяня Ваньну, при поддержке монголов захватил Восточную столицу (совр. Ляоян), пленил жену и других родственников Пусяня Ваньну. Лишившись столицы, находясь во враждебном окружении, Пусянь Ваньну совершает со своим войском, насчитывавшим свыше 100000 человек, переход на восток, в губернию Хэлань (бассейн рек Хайланьхэ и Тумыньцзян в районе современной границы Китая и Кореи) и в дальнейшем в г. Кайюань, провозглашает создание государства Восточное Ся (Дун Ся). В 1223 г. Пусянь Ваньну принимает второй девиз правления Да-тун («Полная гармония», «Великое единение»). Восточное Ся наладило регулярные дипломатические отношения с Корё, вместе с монголами совершало походы против обосновавшихся на территории Корё мятежных киданей (Ивлиев, 1993, с. 8–9). Ваньну заключает в 1219 г. временный союз с монголами, в который предусматривал совместные военные действия против Люгэ. Союз монголов и Восточного Ся свидетельствовал о ловкости и хитрости Ваньну как политика, который на длительное время отсрочил гибель своего государства (Мелихов, 1970, с. 66–69).

Государство Восточное Ся долгое время удерживало свою самостоятельность, и только победы монголов в Корее 1231–1232 гг. создали все предпосылки для его уничтожения. Угэдэй весной 1233 г. принял решение об уничтожении Восточного Ся, а в октябре был совершен монгольский поход, возглавлявшийся принцем Гуйю и другими полководцами. Внезапный бросок отборных монгольских войск к границам Вос-

точного Ся и ее стремительный натиск положили конец 19-летнему существованию этой страны. Монголы окружили Южную столицу Чэнцзышань, где в этот период оказался Пусянь Ваньну, и, несмотря на отчаянное сопротивление, город вскоре пал. Ваньну был пленен (Мелихов, 1970, с. 71–72).

Пусянь Ваньну, создав новое государство, закрепляется на землях, которые ранее входили в состав империи Цзинь. Государство Восточное Ся занимало долины рек Муданьцзян, Туманьцзян (Туманная), Суйфэньхэ (Раздольная), на севере доходило до Сунгари. На западе его территории простирались до уезда Люхэ и города Цзилинь. На юге границы доходили до южных пределов провинции Хамгён и побережья Восточно-Корейского залива, на востоке – побережье Японского моря (Ивлиев, 1993, с. 13).

Новые археологические и, в первую очередь, эпиграфические открытия на территории Приморья дают подтверждение тому, что многие горные городища относятся ко времени правления государства Восточное Ся. Время существования этих городов недолгое, чем и объясняется небольшой культурный слой на этих памятниках. В этот период Приморье опять становится ареной больших исторических событий. Политическая и экономическая жизнь на этой территории получает новый всплеск, который хорошо прослеживается по археологическому материалу. Появляется большое количество городов – крепостей, готовых к обороне от монголов. Сложная фортификационная система, большое количество ядер у крепостных стен должны были защитить их от нападения.

В настоящий момент на территории Приморья насчитывается 30 горных городищ, которые датируются временем существования государства Восточное Ся. На этих памятниках прослеживаются фортификационные особенности, характерная внутренняя планировка, благодаря чему нам удалось выявить функциональное назначение некоторых городов. Площади этих памятников разные, находятся в пределах 180 га – 2 городища, 70–75 га – 2, 20–40 га – 15 и до 10 га и более – 10 (табл. I). При возведении городов-крепостей прослеживаются определенные традиции. Учитывая довольно сложные географические условия Приморья, – сильно пересеченная горная местность, а также существование по соседству горных укреплений Корё, наследовавших традиции когурёской фортификации, чжурчжэни вырабатывают свою систему горно-равнинных укреплений (Воробьев, 1968, с. 61). Крепость строили на горном отроге, который контролировал, прилегающую долину, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защи-

ты. Внутри горного отрога чаще всего находился распадок, позволявший следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. Это позволяло применять правильную тактику в конкретный момент боя, способствовало захвату инициативы в свои руки. С трех сторон городище чаще всего защищено крутыми горными склонами. Местность выбиралась с учетом военной топографии – поля и река, омывающая с трех сторон городище, являющиеся важными коммуникационными элементами.

Валы на городищах насыпались земляные, при помощи чередования слоев, но прослежены и валы, сделанные из плотно уложенных камней. Стены крепости сооружались с учетом отвесности скал, что устраняло необходимость возведения двойных стен и рвов. Высота валов в наиболее уязвимых местах достигала высоты до 3–5 м.

Оснащением, примыкающим непосредственно к крепостным стенам, являются ворота. Их количество зависело от размеров памятника, но обязательно строились центральные ворота и дополнительные. Первые всегда парадно оформлены в виде Г или П-образной ловушки, вторые представлены разрывом между валами. Объединяет их один принцип постройки – все они как бы втянуты во внутреннюю сторону крепости и являются шлюзами для вывода сточных вод за пределы поселения.

Крепостные валы для большей обороноспособности укреплялись башнями, которые, скорее всего, нужно называть ронделями – полукруглыми выступами, выходящими на внешнюю сторону вала, имеющие назначение фланкировать подступы к стенам. Они прослежены на всех горных городищах Приморья, за исключением Красноярского. Здесь назначение ронделей могли исполнять повороты вала. На Шайгинском городище зафиксированы повороты валов в виде П-образных внешних выступов шириной 10 м. Они имели функции барбетов – площадки для катапульты. В наиболее слабых для обороны местах чжурчжэни сооружали дополнительные линии полевых укреплений – реданы, имеющие форму, выступающих наружу С-образных валов.

В фортификационном отношении чжурчжэньские городища являлись крепостями, подготовленными к обороне от противника. Хорошо видно, что они возводили по заранее намеченному, строго определенному плану и строились единым государственным актом, а не складывались исторически, как это обычно имело место при градостроительстве.

Горные городища государства Восточного Ся имели свои характерные особенности внутренней застройки: а) *внутренний город*, – участок земли различной площади и произвольный в плане, обнесенный небольшим валом; б) *редут* – четырехугольное укрепление, площадью 20 x 20 м, углами ориентировано по сторонам света, с одинаковой внутренней застройкой – ставка военачальника; в) *жилые участки*, расположение которых зависело от вышеперечисленных объектов. Жилища располагались рядами, группируясь в кварталы; г) *дороги*, которые соединяли разные участки городища, и, возможно, служили одновременно границами для разделения городища на кварталы по профессионально-социальному признаку жителей; д) *водоёмы*. Внутренняя застройка города полностью зависела от рельефа местности.

В настоящий момент, используя вышеперечисленные признаки горных городищ, можно достаточно четко определить и датировать известные памятники, находящиеся на территории Приморья. К более сложной задаче относится определение функций этих городов.

Известно, что в Восточном Ся существовало три столицы: Верхняя, Южная и Северная. Местонахождение Северной столицы пока точно не установлено, хотя есть ряд косвенных доказательств в пользу ее идентификации с горным городищем Чэнцзыхоушаньчэн близ озера Цзинбоху в уезде Нинъань провинции Цзилинь (Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990, с. 185). Южная столица отождествляется с горным городищем Чэнцзышань, расположенным в 10 км на восток от города Яньцзи на юго-востоке провинции Цзилинь. Местонахождение главной – Верхней столицы – города Кайюань большинство, занимающихся этим вопросом исследователей, связывают с Красноярским городищем (рис. 1). К доводам китайских историков и археологов, в основном базирующихся на материалах исторической географии и эпиграфических материалах из Северо-Восточного Китая, сейчас добавились эпиграфические материалы Красноярского городища. Здесь обнаружены печать Еланьского мэнъяня, сделанная в 7-м году «Тянь-тай» (1222 г.) (рис. 2) и девятнадцать эталонных весовых дисков с датой выпуска «7 год Да-тун» (1230 г.) (рис. 3), т.е. с девизами правления Пусяня Ваньну. Огромная площадь Красноярского городища, наличие большого внутреннего города, внутри которого находился запретный город и административные кварталы со зданиями колоннадного типа под черепичной крышей, дают основания идентифицировать это городище Верхней столицей государства Восточное Ся – г. Кайюанем.

Кроме столичных городов в государстве Восточное Ся существовали областные, уездные города. К таким городам можно отнести Шайгинское городище (рис. 4). Это средневековый город с многочисленным населением и вместе с тем крупный административно-хозяйственный центр, вполне возможно, со столичным статусом. На памятнике были обнаружены находки с девизами правления Пусяня Ваньну – чашечка от весов безмена, датируемая вторым годом эры правления Да-тун (1225 г.) и три гирики весом десять цяней (1230 г.) (рис. 5). На памятнике выявлены редут, большой квартал чиновников, два внутренних города и запретный город, мастерские. Нами сейчас раскопано 287 жилищ – это около 2/3 площади городища. Таким образом, можно предположить, что на городище существовало около 400 жилищ. Возможно, это соответствует мэнъянь времени Восточного Ся. Высокий статус Шайгинского городища подтверждают эпиграфические материалы, обнаруженные на этом памятнике: печать чжичжуна – чиновника, ведавшего организацией экзаменов в столичных городах, серебряная пайцца уполномоченного посланца императора, выпущенная в Восточном Ся и большое количество бронзовых, каменных, железных печатей чиновников. По этим данным Шайгинское городище явно имел функции столичного города.

В некоторых уездах и пограничных областных центрах имелись пограничные ведомства и управления. На территории Приморья многие городища могли иметь функции крепостей – военных гарнизонов, в которых размещались моукэ. Небольшие по площади городища, такие как Лазовское, Ананьевское, Екатерининское, Зареченское, Известковая Сопка, Дубовая Сопка, Шкляевское, Константиновское (рис. 6; 7; 8), скорее всего, относятся к военным поселениям – моукэ, с военно-сторожевыми функциями. Все эти поселения были связаны между собой не только административным соподчинением, но и дорогами, пересекающими губернию Сюйпинь, в которой находился Еланьский мэнъянь, во всех направлениях, соединяя наиболее важные центры. Неудивительно, что многие городища находятся на местах стратегического значения – горных перевалах, хорошо выделяющихся среди долин сопках, возле больших рек, очевидно, на пересечении дорожных трактов. Остатки древних дорог хорошо прослеживались еще в прошлом веке в районе Уссурийска. Они связывали Верхнюю столицу государства Восточное Ся с югом Приморья, а на западе – с одной из столиц Цзинь, возможно, с Шанцином. Верхняя столица Восточного Ся, несомненно, соеди-

нялась дорогой с Хуйнинфу, бывшей Верхней столицей Цзинь. После 1215–1217 гг. Цзинь уже не контролировала Хуйнинфу, а после 1218 г. бывшая Верхняя столица Цзинь принадлежала Восточному Ся (Ван Шэньжун, Чжао Минци, 1990, с. 139–143). Дорога уходила также на северо-восток и на север, где сейчас обнаружено много чжурчжэньских городищ.

Несмотря на разное функциональное значение городов, исследованных на территории Приморья, всех их объединяет одна городская культура, оставленная очень талантливым и искусным народом. Объединив вокруг себя разные этносы, чжурчжэни создали свои собственные традиции, свою самобытную культуру, которая продолжала существовать и после гибели империи, а с продвижением монголов на запад — была унаследована в почти неизменном виде многими народами Евразии.

Рис. 1. Красноярское городище. План.

Литература

Ван Шэньжун и Чжао Минци. «История Восточного Ся». Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ (перевод с кит. яз. А.Л. Ивлиева). 1990.

Воробьев М.В. Городище чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады Географического общества СССР (этнография). Л.: Изд-во ГО СССР. Вып. 5. 1968. С. 60–73.

Ивлиев А.Л. Изучение истории государства Восточное Ся // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток: ДВО РАН, 1993. С. 8–17.

Мелихов Г.В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.: Наука, 1970. С. 62–84.

Рис. 2. Печать Еланьского мэньбяня, сделанная в 7-м году «Тянь-тай» (1222 г.)

Рис. 3. Эталонные весовые диски с датой выпуска «7 год Да-тун» (1230 г.)

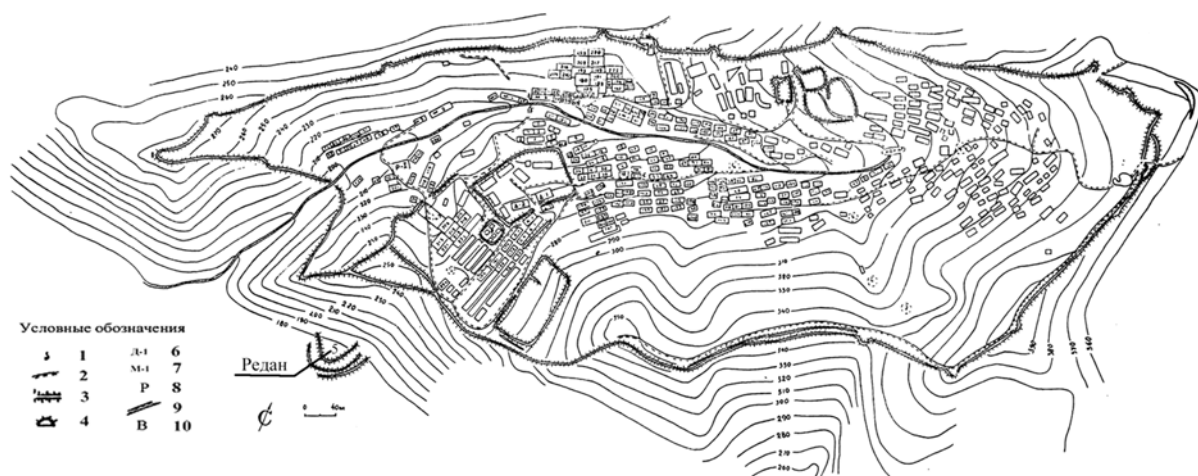
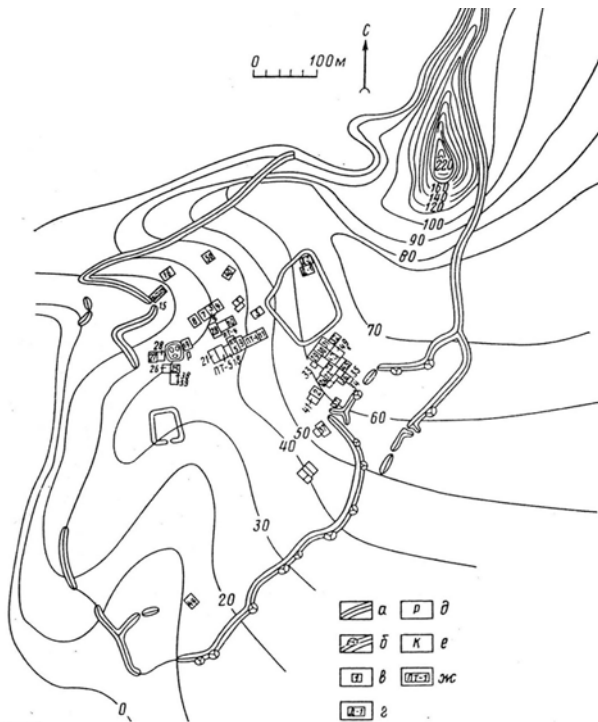

Рис. 4. План Шайгинского городища.

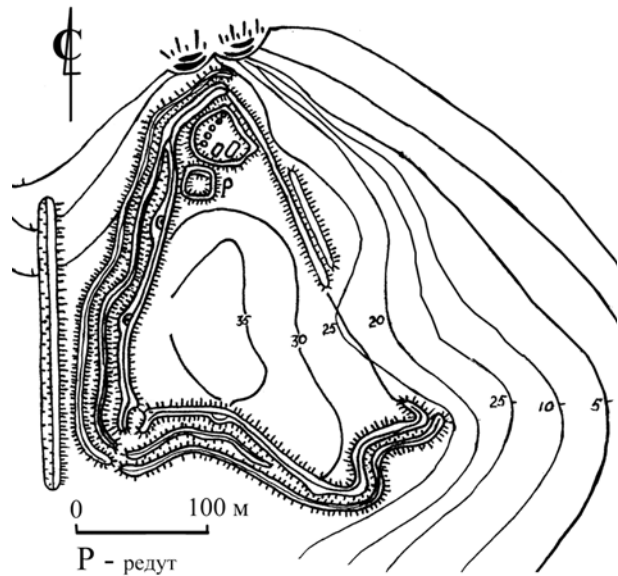

Рис. 5. Шайгинское городище. Гирьки весом десять цяней (1230 г.).

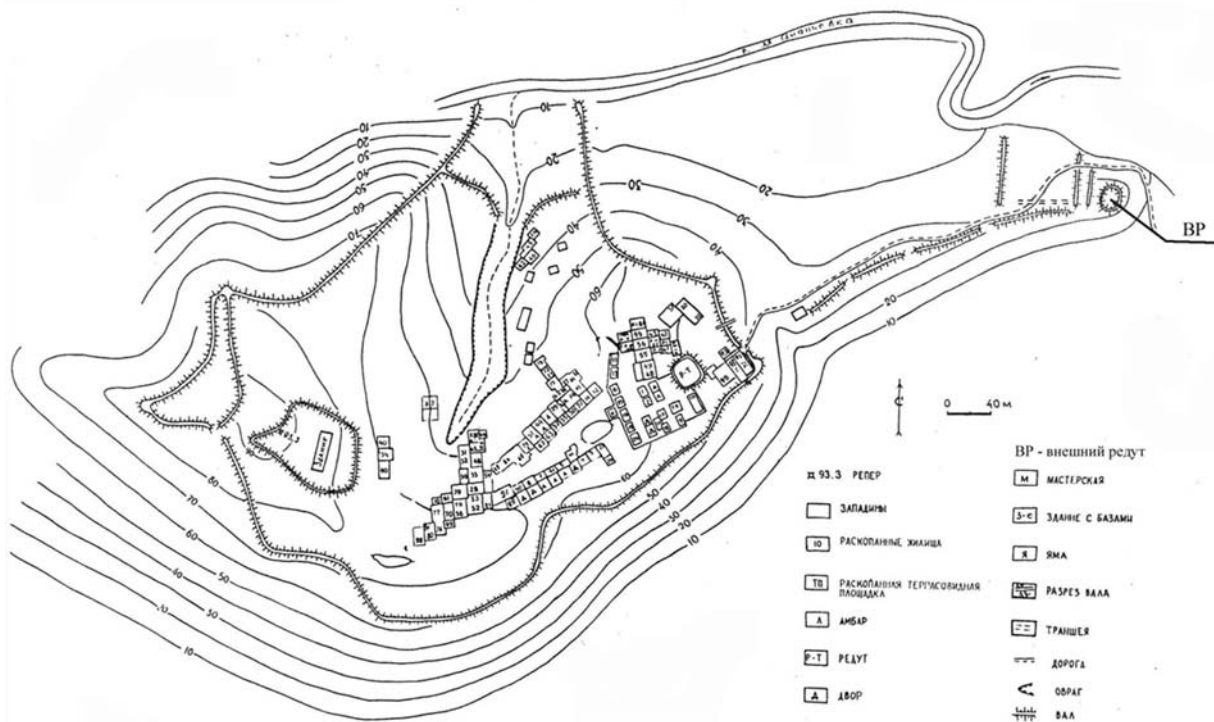

Рис. 6. План Лазовского городища. а – вал, б – башня, в – раскопанные жилища, г – здание дворцового типа, д – «редут». е – завал камней, ж – пустая терраса

Рис. 7. План Константиновского городища.

Рис. 8. План Ананьевского городища.

Игорь Волков

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва

МАССОВАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ: ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Глиняный черепок издревле был символом того, что ничего не стоит, противопоставлением золоту. Драгоценности – предмет фетишизма не только людей далеких от археологии, но именно глиняные черепки часто оказываются бесценными. Благодаря массовости они позволяют сравнивать памятники разного типа, поскольку дорогие художественные вещи непригодны для сравнения столиц и погребений знати с рядовыми могилами и сельскими поселениями.

Даже в пределах одного памятника, такого, как столицы Золотой Орды, для получения обоснованных выводов более надежен именно массовый материал. Здесь на 1 профильный фрагмент приходится 20–30 стенок, но если попадание в комплекс одного профильного фрагмента может быть случайно, то попадание 20–30 стенок – нет. Приблизительно по мере удорожания предметов так же нарастает вероятность случайности внутри находок поливной керамики, предметов из черного и цветного металла. Само преимущество массовой керамики как источника заключается в том, что он постоянно пополняется и может быть исследован по видимым признакам, которых много.

Тем не менее, как говорил покойный Борис Александрович Колчин, КПД керамики в археологии – такой же, как у паровоза, 7%. В действительности этот коэффициент еще ниже. Казалось бы, стоит применить какой-либо из статистических или естественнонаучных методов, и результат будет достигнут. Увы, интерпретация их результатов куда сложнее, чем данных обычных археологических источников. Даже на подготовительном этапе в первую очередь требуется правильная визуальная атрибуция находок.

По количеству публикаций в несколько лучшем положении оказывается поливная керамика, но это только иллюзия. Самые распространенные и читаемые работы связаны вообще не собственно с керамикой, а с исследованием техник нанесения орнамента и стилей росписи. Во втором случае часто это искусствоведческие работы, далекие от науки, и даже от такой ненаучной области знания, как искусствоведение.

Классический пример – недавние работы М.Г. Крамаровского о кашинной чаше (или кубке, в этом принципиальной разницы нет) (рис. 1: 1) в технике «минаи» (Крамаровский, 2005; 2007), которые в целом соответствуют первому закону Мерфи – «Если что-то можно сделать неправильно, то техники непременно так и сделают». Удалось превзойти закон Мерфи и сделать неправильно даже то, чего неправильно сделать нельзя, например, назвать глазури кашинной керамики свинцовыми, что противоречит всем имеющимся классификациям.

Притягательность искусствоведческого подхода заключается в том, что приходится рассматривать изображения и сравнивать их с другими изображениями, а не с самой керамикой. Увы, орнаменты и сюжеты росписи являются признаками самыми приспособительными, а не субстратными, и они меньше всего характеризуют родство происхождения предметов. Хотя несостоятельность искусствоведческого подхода к атрибуции упомянутой чаши из Азова уже рассматривалась (Волков, 2006), этот пример очень удачен для иллюстрации. По технологии кубок не имеет ничего общего с китайской керамикой цы-джоу, за исключением того, что и то, и другое является посудой с глазурью. Напротив, техника является безусловным заимствованием из Персии, как и набор красителей для росписи. При этом сами изображения в значительной части являются заимствованием из Китая, но не из керамики. Посуда цы-джоу с красно-зеленой росписью в Золотую Орду вообще не поступала, не известны ее находки и в Персии, а для заимствования нужен все же массовый импорт. Китайская керамика цы-джоу с коричневой росписью, напротив, встречается почти в каждом раскопе на городищах столиц и даже в эмирских городах, но нет ни одного случая подражания ей в местной керамике.

Все же минимальное количество элементов росписи, заимствованных в кашинную керамику в целом из китайского фарфора и селадона, которые поступали на территорию западных монгольских государств регулярно, есть. Во-

первых, это лепестки лотоса на внешней стороне чаш, которые в отечественной литературе долго именовали «арочным орнаментом», и стоило больших усилий внедрить хотя бы отчасти их исходное название. Во-вторых, это изображения лотосов, регулярно встречающиеся и на фарфоре и селадоне (рельефные, гравированные), и на кашинной керамике (с выделением цветом). Кстати, сами китайцы называют эти цветы древовидными пионами (Китайская, 1990, с. 13–14, рис.), а у нас распространился западноевропейский вариант интерпретации. Но если в первом случае мы имеем дело с гарантированным заимствованием из керамики (это обусловлено самой формой сосудов), то во втором случае заимствование могло быть сделано из тканей, служивших вплоть до нового времени основным распространителем орнаментов и сюжетов. Таких цветов, как и фениксов, на импортных китайских тканях (рис. 2: 1) и украшенных по китайским прототипам – множество (Доде, 2001, с. 122, рис. 4; 2005, с. 140, рис. 2). Но важнее другое: оба эти элемента в персидской кашинной керамике появились раньше, чем в золотоордынской. Обращаю внимание: речь идет о технологии кашинных изделий, которую керамической можно назвать только условно, поскольку формовочная масса на 9/10 состоит из неглинистых материалов, а изделия литые, сделанные без применения гончарного круга. Наложение золотой фольги – вообще техника, использование которой на текущий момент известно только в Персии и Золотой Орде, причем сначала в первой, а затем во второй. Естественно, произошло заимствование сложной технологии (а не изобретение ее заново), причем всех составляющих. Особенность золотоордынской кашинной керамики состоит только в использовании местного сырья, но даже пигменты могли быть привезенными из Персии. Например, китайское производство фарфора с росписью кобальтом шло с использованием исключительно импортированного из Персии красителя (Арапова, Рапопорт, 1971, с. 35).

Единственная зацепка для отнесения азовской чаши к золотоордынскому, а не персидскому производству – это традиционная датировка изделий «минаи» в западной литературе временем не позднее XIII в. Датировка обусловлена тем, что западноевропейские исследователи керамики ориентируются не на материалы профессиональных раскопок, а на грабительские находки. Датировать их приходится исключительно по подписям с датами. Такие находки единичны и не дают целостного представления о времени использования технологии (Масленицына, 1971, с. 201–205). Сооб-

щение же ал-Кашани о том, что к началу XIV в. техника росписи «семи цветов» (она же в лексике антикваров – «минаи») вышла из употребления, находится в противоречии с данными других источников об ее использовании (Волков, 2006, с. 411).

Именно на чаше из Азова есть и элемент орнамента, заимствованный из китайской керамики без посредства тканей или орнаментов на прочих материалах. Это бело-синяя роспись вокруг ножки (рис. 2: 3), однозначно повторяющая орнаменты бело-синего фарфора «цинхуа» (Китайская, 1990, с. 13–14), главного новшества китайской продукции второй половины XIV в. (рис. 2: 2), поступавшего в Золотую Орду и вплоть до всего Восточного Средиземноморья в больших количествах. Копировали такую роспись везде, а в Золотой Орде к концу XIV в. производство этой «тимуридской» керамики стало массовым. Во всей западной части государства достоверные свидетельства ее изготовления (как и кашинной керамики вообще) есть только в двух городах-столицах – Селитренном (Сарай) и Царевском (Сарай ал-Джедид). (Недокументированные сообщения о местном производстве кашинной керамики в Маджаре, на Колобовском поселении и даже в Азаке – результат недоразумений). Примечательно, что среди находок на золотоордынских городищах Поволжья не известно ни одного случая сочетания аналогичной бело-синей и полихромной росписи в технике «минаи», хотя их находок по отдельности – много. При этом кашинная «тимуридская» керамика с бело-синей росписью встречается в Поволжье только с монетами 1390-х годов (Булатов, 1969, с. 5), что означает появление ее более чем на два десятилетия позже рассматриваемой чаши. Следовательно, это еще один аргумент в пользу того, что азовская чаша 1350–1360-х годов – импорт из Персии: собственно золотоордынской кашинной керамики с бело-синей росписью в это время еще не было. Аналогичное заимствование росписи «цинхуа» присутствует и на сосуде в технике «минаи» из Сарайчика (Тасмагамбетов, Самашев, 2001). У сарайчикской находки есть еще один показательный признак, не встречающийся на нижевольтской продукции. Надглазурная надпись с датой выполнена красно-коричневой эмалью, использовавшейся обычно для окантовки накладной золотой фольги. Все надписи на «минаи» Нижней Волги – исключительно белые с черной окантовкой на зеленом фоне (Носкова, 1972, с. 180). Следовательно, наиболее вероятно, что это тоже импорт из Ирана, а надпись с датой свидетельствует о времени бытования техники в Персии.

Как видите, «арифметика» определений очень проста, а характеристики типа «неповторимая игра цветов», «органично смотрится» или к примеру: «В результате полихромный рисунок приобрел почти аппликативную жесткость, повышенную яркость и новую экспрессию» (Крамаровский, 2007, с. 184) в действительности не имеют полезного смысла, пригодного для получения исторической информации.

Часто не лучше выглядят и «исследования», по форме совершенно научные. Например, защищенная в 2006 г. диссертация В.И. Перевозчикова – это идеальный памятник наукообразного шарлатанства. Если не вдумываться в смысл работы, то все выглядит пристойно: множество таблиц с результатами определения водопоглощаемости, рентгено-спектрального флуоресцентного анализа, цифры и описания, какая-то интерпретация, но оказывается, что красноглиняная керамика на пятую часть состоит из железа, а глазури – более чем на 80% из свинца, в элементных выражениях, что принципиально невозможно (Перевозчиков, 2006). Но дело не только в квалификации и порядочности. Многое зависит от используемых методов и подходов. Преимущество видимых на глаз признаков заключается в том, что по ним можно анализировать комплекс в целом, а не выборочные предметы. Но этому надо учиться на примерах.

Развитие знаний в области изучения керамики все же идет. Еще 20 лет назад неполивную красноглиняную керамику золотоордынских городов вообще рассматривали как единую местную группу. Для неполивной вообще выделяли 3–4 группы, включая сюда сероглиняную «хорезмскую» и древнерусскую, красноглиняную ангобированную предположительно армянского происхождения. Поливная керамика была исследована чуть больше, но не намного. Сама классификация шла иным путем – по техникам нанесения орнамента. В результате, как одно и то же расценивалась продукция мастерских, разделенных сотнями километров, с существенными отличиями технологии в целом, если у них совпадает техника нанесения орнамента.

В настоящее время уверенно выделяется около полусотни групп (это сдвиг, произошедший менее чем за два десятилетия). Конечно же, стали определяться группы, легкие для выделения: продукция больших городов и регионов. Но если массовый материал будет храниться, а его исследование пойдет хотя бы с прежними темпами, то можно рассчитывать на удвоение числа выделяемых групп через такой же период. В процессе может решаться и образовательная задача. Поскольку количество не рассмотренных тем для учебных и квалификационных

работ сокращается, их выбор не всегда прост. Массовая керамика предоставляет почти неограниченное их количество.

Основные задачи, решаемые с помощью массового керамического материала, сводятся к следующему:

1. Чисто прикладная – синхронизация комплексов при раскопках, особенно в тех случаях, когда культурный слой срезан, переотложен, распахан или просто недостаток профилей и плохая видимость слоев не позволяют сделать это с помощью стратиграфического анализа. Именно в этом случае наиболее важен массовый рядовой материал, поскольку склеиваемость всего 2–3 фрагментов от одного сосуда из разных комплексов еще не является показателем одновременности их засыпки – требуется больше.

2. Построение дробной хронологии памятников на основании соотношения групп импорта даже в тех случаях, когда эволюция самих вещей не фиксируется. Поскольку «фон импортов» очень живо реагировал на изменения конъюнктуры рынка, обусловленные политическими и экономическими факторами, а для одного региона он приблизительно постоянен, по соотношению разных групп массовой керамики в комплексах можно строить относительную и абсолютную хронологию.

3. Выяснение уровня развития коммуникаций и степени связи между отдельными территориями в прошлом. Поскольку большая часть керамики повседневного пользования перемещалась не как товар, а как предметы, сопровождающие путников, на основании статистики находок возможно получать данные об относительном количестве переездов между пунктами. Особенность именно золотоордынских городов состоит в том, что фиксируемые слои, за редким исключением, относятся к очень короткому периоду от 3 поколений (максимально) до 1 (Шехр ал-Джедид, 1350–1360-е гг.). Продукцию одного и того же мастера можно встретить на памятниках, разделенных сотнями километров, что объясняется хронологической близостью находок. Даже хумы с клеймом одного мастера встречены на Водянском, Царевском, Селитренном и Сарайчикском городищах, хотя их вес с содержимым должен был составлять порядка тонны. Поэтому рассуждения о том, что в прошлом «было выгоднее импортировать не керамику, а производство», которые можно было услышать еще недавно, должны быть отброшены.

4. Характеристика демографических и миграционных процессов в прошлом. Здесь степень полноты решения меньше, поскольку преимущественно оценивается происхождение участников производства.

Обе последние задачи решаются только после определения происхождения всех фрагментов керамики, получаемых при раскопках. Вполне очевидно, что полная характеристика набора импортов (особенно ближних) не будет сделана никогда. Во всяком случае, наши знания будут постоянно уточняться. Для их проверки необходимо проверять выводы по материалам возможно большего числа раскопов. Единственный способ сохранить возможность такой проверки – хранить массовые коллекции вечно.

5. Развитие традиционных технологий керамического производства и освоение природных ресурсов в прошлом. Для решения этой проблемы источником являются наименее пригодные для хранения в традиционных музеях материалы: бракованные изделия, полуфабрикаты, запасы минерального сырья, сырцовый кирпич, пробы грунта и т.п.

Но как раз решение этих проблем и проходит с КПД паровоза. Почему? Просто потому, что без специальной подготовки нечего сказать о простом черепке: это просто предмет неправильной формы, хотя он и обладает бесконечным числом признаков. В результате для восприятия археологами рядовых фрагментов керамики вполне подходит выражение пленных китайцев в западной части Монгольской империи: «Все западные народы слепы, и только у греков есть один глаз». Целый сосуд, предмет вооружения, ювелирное изделие позволяют пользоваться методом аналогий, и даже простой историографический обзор в связи с одной находкой может составлять несколько страниц. Поэтому поразительно привлекателен искусствоведческий подход: работы немного, а поэтические тексты уровня беллетристики создаются легко.

Во-вторых, керамике не учатся по книгам, хотя и их читать тоже необходимо. Здесь современное ремесло археолога очень похоже на гончарство прошлого: «научение в этой области происходит только путем непосредственного контакта мастера и ученика (Бобринский, 1978, с. 242). Пожалуй, это самое цитируемое место монографии А.А.Бобринского, привлекаемое даже людьми, не понимающими проблем. Но исключения из этого правила неизбежны, поскольку всякое производство развивается. Как были мастера, не только копирующие отработанную технологию, но и развивающие ее, осваивавшие новое сырье, так и современные исследователи находят свои методы и подходы. Но более эффективный путь – иметь возможность непосредственного контакта со «старыми» археологическими источниками и их исследователями, и самостоятельно находить и решать проблемы.

Поэтому хранение массового материала дает еще одно существенное преимущество: возможность обучать студентов и коллег на конкретном материале. Если этого не делать, то каждый новый исследователь керамики будет обречен на самостоятельное прохождение этапа выделения уже выделенных групп, а больший тормоз для развития науки в этой области трудно себе представить.

Для практической работы и обучения необходимо делать сравнения на конкретных образцах с разных памятников. Найти все сразу каждому преподавателю невозможно.

Огромные возможности в этом направлении уже упущены. Многие кубометры керамики из раскопок ПАЭ в столицах Золотой Орды утрачены. Приблизительно так же обстоят дела с материалами из Болгар и множества других памятников. Но что было допустимо в 1960–1980-х годах, совершенно недопустимо сейчас.

И сейчас еще значительная часть рядовой керамики хранится на археологических базах, в исследовательских отделах, вузах (чаще всего не имеющих своего музея) и просто в случайных подсобных помещениях. У археолога не поднимается рука выбросить их, но и сдать их некуда, и для использования недостаточно пространства.

Проблему хранения и использования массового археологического материала из раскопок больших городищ (вне зависимости от места, времени, археологической культуры, страны, где эти городища находятся) легче всего решить в рамках археологического музея-заповедника. Исключение составляют только те случаи, когда раскопки производятся нерегулярно или очень небольшими площадями. Неизбежная утрата этого материала постоянно приводит к невозможным потерям информации, которая важна для решения исторических и иногда технологических задач. Для золотоордынских городов такой заповедник пока не создан (если не считать Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника в Татарстане, и заповедника Селитренное городище, филиала Астраханского музея), но они пока не приспособлены для хранения всех находок керамики даже с этих памятников. Организация его (или создание условий для хранения массовых находок многих памятников в имеющихся заповедниках) представляется крайне актуальной.

Поэтому целесообразно охарактеризовать те условия, которые имеются на текущий момент, и те, которые должны быть соблюдены. При этом золотоордынские города не являются исключением: те же самые вопросы возникают при хранении и последующем изучении массового

материала городов Древней Руси, Волжской Булгарии, поселений салтово-маяцкой культуры, меотских городищ и т.д.

Имеющиеся государственные музеи не приспособлены к хранению массового материала, в первую очередь, из-за унифицированных регламентированных норм хранения. В редких случаях, когда какому-либо музею нужно быстро увеличить численность единиц хранения, по нормам могут принять до нескольких сот или даже тысяч фрагментов керамики в основной фонд. Затем керамические коллекции неизбежно становятся обузой. Кадры музеев не в состоянии фиксировать массовый материал в карточках, паспортах и даже описях, что вообще-то не очень нужно практически, но требуется по инструкциям (полноценно описывать фрагменты керамики могут только единицы или десятки специалистов). Коллекции эти занимают много места. Это неизбежно провоцирует выброс коллекций, который рано или поздно происходит. Это касается и тех мест, где все на текущий момент выглядит благополучно, особенно если это ведомственные хранилища. Необходимость освободить помещение, переезд в новое здание, смерть автора раскопок и подобные обстоятельства делают ситуацию непредсказуемой. Многие музеи просто не принимают массовую керамику.

В результате археолог находится в безвыходной ситуации: от него требуется сдать коллекции в музей, а музеям они не нужны. Провести склейку всех фрагментов стенок из городского раскопа за одно межсезонье практически невозможно. Если раскопы разных лет расположены рядом, то выброс стенок на промежуточных этапах исключает возможность их склейки в будущем.

Хранение массовых находок в больших городах – дорого. Причина не только в высокой арендной плате за помещения. Массовый материал понятен и нужен, в первую очередь, исследователям, а не посетителям музеев. Его экспозиционная ценность обычно невелика, вернее, для того, чтобы этот материал получил существенную роль в экспозициях, в музеях обычно нет достаточно квалифицированных кадров. Главная цель хранения массового керамического материала – обеспечивать свободный доступ к нему специалистов-археологов, которые в большинстве случаев будут приезжими. Стоимость их проживания в большом городе во время исследований – также существенная помеха достижению общей цели. Кроме того, в городских музеях исследователь сильно зависит от режима работы и наличия хранителя на месте. Известные события в Эрмитаже на неопре-

деленное время существенно затруднили доступ исследователей во все большие музеи.

Концентрация коллекций и эталонных образцов с разных памятников в одном месте избавляет от множества поездок в разные города каждого конкретного заинтересованного исследователя и обучающегося. Обозначенные научные проблемы могут быть решены только при комплексном исследовании материалов с синхронных городищ, расположенных в разных краях и областях России. Поэтому целесообразно создать один музей-заповедник, специализирующийся на определенном периоде, для хранения массового материала из раскопок на территориях нескольких субъектов Федерации.

Городища Золотой Орды в большинстве своем представляют собой уникальные природные территории, которые нуждаются в самостоятельной охране. Эту функцию легче осуществить при объединении усилий лиц, охраняющих археологическое и природное наследие на одной территории. Изучение традиционных технологий лучше проводить поблизости от традиционных источников сырья.

Раскопки больших городищ продолжаются и в настоящее время, хотя бюджетное финансирование раскопок почти прекращено. Продолжаются охранные раскопки городищ, обычно спешные и широкомасштабные, при которых ущерб массовому материалу максимален. В любом случае, основной причиной выбрасывания массового керамического материала является невозможность сдать его в имеющиеся музеи.

Изложенные факты позволяют охарактеризовать те признаки, которыми должен обладать музей-заповедник.

1. Он должен находиться поблизости или даже на территории одного из городищ (само городище должно быть охраняемой территорией). В любом случае сельская местность предпочтительнее. Здесь здания менее привлекательны для властей, а командировочному исследователю для жизни вполне достаточно спального мешка.

2. Он должен быть хранилищем с более упрощенными нормами хранения массового материала, чем в обычных государственных музеях. Достаточные условия хранения предельно просты, поскольку максимальный возможный ущерб – утрата шифра, если он нанесен на плохо помытый черепок. Но даже этого не произойдет, если керамику хранить всего лишь под крышей. Ангар или легкий павильон вполне подходит. Для уже склеенных сосудов достаточно неотапливаемого помещения. Здесь не требуется особо строгий учет, не надо относиться к черепкам так же, как к золотому потиру. Если на любые экспери-

менты взята пара черепков, но остался один такой же, этого достаточно. Если из фрагментов удалось склеить профиль или значительную часть сосуда, но остались не подблюдающиеся его же фрагменты – их с легкостью можно использовать для любых анализов.

3 Он должен иметь небольшую экспозицию, лишь дополняющую сам объект природного и культурного наследия (городище).

4. Он должен быть местом, где бы изучались и, по возможности, восстанавливались традиционные технологии.

5. Он должен служить, в первую очередь, исследователям, которые имеют дело с этим массовым материалом: в музее должна проводиться подготовка хранителей и сотрудников тех государственных музеев, которым приходится иметь дело с аналогичным материалом, студентов близкой специализации. Это должен быть «музей для музейных сотрудников», поскольку именно от их знания этого материала и будет зависеть степень использования массовых коллекций.

Эти общие положения позволяют наметить наиболее удобные места для создания заповедника, где бы решалась задача сохранения массового керамического материала из раскопок большинства золотоордынских городов Южной России: Селитренное или Царевское городища. Первое предпочтительнее, поскольку на нем уже ведется создание заповедника. Надо только расширить его функции.

Скептики могут заметить, что создание такого заповедника в настоящее время – дело слишком дорогое и нереальное. Но без такого заповедника с хранилищем постоянная утрата целой серии объектов наследия обходится еще дороже. Обращаю внимание: альтернатива состоит не в том, пользоваться ли старыми музеями или создавать новый. Если была бы возможность хранить массовый материал в имеющихся музеях и эффективно им пользоваться, то сама проблема была бы надуманной, и уж во всяком случае, не была бы столь острой. Проблема состоит в том, что объективно мы стоим перед выбором только из двух действий: хранить в специальном месте или выбрасывать (или закапывать, что почти синоним) массовый материал. Во втором случае глубина исследований будет всегда находиться приблизительно на том же уровне, что и сейчас. Для простой характеристики слоя памятника будет требоваться проведение новых раскопок, а выявить отличия между массовым материалом старых раскопок и остальной части памятника будет принципиально невозможно. Вести обучение новых кадров также будет сложнее. Поэтому не стоит

обращать внимание на неизменный аргумент: «Так всегда делали». Что же касается вынужденных затрат, то они ничтожны в сравнении с проведением новых раскопок, а самое главное – безвозвратной утратой части археологического наследия. Стоимость возведения ангара в сельской местности и отправки контейнеров с ящиками с керамикой за много лет стоят не дороже, чем проведение одной экспедиции или одной конференции.

Литература

Арапова Т.Б., Рапопорт И.В. К истории культурных связей Ирана и Китая в XVI – начале XVIII вв. (по материалам керамического производства) // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конф. (1969 г.). М., 1971.

Белинский И.В., Масловский А.Н. Некоторые редкие импорты поливной керамики Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Ялта 25–29 мая 1998 г. Симферополь, 1998.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.

Булатов Н.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1969.

Волков И.В. Об определениях керамики и азовском сосуде в технике «минаи» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов, 2006.

Китайская керамика и фарфор. Пекин, 1990.

Масленицына С.П. К атрибуции двух чаш «минаи» из коллекции ГМИНВ // Искусство и археология Ирана: Всесоюз. конф. (1969 г.). М., 1971.

Доде З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.

Доде З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. 2005. № 2.

Крамаровский М.Г. Алые пионы Эдема. О полихромии в керамике Золотой Орды XIII–XIV вв. // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005.

Крамаровский М. Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань, 2007.

Масленицына С.П. К атрибуции двух чаш «минаи» из коллекции ГМИНВ // Искусство и

археология Ирана: Всесоюз. конф. (1969 г.). М., 1971.

Носкова Л.М. Поливной архитектурный декор из Сарая-Бату (Селитренное городище) // СА. 1972. № 1.

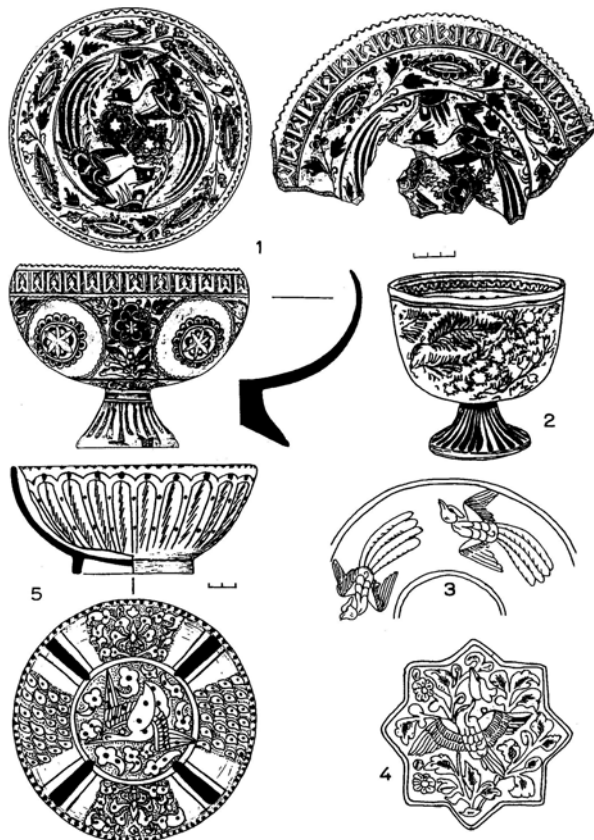
Перевозчиков В.И. Гончарное ремесло золотоордынского Азака. XIV в. (Опыт комплекс-

ного исследования технологии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. Алматы, 2001.

Lane A. Later Islamic pottery: Persia, Syria, Egypt, Turkey. London, 1971.

Watson O. Persian lustre ware. London, 1985.

Рис. 1. Аналогии, показывающие сходство азовского сосуда с персидской продукцией. 1 – Азовский сосуд «минаи» (Белинский И.В., Масловский А.Н., 1998). 2 – персидская люстровая чаша сефивидского времени с аналогичным поддоном (Watson O., 1985, pl.P). 3 – изображение птицы на чаше «султанабадского» стиля (Lane A., 1971, pl.4). 4 – изображение птицы на кашанском люстровом изразце (Watson O., 1985, pl.M). 5 – очень редкая сходная манера изображения крыльев у гуся на золотоордынской кашинной керамике (Азов-86, Пл. 3 Интернационала, я.1).

Рис. 2. 1 – Изображение древовидных пионов и фениксов на ткани из могильника Джухта-2 (Доде, 2001). Такие легко могли стать прототипами для росписи керамики. 2 – Фарфоровая ваза с бело-синей росписью «чинхуа» с изображением древовидных пионов (Китайская..., 1990, вкл.) (в нижней части – прототип для росписи вокруг ножки азовского кубка. 3 – Бело-синяя роспись вокруг поддона на кубке из Азова, подражающая китайской.

Чынарбек Жолдошов

Кыргызский государственный исторический музей, г. Бишкек

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ КЫРГЫЗСТАНА (I–II тыс. н.э.)

В горных и предгорных зонах Кыргызстана широко представлены наскальные рисунки эпохи бронзы и I тыс. до н.э., выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

До настоящего времени слабо прослеживался пласт наскальных рисунков эпохи средневековья. К средневековым наскальным рисункам относились только группы гравированных изображений всадников на лошадях с бунчуками и знаменами, стреляющих лучников, тяжеловооруженных воинов, обследованных в долине реки Талас (Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987) (рис. I, III, 1). В результате исследований в регионах Средней и Центральной Азии выделено несколько десятков средневековых наскальных рисунков. Это всадники на лошадях, стреляющие на скаку из луков, держащие в руках знамена или штандарты, копья, сцены сражений, сцены охоты (Самашев, 1992, с. 174–183; Табалдиев, Бозер, Москалев, Солтобаев 2000, рис. 1–2).

Благодаря находкам рисунков в Кочкорской, Таласской долинах Тянь-Шаня, в Алайской долине расширились возможности для выделения специфических групп средневековых наскальных рисунков.

В 1998–2006 гг. в Кочкорской долине археологом К. Табалдиевым и О. Солтобаевым обнаружены рунические надписи древних тюрков. Часть надписей сопровождали наскальные рисунки (Табалдиев, Солтобаев 2001, с. 68–73). Все изображения выполнены точечной выбивкой и с последующей протиркой. Визуальное сопоставление на месте во всех параметрах производит впечатление об их близости. По технике исполнения рисунки отличаются массивностью.

Изображение всадника на лошади. Всадник держит на приподнятой правой руке длиннохвостую птицу. Справа от изображения всадника расположена руническая надпись. Согласно переводу С.Г. Кляшторного здесь написано – «Мое мужское имя Адык. Десять стрел...» (Кляшторный, 2000, с. 74). Художник передал чешуйчатую панцирную пластину с длинным подолом, возможно, с коротким рукавом, характерную для воинов средневековья (рис. II).

Совпадают все детали изображений остальных рисунков всадников, так, например, размеры рисунков, техника нанесения рисунка, манера передачи лошади, поза всадника (положение рук) и манера движения. На задней части лошади – ремень подхвостника со свисающими украшениями ромбической формы. Один из рисунков представлен целой композицией? всадник с птицей на руке, высокая длинноногая птица, стая маленьких птиц и руническая надпись. Подобная, большая по размеру, наскальная композиция встречается впервые. Общая площадь композиции, состоящая из надписи и рисунков 3,80 x 1,73 м. Перевод надписи: Мое мужское имя – Адык. Десять стрел...». Массивность рисунка из Бейрэк-Булака, богатое оформление деталей, содержание и сопровождающие надписи указывают на знатность изображаемого персонажа.

В целом, благодаря новым находкам, мы теперь знаем новую своеобразную группу средневековых рисунков – изображений всадников с птицей в руках. Об их синхронности и принадлежности к одному племени свидетельствуют одинаковый стиль передачи знаков, сопровождающая фигурная родовая тамга. Они массивные. Относительно рисунков сакского времени и позднесредневековых, средневековые имеют среднюю степень патинизации. Таким образом, в Кочкорской долине выделена отдельная группа древнетюркских наскальных рисунков. Самое главное, благодаря сопровождающим рисункам руноподобных надписей тюрков, мы знаем более конкретизированную дату. По мнению тюрколога С.Г. Кляшторного, надписи датируются VIII в. н.э.

Для этнической идентификации обоснованием служат сопровождающие их подписи – рунические тексты и родовые тамги. Здесь есть конкретное указание, что персонаж рисунков принадлежит народу десяти стрел (Он Ок Эл).

Территория распространения аналогичных родовых тамг постепенно расширяется и выявляет их разновидность. Аналогичные и близкие родовые тамги нами найдены в Прииссыккулье и в Алайской долине. Рунические тексты сопровождают тамги в виде изогнутого крючка с палочкой

на тыльной стороне. Сходные тамги, известные еще с эпохи раннего железного периода, у сарматов, сохранились в родовых тамгах кочевых народов Центральной Азии у казахов, кыргызов, алтайцев и т.д. В 2005 г. изображения тамг удалось зафиксировать вблизи города Ош, на отдельных изображениях «небесных коней Давани».

Часть наскальных рисунков нами обнаружены среди ранних петроглифов Саймалы-Таша и Кенкола (рис. III, 1; рис. IV). Хотя они выполнены такой же точечной техникой, по характеру стилей и манер отличаются от петроглифов предыдущих эпох. Некоторые средневековые рисунки нанесены поверх ранних (палимсест). В верховьях реки Талас удалось обнаружить новую тюркскую руническую надпись, нанесенную поверх наскальных рисунков эпохи раннего железного века (Аманбаева, Жолдошов, Сулайманова, 2006). Таким образом, постепенно удастся выявить специфические черты раннесредневековых рисунков.

Следующая группа рисунков датируется поздним средневековьем. На валуне, среди многофигурной композиции, имеется надпись с арабской графикой. Рисунки нанесены точечной выбивкой и резными линиями (при помощи острых режущих металлических предметов в виде зубила (один край глубоких образованных гравюр вертикальный, другой косой). Другой рисунок, состоящий из двух человеческих фигур с кумганом, выполнен точечной техникой. Ниже имеется поздняя надпись, выполненная кириллицей. Для датировки можно выбрать: надпись, фитильное ружьё, металлическую посуду (кумган), относительно слабую патинизацию и предварительно можно датировать второй половиной II тыс. н.э. Рисунки, синхронные этому времени, найдены в Таласской долине. Они представлены рисунками всадников (рис. V, 2, 4).

Кроме того, постепенно начались выявляться поздние изображения горных козлов. На фоне традиционных изображений горных козлов сакского времени и древнетюркских, поздние отличаются слабой степенью патинизации. Но и они отличаются своеобразной передачей туловища козлов. Они не силуэтные. Живот выделен контуром. Переданы все четыре ноги. Нередко ноги переданы несколько в согнутом виде. Первоначально, мы их воспринимали как обычное подражание ранним сакским рисункам. Но систематическая встречаемость таких рисунков в разных межгорных долинах Тянь-Шаня позволила предполагать о бытовании таких рисунков с эпохи позднего средневековья вплоть до этнографической современности. Они бытовали вплоть до последних столетий, например, на козлов, подобного рода человек мог охотиться с ружьем (рис. V, 3).

Рисунки, схожие тянь-шаньским, были обнаружены на Алайском хребте, в бассейна реки Гулчэ (Табалдиев, Жолдошов 2003, с. 132). В местности Булолу, на отвесной песчанниковой скале имелись разновременные рисунки, выполненные глубокой гравировкой (Табалдиев, Бозер, 2000, рис. 1-2). Среди рисунков выделялось изображение охотника-лучника, собаки и раненого стрелой козла. В одной руке лук с заряженной стрелой. На боку охотника-лучника видны концевые части древков стрел с раздвоенными ушками и округлыми, овальными оперениями. Эта деталь воспринимается двояко: лучник ранен двумя стрелами или переданы подвешенные на пояс охотника-лучника стрелы (колчан со стрелами?). Справа от лучника пробитый насквозь стрелой козел. Напротив козла, силуэтное изображение собаки со спирально загнутым хвостом. Рядом с наскальными рисунками имелись и изображения тамг. В местности Терген-Таш один из рисунков передан на одной плоскости с изображением всадника (рис. III, 2). Рисунок горного козла с контурной передачей живота встречается среди рисунков Сулайман-Тоо в Оше (Аманбаева, Дэвлет, 1999, рис. 2, 3).

С изображениями вышеупомянутых групп горных козлов можем сравнительно охарактеризовать изображения верблюдов. Здесь также по степени патинизации бросается их относительное различие. Во-вторых, характер передачи фигур: поздние, контурные и переданы в движении. Как у поздних, в изображениях горных козлов переданы все четыре ноги (рис. IV). Таким же образом передано изображение верблюда на наскальной композиции, датированной второй половиной II тыс. н.э. Ранние силуэтные фигуры верблюдов переданы в устойчивой стилизованной манере.

Изучение средневековых наскальных рисунков, наряду с ранними, остается важным источником для изучения духовной культуры средневековых кочевников. Вместе с тем они дополняют информацию о воинском снаряжении, о хозяйстве населения горных долин Тянь-Шаня на различных этапах средневековья. Ближайшей нашей задачей является поиск новых мест наскальных изображений и их исследование. При этом часть поздних рисунков оказалась важной при изучении прикладного искусства кыргызов.

Литература

Аманбаева Б.Э., Дэвлет Е.Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2. Бишкек, 1999.

Аманбаева Б.Э., Ведутова Л.М., Жолдошов Ч.М. Научный отчет о полевых исследованиях Таласского отряда КАЭЭ за 2003 г. Бишкек, 2003.

Жолдошов Ч.М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. № 1–2. Бишкек, 2001.

Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Первобытное искусство: Звери в камне. Новосибирск, 1980.

Мартынов А.И., Миклашевич Е.А. Петроглифы Уч-Кошкона (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992.

Самашев З.С. Граффити средневековых nomadов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.

Табалдиев К.Ш., Бозер Р., Москалев М.И., Солтобаев О.А. Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. Вып. 4. Бишкек, 2000.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Руничес-

кие надписи Кочкорской долины // Изв. Национальной АН Кыргызской Республики. № 1–2. Бишкек, 2001.

Табалдиев К.Ш., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // Манас университети. Комдук илимдер журналы. Бишкек, 2003.

Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шер Я.А., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов Жалтырак-Таша (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11).

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Петроглифы Кара-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2. Бишкек, 1999.

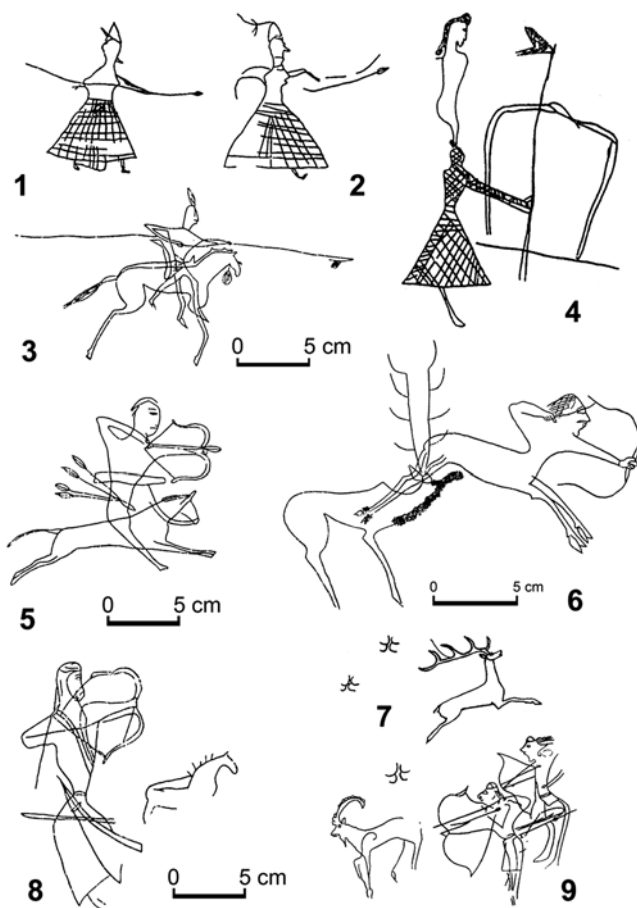
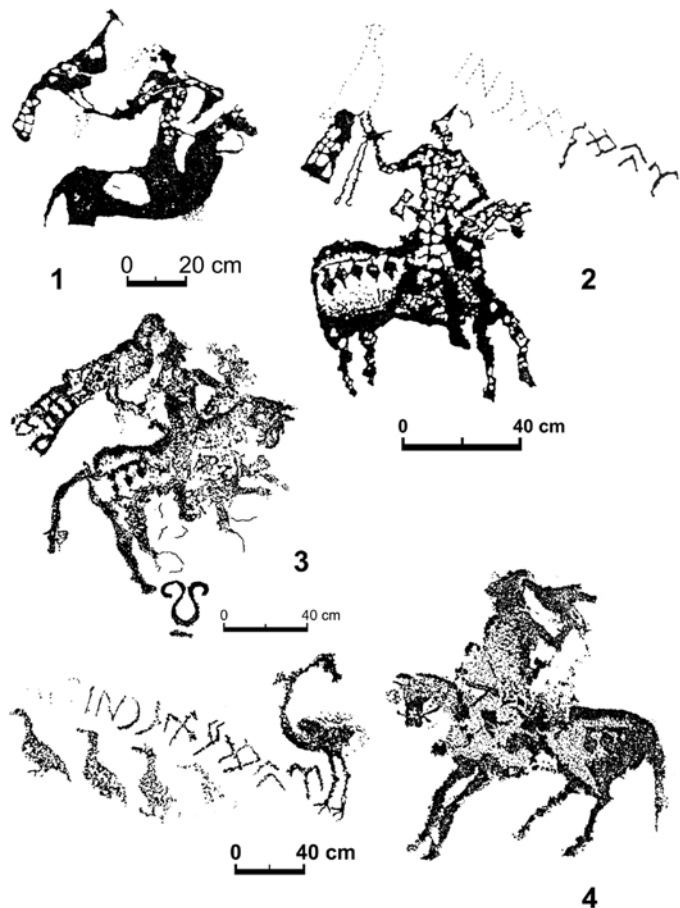
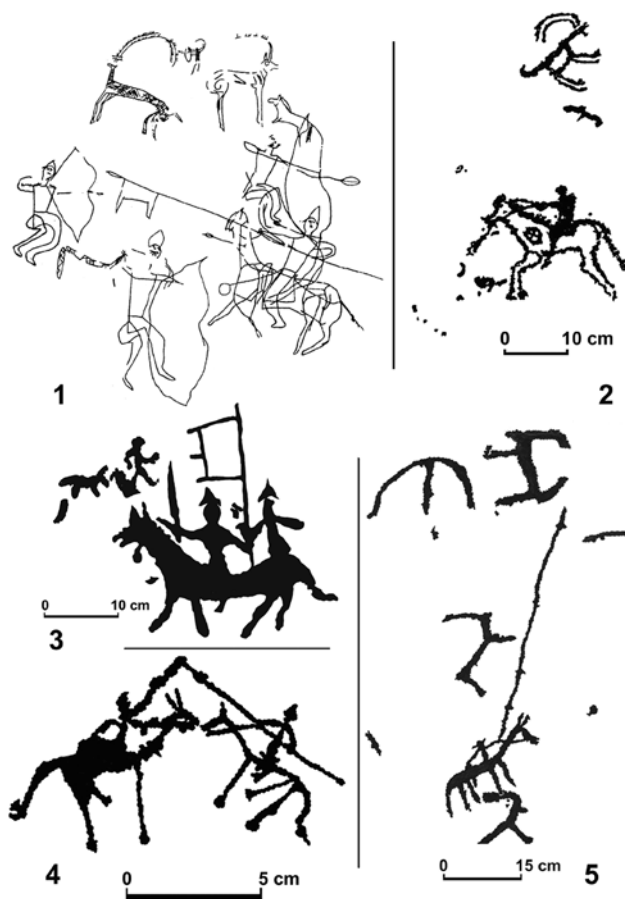

Рис. 1. Изображение конных и пеших воинов, охотников, оленя и «кентавра» эпохи раннего средневековья. Таласская долина. Жалтырак-Таш (по Шер, Миклашевич и др., 1987 и Самашеву, 1996).

Рис. 2. Изображения древнетюркских всадников, птиц и рунических надписей. Кочкорская долина: Кёк-Сай (1–3) и Бейрёк-Булак (4) (по Табалдиеву и др., 2001; 2002; 2003).

Рис. 3. Изображения эпохи раннего средневековья.

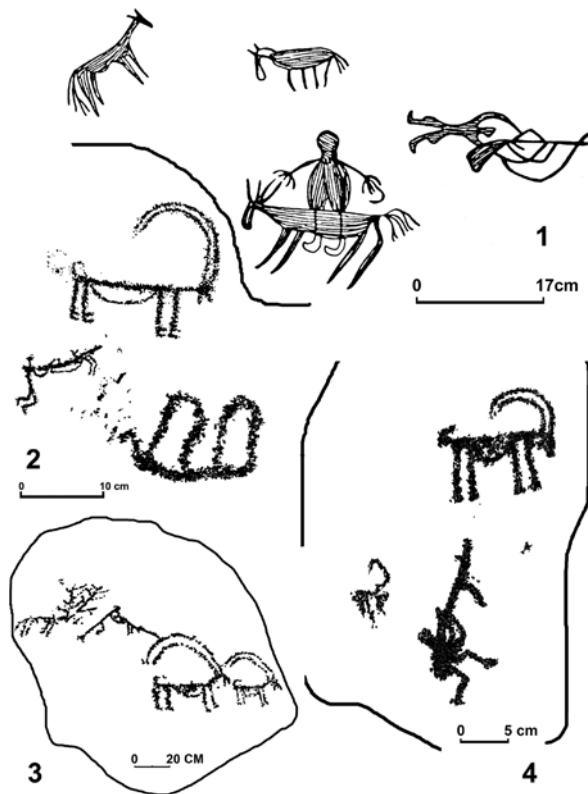
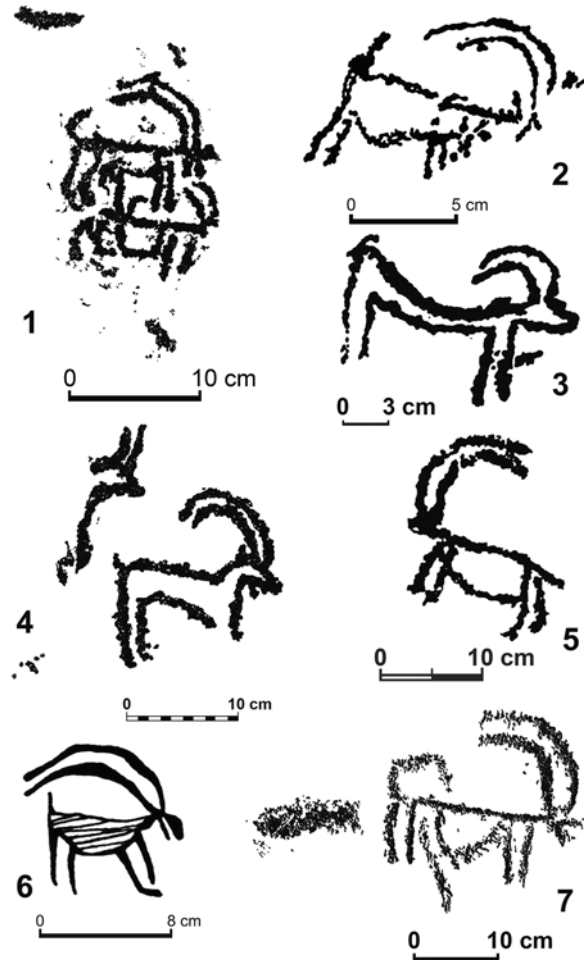
1. Изображения батальной сцены. Жалтырак-Таш. Таласская долина (по Самашеву, 1996).

2. Изображения всадника и козла. Терген-Таш. Алайская долина (по Табалдиеву и др., 2003).

3. Изображение воинов со знаменем. Саймалы-Таш. Ферганский хребет.

4, 5. Изображения всадников-копейщиков и более позднего времени (по Жолдошову, 2005).

Рис. 4. Изображение средневековых горных козлов.
 1, 2, 7. Кенкол. Таласская долина.
 3. Уч-Кошкон. Иссык-Кульская обл.
 (по Мартынову и др., 1995).
 4, 5. Терген-Таш. Алайская долина (по Табалдиеву и др., 2003).
 6. Горного козла нового времени. Кара-Тоо. Кочкорская долина (по Худякову и Табалдиеву, 1999).

Рис. 5. Сцены охоты с оружием. Новое время.
 1. Кара-Тоо. Кочкорская долина (по Худякову и Табалдиеву, 1999).
 2. Чийим-Таш. Таласская долина.
 3. Тик-Булак. Кочкорская долина (по Табалдиеву и др., 2003).
 4. Чачикей. Таласская долина.

Владимир Иванов

Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В свое время И.Л.Измайловым была выдвинута гипотеза о формировании на территории улуса Джучи (Золотой Орды) единой имперской культуры, проявившейся в однообразии типов вооружения, конской сбруи и украшений. В плане дальнейшего развития этой темы возможно предположить и наличие какой-то единой схемы и в развитии духовной культуры и идеологии кочевого населения Золотой Орды. Что должно выражаться, прежде всего, через типы погребальных памятников и погребальную обрядность в целом. Проверить этот тезис можно методом сравнительно-типологического анализа золотоордынских кочевнических погребений.

Для сравнительно-типологического анализа погребального обряда кочевников Золотой Орды были взяты 765 погребений XIII–XIV вв., расположенные на большей (основной) части улуса Джучи-Золотой Орды, от Уральских гор до Днестра. Данная выборка, во-первых, случайна и отражает реальное состояние археологического изучения указанной территории интересующего нас периода, а во-вторых, ее объем позволяет с высокой степенью вероятности (0,95) оперировать такими признаками погребального обряда, уровень представительности которых не опускается ниже 0,5%. То есть, порог значимости признака в выборке = 0,5%, а признаки с более низким показателем для нее не являются значимыми (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990, с. 64).

Анализ погребального обряда золотоордынских кочевников проводился по следующим категориям:

- конструкция и планиграфия надмогильных сооружений;
- тип сопровождающих конских захоронений;
- конструкция могильной ямы;
- ориентировка и поза погребенного;
- элементы ритуала.

Суммарная характеристика погребального обряда указанного населения выражается в следующих признаках: абсолютно преобладают (85%) захоронения под земляными курганами, содержащими, как правило, по одному погребению (90,1% всех рассматриваемых погребений

– одиночные в насыпи кургана). Все другие типы надмогильных сооружений встречаются заметно реже: под каменными набросками-выкладками встречены 6,6% погребений; под каменно-земляными насыпями – 3,5% погребений; 3,1% рассматриваемых погребений были совершены внутри каменных кольцевых или прямоугольных оградок; 2,8% – под земляными насыпями, обложенными сверху камнем («каменный панцирь»); чуть меньше – 2,08% – погребений были совершены под насыпями, представлявшими собой кучу камней над могилой; 1,95% погребений происходят из бескурганых (грунтовых) могильников; 1,8% погребений совершено внутри оградок из сырцового кирпича; 0,7% погребений – внутри каменных оградок, перекрытых земляным курганом.

Тип надмогильного сооружения не был определен (разрушен во время земляных работ, не зафиксирован) у 2,7% погребений.

Чаще всего – 10,8% погребений – в надмогильных насыпях встречаются кости животных – остатки поминальной тризны. 7,7% погребений совершены под земляными курганами, опоясанными ровиком по основанию. И примерно одинаковое количество погребений были совершены под насыпями, содержащими какие-то деревянные конструкции (2,6%), кострища (2,7%) или отдельные угли (2,4%) и фрагменты керамики (2,2%).

Как уже указывалось выше, в основном рассматриваемые погребения – одиночные, основные в исследуемом кургане. Однако достаточно часто – 12,6% – встречаются погребения, «впущенные» в более ранние насыпи, и чуть реже – 9,9% – погребения парные*.

Конструкция могильных ям рассматриваемых погребений в основном предельно простая: яма прямоугольной или овальной формы с вертикальными стенками и ровным дном – 65,6% погребений**. Могилы усложненных конструк-

* В данном случае имеются в виду два одновременных погребения под одной насыпью.

** Глубина могил зависит от характера грунта, а их размеры – от параметров тела погребенного и наличия или отсутствия дополнительных конструкций.

ций встречаются реже: со ступеньками-заплетиками вдоль длинных стенок – 6,6% погребенных; со ступенькой слева от погребенного – 5,7%; подбойные со ступенькой-уступом у входа в подбой – 5,2%; подбойные, но без уступа у входа в подбой – 3,2%; со ступеньками-уступами вдоль всех четырех стенок – 2,2%; со ступенькой справа от погребенного – 1,3%.

Примерно одинаковое количество захоронений были совершены в могилах трапецевидного профиля: со стенками, расширяющимися ко дну (1,4%) и стенками, суживающимися ко дну (1,25%).

Почти в каждой третьей из рассматриваемых могил – 31,1% – встречены остатки деревянных перекрытий из досок, плах или жердей. Из них в 20,4% погребений перекрытия лежали на заполнении могильной ямы*. В 5,4% погребений перекрытия опирались на ступеньки-заплетики; в 3% погребений был перекрыт подбой, а в 2,3% перекрытие опиралось на ступеньку. Единицами встречаются могилы, стенки которых обложены камнем (1,4%), или могилы, забутованные камнем (1,1%).

Значительная часть золотоордынских кочевнических погребений – 39,5% – может быть интерпретирована как всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног (10,1%), конский скелет целиком (8%) или принадлежности конской сбруи, но без коня (21,4%). Среди первых преобладают (5,0%) погребения, в которых кости коня располагаются слева от человеческого скелета, в 2,2% погребений кости коня находились в засыпи могилы над человеком, в 1,04% – справа от человека, в 0,8% – над человеком же, но на перекрытии. Среди вторых в 3,5% погребений конский скелет располагался слева от человека, в 2,3% – на ступеньке и в 2,3% – в отдельной яме. Следует отметить, что в тех случаях, когда ориентировка коня зафиксирована, она соответствует ориентировке человеческого костяка (12,3%). В захоронениях только со сбруей она располагалась либо в изголовье, либо в ногах погребенного.

Преобладающая ориентировка погребенных – западная: 43,7% и северо-восточная – 10,9%. Затем по нисходящей следуют ориентировка на юго-запад (9,4%), северо-запад (9,2%), восток (6,6%), север (6,5%), юг (2,2%) и юго-восток (1,3%). У 9,5% погребенных ориентировка не определена.

Абсолютно преобладающая поза погребенных – вытянуто на спине (89,3%) с руками, вытянутыми вдоль тела (71,7%). Более 17% погребенных уложены в могилы с руками, согнутыми в локтях, когда кисть покоится на тазе:

6,9% – обе руки согнуты; 5,2% – правая рука согнута; 5,0% – левая рука согнута.

Каждое третье из рассматриваемых захоронений имело дополнительные внутримогильные конструкции в виде дощатого гроба (23,7%), деревянной колоды (7,9%) или рамы из досок (1,95%). 7,5% погребенных лежали на лубяной (96,1%) или травяной (1,4%) подстилке.

17,9% погребенных содержали следы заупокойной пищи в виде костей животных (среди которых преобладают кости овцы – 12,5%), уложенные у головы (8,6%) или у ног (4,0%) погребенного, или в заполнении могильной ямы (4,4%).

В единичных случаях (3,15%) встречаются погребения, содержащие глиняные сосуды, помещенные в заполнение могилы (1,7%), у ног (0,8%) или головы (0,65%) погребенного.

Приведенные данные дают общую характеристику погребального обряда кочевников Джучиева улуса (Золотой Орды), который, как уже было сказано выше, занимал огромную территорию, охватывающую всю степную часть Восточной Европы. Вместе с тем, географически (хотя и с некоторой долей условности, но максимально приближенной к административно-территориальному делению Золотой Орды, установленному исследователями (Федоров-Давыдов, 1973), рассматриваемые памятники делятся на семь локальных групп, не равнозначных по количеству выявленных и исследованных погребений.

Приуральская (152 погребения или 19,8% всех рассматриваемых погребений);

Нижневолжская (154 погребения = 20,1%);

Средневолжская (149 погребений = 19,4%);

Волго-Донское междуречье (71 погребение = 9,3%);

Донская (50 погребений = 6,5%);

Левобережная Украина (75 погребений = 9,8%);

Правобережная Украина, включая Прикарпатье (69 погребений = 9,0%) (рис. 1).

В соответствии с количеством выявленных погребений, в каждой из выделенных локальных групп имеется свой порог значимости. Для локальных групп памятников Южного Приуралья (степные районы Челябинской, Оренбургской областей, Зауральская Башкирия, Актюбинская и Уральская области Западного Казахстана), Нижнего (Астраханская, Волгоградское Заволжье) и Среднего (Саратовская, Самарская области, Республика Татарстан) Поволжья – это 3%. Для локальной группы Волго-Донского междуречья – 5%, для Подонья – 7%, Левобережной Украины – 5% и Правобережной Украины – 6% (табл. 1).

* Очевидно, были какие-то дополнительные упоры.

Таблица 1.

**Представительные признаки погребального обряда кочевников XIII–XIV вв.
Восточной Европы (в %)**

	Значение признака	Локальные группы						
		Приуральская	Нижеволжская	Средневолжская	Волго-Донское междуречье	Подоенье	Левобережная Украина	Правобережная Украина
1	Насыпь земляная	69,7	96,7	90,6	100	76	85,3	93,6
2	Земля вперемешку с камнем	6,5	–	–	–	7,8	8	–
3	Каменная наброска над могилой	24,3	–	–	–	–	10,6	–
4	Каменное кольцо	12,5	–	–	–	–	13,3	–
5	Каменный «панцирь»	7,2	–	–	–	–	–	–
6	Оградка из сырцового кирпича	3,9	3,9	–	–	–	–	–
7	Бескурганный	–	–	3,3	–	7,8	–	–
8	Не определен	–	–	5,3	–	–	–	–
9	Кострище в насыпи	–	3,2	6,0	–	–	–	–
10	Кости животных в насыпи	10,5	15,6	15,4	15,2	–	9,3	–
11	Ровик у основания насыпи	3,9	17,5	5,3	9,7	–	6,6	–
12	Керамика в насыпи	3,3	–	4,0	–	–	5,3	–
13	Дерев. констр. в насыпи	–	–	4,7	–	–	8	–
14	Одно погребение	90,1	92,2	88,6	97,2	80,4	88	93,6
15	Два погребения	9,9	7,8	11,4	–	17,6	12	6,3
16	Погребения впускные	5,2	7,8	–	19,4	23,5	25,3	22,2
17	Могила простая	71,7	55,8	67,7	72,2	43,1	54,6	76,2
18	Стенки суживающиеся ко дну	–	3,9	–	–	–	–	–
19	Стенки расширяющиеся	–	–	–	–	15,7	–	–
20	Ступенька справа	–	3,2	–	–	–	–	–
21	Ступенька слева	5,9	9,0	10,0	–	–	–	–
22	Ступеньки вдоль длинных стенок	5,2	7,8	9,4	5,2	7,8	9,3	–
23	Ступеньки вдоль всех стенок	–	–	–	–	25,5	–	–
24	Подбой без уступа	3,9	5,8	–	5,2	–	–	–
25	Подбой с уступом	4,6	9,0	–	–	7,8	14,6	–
26	Перекрытие на насыпи	20,4	26,6	14,1	31,9	–	25,3	12,7
27	Перекрытие на заплечиках	4,6	5,2	8,7	–	19,6	–	–
28	Перекрытие на ступеньке	–	3,9	6,0	–	–	–	–
29	Перекрыт подбой	–	6,5	–	–	–	12	–
30	Форма могилы не известна	6,5	7,8	7,4	6,9	11,7	16	11,1
31	Череп и ноги коня слева	–	7,1	7,4	6,9	–	–	9,5
32	Череп и ноги коня на насыпи могилы	–	3,2	–	–	–	5,3	–
33	Остов коня слева	5,2	–	–	–	–	–	12,7
34	Остов коня на ступеньке	–	3,9	–	–	7,8	–	–
35	Остов коня в отдельной яме	–	4,5	–	–	–	5,3	6,3
36	Ориентировка коня совпадает с человеком	9,8	19,5	12,1	12,5	9,8	13,3	22,2
37	Сбруя без коня	22,3	18,8	14,1	23,6	41,2	24	27

	Значение признака	Локальные группы						
		Приуральская	Нижеволжская	Средневолжская	Волго-Донское междуречье	Подонье	Левобережная Украина	Правобережная Украина
38	Ориентировка погребенного: запад	41,4	51,3	60,4	38,8	27,4	34,6	39,7
39	восток	4,6	5,2	8,0	8,3	–	–	9,5
40	север	9,2	–	–	8,3	23,5	5,3	–
41	юг	9,2	–	–	–	–	–	–
42	Юго-запад	11,8	19,5	4,0	15,3	–	–	–
43	Северо-запад	11,2	7,8	4,7	–	–	5,3	23,8
44	Северо-восток	8,5	8,4	13,4	15,3	21,5	13,3	11,1
45	Вытянуто на спине	95,4	94,8	90,6	90,3	88,2	68	93,6
46	Руки вытянуты вдоль	77,0	67,5	62,4	77,7	78,4	59,2	85,7
47	Правая согнута	7,9	9,0	6,0	–	–	–	–
48	Левая согнута	6,5	8,4	6,0	8,3	–	–	–
49	Обе согнуты	3,9	9,0	14,1	–	–	–	–
50	В дощатом гробу	15,8	27,2	30,9	16,6	21,5	20	41,2
51	В колоде	5,2	13,6	12,1	–	–	13,3	–
52	Подстилка из коры	7,9	3,8	7,4	11,1	–	–	–
53	Подстилка травяная	–	3,8	–	–	–	–	–
54	Вид подстилки не установлен	–	–	4,0	–	11,7	–	–
55	Кости овцы в могиле	7,2	18,8	8,0	23,6	25,5	10,6	–
56	Кости лошади	–	3,2	–	–	–	–	–
57	Кости животного не определены	8,5	–	3,3	–	–	–	–
58	Кости животных у головы	9,2	12,3	6,0	12,5	21,5	–	–
59	Кости животных у ног человека	5,2	7,1	4,0	–	–	–	–
60	Кости животных в заполнении могилы	–	–	–	9,7	7,8	9,3	–
61	Угли в могиле	–	–	7,4	–	–	–	–

Данные таблицы 1 позволяют дать суммарную характеристику погребального обряда золотоордынских кочевников каждой из выделенных локальных групп. Едва ли есть смысл ее подробно комментировать, кроме, пожалуй, одного – в Южном Приуралье и на Левобережной Украине, при абсолютном преобладании захоронений под земляными курганами, присутствуют также захоронения, совершенные под курганами, насыпанными из земли вперемешку с камнем (6,5% и 8% соответственно), под каменными набросками-выкладками круглой, овальной или прямоугольной формы (24,3% и 10,6%) и погребения, окруженные каменным кольцом (12,5% и 13,3%). К западу от Волги увеличивается частота встречаемости погребений, впущенных в насыпи более ранних курганов, и погребений, ориентированных в северном секторе.

На основании 61 альтернативного (и представительного для сравниваемых выборок) призна-

ка, представленного в табл.1, высчитываем коэффициент формально-типологического сходства (СЗ) погребального обряда кочевников золотоордынского периода (табл.2).

Наибольшее типологическое сходство обнаруживают между собой погребальные памятники приуральских и нижеволжских кочевников. Что, в общем-то, логично, поскольку массовое заселение кочевниками Урало-Поволжских степей начинается именно в золотоордынскую эпоху. То же самое относится и к пограничным между степью и лесостепью территориям Среднего Поволжья, памятники которого обнаруживают высокое типологическое сходство с приуральскими и нижеволжскими. Введя критерий значимости, равный 0,9, мы получаем замкнутый граф типологического сходства, состоящий из трех звеньев: памятники Южного Приуралья, памятники Нижнего Поволжья и Среднего Поволжья (рис.2).

Таблица 2.

Значения показателей формально-типологического сходства погребального обряда золотоордынских кочевников

Группы	Приуральская	Нижневолжская	Средневолжская	Волго-Донское междуречье	Донская	Левобережная Украина	Левобережная Украина
Приуральская	–						
Нижневолжская	0,59	–					
Средневолжская	0,55	0,59	–				
Волго-Донское междуречье	0,57	0,50	0,47	–			
Донская	0,36	0,28	0,31	0,42	–		
Левобережная Украина	0,52	0,42	0,39	0,45	0,45	–	
Правобережная Украина	0,36	0,27	0,34	0,45	0,34	0,43	–

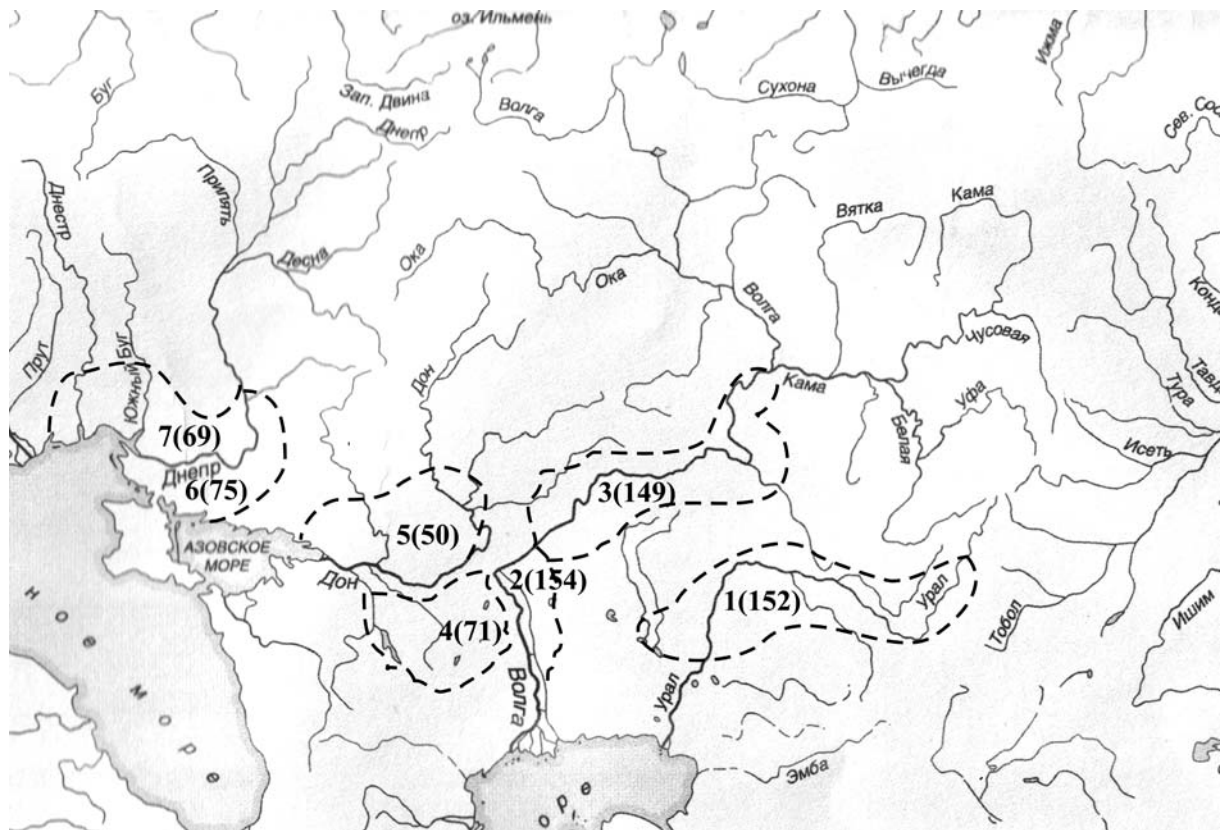
Вместе с тем, приуральские кочевнические памятники обнаруживают достаточно высокое сходство и с памятниками Волго-Донского междуречья, а также «погранично-высокое» (ниже, при заданном коэффициенте значимости, связь можно уже не учитывать) сходство с памятниками Левобережной Украины. Если учесть, что, по имеющимся в моем распоряжении данным, для предшествующего периода (XII – начало XIII вв.) в степях Левобережной Украины, Подонья и Волго-Донского междуречья известны 200 погребений (только в Волго-Донском междуречье – 18) против 44 в Урало-Поволжских степях, можно предположить, что в основе отмеченного сходства лежат результаты административной поли-

тики ордынских ханов, направленной на переселение половецко-кыпчакского населения на окраины государства (Г.А.Федоров-Давыдов). Но окончательно ответить на этот вопрос можно будет только после проведения сравнительно-типологического анализа погребального обряда золотоордынских кочевников с обрядом половцев-кыпчаков домонгольского периода.

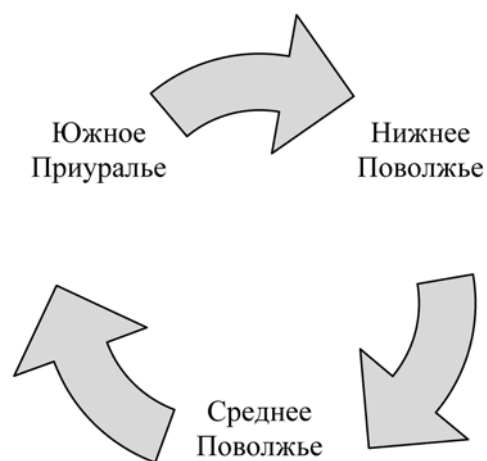
Литература

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Рис. 1. Карта локальных групп погребальных памятников кочевников Золотой Орды: 1(152) – Приуральская (в скобках – количество погребений); 2 – Нижневолжская; 3 – Средневолжская; 4 – Волго-Донское междуречье; 5 – Донская; 6 – Левобережная Украина; 7 – Правобережная Украина.

Рис. 2. Граф формально-типологического сходства погребальных памятников кочевников XIII–XIV вв. Урало-Поволжья.

Дамир Исхаков

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

КЛАНОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ «ДОМА ЧИНГИЗ-ХАНА» (АЛТЫН УРУКА) И ЕГО АТРИБУТЫ (постановка проблемы)

В известном татарском историческом источнике конца XVII в. – «Дефтер-и Чигиз-наме», в дастане, посвященном роду Чингиз-хана, содержится недостаточно изученная информация, рассказывающая о наделении Чингиз-ханом своих беков не только «народом» (*халык*), но и племенными атрибутами (тамгой – *тамга*, деревом – *агач*, птицей – *кош* и особым боевым кличем – *уран*). Кроме того, каждого из беков он наделил и «именными» кольчугами – *саут*¹. В принципе, имея в виду клановые основы социальной организации Великого монгольского государства и одного из его наследников – Улуса Джучи (Золотой Орды)², в этом нет ничего особенного. Но в сообщении о клановых атрибутах времен Чингиз-хана есть один момент, ускользнувший от внимания исследователей – имею в виду то, что в дастане всеми атрибутами, характерными для клановых вождей, наделяется и сам Чингиз-хан. Вот они: это тамга – *кош баиш[ы]*, дерево – *чинар*, птица – *ике баиш Кара кош*, уран – *жан каба*, саут – *буйан*³.

Приведенная в «Дефтер-и Чингиз-наме» информация не только уникальна – за одним исключением, о котором будет сказано ниже – другие средневековые письменные источники, насколько мне известно, сведений о клановых атрибутах Чингиз-хана и Чингизидов не приводят, но и необычна, так как она присутствует в достаточно позднем, собственно татарском, историческом сочинении. А это, конечно, немедленно поднимает вопрос о достоверности приведенных в источнике сведений.

Первое, на что в связи с обсуждаемой проблемой следует обратить внимание, это частичное совпадение одного из клановых атрибутов Чингиз-хана и племени *уйшын*: в «Дефтер-и Чингиз-наме» птица предводителя этого клана – Майки бия, указана как «*кара кош*». Однако, это единственное совпадение, к тому же неполное, так как в случае с Чингиз-ханом речь идет о каракоше двуглавым. Но более важно другое – клан *уйшын* на самом деле не имеет прямого отношения к Чингиз-хану и его предкам.

Дело в том, что ряд исторических источников отчетливо показывают, что род Чингиз-хана происходит из клана кият. Скажем, такой осве-

домленный персидский автор, как Джувейни (1226–1283), в своем труде «Чингисхан. История завоевателя мира» замечает: «Монгольские племена и роды многочисленны: но самыми знаменитыми сегодня стали кияты, возвысившиеся над другими благодаря своему благородству и величию, вождями которых были предки и прародители Чингисхана и от которых он ведет свой род»⁴. Другой, еще более информированный персидский автор – Рашид-ад-Дин (1247–1318), в своем знаменитом труде «Сборник летописей», многократно возвращается к теме о клановой принадлежности Чингиз-хана и его предков. Так как эти данные недавно были детально проанализированы в работе Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой⁵, ограничусь приведением лишь одного отрывка из Рашид-ад-Дина, подтверждающего сообщение Джувейни: «...после Добун-Баяна, поскольку от него появились многочисленные племена, ветви и колена (*кабилэ*), то каждое колена было отмечено каким-нибудь [особым] именем и прозванием, а прозвание кият исчезло. После того... Кабулхан породил шесть сыновей. Так как они все были богатырями, великими и пользующимися уважением людьми и царевичами, то кият стало вновь их прозванием. С той поры детей [Кабул-хана] и его род называют кият, и в частности называют кият детей одного из его сыновей, Бартан-бахадур, бывшего дедом Чингиз-хана... Чингиз-хан, его предки и братья принадлежат... к племени кият, однако прозванием детей Есугэй-бахадур, который был отцом Чингиз-хана, стало кият-Бурджигин; они – и кияты, и бурджигины. Бурджигин же по-тюркски [значит] человек, глаза которого синие»⁶.

Персидские историки следовали монгольской традиции. Так, в «Сокровенном сказании» (1240 г.) один из предков Чингиз-хана Бодончар назван «родоначальником поколения Борджигин»⁷. Источник XVII в. – сочинение Лубсана Данзана «Алтан Тобчи» (Золотое сказание), гласит: «...родившийся у старшей жены Бодончара сын назвался Барим Шихэрэту Хабичи-бахадур. Так произошел род борджигит. То были предки борджишгитов»⁸. На самом деле в этих двух исторических сочинениях содержится ин-

формация, детализирующая сведения о принадлежности предков Чингиз-хана к борджигинам. В частности, в «Сокровенном сказании» есть эпизод, когда кунградский предводитель Дэй-Сечен, рассказывая своему свату Есугею сон, увиденный накануне прихода последнего для сватовства своему сыну Темучжину жену из рода олхунат у дядей по матери, гостя через иносказание называет представителем «кыятского племени»⁹. Да и татары в «Сокровенном сказании» про прибывшего к ним Есугея говорят: «Это Есугай-Киян (т.е. кыят. – Д.И.) явился»¹⁰. В «Алтан Тобчи», где последний эпизод повторяется, татары прямо сказали: «Йисүгэй-кыят приехал!»¹¹.

Таким образом, не подлежит сомнению происхождение Чингиз-хана и его предков из клана *кыят*, точнее, из его ответвления *кыят-борджигин*.

Теперь я хотел бы вернуться к рассказу о сватовстве Есугеем для своего сына Темучжина дочери кунграта Дэй-Сечена вместо девушки из рода олхунат. Именно в нем содержится намек на один из клановых атрибутов кыятов – на птицу. Практически этот рассказ в «Сокровенном сказании» и «Алтан Тобчи» идентичен, хотя некоторые различия, скорее всего связанные с переводом источников на русский язык, в них имеются.

В «Алтан Тобчи» Дэй-Сечен сообщает Есугею: «Сват Йисүгэй, снился мне сон в эти две ночи: белый сокол прилетел, держа солнце и луну, и опускался на мою руку... этот сокол... прилетел, на руке моей стал светлым сокол, прилетев, указал [мне], что он-то и есть [хранитель] рода кыят»¹². В «Сокровенном сказании» последнее предложение звучит так: «Не иначе, что это вы – духом своего кыятского племени – являлись во сне моем и предрекали!»¹³. Итак, в источниках монгольского происхождения появляется дух-хранитель клана кыят – сокол. Н.Н. Крадин и Т.Д. Скрынникова, обратившие внимание на это место из источников, уточняют, что речь идет о соколе «*шонхор*» – «сульдэ (т.е. духе-хранителе. – Д.И.) рода кыят»¹⁴.

И вот тут возникает новая проблема: в «Дефтер-и Чингиз-наме» птица – *шонкар*, действительно упоминается как атрибут Буданжара сына Кийата (*Буданкар оглы Кийат*)¹⁵. Но все остальные атрибуты этого клана не совпадают с приведенными в источнике атрибутами Чингиз-хана.

Означает ли все это, что в «Дефтер-и Чингиз-наме» мы имеем дело с полностью вымышленными атрибутами Чингиз-хана? Мне кажется, что такой вывод был бы преждевременным.

Начнем с того, что хотя *каракош* и относится к семейству ястребиных, а *шонкар* – к се-

мейству соколиных, первый иногда называется и беркутом (*бөркет*) или «черным орлом». Очевидно, для различения этих двух видов хищных птиц нужны специальные знания, которыми обладали степняки, но которые могли отсутствовать у людей, оторванных от кочевой жизни, например, у автора «Дефтер-и Чингиз-наме». Хотя надо признать, что упоминания в этом источнике среди птиц племенных вождей целого ряда хищных (*лачын, карчыга, карга, бөркет* и др.) и иных птиц противоречит приведенному мнению.

Более существенным мне представляется другое, а именно, наличие на золотоордынских монетах XIII–XIV вв. изображений двухглавых орлов. В первую очередь это относится к монетам ханов Узбека (1313–1342) и Джанибека (1342–1352)¹⁶. Но в недавно опубликованной работе И. Вашари со ссылкой на румынского исследователя Е. Оберландер-Тарнобеану, говорится о существовании в конце XIII в. на территории, подчиненной Ногаю (ум. в 1299/1300 гг.), т.е. на крайнем западе Улуса Джучи, монет с двухглавыми орлами¹⁷. По мнению моих консультантов-нумизматов, они содержат имя хана Токты (1291–1312), предшественника хана Узбека. С.А. Янина в свое время указывала на присутствие двухглавого орла и на монете 678 г.х. (1279 – 1280 гг. н.э.) чеканки Ирбиля из владений Хулагуидов¹⁸. Причем тогда же она отметила возможность заимствования этой эмблемы Хулагуидами у Зенгилов и Ортукидов, на монетах которых изображение двухглавого орла встречается уже в XII – начале XIII вв.

Не втягиваясь в данном случае в дискуссию с С.А. Яниной относительно генезиса двухглавых орлов на золотоордынских монетах XIII–XIV вв., все же хотелось бы отметить, что практически одновременное присутствие этого изображения на монетах, найденных на территориях Улуса Джучи и державы Хулагуидов, позволяет искать и иные, чем ближневосточные, корни рассматриваемой эмблемы. Речь идет, как явствует из изложенного выше, о собственно монгольских истоках указанного изображения. В пользу данной гипотезы свидетельствует не только *сульдэ* клана кыят в облике сокола (*шонкар-шонхор*), присутствующее в качестве «птицы» бека кыятов Бодончара – одного из предков Чингиз-хана, но и упоминание в «Дефтер-и Чингиз-наме» в качестве «птицы» Чигиз-хана двухглавого орла (*ике баиш кара кош*), фиксирующегося на монетах золотоордынских и хулагуидских правителей между 1279/80 – 1352 гг.

Не решенным при такой гипотезе остается вопрос о несовпадении наименований «птиц» одного из предков Чингиз-хана из клана кыят и само-

го Чингиз-хана. Однако, вряд ли такое совпадение является обязательным – в отличие от Бодончара Чингиз-хан, как правитель формирующегося государства – Великого монгольского улуса, занял надклановое положение, что могло изменить и его сульдэ. Не отсюда ли такой «синтетический» характер его «птицы» (двухглавость, несоответствие его названия традиционному наименованию)? Кстати, если внимательно вчитаться в уже цитированное место из «Алтан Тобчи», рассказывающее о «белом соколе», создается впечатление, что он и «светлым/белым» стал лишь сев на руку Дэй-Сечена, возможно имея первоначально иную окраску.

Из всего сказанного следуют два вывода:

1. Проблему атрибутов дома Чингизидов необходимо изучать дальше, в т.ч. и увязывая ее со становлением имперской культуры Золотой Орды.

2. Содержание татарского источника конца XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме» должно подвергнуться более тщательному анализу, так как в лице этого сочинения мы имеем дело с довольно многослойным письменным памятником¹⁹.

Примечания

¹ Дәфтәре Чыңгыз-намә. – Казан, 2000. – 18-21 бб.; Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftäri Činguz-nämä). 1. – Szeged, 2002. – p. 55-60.

² См.: Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. – М.: Изд. Фирма «Вост. лит.» РАН, 2006; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1973.

³ Варианты: ай башкара каш [ay başqara haş], ике баш кара баш [eki baş qara baş], ике баш куакшк [eki baş qwakşq] – см.: Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch... p.59. Кстати, ханская тамга (*кош башы*) в разных версиях источника также имеет не совсем одинаковое изображение: (Дәфтәре..., 21 б.), (Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch... p. 59)].

⁴ Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-меликом Джувейни. М., 2004. С. 25.

⁵ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя... с. 180-185 и др.

⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей в трех томах. Т.1. М., 2002. С. 155.

⁷ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 83.

⁸ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / Памятники письменности Востока. X. – М., 1973. С. 59.

⁹ Козин С.А. Сокровенное сказание... С. 86.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи... С. 69.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Козин С.А. Сокровенное сказание... С. 86.

¹⁴ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя... С. 189.

¹⁵ Дефтере... – 18 б.; Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch... p.56.

¹⁶ Янина С.А. Джучидские монеты из раскопов и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // МИА. № 80. 1960. С. 210–221; Шельди Н.М. Булгаро-татарские монеты XIII–XV вв. Казань, 2002; Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. Из старых публикаций см. также: Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучи или Золотой Орды с монетами разных мусульманских династий. СПб., 1832.

¹⁷ Vasary Istvan. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365. Cambridge: Cambridge un. press, 2005. – p. 90.

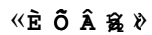
¹⁸ Янина С.А. Джучидские... С. 212.

¹⁹ Отмечу в этой связи, что И.Г. Андреев, упоминающий в своем труде, посвященном казахам Средней Орды и написанном между 1785–1790 гг., «старинную татарскую историю», под ней имеет в виду именно «Дефтер-и Чингиз-наме», хотя тамги клановых вождей, которых он приводит по этому источнику, имеют ряд отличий от тех тамг, которые содержатся в приведенных выше изданиях «Дефтер-и Чингиз-наме» (см.: Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. С. 25-27). Следовательно, у него была иная версия источника, также заслуживающая внимания.

Нурлан Кенжеахмет

Институт археологии и музееведения Пекинского университета (Китай)

МОНЕТЫ С ТЮРКСКИМИ РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ ИЗ КИТАЯ

В 1979–1980 гг. во время археологических раскопок на городище Бэйтин в руинах буддийского храма было найдено значительное количество монет. Этот новый нумизматический материал представлен в основном медью: танскими монетами (6 экземпляров) с иероглифической надписью «Кайюань тунбао» на лицевой стороне, древней монетой (1 экземпляр) с китайской надписью «Жи-юе-гуан-цзинь» «» на лицевой стороне и с незнакомой надписью на оборотной стороне (Чжунго шэхуй кэсюань каогу яньцзю со, 1991, р. 161–162, tabl. ХСV, 6, 7).

Городище Бэйтин расположено примерно в 100 км на северо-восток от современного Урумчи и в 12 км к северу от современного г. Джемисар. В танское время, начиная с 840 г., здесь находилась летняя резиденция правителя турфанского Уйгурского княжества, в раннее средневековье широко известная под своим тюркским наименованием – Бешбалык.

Раскопками 1979–1980 гг. установлено, что под холмом, расположенном в 700 м к западу от городища Бэйтин, скрывались хорошо сохранившиеся остатки громадного буддийского храма, который археологи датировали X–XIII вв.

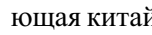
Из сделанных находок наиболее интересной представляется единственный экземпляр монеты «Жи-юе-гуан-цзинь». Монеты этой серии почти не изучены, имеющиеся в нумизматической литературе описания монет и толкование надписей на них далеко не всегда правильны. В этой связи естественно, что новые находки приобретают особое значение.

В 1987 г. при раскопках руин наместничества Шаньюй (эпоха Тан), расположенных в 11 км на север от г. Хэлингир, на территории Внутренней Монголии, был найден еще один экземпляр такой же монеты, что и найденной в Бешбалыке (Ян Лу-ань, 1994).

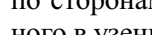
Об интересующих нас монетах существует специальная работа Линь Мэйцуня (1998). По данным исследователя, в Китае к 1998 г. хранилось только семь экземпляров монет «Жи-юе-гуан-цзинь»: кроме находки на городище Бэйтин, один экземпляр хранится в Шанхайском музее, остальные пять – в руках коллекционеров (Линь Мэйцунь, 1998, с. 381–383).

В 2006 г. пекинский коллекционер старинных монет Цао Гуаншэн поднял во Внутренней Монголии в окрестности г. Хух-Хото новую монету «Жи-юе-гуан-цзинь» с рельефным кантом по краю (табл. 1, 7). На лицевой стороне монеты хорошо видна китайская надпись «Жи-юе-гуан-цзинь», на оборотной стороне сохранились знаки незнакомой надписи. Эту и другие монеты мы публикуем с согласия коллекционеров-нумизматов Цао Гуаншэня (Пекин) (табл. 1, 1) и Владимира Беляева (Москва) (табл. 1, 2-8) (The Oriental Numismatics On-Line Database: <http://www.zeno.ru>).

Число интересующих нас монет, найденных в Китае, возрастает, если к ним добавить экземпляры, имеющиеся среди случайных находок, сделанных в разных местах страны. По словам Цао Гуаншэня, до сих пор в Китае обнаружено более 20 экземпляров таких монет. Основная их часть была собрана местными жителями с помощью металлодетектора, позволяющего обнаруживать металлические предметы на глубине до 3 м. Данные о точных местах таких находок, разумеется, отсутствуют. Лишь очень небольшая часть монет найдена при раскопках объектов, локализованных и датированных профессиональными археологами.

В Китае эти монеты в специальной литературе сейчас принято называть монетами «Жи-юе-гуан-цзинь», поскольку на лицевой (или оборотной) стороне монет помещена соответствующая китайский надпись «» (буквально означающая «Солнце, луна, свет, золото»); на второй (оборотной или лицевой) стороне помещена надпись из 12 неведомых букв. Экземпляры, принадлежащие к этим типам, отлиты по образцам китайских монет – они круглы и имеют в центре квадратное отверстие.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы по доступным источникам ответить на вопрос: какими буквами и на каком языке выполнена загадочная надпись на одной из сторон этих монет.

Монета «Жи-юе-гуан-цзинь» не имеет обозначения года и места выпуска. На лицевой стороне отлиты четыре иероглифа, расположенные по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узенькую рамочку: «» – букваль-

но «Солнце, луна, свет, золото»; на оборотной стороне отлиты 12 неизвестных знаков (рис. 1).

Известные ныне монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» иногда сильно различаются по размеру монетного кружка и ободков, по составу металла и, наконец, по общему виду (табл. 1). Представлены они тремя разными типами.

Тип I. Все монеты изготовлены из бронзы и отлиты по типу китайских монет: по краю кружка идет широкий и гладкий ободок. Диаметр монет 23 – 25,5 мм; вес сильно колеблется (табл. 1, 1-5).

Тип II представлен только одним экземпляром (табл. 1, 6). Хотя монета имеет такие же надписи, как на типе I, и по краю кружка такой же широкий и гладкий ободок, но она отличается по составу металла – изготовлена из меди и имеет характерный желтый, т.е. медный цвет.

Тип III. Два экземпляра диаметром 30 мм; изготовлены из бронзы (табл. 1, 7, 8). Край монеты имеет пупырчатый бордюр, а по ребру отлиты восемь шаровидных выступов. Монеты третьего типа заслуживают особого внимания. Им нет близких аналогий среди иных монет, характерных для Китая и Средней Азии.

Научное значение имеющейся на этих монетах незнакомой надписи уже было оценено специалистами. Знакомство с изучаемыми монетами даже привело к пересмотру взглядов на древнетибетскую прародину, поскольку некоторые исследователи расценили неизвестную надпись как тибетскую (хотя прочтения предложено не было) (Чэнь Юань, Яо Шидо, Цзянь Цисян, 1991, с. 28). Ян Фусюе считал надпись уйгурской и, опираясь на китайской легенду, прочитал незнакомую надпись как «*kün, ai, yaŋu, altun*» – «солнце, луна, свет, золото» (Ян Фусюе, 1998, с. 51).

Через семь лет воспроизведения двух монет (из Бешбалыка и Шанхайского музея) были опубликованы Линь Мэйцунем, а экземпляр из г. Хэлингир – Ян Фусюэ. Линь Мэйцунь не установил принадлежность надписи, им была опубликована китайская легенда лицевой стороны, даны общие сведения о хронологии и распространении монет этого типа. Он писал: «По полученным материалам, можно предположить, что монета относится к годам правления уйгурского кагана Бао-и (808–821 гг.). Каган Бао-и возобновит в Гоби манихейство» (Линь Мэйцунь, 1998, с. 389). Исследователь подчеркнул, что такие монеты имели распространение от степей Монголии до Турфанского оазиса. При Бао-и союзные и договорные отношения с главой манихейской церкви на Востоке после 15-летнего перерыва были возобновлены, вновь стала эффективной уйгурская власть над оазисами Тарима. «Тюрки в белых одеждах», тюркские манихейские общины Восточного Притяньша-

нья вновь приняли покровительство и власть каганов из Ордубалыка. Согласно колофону «Махр-намак» (сборника манихейских гимнов на среднеперсидском языке, составленного между 808–821 гг.) в городах Таримского бассейна воцарились близкие родичи нового уйгурского кагана. Так, Яглакар Инал правил в Чинанкенде, т.е. в Кочо, а двое других – в Карашаре (Кляшторный, 2003, с. 456).

Китайская надпись на монете, выполненная почерком *лишу*, читается по кругу по часовой стрелке. Начало надписи находится на уровне XI–XII часов. Надпись литая, а не чеканная. Прекрасная сохранность некоторых найденных экземпляров монет (см. The Oriental Numismatics On-Line Database: http://www.zeno.ru/oriental_coins_database) позволяет предложить новое чтение и понимание легенды, выполненной загадочной письменностью. Китайская легенда по содержанию совпадает с тюркской надписью. В этом мы согласны с Ян Фусюе. Но поскольку уйгурское письмо было слитным, а здесь буквы написаны без связи друг с другом, надо искать письменность, не применявшую слитных начертаний. Мы постараемся показать, что язык надписи тюркский, а письмо руническое.

По нашему мнению, руническая надпись сделана скорописью или курсивом, точнее, локальным вариантом рунического курсива. Вероятно, эта индивидуальная почерковая особенность сложилась в сфере скорописного применения таласского письма. Руническая надпись сначала читается по часовой стрелке (табл. 2, 1-9), а потом против часовой стрелки (табл. 2, 10-12), начало надписи находится на уровне XI часов¹.

Изучение оригинала надписи (табл. 1, 1, 2) позволяет нам предложить новое понимание ряда знаков (Нурлан Кенжеахмет, 2007). Надпись на монете состоит из 12 рунических знаков (табл. 2) и разделяется на 4 части по три буквы в каждой. Это неслучайно. Здесь не чтение по кругу, а чтение по четырем идущим по кругу секторам. Буквы расположены верхом к квадратному отверстию в центре монеты, а низом – к круглому краю монеты. На основании сравнения с руническими знаками предлагаем следующее прочтение надписи.

Транслитерация (подчеркнутые пары букв означают один знак оригинала): знаки 1, 2, 3: *miŋr²*; знаки 4, 5, 6: *š¹ük^{r1}*; знаки 7, 8, 9: *j¹r¹uq*; знаки 10, 11, 12: *s¹my*

Транскрипция: *miŋ(i)r, šük(u)r, j(a)uq, s(o)m(a)ŋ*
Перевод: солнце, Венера, свет, луна

¹ Поскольку китайская легенда не содержит девиза правления, нельзя думать, что в рунической надписи применен знак правителя, т.е. тамга.

Комментарий. Знаки 1–3. Можно предложить два варианта прочтения слова. Если знак 1 является «mi», тогда слово можно прочитать как «Miṽir». Слово Miṽir, наиболее вероятно, нетюркского происхождения. Таков один из фонетических вариантов имени Митры (mitr, myhr, mithra и mitri, mitra), заимствованного из среднеперсидского религиозного термина со значением «солнце» (Mackenzie, 1971, p. 56: ¹mihr) или «бог света, чистоты и правды» (ДТС, 1969, с. 345).

Согласно нашим представлениям, знак 1 в оригинале является тесно начертанными двумя рунами: «m» и «j¹», но здесь со значением «mi». Подобное применение этой буквы заслуживает особого внимания. Для известных таласских памятников оно вполне обычно. Уже при анализе надписи таласского валуна стало ясно, что данный знак следует читать как «m» (Малов, 1936, с. 23). Второй раз «mi» на монете написано иначе (знак 7). Одновременно уточняется и написание знака 7. Хотя его можно читать как «m», отметим, что некоторые особенности его начертания (только один вертикальный штрих) позволяют видеть в нем и вариант написания «j¹».

Šükür или šukur (знаки 4–6). Это второе слово на монете заимствовано из санскрита (скр. śukra). Здесь написано слово šükür «планета Венера» (ДТС, 1969, с. 525). Однако здесь употребляется руна «r¹», следовательно, это слово может передавать не «šükür», а «šukur». Санскритское слово šukur засвидетельствовано в значении «Венера», «свет, огонь» (Кочергина, 2005, с. 648: śukra). В нашем случае средневековый автор мог отразить нормы санскритского произношения слова. Вспомним здесь фразу из известной древнеуйгурской рукописи 1202 г., найденной в Турфанской котловине: Aditja, Soma, Aṇarak, Bud, Braṅsvati, Šükür, Šaničar jeti graṅlar – «Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн – семь планет» (Rachmati, 1937, p. 20).

Вновь видим, что монетный текст нанесен знаками таласского алфавита, о чем свидетельствует характерный облик знака «š¹», имеющий в таласском письме самобытный вид вертикального ствола с двумя симметричными верхними коленчатыми отводками (см. надписи на валунах из урочища Айртам-Ой, надписи Кочкорской долины и др.) (Малов, 1936, с. 24–25, фиг. 3–4; Кляшторный, 2001, с. 204, рис. 1; Кызласов И.Л., 2005, с. 47, рис. 1).

Иероглиф ½ 𐰇 «цзинь» в китайской легенде буквально означает «золото» или «деньги». Опираясь на это, китайские ученые считали, что и здесь слово «цзинь» имеет значение «деньги» (Линь Мэйцунь, 1998, с. 385) или просто «золото» (Ян Фусюе, 1998, с. 51). Благодаря дешифровке рунической легенды становится очевид-

ным, что слово «цзинь» выступает на монете как калька санскритского śukra, тюркского šükür – с первоначальным смыслом «планета Венера». В этом убеждает и китайское написание названия Венеры – иероглиф «цзинь» является сокращением слова ½ 𐰇 «цзиньсин» – «планета Венера»).

Знаки 7–9 в этой надписи могут быть прочтены двояко: «aṅuq» и «j¹aṅuq». Aṅuq можно объяснить как один из вариантов слова jaṅuq «свет, сияние, луч». Пропуск на письме гласного «a» вполне объясним нормами рунической орфографии, отсутствие же знака j¹, необходимого в обычном случае, по-видимому, вызвано фонетическим своеобразием индивидуальной речи писавшего. Такие звуковые особенности отражены статьей «Древнетюркского словаря», фиксирующей слово «земля» в форме er при нормальном jer (ДТС, 1969, с. 175: er VII). Мы знаем такое написание в других рунических надписях (Ялбак-Таш, строки IV и VI: Кызласов И.Л., 2003, с. 22, рис. 9).

Второй вариант прочтения кажется надежнее: знак 7 очень близок по начертанию к знаку 1, хотя некоторые различия в этих знаках не позволяют думать, что это одна и та же буква. Знак 7 мы читаем как j¹ – написанный столь необычно, он опознается благодаря китайской надписи, в которой «гуан» – «свет, луч». Расположение надписи также склоняет к варианту «j¹r¹uq». Поэтому знаки 7–9 читаем как «j¹aṅuq».

Знаки 10, 11, 12. Это слово читается по вертикали, сверху вниз, и в полной мере отвечает размещению китайской легенды. Между тем, реальное расположение этих знаков не только предоставляет такую возможность, но при учете естественной необходимости во время чтения расположенных по окружности рун последовательно вращать монету против часовой стрелки делает именно подобное понимание наиболее вероятным. Придавая разное значение двум первым знакам и исходя из классической рунической орфографии, существует три формальных возможности прочтения рун 10–12: m(a)ṅ, mṅy, s¹(o)m(a)ṅ.

Первый вариант m(a)ṅ дает слово, заимствованное из пехлеви – māh (Mackenzie, 1971, p. 53) или согдийского языка – m¹ṅ (ДТС, 1969, с. 335) с одинаковым значением «луна». Второй вариант также можно читать как māh. Однако при этом может возникнуть удивление по поводу употребления в надписи на бронзовой монете двух букв «m» там, где достаточно одной «m». К тому же, второй раз «m» на монете написано иначе (знак 11). Третий возможный вариант прочтения кажется надежнее прочих. Некоторые особенности начертания знака 10 позволяют

видеть в нем вариант написания «s¹», имеющий аналогии в рукописи уйгуров из Дуньхуана (Thomsen, 1912, p. 219, pl. III, b) (табл. 3, 24). По С.Г. Кляшторному, этот документ относится к IX – началу X в. (Кляшторный, 2003, с. 387). В другой рукописи мы тоже найдем сходный вариант написания «s¹» (табл. 3, 24). Таким образом, получаем написание s¹ṃṃ, которое должно считать словом *somaḥ* – «луна» (Сакаки Рио-забуруо, 1916, p. 225), одним из вариантов санскритского слова *soma* – «бог луны, луна» (Кочергина, 2005, с. 648). В рукописи из Турфана слово *somaḥ* встречается в виде *soma* (Rachmati, 1937, p. 20).

Отдельные особенности надписи на монете указывают на специальные знания ее создателя. Орфографическое и палеографическое своеобразие надписи позволяет думать, что ее автор знал не менее четырех систем письма, одна из которых была какой-то алфавитной, одна – китайскими иероглифами, а две других – руническими: орхонской и таласской. Существование среди орхонских рукописей Восточного Туркестана сугубо манихейских произведений – факт широко известный в науке и о нем нет необходимости напоминать в этом случае. По мнению И.Л. Кызласова, существовало три больших класса рунического правописания, каждый из которых отразил принципиально различные подходы к отражению речи на письме: классическое правописание, полногласное правописание и псевдоруническое правописание (Кызласов И.Л., 1996, с. 124–136; 1999, с. 85–111). Псевдоруническое правописание отличает несоблюдение всех главных норм рунической письменности – как в применении знаков для согласных, так и для гласных. Согласные буквы употребляются без связи с окружающими гласными (обычно варианты для мягкорядных применяются вместо твердорядных). Известна и замена рун для гласных (также мягкорядные используются вместо твердорядных). К псевдоруническому правописанию относится и руническая легенда монеты «Жи-юе-гуан-цзинь». Знаки 4–6 здесь транслитерируются š¹ük(u)r¹, а читаются, наиболее вероятно, как šükür. Руны 10–12 транслитерируются s¹ṃṃ, а читаются как s(o)m(a)ṃ. Правописание разобранной здесь надписи, как и в других подобных ситуациях, свидетельствует о том, что в этих случаях руническим письмом овладевали грамотные люди. До этого момента их сознание накрепко впитало в себя правила написания, свойственные какой-то иной (скорее всего, манихейской) письменной системе, не знавшей графического противопоставления знаков в зависимости от качества гласных звуков слова.

Остается заметить, что почерк рунической легенды монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» кажется не каноничным. Благодаря многим письменным деталям, он скорее близок почерку, свойственному брахми (Фридрих, 1979, с. 386, рис. 273) (рис. 2). Следовательно, мастер знал письмо брахми и писал рунические буквы, как брахми. Хорошо известно применение брахми для письма на тюркских языках в среде буддийских общин Восточного Туркестана (рис. 3).

* * *

О чем же свидетельствуют изучаемые монеты с тюркоязычными надписями, выполненными таласским руническим алфавитом? Прежде всего, они позволяют заключить, что тюркоязычные рунические надписи на монетах – для Центральной Азии явление не случайное. Даже сами по себе, отдельно взятые, эти надписи могут быть использованы в качестве источника при решении вопроса о существовании манихейства в древней Центральной Азии. В енисейских рунических надписях встречаются термины, непосредственно заимствованные из манихейской литературы (мар, баг, ашун, асурий и др.). Сирийским словом «мар» (учитель) согдийцы называли манихейских миссионеров, так же их стали называть и древние хакасы (Кызласов Л.Р., 1999, с. 200). Среди таласских надписей IX–X вв. известны строки, отразившие основные манихейские представления. Такова молитвенная запись из долины Мерке²: b(u)ṃ(u)m j(a)s («Рассей мою печаль»). Как известно, согласно манихейской доктрине, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа принадлежала богу Добра. Чтобы освободиться от власти дьявола, человек должен очиститься от элементов зла, а для этого необходимо избавиться от власти материального начала. Идеальный манихей обязан отказаться от всякой собственности, в какой бы форме она ни представала перед ним.

Как мы видели, содержание надписи на монете «Жи-юе-гуан-цзинь» прямо показывает, не только существование собственной специальной терминологии, связанной с манихейством, но и бытование специальных молитвенных денег. Стремясь определить религиозную принадлежность рассматриваемых монет, обратим внимание на присущую им иноязычную лексику. Едва

² Первый опыт прочтения надписи с правобережья р. Мерке, обнаруженной в 2000 г. археологом А. Досымбаевой (2002), был опубликован А.С. Аманжоловым (2003, с. 101). Этот письменный памятник читается уверенно, но понять его непросто. Исследование камнеписного текста нельзя считать окончательным. Прежде всего, следует отвергнуть ошибочный и дать его точный перевод.

ли не вся она вполне может быть порождена буддизмом: среднеперсидское *Miγir*, санскритизмы *Śūkūr* и *somaḥ*. И все ж сказанное никак не противоречит манихейскому определению изучаемых монет. Хорошо известно, что Мани считал Будду одним из своих духовных предшественников. Буддийская терминология в восточном манихействе занимала место, подобное гностическо-христианской терминологии в западном манихействе (Кызласов И.Л., 2001, с. 258). Из всех восточных религий только манихейство использовало, наравне с иными, и руническое письмо (Габен, 1986, с. 171).

Таким образом, для определения монет «Жи-юе-гуан-цзинь» как манихейских имеется два основания: во-первых, их содержание (астральные культы) вполне сопоставимо с основными манихейскими представлениями; во-вторых, использование рунической (таласской) письменности, из мировых религий применявшейся только манихейством. По мнению Ю.А. Зуева (2002, с. 249), в тюрко-буддийских текстах совместное упоминание Солнца и Луны (*kün aj*) лишено генеалогического смысла.

Остается неизвестным, где и когда появились монеты «Жи-юе-гуан-цзинь».

Прежде всего, рассмотрим вопрос об относительной датировке представленных монет. По археологическим данным, монета «Жи-юе-гуан-цзинь» вместе с монетой «Кайюань тунбао» найдена в слоях, датируемых 920–1040 гг. (Чжунго шэуэй кэсюань каогу яньцзю со, 1991, р. 172). «Кайюань тунбао» – самые долговечные монеты Китая. Они отливались непрерывно, начиная с 621 г., по меньшей мере в течение 340 лет. Полученные экспедицией материалы уже в годы раскопок позволили относить возведение храма к более раннему времени, чем 920–1040 гг., а именно к IX в. Вопрос разрешается новыми сравнительными исследованиями китайских источников, вызванными раскопками 1979–1980 гг. и проделанными пекинским археологом Линь Мэйцунем. На этом основании существование монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» можно отнести к первой половине IX в.

Мы уже показывали, что на монете встречены таласские буквы (табл. 2, 4). Датировка таласского алфавита в литературе определяется различно: С.Г. Кляшторный дает VIII в. (2003, с. 289–293), И.В. Кормушин (1975) и Л.Р. и И.Л. Кызласовы дают IX–X вв. (Кызласов И.Л., 1994, с. 99, 214–215). Китайская надпись, выполненная на монете красивым уставным почерком *лишу* в стиле Танской династии, подтверждает выпуск монет в VIII–IX вв.

Понятно, что перед нами не только новая, но и привнесенная мировоззренческая доктрина.

Обратим внимание на то, что в надписи на монетах встречена заимствованная религиозная лексика западного и южноазиатского происхождения: среднеиранское слово *Miγir*, санскритское *śūkūr* и *somaḥ* (или согдийское *maḥ*). Эти термины до сих пор встречались в тюркоязычных буддийских и манихейских рукописях. Замечено, что в Центральной Азии, где манихейское вероучение подверглось сильному воздействию буддизма, манихеи использовали под свои модели старые буддийские постройки. Тогда в уйгурских гимнах появился Мани-бурхан, а в настенных росписях стали рисовать Мани, сидящим на лотосовом пьедестале, подобно Будде. Цветок лотоса священен и для манихеев. По мнению Б.А. Литвинского, восточное манихейство было «облачено в буддийские одеяния» (см.: Кызласов И.Л., 2001, с. 258).

Со времени возникновения в манихействе значительное место получили астральные культы (Беленицкий, 1954, с. 39–67; Кызласов Л.Р., 1999, с. 181–205). В манихействе культ богов Солнца и Луны особый (Зуев, 2002, с. 248). Важно указание источников, что манихеи поклоняются планетам, отмечен культ семи планет: Солнца, Луны, Сатурна, Венеры, Юпитера, Марса и Меркурия. Очевидно, к манихейскому культу относятся и монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» с соответствующими надписями. Таким образом, идя другим путем, мы приходим к тому же выводу, что и профессор Линь Мэйцунь: «Культ Солнца и Луны свойствен манихейской вере. Его показывает и изучаемая нами монета с надписью “Солнце и Луна”» (1998, с. 385).

Данные других источников, относящихся к древней Центральной Азии, свидетельствуют о существовании манихейства и этим подтверждают наше прочтение. Манихейская принадлежность рунической Суджинской эпитафии, речь в которой к тому же идет о судьбе-наместнике в захваченной древними хакасами Уйгурии, стала ясна еще В. Томсену и Г.Й. Рамстедту. Согдийская и иранская терминология прочих рунических надписей не может противоречить этому определению, поскольку хорошо известно не только широкое распространение среди этих народов манихейства, но и особая роль согдийских миссионеров в распространении, по крайней мере в VIII в., манихейства в Восточном Туркестане, Китае и Уйгурском каганате. В последнюю треть XX в. Л.Р. Кызласовым совершено одно из крупнейших открытий в российском востоковедении – обнаружено широкое распространение в Южной Сибири одной из мировых религий средневековья – манихейства (Кызласов Л.Р., 1998; 1999, с. 181–206; Кызласов И.Л., 2004, с. 111–129.).

Не следует сбрасывать со счета и другой необходимый при решении затронутой нами проблемы материал. Кроме Бешбалыка, в Турфанской котловине обнаружили еще один экземпляр монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» (табл. 1, 4). Сама же Турфанская котловина являлась небольшой частью обширной территории бывшего древнеуйгурского государства. Тюркские манихейские памятники обнаружены в древних городах Турфанского оазиса, в Дуньхуане и на берегах Орхона, где была воздвигнута прославляющая Мани и «учение Света» Карабалгасунская стела с надписями на тюркском, согдийском и китайском языках. Государственной религией Уйгурского каганата в 762–763 гг. стало манихейство, которое по крайней мере в течение второй половины IX в. оставалось государственной религией и уйгурских государств Кочо и Ганьчжоу.

Итак, прочитанные здесь рунические надписи позволяют заключить, что монеты были отлиты тюркоязычной манихейской общиной. Ее члены пользовались таласским руническим письмом. Руны 1, 2 и 4 на монете «Жи-юе-гуан-цзинь» характерны лишь для таласского письма (Кызласов И.Л., 1994. Табл. XXIII, 53, 76, 77). Мастер, создавший надпись, знал письмо брахми и писал рунические буквы, уподобляя их облик письму брахми.

Литература

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003.

Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культур Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Габен А. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.

Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. Тараз, 2002.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Археологический вестник. VIII. СПб., 2001.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб, 2003.

Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // СТ. 1975. № 2.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 2005.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996.

Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. М., 1999.

Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. М., 2003.

Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на горном Алтае // Древности Востока. М., 2004.

Кызласов И.Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология, 2005, №2.

Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1997. № 3.

Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // РА. 1999. № 2.

Линь Мэйцунь. Жи-юе-гуан-цзинь юй хуйху моницзяо // Хань Тан Сиюй юй Чжунго (Монета «Жи-юе-гуан-цзинь» и манихейство в Уйгурском Каганате // Западный край в период династий Хань и Тан и цивилизация Китая). Пекин, 1998.

Малов С.Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. М.;Л., 1936. Вып. 6-7.

Нурлан Кенжеахмет. Жи-юе-гуан-цзинь хушу као // Чжунго цянъби (Монеты «Жи-юе-гуан-цзинь» с тюркскими руническими надписями // Нумизматика Китая). 2007. № 1.

Сакаки Риоабуроу. Бонзоуканва шьякутайкоу: Хоняку мейги дайшу. (Санскритско-тибетско-китайско-японский четырехязычный сравнительный словарь. Словарь (буддийских) терминов). Киото тейкоку дайгаку Бункадайгаку сошо, 1916.

Сартқожаулы Қ. Байырғы түрік жазуының шығу тегі: Орхон мәтіндерінің этнолингвистикалық құрылымы мен жүйесі (Происхождение древнетюркского рунического письма: этнолингвистическая структура и система орхонских текстов). Астана, 2006 (в печати).

Фридрих И. История письма. М., 1979.

Чэнь Юань, Яо Шидо, Цзянь Цисян. Чжун-го лидай хоби даси. Суй-Тан-Удай Шиго хоби. Ди 3 цзи (Сводный каталог многовековых монет Китая. Монеты династии Суй-Тань и эпохи Пяти династий. Вып. 3). Шанхай, 1991.

Чжунго шэхуй кэаогусэюаньяньцзю со. Бэйтин Гаочан Хуйху фосы ичжи (Институт археологии Академии общественных наук КНР. Остатки буддийского храма Кочо-уйгурского периода на городище Бэйтин). Шэньян, 1991.

Ян Лу-ань. Нэймэнгу синьчу Сией цзянь таньвэй // Нэймэнгу цзиньжун яньцзю. Цяньби чжуанькань (О монете Западного края, обнаруженной при новых раскопках во Внутренней Монголии // Изучение финансовых дел Внутренней Монголии. Специальный номер о монетах), 1994, № 1.

Ян Фусюе. «Жи-юе-гуан-цзинь» цяньюй хуйху моницзю / Сией дуньхуан цзунцзю лунгао (Монета «Жи-юе-гуан-цзинь» и манихейство в Уйгурском Каганате // Изучение религии Западного края и Дуньхуана). Ланчжоу, 1998.

Mackenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. London, 1971.

Rachmati G.R. Türkische Turfan Texte. VII // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1937.

The Oriental Numismatics On-Line Database: <http://www.zeno.ru>.

Thomsen V. Dr. M.A. Stein's manuscripts in Turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang / The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1912, January.

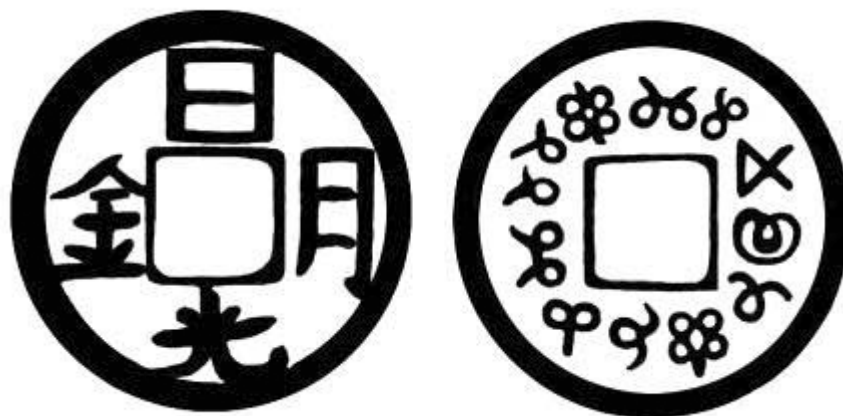

Рис. 1. Монета «Жи-юе-гуан-цзинь».

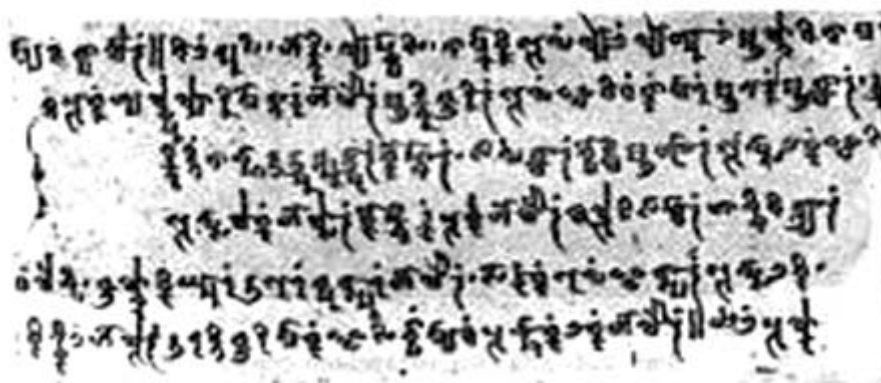

Рис. 2. Уйгурский текст, записанный письмом брахми. По И. Фридриху (1979. С. 386. Рис. 273).

		<i>Гласные .</i>						
		𑖠 a	𑖡 ā	𑖢 (aya-) ā	𑖣 i = i	𑖤 u	𑖥 ū	𑖦 (uyu-) u
		𑖧 e	𑖨 (eya-) e	𑖩 ai	𑖪 o	𑖫 (oya-) o	𑖬 (oyo-) o	𑖭
		<i>Согласные</i>						
<i>Заднеязычные</i>		𑖮 ka	𑖯 kha	𑖰 ga	𑖱 gha	𑖲 na		
<i>Переднеязычные</i>		𑖳 ca	𑖴 cha	𑖵 ja		𑖶 ña		
<i>Церебральные</i>						𑖷 ṅa		
<i>Зубные</i>		𑖸 ta	𑖹 tha	𑖺 da	𑖻 dha	𑖼 na		
<i>Губные</i>		𑖽 pa	𑖾 pha	𑖿 ba	𑗀 bha	𑗁 ma		
<i>Полугласные</i>		𑗂 ya	𑗃 ra	𑗄 la	𑗅 va			
<i>Спиранты</i>	}	𑗆 sa	𑗇 ṣa	𑗈 ṣa	𑗉 ha			
<i>Конечные</i>		𑗊 -k	𑗋 -p	𑗌 -m	𑗍 -r			
<i>без гласных</i>		𑗎 -!	𑗏 -ṣ	𑗐 -s	𑗑 -s			
<i>Новые</i>	}	𑗒 qa	𑗓 ga	𑗔 da	𑗕 dza (?)	𑗖 wa		
<i>знаки</i>		𑗗 za	𑗘 za					

Рис. 3. Уйгурское письмо брахми. По И. Фридриху (1979. С. 385. Рис. 272).

тип	№	Монета	Место находки	данные	Место хранения
I	1		Турфан	Вес 7 грамм Диаметр 25.5 мм Металл: бронза	Коллекционер Цао Гуаншэн (Пекин)
	2		Монголия	Вес 3.47 грамм Диаметр 23.2 мм Металл: бронза	Россия
	3		Монголия	Металл: бронза	Неизвестна
	4		Долина р. Туюк, Турфанский оазис	Вес 4.47 грамм Диаметр 24 мм Металл: бронза	Урумчи, СУАР, Китай
	5		Монголия	Диаметр 25 мм	Россия
II	6		Монголия	Вес 5.9 грамм Диаметр 23 мм Металл: медь	США
	7		Окрестности г.Хуж-Хото, Внутренняя Монголия	Вес: 7.8 грамм Диаметр: 30 мм Металл: бронза	Россия
III	8		Известна лишь по сведениям в интернете	Металл: бронза	Россия

Табл. 1. Образцы монет «Жи-юе-гуан-цзинь», известные автору.

Сектор на монете	Порядковые номера рунических знаков	Формы знамен на монете	Рунические знаки	Значение	Варианты восприятия знамен
I	1			mi/m	
	2			γ	
	3			r ²	
II	4			§ ¹	
	5			ük/kü	
	6			r ¹	
III	7			j ¹	
	8			r ¹	
	9			uq /qu	
IV	10			s	
	11			m	
	12			γ	

Табл. 2. Определение рунических знаков в надписи на монете «Жи-юс-гуан-цзинь».

№	Значение	8212/76 старый № MS.I.,ML. 006	8212/77 старый № MS.IV.Ch. 00183	8212/78,79 старый № MS.III.,Ch. 0014	8212/161 старый № MS.III., Ca.00331	TM 340 (Mz.171)	Рюкоку (Япония) №8129	АН и Майнзе
1	a/e	↓	フ; 𐰆	𐰆	𐰆	𐰆	𐰆	𐰆
2	o/u	𐰇	𐰇	𐰇	𐰇	𐰇	𐰇	𐰇
3	ö/ü	𐰈	𐰈	𐰈; 𐰉	𐰈	𐰈	𐰈	𐰈
4	y/i	𐰉	𐰉	𐰉	𐰉	𐰉	𐰉	𐰉
5	b ¹	𐰊	𐰊	𐰊	𐰊	𐰊		𐰊
6	b ²	𐰋	𐰋; 𐰌	𐰋	𐰋	𐰋		𐰋
7	č	𐰍	𐰍	𐰍	𐰍			𐰍
8	d ¹	𐰎	𐰎	𐰎	𐰎			𐰎
9	d ²	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏	𐰏
10	γ	𐰐	𐰐	𐰐	𐰐			𐰐
11	g	𐰑	𐰑; 𐰒	𐰑	𐰑	𐰑		𐰑
12	r ¹	𐰓	𐰓	𐰓	𐰓	𐰓	𐰓; 𐰔	𐰓
13	r ²	𐰕	𐰕; 𐰖	𐰕	𐰕	𐰕		𐰕
14	k	𐰗	𐰗	𐰗	𐰗	𐰗	𐰗	𐰗
15	l ¹	𐰘	𐰘	𐰘	𐰘		𐰘	𐰘
16	l ²	𐰙	𐰙	𐰙	𐰙			𐰙
17	m	𐰚	𐰚	𐰚	𐰚			𐰚
18	n ¹	𐰛	𐰛	𐰛	𐰛	𐰛		𐰛
19	n ²	𐰜	𐰜	𐰜	𐰜	𐰜		𐰜
20	ŋ	𐰝	𐰝	𐰝	𐰝	𐰝	𐰝	𐰝
21	j	𐰞	𐰞	𐰞	𐰞	𐰞		𐰞
22	t ¹	𐰟	𐰟	𐰟	𐰟			𐰟
23	t ²	𐰠	𐰠	𐰠	𐰠	𐰠	𐰠	𐰠
24	s ¹			𐰡; 𐰢				
25	s ²	𐰣	𐰣	𐰣	𐰣	𐰣	𐰣	𐰣
26	š	𐰤	𐰤; 𐰥	𐰤	𐰤	𐰤	𐰤	𐰤
27	q	𐰦	𐰦	𐰦	𐰦			𐰦
28	p	𐰧	𐰧	𐰧	𐰧	𐰧		𐰧
29	j/aj	𐰨	𐰨	𐰨	𐰨	𐰨		𐰨
30	j ²			𐰩	𐰩	𐰩	𐰩	𐰩
31	z	𐰪	𐰪	𐰪	𐰪	𐰪		𐰪
32	ič					𐰫		
33	nd/nt				𐰬	𐰬		
34	ld/lt					𐰭		𐰭
35	nč		𐰮		𐰮		𐰮	𐰮
36	oq,qo uq,qu	𐰯	𐰯	𐰰	𐰰		𐰰	𐰰
37	ök,kö kü,ük						𐰱	𐰱
38	up				𐰲	𐰲		
39	ot				𐰳			𐰳
40	rt/baš						𐰴	𐰴
41	yq/q y	𐰵	𐰵		𐰵	𐰵		𐰵
42	словообразительный	;	;	;	•			==

Табл. 3. Курсивные начертания рунических знаков в рукописях из Восточного Туркестана: коллекция А. Стейа (Британский музей, шифр 8212/76-78, 161), коллекция в Берлине (TM 340) и библиотеке АН в Майнце, в библиотеке университета Рюкоку в Киото (8129). По Сарткожаулы Қ, (2006, с. 302, табл. 15).

Сергей Кляшторный

Институт востоковедения Санкт-Петербургского филиала РАН

Дмитрий Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИГРАЦИИ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН В ЗАПАДНЫЙ АРЕАЛ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ (кимако-кипчакский феномен)

История Восточной Европы в X–XII вв. отмечена обширной миграцией сюда тюркоязычных племен из Центральной Азии, оказавших заметное влияние не только на политическую, но и на этнокультурную жизнь этого огромного региона. Вместе с тем, отчетливо проявилось исторически быстрое воздействие этнополитических процессов на Дальнем Востоке на события в западной части евразийского пространства.

Самым заметным вторжением тюркских кочевников было, по общему мнению, кипчакская оккупация степей Евразии между Иртышем и Дунаем. Действительно, в восточной части евразийских степей, после распада государства кимаков, в XI–XII вв. очевидно полное преобладание кипчаков, именовавшихся в VI–VIII вв. «шестью племенами сиров». Ставки кипчакских ханов известны на Сыр-Дарье и на Урале, а в XII в. они разделили власть с ханами племен канглы.

Но были ли кипчаками, как это принято считать, те тюркские племена, которые в русских, венгерских и западных источниках именовались половцами – кунами – команам?

Убедительность положительного ответа нарушает краткая информация, содержащаяся в одном арабском сочинении начала XII в. Придворный врач сельджукского султана Меликшаха, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение в прошлой истории огузских племен. Согласно Марвази, кытай, т.е. кидани вытеснили из своих владений племя кунов. Из-за недостатка пастбищ и нападений племени каи куны вторглись в земли шары, т.е. в земли туркмен, которые, в свою очередь, захватили восточные земли огузов. Огузы ушли на запад, к Черному морю, в земли печенегов.

Независимо от того, были ли войны между перечисленными Марвази племенами или они двигались по принципу снежного кома, западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий X – первой половины XI вв., возникших вследствие создания в Северном Китае и Монголии киданьской империи Ляо, в Ганьсу – тангутского государства Си Ся, в Семиречье и Восточном Туркестане – Караханидского каганата. В 1036 г. тангуты подчинили государство уйгуров в Ганьжоу и закрыли для восточных тюрков, испытывавших киданьский натиск, Ганьсуйский коридор. Исламизированные караханидские карлуки, в недавнем прошлом – христиане-неоториане, стали для «неверных» тюрков заслоном на пути к оазисам Семиречья и Мавераннахра. Относительно свободным оставался только один путь на запад – через верховья Оби и Иртыша, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье, вдоль северных границ Караханидской державы.

В 1027 г. кидани, искавшие союзников против Караханидов, присылают посольство в Газну, к султану Махмуду. Через два года ал-Бируни, живший тогда при дворе Махмуда, упоминает в одном из своих сочинений два неизвестных дотолее восточнотюркских племени – кунов и каи. Проходит немного времени, и на северных рубежах Караханидов начинаются жестокие и длительные войны карлукских гази, борцов за веру, с тюрками-язычниками. Отзвуки этих событий, запечатленные в караханидских эпических песнях, сохранились в записях Махмуда ал-Кашгари, к сожалению, очень фрагментарных. Но там перечислены главные враги тюрков-мусульман – ябаку, басмылы, чомулы, каи, йемеки. Самых мусульманизированных карлуков, создателей Караханидской державы, Махмуд ал-Кашгари и Марвази именуют туркменами так же, как и исламизированных в X – начале XI вв. огузов-сельджукидов. Западные земли туркмен-карлуков, по реке Талас и в предгорьях Каратау,

граничили с восточными землями сырдарьинских огузов, и граница не была спокойной. Уже в IX в. здесь начались тогда еще эпизодические религиозные войны. В начале 40-х годов XI в. туркмены-сельджукиды и туркмены-карлуки окончательно сокрушили государство сырдарьинских Огузов, и те ушли в приволжские степи. В 1050 г. они появляются на берегах Дона и Днепра, где сражаются с печенегами и русами. Русские летописцы называли их торками, т.е. турками, а византийцы – узами, т.е. огузами. Таков конечный итог событий, сохраненных в изложении Марвази.

Между тем, Махмуд Кашгарский, повествуя о последней жестокой войне караханидских гази, особо выделяет роль вождя враждебной коалиции, князя ябаку Бёке, т.е. «большого змея». Его собственное имя было Будрач. Его главным союзником или вассалом был бег басмылов. В этой войне язычники потерпели страшное поражение. И здесь стоит вспомнить две подробности. Рассказывая о народе шары, Марвази пишет: «они известны по имени их вождя, а он – басмыл». Басмылы были одним из древнейших тюркских племен. Руническая надпись из Могон Шине Усу называет их «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы в 742 г. стали, в момент развала Тюркского каганата, преемниками имперской традиции – ведь идикутами, т.е. августейшими государями басмылов были князья из династического рода тюркских каганов – Ашина. Но власть и титул были отняты у басмылов уйгурами и карлуками. А в 60-х годах IX в. уйгуры вытеснили басмылов из Джунгарии, и те ушли в Северо-восточное Семиречье – Махмуд ал-Кашгари помещает их на своей карте близ оз. Балхаш. Это были древние земли «желтых» тюргешей. В первой половине XI в. их восточными соседями были каи и ябаку, возглавляемые «великим змеем» Будрачем. Ко времени войн с караханидскими гази басмылы занимали по отношению к ябаку и их вождям явно подчиненное положение, точно так же, как и жившие между ябаку и басмылами каи. Было ли верховенство ябаку результатом военных событий, предшествовавших моменту, о котором пишет Махмуд ал-Кашгари, или же их связывали иные отношения, остается неясным. Но здесь уместно вспомнить одно вполне фольклорное повествование армянского историка XI в. о нападении «народа змей» на «желтых». Со времен И. Маркварта принято отождествлять «желтых» или «рыжих» Матфея с шары, т.е. тоже с «желтыми» о которых писали Марвази и его компилятор Ауфи. Только у ябаку вождь именовался «великим змеем», и «народ змей» явно коррелирует с ябаку. У Марвази народ, подчинившийся на одном из этапов западной миграции шары,

назван кунами. И это название, известное уже ал-Бируни в паре с именем каи, странным образом опущено Махмудом ал-Кашгари, отлично знавшим этническую ситуацию на караханидской границе и не забывшего каи. Если в ситуации с шары Махмуд называет их по имени главенствующего племени басмылами, то пропуск имени кунов может означать лишь их обозначение иным названием. В контексте описываемых событий таким другим названием кунов было ябаку, что, собственно, является несколько презрительным прозвищем – так называли людей или животных с длинными и взлохмаченными волосами или спутанной шерстью.

Куны – одно из древнейших тюркоязычных племен, занимавших почетное место в конфедерации теле. После разгрома в 840 г. Уйгурского каганата они бежали на восток Монголии и вскоре попали в сферу влияния киданей. Когда и в связи с какими событиями они были вытеснены киданями из Монголии, неясно, но уже у ал-Бируни куны и каи упоминаются рядом с енисейскими кыргызами. Каи принято отождествлять с монголоязычными си из племенного союза шивэй, но, по моему мнению, в эту гипотезу следует внести существенное уточнение. Кроме родственных киданям си из племен шивэй, китайские источники многократно упоминают «белых си», которые уже в начале VII в. входили в состав тюркоязычного племенного союза теле. Недаром Махмуд Кашгарский пишет о каи как об одном из тюркоязычных племен, имевших, правда, свой диалект. Несомненно, нуждается в объяснении появление этнонима шары. Как уже было сказано, здесь возможна связь с переселением басмылов в середине IX в. на территорию «желтых» тюргешей. Но возможны и другие гипотезы. Сами тюрки-туцзюэ изначально подразделялись на группировки, обозначаемые цветовыми маркерами. Так, после распада Первого Тюркского каганата в 630 г. китайцы выделяют среди покоренных и переселенных на юг племен тюрков-ашина, т.е. кёк-тюрков («синих» тюрков), и еще тюрков-шели, т.е. тюрков-шары («желтых» тюрков). Это разделение на группы устойчиво сохранялось и в 735 г.; в донесении императорскому двору китайский пограничный чиновник пишет о мочжо-тюрках (здесь личное имя кагана заменило его родовое имя – ашина) и «желтоголовых» тюрках.

В тюркской этнонимике более известно деление родственных племенных групп на «белых» (ак) и «черных» (кара). Эти обозначения никак не связаны с антропологическими различиями. Они лишь маркируют структурные подразделения внутри племенных союзов. Иногда возможны иные цветовые маркеры – «синие» и

«желтые», «черноголовые (черношапочные)» и «красноголовые». Обозначения со словом «Сарышары» преобладают среди племен кыпчакской группы – казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев. Обозначение «кызыл» преобладает среди туркмен.

Первоначально цветовые ономастические маркеры всегда парные. Обособление одного из них и превращение структурного маркера в устойчивый этноним означает распад прежней племенной общности, рождение новой племенной группировки, цветовые обозначения которой утратили атрибутивную семантику.

Итак, в первой половине XI в. крупная группировка тюркских племен (куны и каи), некогда входивших в племенную конфедерацию теле, вытесненная из монгольских степей киданями, продвинулась в Западную Сибирь, Северную Джунгарию и Северо-Восточное Семиречье. Там она слилась с другой группой тюркских племен – шары и басмылами. Потерпев поражение в войнах с караханидскими карлуками, обе группировки продвинулись далее на запад, по традиционному пути центральноазиатских миграций. Контакт с кыпчаками, земли которых лежали на пути миграции, был неизбежен, но характер этого контакта неясен. Очевидно, что в новом объединении племен сохранялись две основные группы – кунов-команов и шары-половцев.

Уже в 1055 г., вытесняя огузов-торков, шары-половцы закрепились на южных рубежах Киевской Руси. В их составе оказались тюркский династийный род Ашина – хан Осень/Асень был отцом Шарукана Старого и каи (каепичи), и йемеки (емякове). Судьба кунов-команов решалась к западу от кочевий половцев, т.е. в последнем случае речь идет об остатках кимацкого племенного союза (йемеки – позднее название кимаков).

* * *

По археологическим материалам следы миграции племен кимако-кыпчакского объединения могут быть выявлены, в первую очередь, при условии определения культурно-дифференцирующих признаков на местах исхода носителей данной культурной традиции. При этом важно не просто определить то или иное погребение как «кимацкое» или «кыпчакское», а попытаться проследить появление определенных категорий предметов сопроводительного инвентаря и особенностей погребального обряда по мере их «продвижения» с востока на запад, так как в материалах Европейской части степи в предшествующее время они не имеют соответствующего генезиса.

Наиболее вероятным местом расселения кимако-кыпчакских племен на востоке были предгорные районы Алтая, с выходом на запад – в казахстанские степи, и на север – по лесостепной полосе Западной Сибири. Археологическое выражение этой общности представлено памятниками сrostкинской культуры, отождествление которой с племенами кимако-кыпчакского объединения было обосновано нами в ряде работ (Савинов, 1976, 1984 и др.), в том числе в совместной монографии авторов настоящего доклада «Степные империи древней Евразии» (Кляшторный, Савинов, 2005). Предложение о разделении этой культуры на археологическую культуру кимаков и сrostкинскую (для аналогичных памятников Северного Алтая (Могильников, 1981) не принципиально, так как государство кимаков по самой сути своего происхождения было полиэтничным образованием (Кумеков, 1972), в состав которого входили как собственно кимаки (по Б.Е. Кумекову и Ю.А. Зуеву – йемеки), так и другие подвластные им племена, в том числе и кыпчаки.

Сrostкинская культура – самая яркая культура завершающего этапа древнетюркского времени (середина IX – начало XI в.), формирование которой происходило на основе предшествующих (катандинских) традиций, усиленных в период господства Уйгурского каганата. Археологические памятники Верхнего Иртыша (Восточный Казахстан), скорее всего, представляют культуру кимаков в центральном районе созданного ими этносоциального объединения (раскопки С.С. Черникова, Ф.Х. Арслановой, Ю.И. Трифонова). Другие локальные варианты сrostкинской культуры могли иметь иную (в узком значении этого термина) этническую принадлежность.

Наряду с разнообразными видами погребений, что соответствует характеру полиэтничного объединения, в качестве этноиндикаторов кимацкого (сrostкинского) культурного комплекса можно выделить целый ряд предметов специфических форм. Это костяные псалии с окончанием в виде «рыбьего хвоста», стремена с невыделенной невысокой пластиной, костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, длинные ременные наконечники и «Т»-видные тройники, украшенные растительным орнаментом, сердцевидные бляхи-решмы с личиной-колокольчиком, двухсоставные застежки, копоушки и др. Особенно характерны для данного культурного комплекса различного рода украшения, выполненные в ажурном стиле (подвески, застежки, накладки и т. п.). Восточно-казахстанские погребения отличаются наибольшим коли-

чеством украшений, более развитой системой орнаментации, находками отдельных изделий торевтики, связанных со Средней Азией, что объясняется привилегированным положением кимаков (йемеков) по отношению к другим племенам созданной ими конфедерации.

За пределами государства кимаков многочисленные предметы поясной гарнитуры сросскинского типа найдены при раскопках семиреченских городищ на Тянь-Шане (Торгоев, 2002); в предгорьях Джунгарского Алатау известны отдельные погребения, сопоставимые с верхнеиртышскими (Агеева, Джузупов, 1963; Максимова, 1968). В тех же районах – на Иртыше (Арсланова, Чариков, 1976), в Семиречье (Шер, 1966) и Южном Казахстане (Новгородова, 1989) – были распространены каменные изваяния в виде антропоморфных стел с сосудом в двух руках или вообще без реалий, считающиеся кимакскими. Такие же схематичные антропоморфные изваяния известны в Центральном Казахстане (Ермоленко, 2004, Досымбаева, 2006). Крайне интересно, что некоторые из них найдены «закопанными» в святилищах, что будет характерно впоследствии и для отдельных половецких (кыпчакских) изваяний, открытых на Дону (Гуркин, 1998). Иконографически такие изваяния восходят к изваяниям т. н. «уйгурской» группы и через них к загадочным статуям из комплекса Унгету в Северной Монголии, справедливо отнесенном к периоду Сеяньтосского каганата (Войтов, 1987).

Отдельные сросскинские параллели можно проследить в Павлодарском и Омском Прииртышье, вплоть до Южного Урала (Боталов, 1987). Некоторые общие формы вещей прослеживаются и в материалах, относимых к гузам и печенегам в восточноевропейских степях (длинные ременные наконечники, копоушки, ажурные подвески с птичьими головками) (Гарустович, Иванов, 2004), но, скорее всего, они уже имеют не генетический, а стадийный характер. В целом, миграционные процессы кимаков, носителей сросскинского культурного комплекса в IX–X вв. были направлены в основном на запад, в сторону Семиречья и соседние районы Казахстана, и в меньшей степей на северо-запад, в сторону Южного Приуралья. Проникали ли они дальше, в восточно-европейские степи, по археологическим материалам сказать трудно.

Положение существенно изменилось с распадом кимако-кыпчакской конфедерации в 30-х годах XI в. и выходом на историческую арену кыпчаков, культура которых в восточных районах их обитания, по сути дела, остается не выявленной. Объясняется это в значительной сте-

пени тем, что время расселения кыпчаков, до этого входивших в состав кимако-кыпчакского объединения, совпало с общей нивелировкой культуры (начиная с середины XI в., когда широкое применение получают очень простые и рациональные формы предметов материальной культуры (стремена с отверстием в дужке, удила с большими внешними кольцами, плоские наконечники стрел с устойчивым набором типов, железные украшения предметов конской упряжи и др.), не имеющие, в отличие от сросскинских, каких-либо четко выраженных этнических признаков. Поэтому выделение кыпчакских (в европейской части степи – половецких) памятников имеет скорее хронологическое, нежели этнокультурное значение, хотя ясно, что эти два аспекта решения кыпчакской проблемы тесно взаимосвязаны (Федоров-Давыдов, 1966; Плетнева С.А., 1958; Иванов, Кригер, 1988; Гарустович, Рыкушин, Яминов, 1998; Боталов, Таиров, 2000 и др.).

Проследить следы кыпчакской миграции с востока на запад, в виду отсутствия четких культурно-дифференцирующих признаков, очень трудно. Однако, сопоставляя восточные и западные параллели, можно все же попытаться выделить этнически показательный предметный комплекс, который условно можно назвать «кыпчакским». К нему относится сравнительно небольшое количество вещей, каждая из которых на современном этапе изучения заслуживает отдельного рассмотрения.

1. Костяные орнаментированные накладки колчанов. Найдены во многих погребениях, считающихся кыпчакскими. Наиболее поздняя датированная находка с джучидскими монетами – Тасмола в Центральном Казахстане (Кадырбаев, 1975).
2. Серьги в виде «знака вопроса». Известны повсеместно по всей территории расселения кыпчаков. В литературе уже получили наименование «кыпчакских».
3. Костяные петли для колчанов неправильно-ассиметричной формы с отверстиями.
4. Затыльники от плетей с боковым выступом.
5. Пластины-поножи.
6. Лазуриновые ромбические подвески. О двух последних категориях предметов следует сказать особо.

Пластины-поножи с крючками для крепления обуви изображены на многих кыпчакских каменных изваяниях (Плетнева С.А., 1974). Точно такие же пластины с кольцом на одном конце и крючком на другом представлены в материалах аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов И.Л., 1983), а также в погребениях XI–XII вв. могильника Басандайка около Томска. Предложенная идентификация этих предметов (Савинов, 1984) уже получила поддержку иссле-

дователей (Адамов, 1991). Но если на половецких изваяниях эти специфические предметы с полным основанием должны быть обозначены как «кыпчакские», то таким же образом они могут быть определены и в материалах восточных районов Евразийских степей.

Ромбические лазуритовые подвески найдены в могилах Басандайки, а также в наиболее крупных могильниках XI – начала XIII вв. на Северном Алтае (Осинкинский могильник, раскопки Д.Г. Савинова) и в Новосибирской области (Ташара-Карьер, раскопки А.В. Новикова; Санаторный-1, раскопки С.Г. Рослякова), объединяемых сейчас в басандайскую культуру, этническая принадлежность которой с наибольшим основанием может быть определена как кыпчакская (Плетнева Л.М., 1997, Адамов, 2000). Очень похожие по очертаниям подвески изображены на некоторых половецких изваяниях (Плетнева С.А. 1974). Если эти вещи сопоставимы, то лазуритовые ромбические подвески также можно считать одним из характерных изделий культуры кыпчаков, хотя, судя по слову Т.И. Макаровой (Макарова, 1962), они могли появиться здесь несколько раньше.

Некоторые предметы и приемы их орнаментации из предполагаемых кыпчакских погребений сохраняют старые кимацкие (сросткинские) традиции. К ним относятся отдельные украшения в ажурном стиле, циркульный орнамент на костяных изделиях, прямоугольные пластины-вкладыши сложносоставного лука (Худяков, 1997), бронзовые колокольчики с прорезью и др.). Основная концентрация памятников, предположительно считающихся кыпчакскими – юг Западной Сибири, Южное Приуралье и обширная область восточно-европейских степей.

С точки зрения погребального обряда, с этим предметным комплексом чаще всего связываются курганы с окружающими ровиками и каменно-земляными насыпями; захоронения «со

шкурой» коня и перекрытием из тонких поперечно положенных плах, преимущественно с западной ориентировкой. Впрочем, погребения со «шкурой» коня вряд ли можно вообще считать этническим признаком, так как в эпоху раннего средневековья, начиная с VIII–IX вв., они получают чрезвычайно широкое распространение.

Особый вопрос – о возможном кыпчакском компоненте в составе аскизской культуры, многочисленные изделия которой сейчас хорошо известны в Поволжье и Волго-Камье (Руденко, 2001), а также в некоторых датированных этим временем слоях древнерусских городов. Считать их все «древнехакасскими», на наш взгляд, нет достаточных оснований, но предположение об участии воинских формирований кыпчаков в крупнейших событиях начала II тыс. н. э. (Кызласов И.Л., 1980) представляется весьма перспективным. Возможно, поэтому не случайно отдельные аскизские вещи найдены в Хорезме (Топрак-Кала), где их появление, скорее всего, связано с кыпчаками, игравшими большую роль в политической истории Хорезма в последний период его существования (Ахинжанов, 1989). Разрушенные воинские погребения с аскизским инвентарем найдены в Восточном Казахстане (прииск Степняк) и в селе Мануйловка около г. Таганрога.

Несмотря на выборочный характер приведенных материалов, на общем фоне других нивелированных, т. е. в этнокультурном отношении анонимных элементов материальной культуры, выделенный предметный комплекс отличается известным своеобразием и может рассматриваться как кыпчакский.

Ареал расселения кыпчаков был значительно более обширным, чем в предшествующее время кимаков, но в целом связанные с этим миграционные процессы составили эпоху в этнокультурной и политической истории Великой степи.

Валерий Кольченко

Институт истории Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кыргызстан – горная страна, лежащая между исконно степными номадическими районами с севера и традиционно оседло-земледельческими оазисами Средней Азии с юга. Ферганский хребет, достаточно высокий и труднопроходимый, делит ее на две части – север и юг. Культуры каждой из частей развивались параллельно друг другу, сообразно с климатом и историческими влияниями окружения, лишь в отдельные периоды сближаясь между собой. Территория Северного Кыргызстана также не является однородной в историко-культурном плане. Во всяком случае, в эпоху средневековья каждый из ее субрайонов – Таласская и Чуйская долины, котловина оз. Иссык-Куль, небольшие межгорные долины Внутреннего Тянь-Шаня – имел свои особенности и динамику развития. Об этом свидетельствуют различные виды источников – письменные, этнографические (в том числе и современное состояние указанных областей), нумизматические и, конечно же, археологические. Впрочем, путь к пониманию этого пройден далеко не до конца. А начался он около полутора сот лет назад.

На IV археологическом съезде, проходившем в 1877 г. в Казани, состоялась первая официальная презентация для профессионалов-археологов древностей Кыргызстана. На съезде было представлено два сообщения об этом: генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана о башне Бурана (зачитано В.Д. Смирновым) и градоначальника уездного города Пишпек М.А. Терентьева о самом городище Бурана (зачитано Н.И. Ильминским). Информационная запись об этом имеется в Трудах съезда¹ (Труды, 1884, с. LXIV). Появление данных сообщений, по нашему мнению, обусловлено тем, что к середине 70-х годов XIX в. было накоплено некоторое количество эмпирической информации о древностях Северного Кыргызстана, которая осваивалась местными чиновниками.

Открытие в 1885–1886 гг. крупных средневековых христианских кладбищ в Чуйской долине (Ядринцев, 1886; Пантусов, 1887) инициировало поездку по Северному Кыргызстану в 1893–1894 гг. С.М. Дудина и В.В. Бартольда, тогда еще начинающего ученого. В опубликованном отчете

описываются археологические памятники, преимущественно средневековые городища, и приводятся данные письменных источников для их понимания (Бартольд, 1897; см. также: Бартольд, 1894). Тем самым были заложены солидные основы изучения средневековой исторической географии региона². Несколько позже В.В. Бартольдом была предложена историческая периодизация древней и средневековой культуры Семиречья (Бартольд, 1898).

В 20 – начале 30-х годов XX в. производится картографирование археологических памятников в отдельных районах Северного Кыргызстана. Так, П.П. Ивановым зарегистрировано 15 средневековых поселений на Иссык-Куле (Иванов, 1957; Заднепровский, 1957, с. 113) и памятники верховьев Таласа (Иванов, 1934), а А.И. Тереножкиным – «один могильник с оссуариями, 16 развалин городов и поселений феодального времени» в Чуйской долине (Тереножкин, 1935, с. 138). Последний из них предложил периодизацию открытых им памятников. В частности, он писал, что о времени возникновения поселений «ничего неизвестно», но Сюань Цзан в 629–630 гг. застал здесь достаточно развитую «городскую и земледельческую культуру». В то же время «основная масса укреплений», по А.И. Тереножкину, появилась в VIII в., а «в IX–X вв. городская культура достигала в местности по р. Чу высшего развития, после чего она начала клониться к упадку» и «в XVI в. в долинах рр. Чу и Талас стояли уже только развалины, причем даже названия городов были всеми забыты» (Тереножкин, 1935, с. 143).

Однако данная работа А.И. Тереножкина не была оценена по достоинству и А.Н. Бернштам, крупнейший исследователь археологических памятников Северного Кыргызстана конца 30–40-х годов XX в., приводит ссылки на нее лишь в связи с упоминаниями находок неолитических орудий. Вероятно, дело здесь не столько в научной ценности публикации А.И. Тереножкина, сколько в иных аспектах.

Собственная археологическая деятельность А.Н. Бернштама в регионе началась в 1936 г. с разведочно-рекогносцировочного изучения среднего и нижнего течения р. Талас. В 1938 г., про-

изведа раскопки в г. Тараз (= Аулеи-Ата, Мирзоян, Джамбул), исследователь на полученных за три года материалах строит периодизацию, в которой доминирующее положение отведено средневековью (Бернштам, 1941). Так, возникновение города он относит к V в. и связывает с согдийской колонизацией, а прекращение его активного существования – к позднемонгольскому времени³. Тысячелетняя эволюция культуры в регионе подразделяется А.Н. Бернштамом на пять примерно равных отрезков: V–VI, VI–VIII, IX–X, XI–XII и XIII–XV(-XVI) вв. (Бернштам, 1997, с. 94–139). Однако, определяя границы хронологическим «ячейкам» и распределяя по ним наличный полевой материал, он руководствовался не столько археологическими, сколько историческими данными письменных источников. Позже, производя раскопки в Чуйской и в верховьях Таласской долин, разведки и сбор подъемного материала на Иссык-Куле и Внутреннем Тянь-Шане, добытый материал прямо или опосредованно соотносился с этой, четко необоснованной археологически, шкалой. Отсюда и постоянные ее корректировки в названиях периодов и их хронологических границах. Впрочем, содержание при этом практически не менялось (ср.: Бернштам, 1943; 1949; Чуйская долина, 1950; Бернштам, 1952).

Несмотря на вышеотмеченное, А.Н. Бернштам сделал для археологии Кыргызстана как никто другой много. Именно под его руководством осуществлялись первые профессиональные стационарные раскопки средневековых городищ Ак-Бешим и Красная Речка. В ходе этих работ впервые были выявлены объекты средневекового буддизма региона, выделен комплекс артефактов «зороастрийско-шаманистского культа», получены материалы к изучению эпиграфики на средневековой керамике, предложена первая типология местных тюркешских монет и т. д. Уже на кыргызстанских материалах развитие культуры в домонгольское время более четко подразделяется им на три периода, которым присваиваются этнические названия: тюрко-согдийский (VI–VIII вв.), карлукский (VIII–X вв.) и караханидский (XI–XII вв.) (Бернштам, 1997, с. 214–230). По каждому из этих периодов приводятся описания артефактов и составляются сводные таблицы «историко-археологической классификации памятников Семиречья и Тянь-Шаня» (Чуйская долина, 1950, табл. ХСV). Но аргументы при отнесении того или иного объекта к конкретному периоду опускаются. Учитывая же, что полученные в раскопках комплексы даже с относительной полнотой никогда не публиковались, а часть приведенного в таблицах материала не имеет даже

точного адреса, правильность датировок отдельных находок вызывает сомнения.

В целом развитие поселенческой культуры в средневековый период в регионе трактуется исследователем как неравномерное, но непрерывное: на первом этапе осваиваются Чуйская и вся Таласская долины, в «карлукско-караханидский» период происходит сокращение числа поселений в верховьях Таласа, но подчеркивается их количественный и качественный рост в Чуйской долине и появление в горных районах, в «караханидский» период сеть поселений покрывает уже весь Тянь-Шань и Иссык-Куль. И это при том, что раскопочные работы производились фактически только на трех городищах в Чуйской и двух в Таласской долинах!

А.Н. Бернштам был поистине пионером археологии Кыргызстана. Его многочисленные яркие, эмоционально окрашенные статьи во многом сформировали образ культуры древнего и средневекового Северного Кыргызстана. Предложенные им схемы развития, несмотря на частные корректировки отдельных положений, продолжают господствовать и в настоящее время.

В 1953–1955 гг. работала Кыргызская комплексная историко-археологическая экспедиция АН СССР. В ее рамках проводилось интенсивное изучение городища Ак-Бешим – одного из крупнейших в Северном Кыргызстане. За время работы Ак-Бешимского отряда (рук. Л.Р. Кызласов) вблизи центральных развалин были вскрыты раннесредневековый буддийский храм⁴, христианская церковь VIII в. с кладбищем при ней, погребальный комплекс VII–VIII вв. и ряд других объектов, а также выполнен стратиграфический раскоп на шахристане городища. Таким образом, был получен интересный и разнообразный археологический материал по истории культуры Северного Кыргызстана. При его публикации основное внимание было уделено вопросам планировки объектов, строительной технике и найденной глиняной скульптуре (Кызласов, 1959; Кызласов, 1958; Зяблин, 1961). Публикация же остальных находок, прежде всего керамики, осуществлялась не по комплексам и даже не по отдельным объектам, а по «бернштамовски» – суммарно-обобщенно, с целью показать лишь «согдийское» в ней (Распопова, 1960). Публикация же материалов стратиграфического раскопа фактически не была осуществлена ни начальником Ак-Бешимского отряда, ни автором раскопок; ими сообщается лишь его площадь (84 кв. м, 14 x 6 м), мощность (7,5 м культурных напластований), количество выделенных слоев (4), датировки крайних из них – V–VI вв. (по керамике, которая не приводится) и IX–X вв. (по не приведенной керамике и ки-

тайской монете Да-ли Юань-бао), а также даются профили раскопа (Кызласов 1959, с. 227–229; Кожемяко, 1959, с. 75).

С 50-х годов прошлого века исследованием древностей своей земли стали заниматься преимущественно кыргызстанские специалисты. Первым среди них должен быть назван П.Н. Кожемяко, который в 1952–1954 гг. производил систематическое выявление и фиксацию поселений в Чуйской долине. Им учтено 62 поселения, разделенных по внешним признакам и месту расположения (предгорная или долинная часть) на три группы. На 27 из них было выполнено 56 небольших стратиграфических раскопок и 16 разрезов стен, на остальных проводились зачистки обнажений и сбор подъемного материала. При монографическом издании результатов этой работы была дана подробная характеристика каждого городища, приведены их планы и описана стратиграфия раскопок. Однако вещественный материал публикуется также суммарно, разделенный на три части по культурно-хронологическому признаку. Правда, исследователь в описательной части работы приводит некоторые доводы, в том числе технологического и стратиграфического характера, к предлагаемому членению материала (Кожемяко, 1959), но они представляются недостаточными.

Аналогичные работы под руководством П.Н. Кожемяко были выполнены в Таласской долине в 1957–1958 и 1960 гг. (Кожемяко, 1963) и на Тянь-Шане в 1958–1959 гг., а на Иссык-Куле – в 1959–1964 гг. под руководством Д.Ф. Винника (Винник, 1967). При публикации материала по Таласу и Иссык-Кулю акцент делался на картографирование, топографию и хронологию поселений; последняя дается на основании аналогий не приведенным находкам в чуйских материалах Бернштама и Кожемяко. Данные по исследованию Тянь-Шаня практически не были опубликованы (Кожемяко, 1968) и становятся доступными лишь в наши дни (Кожемяко, 2007).

Выступая в 1968 г. на V совещании по проблемам археологии Средней Азии, П.Н. Кожемяко подвел итоги проделанной работе, назвал количество выявленных средневековых поселений в разных районах республики и подчеркнул их особенности, а также декларировал: «Следующим этапом должны явиться многолетние раскопки одного города, а также одного из поселений» (Кожемяко, 1970, с. 18–19).

По всей видимости, таким средневековым «городом» должно было стать Краснореченское городище. Еще в 1961–1963 гг. П.Н. Кожемяко на нем были проведены стационарные раскопки на ряде объектов. В частности, раскапывались два буддийских храма, замок, лежащий

под одним из них, и серия жилых домов X–XII вв. Своевременно опубликованы были только последние, причем с описаниями керамики и других находок; часть из них приведена также в рисунках (Кожемяко, 1967). Результаты раскопок остальных объектов опубликованы значительно позже и только в виде текстовой части полевого отчета. Однако в них отчетливо видно, что автор подходит к датировке раскопанных сооружений с чисто археологических позиций – исходя из стратиграфии нумизматических находок, типологии керамики и соотношению ее форм в комплексах (Кожемяко, 1989).

В связи с проведением неотложных новостроечных работ (Кольченко, 2006, с. 114–117) стационарные раскопки были прерваны и возобновились лишь в 1972 г. А в 1973 г. П.Н. Кожемяко скоропостижно скончался. Из-за болезни он не успел даже составить отчета о работах 1972 г.; полевая документация также практически вся исчезла.

В ходе новостроечных работ изучались и средневековые поселения Северного Кыргызстана. Так, в зоне затопления Токтогульского водохранилища в Кетмень-Тюбинской долине Тянь-Шаня была изучена топография порядка 20 поселений (Заурова, 1974; Винник, Заурова, 1977); на одном из них проведены стационарные раскопки, выявившие парадное здание XIV–XV вв. (Заурова, 1977). С 1966 по 1969 гг. также проводились крупномасштабные работы в Таласской долине в зоне строительства Кировского водохранилища, которое практически поглотило одно из крупнейших городищ долины – Садыр-Курган и ряд более мелких объектов. К сожалению, информация о результатах работы содержится только в информационных отчетах (Абетеков и др., 1968; Кожемяко, 1969; Гаврюшенко, 1969).

К 70-м годам XX в. бум больших новостроечных работ закончился. Это привело к некоторому сокращению объемов археологических полевых исследований в целом. Вместе с этим, особенно после смерти лидера киргизстанской археологии П.Н. Кожемяко, утрачивается их программность и целенаправленность. Также сокращается количество и качество издаваемой специализированной археологической литературы: если с 1959 по 1967 гг. такие книги выходили раз в один-два-три года и носили сугубо научный характер, то в последующие годы издавалась одна-две книги научно-популярного характера в пятилетие.

Среди полевых исследований 70–80-х годов прошлого века прежде всего необходимо выделить раскопки на городище Бурана. Начиная с 1970 г., изначально – в связи с ремонтно-реставрационными работами на минарете, они про-

водились ежегодно, с небольшими перерывами, до начала 1990-х годов. В это время были выявлены остатки трех мавзолеев вблизи минарета и выполнен ряд других работ (Горячева, 1983, с. 21–66; Массон, Горячева, 1985). Однако информация обо всем объеме исследований не нашла отражения в печати до наших дней, а в опубликованных работах, написанных преимущественно в научно-популярной или тезисной форме, основное внимание уделено топографии и архитектурным памятникам городища. О раскопках средневековой бани, замка, выполненном стратиграфическом раскопе, в ходе которых был получен солидный вещественный материал, имеются лишь информационные сообщения в «Археологических открытиях» соответствующих лет.

В 1978–1980 гг., также в связи с реставрационными работами, проводилось архитектурно-археологическое изучение Таш-Рабата – каменного сооружения в высокогорных районах Тянь-Шаня. В результате проведенных исследований была пересмотрена дата его сооружения (X в., а не XV в.) и предложена новая интерпретация функционального назначения – христианский монастырь⁵ (Перегадова, 1989; Горячева, Перегадова, 1994, с. 88–91).

В начале 1980-х годов некоторые археологические работы были проведены на городище Кошой-Коргон – одном из крупнейших в горной части Кыргызстана. Несмотря на многообещающее начало и наличие весьма интересных находок, исследование было кратковременным и не внесло существенного вклада в понимание ситуации с поселениями Тянь-Шаня. К тому же публикация результатов была осуществлена поверхностно и не полно (Москалев, 1982; Федоров, 1987).

В 70–80-х годах продолжались спорадические полевые работы на Иссык-Куле под руководством Д.Ф. Винника. Несмотря на регулярность публикаций (Винник, 1970; Винник, 1973; Винник, 1975; Винник, Лисниченко, Санаров, 1978; Винник., Лисниченко, Москаленко, 1982), новой информации они фактически не дали.

В западной части Чуйской долины двухлетние полевые исследования проводились на городищах Тюлек и Беловодская Крепость. Опубликованная информация о них крайне скудна (Москалев, 1978; Москалев, 1979; Мокрынин, Заурова, 1979, Мокрынин, 1982).

С 1978 г. были возобновлены исследования на Краснореченском городище. За время их проведения, длившееся с небольшими перерывами более 20 лет, раскопками было затронуто и с той или иной полнотой изучено 11 объектов, в

том числе цитадель, городской некрополь, Второй буддийский храм. Однако о проведении широкомасштабных системных раскопок больших площадей, как планировалось П.Н. Кожемяко, говорить не приходится. Большинство из объектов изучалось вынужденно, так как им грозило полное уничтожение в результате хозяйственной деятельности. Общая информация о раскопках ежегодно публиковалась в «Археологических открытиях». Было сделано обзорное обобщение за первое пятилетие исследований (Байпаков, Горячева, 1989). Относительно полно обнародованы два объекта на некрополе (Горячева, 1989), Второй буддийский храм (Горячева, 1996) и так называемый Караханидский дворец (Перегадова, 1990). Однако в публикациях вновь внимание было сосредоточено на планах и архитектуре, а портативные артефакты обойдены.

В конце XX – начале XXI вв. крупномасштабные полевые исследования, в которых принимал участие и автор, вновь проводились на городище Ак-Бешим. В 1996–1998 гг. были вскрыты на всей площади верхние и шурфом в одном помещении нижние слои цитадели, верхние слои объекта в центре шахристана и крупный комплекс христианских церквей в его юго-восточном углу. Полученный материал был опубликован в виде неполного отчета с хорошими планами и разрезами, подробным описанием стратиграфии и заполнения каждого помещения. Однако находки, прежде всего, керамика, изданы не полно и с некоторыми ошибками (Семенов, 2002). В 2000–2001 гг. были продолжены раскопки христианского комплекса, его «кухонно-бытовой» части, но материал этих работ еще не опубликован.

Последние по времени полевые исследования средневековых поселений Северного Кыргызстана проводятся на городищах Новопокровское-2 и Ак-Бешим в Чуйской долине. В 2004 г. были начаты раскопки первого из них. Цели и задачи исследования изложены в специальной статье (Кольченко, Ротт, 2005). За три полевых сезона была раскопана серия помещений, сооруженных на развалинах крепостных стен и снаружи перед ними. Несмотря на зафиксированные перестройки, все они относятся к началу II тыс., что определено по нумизматическому материалу и индикативным находкам. В настоящее время полученные материалы готовятся к монографическому изданию, намеченному на 2007 г. На Ак-Бешиме работы были возобновлены в 2006 г. – был начат новый объект на шахристане, который дал некоторое количество находок фрагментов буддийских скульптур.

Подведём итог приведенному обзору.

Изучение средневековых памятников Северного Киргизстана началось еще в XIX в.

К середине – концу 20-х годов прошлого века был закончен период первоначального накопления информации и налицо попытки перехода к его систематизации и планомерным разведочным исследованиям. Основной вопрос повестки дня – картографирование древностей.

В конце 30–40-х годах историческая схема развития культуры края, предложенная В.В. Бартольдом еще в конце XIX в., усилиями А.Н. Бернштама иллюстрируется археологическими материалами. Именно иллюстрируется, а не корректируется! – в это время устанавливается примат исторических посылок над собственно археологическими. На этом же этапе осуществляется отождествление большинства известных городищ, начатое также В.В. Бартольдом, с известными по письменным источникам городами и селениями.

В 1950–1960 гг. производятся стационарные раскопки отдельных объектов (Л.Р. Кызласов, Л.П. Зяблин), позволяющие более глубоко взглянуть на культурные реалии средневекового Кыргызстана. Однако чего-то принципиально нового, за исключением значительности присутствия буддизма, выявлено не было. Осуществленное в это же время достаточно полное археологическое изучение территорий, в отдельных случаях направленное именно на изучение средневековых поселений (П.Н. Кожемяко, Д.Ф. Винник), позволяет представить масштабы оседлости в средневековье и наметить некоторую динамику ее развития по субрайонам Северного Кыргызстана, а также выработать их общую типологию. В этот же период начинается пересмотр отдельных отождествлений по исторической географии. В связи с огромными объемами новостроечных работ с середины – конца 60-х годов намечается отставание публикации материалов от полевых исследований.

В 70–80 гг. прошлого века утрачивается целенаправленность исследований. Вместо фундаментальных планомерных исследований археологи зачастую выполняют аварийно-обслуживающие работы – нужные, но долженствующие быть лишь сопутствующими основным. Вероятно, это стало одной из причин, наряду с личностно-субъективными факторами, сокращения количества и резкого крена в сторону популярности публикаций в ущерб их научности. Как следствие, несмотря на многолетние раскопки двух городищ восточной части Чуйской долины – Краснореченского и Бурана, цельного представления об археологических особенностях этих памятников в публикациях не создано, не

было внесено чего-то нового или принципиально углубляющего знания о них. Более того, фактологическая, источниковедческая база артефактов по сравнению с 1940–1950 гг. практически не была пополнена. В этот же период издается ряд работ по средневековым религиозным течениям (христианство и буддизм) рассматриваемого ареала и уточнению локализации отдельных исторических топонимов (В.Д. Горячева, К.М. Байпаков).

В 1990-х годах в связи с политическим и экономическим кризисом и последовавшей затем структурной перестройкой всех сфер, археологические работы были сведены к минимуму. И лишь в конце десятилетия намечается некоторая их активизация, связанная преимущественно с интересами зарубежных исследователей.

Исходя из вышеизложенного, одной из актуальных задач современного этапа развития археологии Кыргызстана является качественное и количественное пополнение источниковедческой базы. Это справедливо для всех отраслей археологии, и в частности, для изучения средневековых поселений северной части страны. Решение задачи лежит через продолжение полевых исследований. При этом для каждого археолога должно стать нормой, что любой раскапываемый объект со всем полученным материалом должен быть максимально полно и достаточно оперативно опубликован. При этом портативные находки должны даваться по комплексам – по отдельным слоям и помещениям. Аналитика этих комплексов – выявление типологии, эволюции, функционального назначения, семантики, социальной значимости и пр. – отдельная задача, заслуживающая специальных исследований и, соответственно, самостоятельных публикаций.

Другой актуальной задачей является расширение исследований как вширь, так и вглубь. Из приведенного обзора явствует, что наиболее часто и качественно исследовались три городища восточной части Чуйской области – Краснореченское, Ак-Бешим и Бурана. Образ материальной культуры средневекового населения этих городищ с большей или меньшей четкостью сформирован. Но для его осмысления в региональном контексте необходимо проведение сравнений. А сравнивать не с чем! Ибо не существует публикаций, в которых были бы представлены комплексы артефактов со средневековых поселений Иссык-Куля, Тянь-Шаня или западной части Чуйской долины; имеется едва ли единственная подобная публикация для верховьев Таласской долины (Бубнова, 1963). К тому же все три поселения относятся к типу крупных городищ с длинными стенами. Но ос-

тается не изученной материальная культура других типов поселений – предгорных и городищ округи. Наши исследования, проводимые на одном из таких – Новопокровском-2, частично решают этот вопрос. Но лишь частично.

В то же время остается не реализованной задача, поставленная почти 40 лет назад П.Н. Кожемяко, о системном и планомерном изучении одного памятника на больших площадях: «Только сплошные раскопки позволят выйти за рамки изучения отдельных вопросов и поставить проблему общих закономерностей развития городов и поселений и их социально-экономической и культурной жизни» (Кожемяко, 1970, с. 19). Однако, это хотя и актуальная, но скорее стратегическая задача, ибо в настоящее время для ее реализации нет достаточных ресурсов – ни материальных, ни людских.

По этому, имея в виду вышеизложенное, более актуальным представляется решение более частных вопросов.

Одним из таковых является исследование нижних слоев городищ для получения вещественных данных о времени возникновения поселений. До настоящего времени он решается преимущественно исходя из данных письменных источников (Сюань Цзан в 629–630 г. застал в Чуйской долине порядка десятка городов) и логических аргументов (наличие согдийских поселений первой половины I тыс. н.э. на территории современных Китая и Монголии, путь в которые для согдийцев лежал через территорию Северного Киргизстана).

С другой стороны, фактически не выделена материальная культура поселений монгольского и пост-монгольского времени. Слои, содержащие их, исследовались П.Н. Кожемяко на Садыр-Кургане, но материалы не опубликованы. Их признаки известны нам по подъемному материалу на ряде городищ Чуйской долины; также об их существовании в долине свидетельствуют данные нумизматики и зафиксированные крупные христианские кладбища у Бишкека и Токмока. Судя по письменным источникам, поселения этого времени должны быть на Тянь-Шане. Тогу-Айгырская баня на Иссык-Куле так же относится к этому времени. Но более конкретных данных нет.

Представляется также актуальным и реальным выполнение комплекса исследований для определения динамики и характера развития поселений на рубеже I и II тыс. По нумизматическим данным и некоторым четко не артикулированным наблюдениям, в конце I тыс. н.э. намечается некоторый перерыв в развитии, если не полное прекращение жизни на поселениях, то значительное ее замирание, стагнация. А сле-

дом за этим – своеобразный урбанистический взрыв: резкий рост количества городищ, датированных первыми веками II тыс., во всех субрайонах рассматриваемого ареала; качественный скачок в производстве керамики, выразившийся в стандартизации форм и технологическом сдвиге – доминировании гончарной посуды; появление новых форм в посуде и применение новых технологий обработки поверхностей (глазурирование) и т.д. Данный феномен требует аргументированного объяснения. Провозглашаемый рядом исследователей аргумент о массовом оседании кочевников представляется если и не беспочвенным, то однобоким и недостаточным. И уж во всяком случае не подкрепленным археологически. Заметим, что вопрос о проникновении элементов кочевой культуры в культуру поселений на научной основе должным образом не рассматривался.

Заметим, что реализация последних пунктов на одном городище может позволить наконец-то создать хронологическую колонку для разных категорий находок. А наличие таковой и обобщение данных по стратиграфии позволит, по видимости, при необходимости внести коррективы в периодизацию материальной культуры. Представляется, что в итоге это может привести к пересмотру количества этапов в развитии поселенческой культуры Северного Киргизстана.

И, наконец, еще одним актуальной задачей исследований является выявление многообразия погребальной практики и ее эволюция. Изучение этого вопроса было начато на материалах Краснореченского городища. Здесь же, по-видимому, его целесообразней всего и продолжать.

Безусловно, для реализации предложенной программы необходимо количественное увеличение числа археологов и кардинальные структурно-институциональные преобразования. Впрочем, это уже не научный, а административно-управленческий вопрос, более того – вопрос государственной политики!

Литература

Абетеков А.К., Гаврюшенко П.П., Заурова Е.З., Кожемяко П.Н., Кожомбердиев И.К. Археологические работы в Киргизии // АО 1967 года. М., 1968.

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища за 1978–1983 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в до-монгольский период // ЗВОРАО, Т. 8. СПб., 1894; то же в кн.: Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996. С.254–294.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // ЗАН по ист.-фил. Отд., VIII серия, Т. 1, Вып. IV. СПб., 1897; то же в кн.: Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996. С. 369–448.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета за 1989 год, Т. 2. Верный, 1898; то же в кн.: Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1996. С. 91–172.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941; то же в кн.: Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 1997. С. 79–139.

Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; то же в кн.: Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 1997. С. 140–173.

Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. XI. 1949; то же в кн.: Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. Бишкек, 1997. С. 185–232.

Бернштам А.Н. Искусство и культура Тянь-Шаня и Семиречья в древний и средневековый период // Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.-Л., 1952. (МИА № 26); то же в кн.: Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 2. Бишкек, 1998. С. 545–630.

Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Винник Д.Ф. Караван-сарай в долине Сан-Таш // ТФПИ. Вып. 26 (литература и строительство). Фрунзе, 1968.

Винник Д.Ф. Древние города и поселения Прииссыккуля // Памятники Киргизстана. Вып. 1. Фрунзе, 1970.

Винник Д.Ф. Исследования Иссык-кульской экспедиции // АО 1972 года. М. 1973

Винник Д.Ф. Археологические памятники Иссык-кульской котловины // Изв. Киргизского географического общества. Вып. 12. Фрунзе, 1975.

Винник Д.Ф., Заурова Е.З. Историческая топография оседлых поселений Западного Тянь-

Шаня // Кетмень-Тюбе: археология и история. Фрунзе, 1977.

Винник Д.Ф., Лисниченко Н.С., Москалев М.И. Работы на Иссык-Куле и в долине р. Чу / / АО 1981 года. М., 1982.

Винник Д.Ф., Лисниченко Н.С., Санаров А.В. Работы на Иссык-Куле // АО 1977 года. М., 1978.

Гаврюшенко П.П. Раскопки на городище у с. Бейшеке // АО 1968 года. М., 1969.

Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Горячева В.Д. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 167–189.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Средней Азии по Кыргызстану / / Буддийский мир. М., 1994. С. 56–73.

Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент. [1994].

Заднепровский Ю.А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П.П. Иванова // ТИИ АН КиргССР. Вып. 3. Фрунзе, 1957.

Заурова Е.З. Оседлые поселения долины Кетмень-Тюбе // АО 1973 года. М., 1974.

Заурова Е.З. Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе: археология и история. Фрунзе, 1977.

Зяблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

Иванов П.П. К вопросу о древностях в верховьях Таласа // К 50-летию научно-общественной деятельности С.Ф. Ольденбургу. Л., 1934.

Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // ТИИ АН КиргССР. Вып. 3. Фрунзе, 1957.

Кожмяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Кожмяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Кожмяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.

Кожмяко П.Н. Караван-сарай на р. Манакельды // ТФПИ. Вып. 26 (Архитектура и строительство). Фрунзе, 1968.

Кожмяко П.Н. Городище Садыр-Курган // АО 1968 года. М., 1969.

Кожмяко П.Н. Основные достижения и проблемы археологии Киргизской ССР // КСИА.

Вып. 122. 1970.

Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Кожемяко П.Н. Отчет о раскопчных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

Кожемяко П.Н. Отчет о полевых работах Тянь-Шанского археологического отряда // МИАК. Вып. 2. Бишкек, 2007.

Кольченко В.А. Из истории археологии Кыргызстана (1950 – начало 1970 гг.) // Кыргызстан: история и современность. Бишкек, 2006.

Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. О Новопокровских городищах // МИАК. Вып. 1. Бишкек, 2005.

Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА, 1958. № 5.

Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. 2. М., 1959.

Массон М.Е., Горячева В.Д. Бурана. Фрунзе, 1985.

Мокрынин В.П. Беловодский некрополь // Памятники Киргизстана. Вып. 6. Фрунзе, 1982.

Мокрынин В.П., Заурова Е.З. Исследование городища Беловодская крепость // АО 1978 года. М., 1979.

Москалев М.И. Раскопки на Тюлекском городище // АО 1977 года. М., 1978.

Москалев М.И. Исследования на Тюлекском городище // АО 1978 года. М., 1979.

Москалев М.И. Городище Кошой-Коргон // Памятники Кыргызстана. Вып. 5. Фрунзе, 1982.

Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ Пишпека // ЗВОРАО. Т. 1. СПб., 1887.

Перегудова С.Я. Раскопки дворцового здания на Краснореченском городище // Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук. 1990. № 1.

Перегудова С.Я. Таш-Рабат. Фрунзе, 1989.

Распопова В.И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // ТКАЭЭ. Т. 4. М., 1960.

Северцов Н.А. Поездка в Западную часть Небесного хребта (Тянь-Шаня) или Цун-Лин древних китайцев от западных пределов Заилийского края до Ташкента // Зап. РГО по общ. геогр. 1867. Т. 1.

Семенов Г.Л. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб – Ак-Бешим. СПб., 2002.

Тереножкин А.И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. // ПИДО. 1935. № 5–6.

Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1884.

Федоров М.Н. Крепостная стена Кошой-Коргона // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1987.

Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М.-Л., 1950. (МИА № 14).

Ядринцев Н. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака // ЗАН. Т. 52. 1886.

Примечания

¹ Тексты самих докладов остаются неизвестными.

² Впрочем, данные письменных источников, прежде всего китайских, для понимания древностей края достаточно регулярно приводились уже географами и путешественниками XIX в. – первооткрывателями археологических памятников Северного Киргизстана (см. напр.: Северцов, 1867, С. 75-76).

³ В то же время им отмечается существование поселения вплоть до современности.

⁴ В 1955–1958 гг. на городище Л.П. Зяблиным был раскопан Второй буддийский храм.

⁵ Данное утверждение не нашло широкой поддержки в научных кругах в связи с его слабой аргументацией.

Анна Кочкина

Самарский историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, г. Самара

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ X–XIII ВВ.

Сложение государства булгар на Волге – это результат интенсивных миграций в Среднее Поволжье различных в этнокультурном отношении народов. Многолетними археологическими исследованиями в основном установлены направления и исходные районы миграций, этапы и хронология. В то же время миграции являются только одним из факторов формирования Булгарского государства, не менее важным, а, возможно, и более значимым, является взаимодействие всех составляющих, которое привело к образованию собственно населения Волжской Булгарии. Однако следует признать, что вопросы миграций и взаимодействия, в том числе их механизмы, остаются дискуссионными, а появление новых материалов вносит подчас существенные коррективы в наши представления об этих процессах.

Образование государства связано, прежде всего, с формированием государственной территории – ее ядра и периферии. Общепринято, что ядро государственной территории Волжской Булгарии находилось в Западном Закамье. Но границы распространения булгарских памятников и материалов простираются на западе в Предволжье далеко за р. Свиягой, на востоке – по р. Шешме, на севере переходит в Предкамье, на юге и юго-востоке – по южной оконечности Самарской Луки и по р. Большой Черемшан, на юго-западе – особый регион в междуречье Суры, Мокши и Цны. В целом для Волжской Булгарии была характерна размытость границ, значительные пространства могли осознаваться пограничной или буферной землей, отделявшей основную государственную территорию от земель соседних государств или племенных объединений и кочевий.

Не теряет своей актуальности вопрос о динамике формирования территории, он сопряжен с проблемой региональной специфики культуры Волжской Булгарии. В течение длительного периода внимание исследователей было сосредоточено на изучении памятников основной территории Волжской Булгарии. Исследование археологических памятников регионов и периферии вплоть до недавнего времени было недостаточным. Только в последние десятилетия такие исследования стали более активными. В

то же время введение в научный оборот материалов существенно отстает от темпов полевых исследований.

Маркирующим признаком культуры Волжской Булгарии является круговая керамика ремесленного производства. По данным, опубликованным в свое время Т.А.Хлебниковой, она составляет от 43% до 99–100% среди общих находок керамики на памятниках (Хлебникова, 1984, с. 78–79). Поэтому изучая какой-либо конкретный памятник, исследователь, как правило, прежде всего подчеркивает общепулгарский характер полученного материала, датируя его в пределах X – начала XIII в. Действительно, на первый взгляд, материалы с булгарских памятников, расположенных в разных районах, очень близки, если не идентичны. Стандартизированный облик круговой керамики иногда просто поражает воображение даже искусственного исследователя. И, тем не менее, тщательное изучение керамики каждого памятника приводит к выводу о том, что на фоне удивительно единообразной круговой керамики Волжской Булгарии керамический комплекс конкретного памятника имеет и свои особенности.

Другая группа керамических материалов, представленная лепными и подправленными на круге сосудами, так называемая традиционная керамика, имеет также во многом сходные черты в пределах всего государства. Особенности керамического комплекса памятника отражены в процентном и видовом (типовом) составе керамики. К сожалению, из-за ограниченности объемов публикаций чаще всего именно керамика бывает недостаточно в них представлена, что существенно затрудняет исследование региональных особенностей.

Следует подчеркнуть, что методика обработки керамики как массового материала всегда была предметом внимания исследователей поселенческих памятников Волжской Булгарии. Она сформировалась в 1950–1960-е годы благодаря усилиям коллектива Болгарской экспедиции под руководством А.П. Смирнова и непосредственным участием Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1984, с. 15–20). Трудно переоценить ее, так как для исследователей булгарских древностей она ста-

ла практически универсальной методической процедурой, сохраняющей свою значимость и сегодня. В период 1960-х годов эта методика позволила поднять роль керамики как археологического источника на новый уровень. В дальнейшем Т.А. Хлебникова, сохраняя основные принципы, развивала методику в направлении выделения значимых признаков керамики для определения ее этнокультурных характеристик. Итогом этой работы явилась разработка классификационной схемы, состоящей из 17 групп. Причем круговая керамика ремесленного производства, составляющая количественное большинство на памятниках государственного периода Волжской Булгарии, была объединена в одну группу общеволжско-болгарскую (или общеволжско-болгарскую), а в остальные группы была выделена керамика традиционная, в основном лепная или подправленная на гончарном круге. Эта схема стала сквозной для керамики Среднего Поволжья, начиная с раннеболгарского периода до Казанского ханства (Хлебникова, 1988; Васильева, 1993; Кокорина, 2002), а количество групп увеличилось до 22.

Она сыграла положительную роль для осмысления керамического массива с болгарских памятников разных территорий в контексте этнокультурного состава населения (Хлебникова, 1984; Кокорина, 2002). Однако уже изначально оказалось, что каждая их выделенных групп сочетала в себе разнообразные по морфологическим и технологическим признакам сосуды, причем некоторые из них было достаточно сложно идентифицировать, особенно по визуальным признакам (Васильева, 1988, с. 164–165, 168–169). Таким образом, уже в самой схеме было заложено некое противоречие. При изучении коллекции керамики с конкретного памятника, исключая ремесленную посуду, практически всегда имеется некоторое количество керамики, которую бывает невозможно, в том числе в силу ее фрагментарности, соотнести с какой-либо выделенной ранее группой.

Преодолеть противоречия, заложенной самой схемой, возможно при условии системного подхода к анализу массового керамического материала, рассматривая его в морфологическом, технологическом, историко-культурном контексте, от частного к общему, от деталей и особенностей до закономерностей (Бобринский, 1978; Arnold D.E., 1985; Vince A.G. et., 1993, p.4; Жушиховская, 2004). Именно такой подход позволяет существенно повысить информативность источника, продуктивно используя предшествующий опыт.

По ряду последних публикаций материалов исследований болгарских поселений замечено,

что данные о массовых находках керамики приводятся в обобщенном виде, отсутствуют статистические таблицы первичной обработки керамики. Все это ограничивает возможности керамики как археологического источника.

Не менее важно обращаться к уже опубликованным материалам, т.к. со временем получение новых данных и разработка инновационных исследовательских подходов позволяет по-другому их осмыслить.

Наблюдения материалов разных памятников дают возможность высказать некоторые соображения по этому вопросу. Возможно, кто-то подумает, что это тривиально, но не исключено, что они будут не бесполезны коллегам-булгароведам и не безынтересны всем, кто изучает средневековые поселенческие древности, содержащие массовый керамический материал. Стремление совершенствовать процедуру анализа массовых материалов находится в непосредственной зависимости от количественного увеличения самого источника, потребности перевода на новый качественный уровень этого источника в контексте усложнения археологических реконструкций (Генинг, 1992) и появления нового поколения исследователей.

Предлагаемый алгоритм не претендует на завершенность и является открытой системой, ориентированной на дальнейшую разработку.

1. Опыт практической работы на болгарских памятниках позволяет высказать сомнения в том, что обработку массового керамического материала следует производить непосредственно в поле в процессе раскопок, поскольку в этом случае часть фрагментарного материала после первичного учета оставляется непосредственно на памятнике. Важно учесть не просто стратиграфическое и планиграфическое распределение керамики в целом, но и пытаться выявить фрагменты от одного сосуда. Иногда части одного сосуда бывают рассредоточены на значительном удалении друг от друга, на разной глубине и одновременно в слое и в сооружении. Несмотря на сложность этой задачи, такое распределение возможно выявить в условиях камеральной обработки всего полученного материала.

2. Изучение технологических особенностей керамики. Для некоторой выборки из коллекции керамики целесообразно провести специализированный технико-технологический анализ, методика которого разработана А.А. Бобринским и его учениками (Бобринский, 1978; Васильева, 1993). Такой анализ не исключает использование визуальных средств, являющихся самыми доступными для археологов. Для технологического изучения керамики необходимо максимально учитывать те признаки, которые оставлены

в виде следов на керамике и которые можно зафиксировать, даже не владея в полной мере специальной методикой.

Это относится ко всем стадиям изготовления керамики, как с помощью гончарного круга, так и ручной лепкой: подготовка формовочной массы (характеристика глин, примесей), способы формовки, обработка поверхности, термическая обработка (или обжиг).

Позволим некоторые замечания. Обработка поверхности: для болгарской круговой керамики – это, прежде всего, лощение; при абсолютном преобладании лощеной керамики на том или ином памятнике может присутствовать нелощеная. При этом важно учитывать, что иногда нижняя часть крупных сосудов может быть не покрыта лощением до самой линии дна, а попадая в статистическую таблицу как «нелощеный» фрагмент, он уже определенным образом влияет на характеристику керамического материала в целом. (Подобная ситуация и с делением керамики на «хорошо» и «плохо» обожженную; более толстые стенки придонных частей некоторых групп керамики, как правило, имеют прослойки в изломе.)

Для каждого комплекса важно учитывать не только типы лощения и преобладающие типы лощения. Для круговой болгарской керамики лощение – это один из приемов декоративного оформления, поэтому рассматривается еще и как декор.

3. Важным для понимания особенностей керамического комплекса является детальный анализ декора: технико-технологическая характеристика, типология, вариативность, соотношенность с формами, выявление устойчивых сочетаний этих показателей и их количественные характеристики (Кочкина, 1995).

4. Изучение клейм на днищах сосудов и прочерченных знаков на разных частях сосудов: их наличие, техника выполнения, типология, преобладающие типы изображений, корреляция с формами, количественные характеристики (Кочкина, 1983; Кокорина, 2002, с. 155–178).

5. Изучение метрических характеристик керамики и типология: абсолютные размеры и их соотношения, выявление типобразующих показателей формы и размерности, что позволяет более достоверно реконструировать параметры круговых сосудов по их фрагментам (Хлебникова, 1962; Хлебникова, 1984; Кочкина, 1988; Беговатов, Кочкина, 1990).

6. Выявление ассортимента (или набора) форм посуды в каждом сооружении и в целом на памятнике. Причем важно попытаться проследить преобладающие (популярные) для конкретного поселения формы сосудов, если возможно, определить количественные показатели.

7. Выявление соотношения круговой и лепной и подправленной на круге керамики, а также различных групп керамики внутри этих категорий. Т.А.Хлебниковой было подмечено, что соотношение круговой и лепной и подправленной на круге керамики имеет датирующее значение (Хлебникова, 1962). Для определения хронологической позиции памятника принципиально учесть как количественные показатели лепной и подправленной на круге керамики, так и оценить качественный ее состав, выявить преобладающие группы сосудов.

В плане возможности получения характеристик комплекса для оценки хронологической позиции памятника обратимся к материалам, полученным при раскопках Красносундюковского I городища (Ульяновская обл.). Имеется предварительная публикация материалов (Кочкина, Сташенков, 1993; Семькин, 1993). В результате исследований на I Красносундюковском городище получен обширный материал, характеризующий культуру одного из городских центров Предволжья.

В статье рассматриваются материалы I, III раскопов (раскопки автора).

Сосуды ручной лепки и с частичным использованием гончарного круга представлены 1449 фрагментами и частично реконструируемыми сосудами, это в целом составляет 11,6%, причем на I раскопе найдено 553 фрагмента (6,9%), на III раскопе – 896 фрагментов (24,7%).

Таблица 1.

Распределение лепной и подправленной на круге керамики на Красносундюковском I городище (% от общего количества керамики, найденной на данном уровне)

	раскоп I	раскоп III
I шт	286 (6,8%)	152 (11,5%)
II шт	136 (6,1%),	134 (14,7%)
III шт	64 (10,4%)	130 (24,7%)
Всего	486 (6,9%)	416 (15,1%)
сооружения	67 (7,6%)	480 (27,2%)
Итого	553 (6,9%)	896 (24,7%)

Керамика была проанализирована после раскопок в 1991 г. Первоначально она была разделена на группы по преобладающим примесям,

которые определялись визуально. По этому признаку выделено 4 группы керамики.

Таблица 2.

Распределение лепной и подправленной керамики по преобладающим примесям

	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	5 группа	Всего
раскоп I	94	41	313	106	–	553
раскоп III	305	75	383	113	25	896
	399	116	696	219	25	1449

Первая группа – керамика с грубоватым черепком, иногда с бугристой поверхностью, в качестве основной примеси в составе формовочной массы добавлялся крупный и средний шамот, часто отмечается примесь органики, иногда песок. Цвет черепка от светло-коричневого до буро-серого и черного, обжиг неравномерный. Внутри каждой из них выделялись группы по особенностям формы и декора.

Группа I – по формам это горшковидные сосуды, чаще всего с отогнутой горловиной. Можно выделить, по крайней мере, 3 типа горшков: 1 – с плавно отогнутой горловиной и косо срезанным наружу прямым венчиком. По венчику чаще всего насечки, по плечикам и тулову наносились наклонная волна и частое рифление (рис. 1: 1–5).

Группа II – горшки с короткой слабопрофилированной шейкой с округлым венчиком, по внешней поверхности которого нанесены отпечатки пальца (рис. 1: 10–12). Черепки этих сосудов в основном серо-коричневато-го цвета, реже более темного,

Группа III – горшки также слабо профилированы в верхней части, с чуть утолщенным венчиком, без орнамента (рис. 1: 13). Цвет черепка от серо-бурого до черного.

Группа IV – банки с рифлением по краю венчика (рис. 1: 6).

Группа V – крышки сосудов дисковидной формы с пестикообразной ручкой небольших и крупных размеров (рис. 1: 7–9).

Вторая группа – керамика более тонкостенная по сравнению с предыдущей, в составе формовочной массы – примесь мелкого шамота, органики, песок. По формам реконструировать сложно, т. к. фрагменты керамики небольших размеров, вероятно, это горшковидные сосуды с цилиндрической горловиной, прямым венчиком с уплощенным краем. Черепки имеют темно-серый до черного цвета, поверхность заглажена, на отдельных фрагментах – следы от правки на круге, орнаментация – горизонтальные линии по шейке, зигзагообразные линии, косые

насечки по краю венчика, выполненные зубчатым штампом (рис. 1: 14–16).

Третья группа керамики наиболее многочисленна, это посуда горшковидных форм, преимущественно подправленная на круге. В составе формовочной массы преобладают органические примеси, встречается также в некотором количестве песок, мелкий шамот, цвет черепка от буро-коричневого до темно-серого, обжиг часто неравномерный. Горшки были как цилиндрической, так и с плавно отогнутой горловиной, в качестве основных орнаментальных приемов использовались пальцевые отпечатки, горизонтальные резные линии, отпечатки веревочки (рис. 2: 1–5). Кроме сосудов, к этой группе относятся большие дисковидные крышки, иногда со слабо рельефной поверхностью, маленьким бортиком и защипами на нем (рис. 2: 6–7).

Четвертая группа керамики представлена главным образом подправленными на круге сосудами, в составе формовочной массы встречается песок, иногда в довольно большом количестве, но значительно чаще сосуды этой группы имеют плотный, сравнительно тонкий черепок, в качестве примесей в формовочной массе, кроме песка, встречаются органика, мелкий шамот. Сосуды в основном горшковидные, редко чашевидные. Некоторые сосуды были, видимо, округлодонными. Сосуды были как цилиндрической, так и с плавно отогнутой горловиной. Орнаментация – многорядная волна, многорядное рифление по горловине (рис. 2: 8).

Пятая группа – самая малочисленная среди рассматриваемых материалов – это керамика с примесями дробленой раковины, песка, органики, как правило, это горшковидные сосуды широких пропорций с цилиндрической горловиной, по которой нанесен орнамент в виде веревочки, на плечиках и иногда по краю венчика – отпечатки зубчатого штампа (рис. 2: 9–10).

Аналогичны представленным выше пока еще не опубликованные керамические материалы из раскопок Ю.А. Семькина, любезно предоставленные автору для ознакомления, за что выра-

жаю ему признательность.

В опубликованной статье (Кочкина, Сташенков, 1993) приведены кратко аналогии керамике в соответствии со схемой Т.А. Хлебниковой, использованы в основном ее материалы для оценки хронологической позиции памятника. Было установлено, что Красносундюковское I городище занимает место в ряду наиболее ранних памятников Волжской Булгарии домонгольского периода (рис. 3-А), таких, как Мало-Пальцинское (рис. 3-В), Криушинское (рис. 3-С), Остолоповское селища, Тигашевское, Утяковское, Алексеевское городища, Измерское (рис. 3-Д) и Старотинчалинское селища (Хлебникова, 1984, с. 79; Тухтина, 1960; Федоров-Давыдов, 1962, с. 78; Казаков, 2007, рис. 40, 41; Васильева, 1991, рис. 6). Все они своей начальной датой уходят в середину X в. Анализ вещевого инвентаря не противоречит датировке городища в рамках середины–второй половины X–XI вв.

Для сравнения приведены материалы Муромского городка (рис. 3-Е), одного из крупнейших памятников Волжской Булгарии, материалы которого еще не в полной мере опубликованы, а датировка памятника, особенно его начальная дата – X в., не бесспорна. По материалам последних лет раскопок автора в так называемом «северном» городе (внешняя часть городища) очевидно, что на городище при абсолютном преобладании круговой керамики, среди традиционных групп наиболее устойчиво существуют лепные цилиндрошейные сосуды с округлым дном, орнаментированные зубчатым штампом, с примесью дробленой раковины (30–45%) или органики в большой концентрации (10–15%), лепные цилиндрошейные сосуды с округлым дном, чаще всего неорнаментированные, с примесью мелкого и среднего шамота в большой концентрации и органики (8–20%), подправленные цилиндрошейные сосуды с округло-уплощенным или плоским дном, орнаментированные горизонтальными и волнистыми линиями, с примесью в небольшой концентрации органики, песка (17–33%). Скорее всего, такие существенные различия в наборе характерных форм можно объяснить относительно более поздней позицией Муромского городка в хронологическом ряду болгарских поселений. Предложенные краткие результаты предварительного анализа в рамках пока одной категории керамических комплексов показывают перспективность такого направления в исследовании региональных особенностей памятников Волжской Булгарии.

Современные информационные технологии дают возможность более оперативно вводить в научный оборот новые материалы и использо-

вать их в сравнительных исследованиях. Создание обобщенных баз данных на основе взаимной договоренности исследователей имеет большие перспективы, хотя следует признать, что пока это направление развивается медленно.

В качестве такого начинания может быть предложена база знаний – проект, разрабатываемый археологами с коллективом сотрудников факультета вычислительной математики и кибернетики КГУ. Он размещен на сайте археологического музея КГУ (директор музея доц. С.И. Валиулина, руководитель проекта доц. Е.А. Беговатов). Размещение материалов из раскопок разных памятников расширяет возможности работы с массовым материалом для более широкого круга исследователей. В настоящее время в базе данных (<http://www.ksu.ru/archeol/ceramics/index.phtml>) размещена часть материалов по керамике Биляра (метрические характеристики целых кувшинов и некоторых других форм), а также раздел по клеймам, включающий пока также материалы выборочно (рис. 4). В базе данных уже в настоящее время использованы материалы многих исследователей болгарских памятников, за что авторская группа выражает им благодарность и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Кроме того, в базе знаний разрабатываются разделы по нумизматике (<http://www.ksu.ru/archeol/FFile/Cindex.html>), остеологии (<http://www.ksu.ru/archeol/FFile/index.phtml>), стеклу (http://www.ksu.ru/archeol/ceramics/from_glass/gl_index.phtml).

В заключение следует добавить, что воссоздание более полной картины региональных различий болгарской культуры требует комплексного анализа не только керамических материалов, но и совокупности всех вещей.

Литература

- Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф. О восстановлении сосудов по фрагментам // РА. 1993. № 3.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Васильева И.Н. Керамика Муромского городка (результаты технико-технологического анализа) // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Васильева И.Н. Старотинчалинское поселение и проблемы изучения сельской округи Волжской Булгарии // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.
- Васильева И.Н. Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.
- Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.

Жуциховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток, 2004.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. Казань, 2002.

Кочкина А.Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.

Кочкина А.Ф. К методике анализа форм круговой посуды Биляра // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Кочкина А.Ф. О применении структурно-семиотического подхода при анализе декора керамики волжских болгар // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологические исследования на I Красносундюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье. 1993.

Семыкин Ю.А. Исследование бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье. 1993.

Тухтина Н.В. Раскопки в 1957 г. близ села Криуши Ульяновской области // МИА. № 80. 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище // МИА. № 111. 1962

Хлебникова Т.А. Пальцинские селища X – начала XIII вв. // МИА. № 61. 1958.

Хлебникова Т.А. Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII вв. // МИА. № 111. 1962.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хлебникова Т.А. Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1987.

Arnold D.E. Ceramic Theory and Cultural Process. Cambridge. 1985

Vince A.G., Orton C., Tyers P. Pottery in Archaeology. Cambridge. 1993.

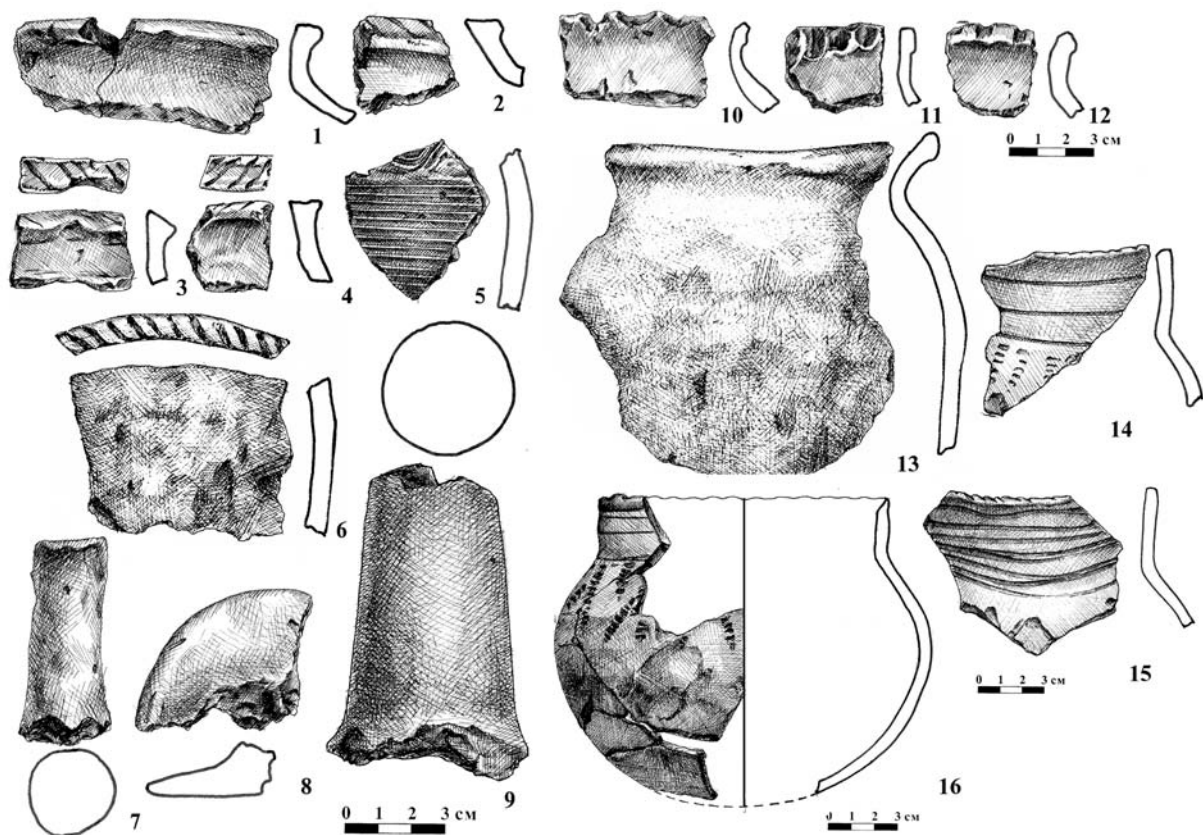

Рис. 1. Красносундюковское I городище. Керамика первой (1-13) и второй (14-16) групп.

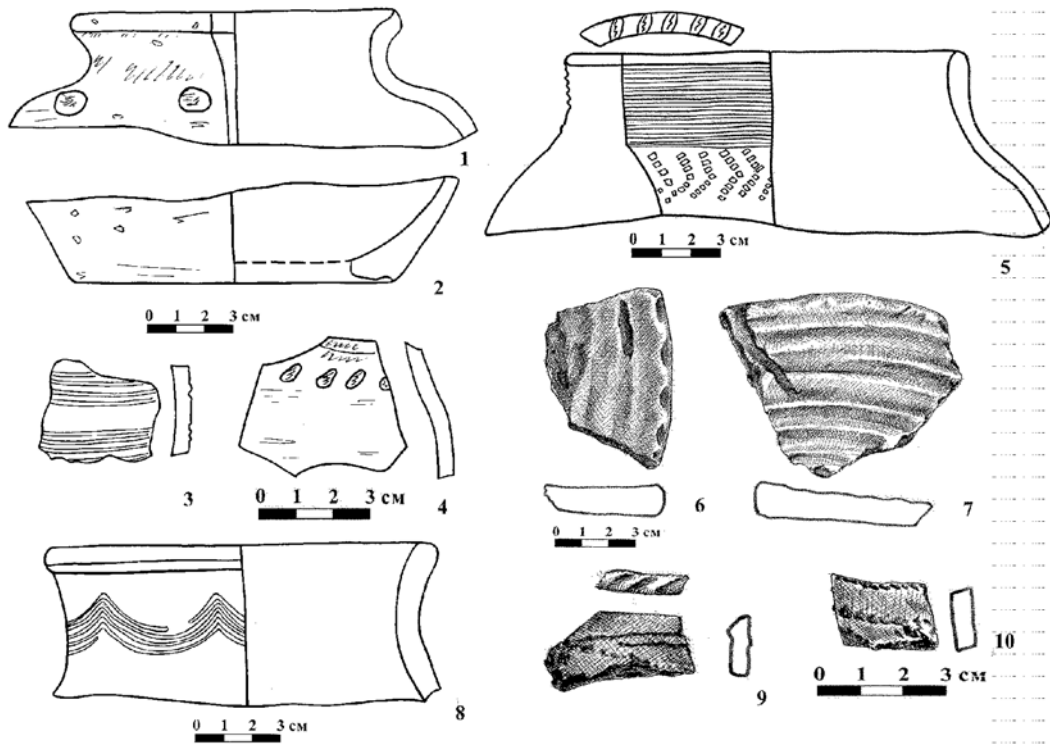

Рис. 2. Красносандюковское I городище. Керамика третьей (1-7), четвертой (8), пятой (9-10) групп.

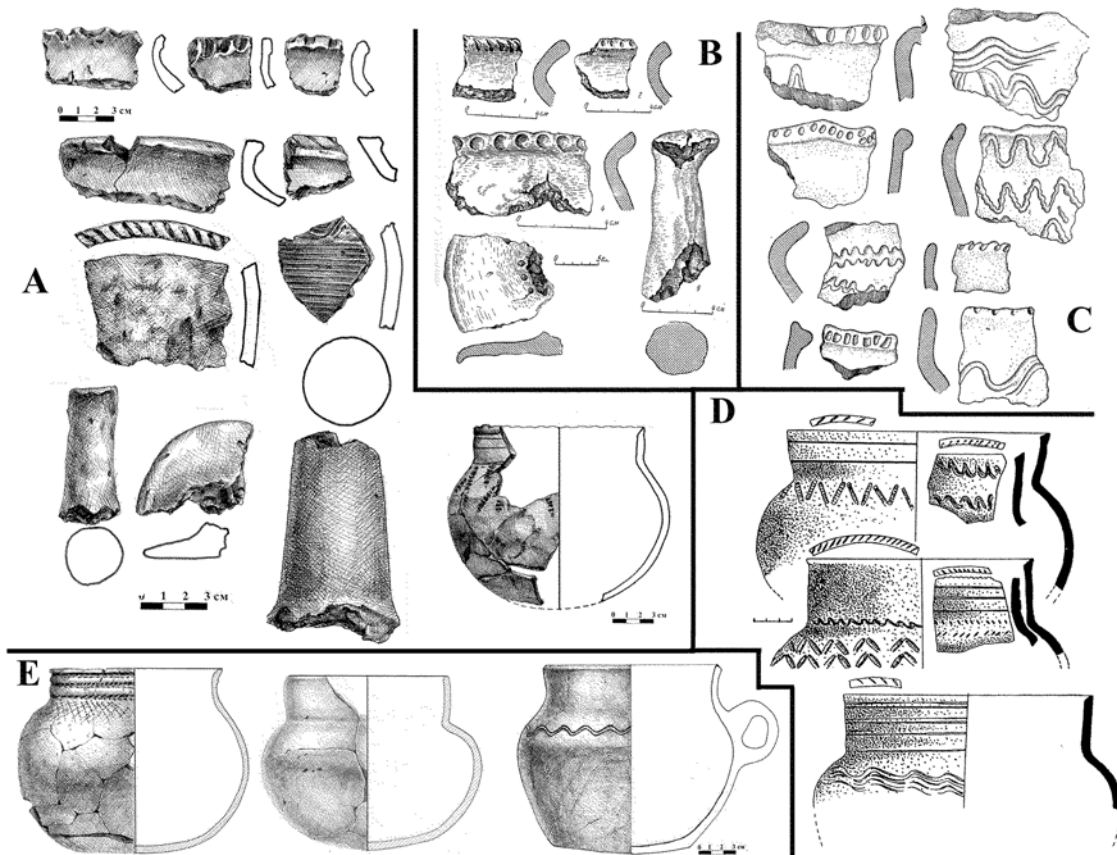
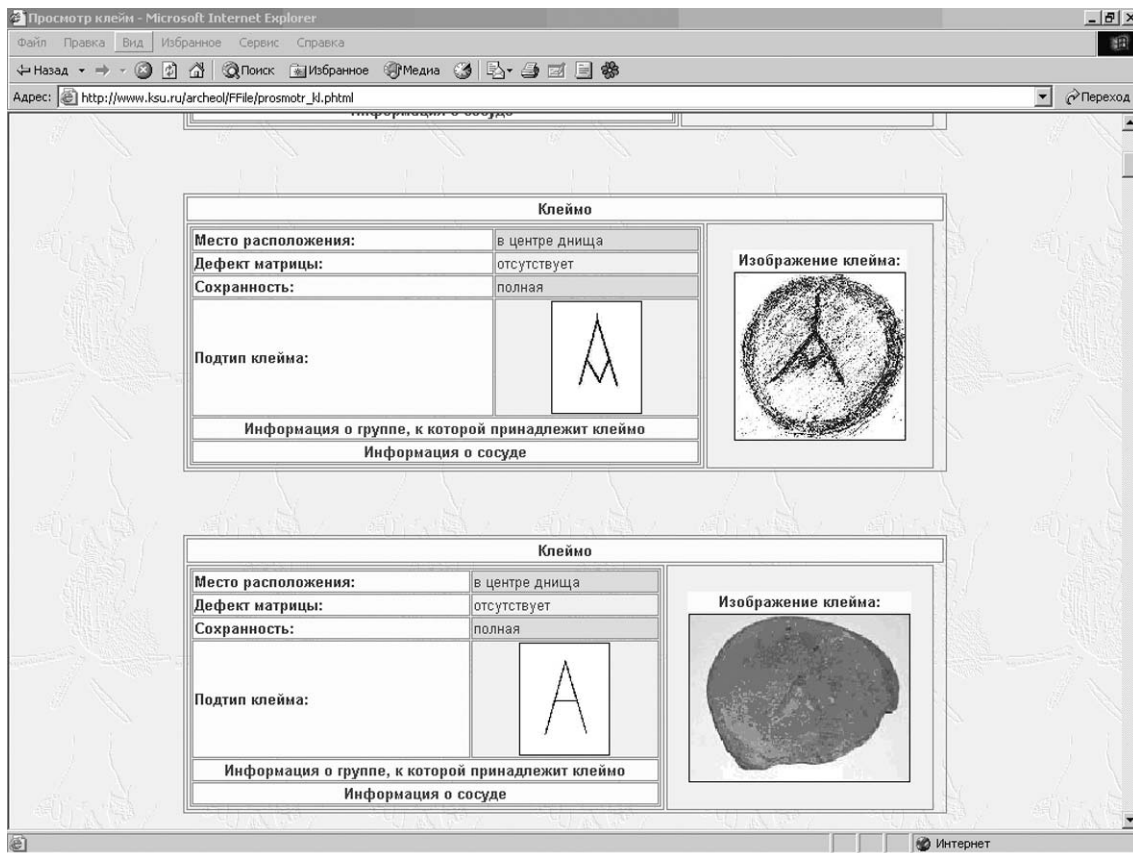

Рис. 3. А – материалы Красносандюковского I городища (раскопки автора); В – материалы Мало-Пальчинского селища (по Хлебниковой, 1957); С – материалы Криюшинского селища (по Тухтиной, 1960); D – материалы Измерского селища (по Казакову, 2007); E – материалы XXVIII раскопа Муромского городка (раскопки автора).

Рис. 4. Страница сайта археологического музея КГУ. Раздел базы данных по болгарским клеймам (http://www.ksu.ru/archeol/FFile/prosmotr_kl.phtml).

Игорь Кызласов

Институт археологии РАН, г. Москва

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ В СУДЬБЕ РОССИИ

Чтите гостя или посла, если не можете подарками, то пищей или питьем, они, проезжая, будут прославлять человека либо добрым, либо злым по всем землям.

Поучение Владимира Мономаха (1099 г.).

В последние годы историки культуры увлечены Великим Шёлковым путем. Учитывая его значение в истории Евразии, такое пристрастие вполне понятно. Однако в судьбе той части континента, которая зовется Россией, значительно большего внимания заслуживает Великий Сибирский путь, издревле широтно соединявший Северную Евразию. Именно вдоль него и во многом благодаря ему сложилась и крепла наша Родина.

Широтный путь, в целом проходивший по степи и границе лесной зоны, с момента появления колесных повозок и верхового коня приобрел определяющее значение для всей последующей истории общевразийских культурных и политических связей. Науке еще предстоит выяснить периодичность и интенсивность его действия на разных исторических этапах, определить основные трассы и ответвления, со временем все больше охватывавшие и степные, и таежные пространства. Но уже сейчас очевидно, что во все времена по Сибирскому пути распространяется и воздействует на его окружение, прежде всего, самая яркая и наиболее значимая форма материальной культуры – продукция развитых металлургических и металлообрабатывающих центров¹.

В раннем и развитом средневековье эта северная трасса, наравне с южным Шелковым путем, способствовала быстрому становлению и росту всех евразийских государств тюркских народов и распространению их культур, а вследствие всего этого, широкой тюркизации до того иноязычного и инокультурного населения.

В последние десятилетия археологами выявлены новые свидетельства функционирования этого пути в IX–X вв. и, наиболее интенсивно, в XI – начале XIII вв. Особая важность этого открытия для правильного понимания процессов как предмонгольского, так и последующих периодов общей истории Евразии вполне очевидна.

Сочинение Гардизи, персидского географа XI в., помимо значительных сведений о южноси-

бирской Древнехакасской державе, приводит легенду о происхождении ее правящего рода хыргыз. Предание позволяет проследить основной ход торгового пути, соединявшего Саяно-Алтай и Восточную Европу: земля славян – хазар – башкир – кимаков – земля хыргызов, т.е. Приднепровье – Поволжье – Южное Приуралье – Среднее Прииртышье – долины Енисея². Ныне следует обратить внимание на то, что Гардизи по всей этой евразийской трассе называет только тюркские народы. Это обстоятельство, соотносимое с излагаемыми ниже данными, позволяет думать, что именно тюркская речь в раннем средневековье служила языком международного общения, объединявшего Сибирский путь.

Эта дорога (далее на запад уходившая к франкам, а на восток – в Монголию и Китай) была известна средневековым хакасам уже в IX–X вв. На то указывают находки бронзовых изделий тюхтятской культуры на Среднем Иртыше (служащем дорогой на запад: см. памятники устьишимской культуры)³, на Южном Урале, на Днепре⁴ и в устье Дона⁵. Южносибирское воздействие на Запад достигло тогда и крайнего севера Европы, уже к X в. породив серию «скандинаво-сибирских гибридов»⁶. Эти данные позволяют считать древнехакасскими и те характерные подкурганые захоронения по обычаю трупосожжения IX–X вв., которые обнаружены в устье Ишима⁷. Близкие по обряду курганы обнаружены и на Южном Урале (где они получили наименование памятников селенташского типа)⁸. Александровский могильник, наиболее близкий к памятникам тюхтятской культуры, исследован на юге Челябинской области⁹.

Знакомство средневековых хакасов с Восточной Европой переросло в активное и постоянное общение на стадии аскизской археологической культуры¹⁰. Украшенные серебром и золотом железные изделия, изготовленные на Енисее в конце X – начале XIII вв., свидетельствуют о систематическом пребывании на Русь са-

яно-алтайских посольских и торговых экспедиций. Аскизские предметы этого времени найдены при раскопках 11 древнерусских городов и селищ: на Кубенском озере (селище Минино I)¹¹ в бассейне Северной Двины, в Великом Новгороде на Волхове, в детинце Новогрудка на Немане, в Смоленске в верховьях Днепра, в детинце летописного Болдыжа (городище Слободка) на р. Навля в бассейне Десны, в Серенске на Оке, летописном Снепороде (городище Мацковцы) на р. Суле, на Семилукском городище, Лавском селище и у с. Нижний Воргол на Дону, поселении Каменное близ Ельца¹². Для полноты картины укажу и на срубный набор древнехакасской работы, найденный в постройке второй половины XIII в. на городище-святилище Звенигород на р. Збруч в Прикарпатье¹³.

И хотя вполне очевидна неполнота этих данных, уже сегодня ясно, что древнехакасские изделия найдены по всей территории Руси, а их расположение определяет цель таких поездок – несомненно их связь с важнейшими торговыми путями и центрами региона.

Подобно Руси, аскизские изделия встречаются в домонгольских пластах конца XI–XII в. и второй половины XII – первой трети XIII в. на памятниках всей государственной территории Волжской Булгарии. Количество находок археологи исчисляют уже сотнями, а число памятников, где они сделаны, десятками¹⁴. На севере древнехакасские караваны достигали Пермского Предуралья. Предметы всаднического снаряжения аскизской культуры найдены на Рождественском городище. Сообщается об аскизских находках также на четырех других городищах: Соломатовском, Городищенском, Анюшкар, Телячий Брод¹⁵. Показательно, что южно-сибирские древности концентрируются в местах прохождения и пересечения торговых путей, на лучших переправах при впадении Камы в Волгу и на дороге из города Болгара в Киев (Золотаревское поселение)¹⁶.

Можно думать, что в Поволжско-Приуральских землях положение древнехакасских землепроходцев отличалось от того, которое представляется по немногочисленным пока находкам на Руси. Вероятно, в Поволжье и Прикамье существовали постоянные древнехакасские торговые фактории, имевшие непрерывную связь с южносибирской митрополией. На это указывает как большое количество древнехакасских находок, так и их связь с городскими и торговыми центрами и путями Поволжско-Уральского региона. Особенно показательна в этом отношении принадлежность аскизских изделий, найденных к западу от Урала, к нескольким сменявшим друг друга этапам внутреннего раз-

вития этой саяно-алтайской культуры, производивших с XI до начала XIII в.¹⁷ Такое было бы невозможно в случае краткого проникновения, эпизодических приездов или транзитной торговли. Непрерывная деятельность сибирских факторий в Поволжье и Приуралье объясняет появление особой долго удерживавшейся и широко распространившейся моды на древнехакасские изделия: среди волжских булгар, средневековых удмуртов, марийцев и мордвы. В XI–XII вв. у всех них возникли и широко распространились местные подражания аскизским формам¹⁸. Другим направлением воздействия Древнехакасского государства на Европу явилось, насколько можно судить, клинковое оружие¹⁹.

Явную связь аскизских изделий с торговлей, равно как и места прохождения торгового пути через Урал, проявляют находки на угорском Кишерском могильнике юго-восточнее Кунгура. Автор работ точно датировал его периодом от рубежа XI–XII вв. до первой трети XIII в.²⁰ Именно к этому времени относятся и найденные там, но не опознанные при публикации многочисленные аскизские находки²¹. Одно из стремлян, украшенное характерной серебряной аппликацией²², указывает на происхождение всей партии стальных стремлян²³, столь тонких и легких, что рождается мысль о намеренном их производстве для продажи и перевозки²⁴.

Теперь, я думаю, становится понятным устойчивое указание арабских и персидских авторов X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаля, «Худуд ал-Алам») на то, что Итиль «берет начало близ (земли) хырхызов», «вытекает от границы хырхызов» или «вытекает из области Хырхызов»²⁵. Географы Среднего Востока, как известно, верхним течением Волги считали Каму, а ее истоки искали далеко на востоке не потому, что путали их с верховьями Иртыша, как ныне утверждают некоторые исследователи²⁶. Поскольку древнехакасские караваны, постоянно прибывающие в Поволжье, перевалив Урал, спускались туда по Каме, у посторонних наблюдателей создалось впечатление о размещении ее верховий в пределах Древнехакасской державы, называемой по ее Хырхызской династии.

Следует также сказать, что появление на культурном пространстве Восточной Европы посланцев новой, богатой рудными залежами мировой державы не случайно совпадает с начавшемся на западе Евразии серебряным кризисом. Южная Сибирь, всадники которой пользовались блиставшей серебром и золотом сбруей, восполняла, надо думать, возникшую к западу от Урала нехватку в драгоценных металлах.

Евразийское значение аскизской культуры Древнехакасского государства в трагическое

монгольское время выразилось в том, что она оказалась одним из элементов формирования государственного стиля империи Чингизидов²⁷. В предшествующее время, в IX–X вв., подобное произошло уже не только со сrostкинской и иными южносибирскими культурами, но и с официальным стилем киданьской империи Ляо, сложившимся под явным воздействием тхотятской культуры древних хакасов²⁸. Художественные особенности, присущие древнехакасским изделиям каменного этапа аскизской культуры оказали прямое воздействие на оформление сбруи центральноазиатских, казахстанских и европейских кыпчаков золотоордынского периода²⁹. Так же, как это уже произошло в отношении болгарских подражаний аскизским предметам XI–XII вв., археологам теперь необходимо отличать собственно саяно-алтайские изделия XIII–XIV вв. от их кыпчакских производных, широко распространившихся по Восточной Европе. Без этого не понять не только отразившихся в вещевых сериях политических сложностей эпохи, но и особенностей последующей этнографической материальной культуры казахов и ряда других народов степной зоны.

Археологические данные подтверждают свидетельств ряда арабо-, персо- и китаезычных источников, отмечающих веками существовавшую большую роль международной торговли в жизни Древнехакасского государства, в том числе оказываемую ей там официальную поддержку³⁰. Далеко не случайно именно в XI–XII вв. международные связи Древнехакасского государства с Востоком получают наибольшую протяженность. Эта историко-культурная особенность в развитии Саяно-Алтая хорошо выделяется даже при изучении отдельных, но весьма показательных категорий привозных предметов. Так, например, подробно исследованная серия бронзовых зеркал, найденных в Хакасско-Минусинской котловине на Среднем Енисее³¹ (важной, но небольшой территории обширного средневекового государства) демонстрирует не только продолжение активных и давних торговых связей с Китаем и киданьской империей Ляо, но и со сменившей ее дальневосточной чжурчжэньской державой Цинь и даже приморской Кореей и островной Японией³².

Движение по Сибирскому пути было двухсторонним. Арабские авторы сообщают, что купцы Волжской Булгарии достигали р. Чульма, т.е. пределов Древнехакасского государства³³. В аскизских курганах Причулымья найдены прибалтийские янтарные украшения³⁴. На Сибирском торговом пути встречены западноевропейские вещи того же предмонгольского времени: лотарингская бронзовая дарохранительница на-

чала XIII в. и меч с латинской надписью последних годов XII – первой четверти XIII в.³⁵ В бассейнах Иртыша и Оби во множестве известны привозные приуральские, волжско-болгарские и древнерусские предметы (последние поступали не только из Новгородской, но и из Владимиро-Суздальской земли). Эти данные уже вошли в обобщающие работы сибиреведов³⁶ и учебные пособия сибирских вуз'ов³⁷. Характерные бронзовые изделия поволжско-уральских финно-угорских народов распространялись до Енисея. Они отложились в коллекциях Минусинского музея и музея Томского университета.

Раннесредневековые евразийские связи и особая роль в них Древнехакасского государства, Волжской Булгарии и Руси – новая тема в нашей медиевистике. Важно осознать: слава о камских, волжских, днепровских, неманских и волховских торжищах в XI–XII вв. достигала берегов Енисея, а саяно-алтайские посольства приносили в Европу сведения о сибирских пространствах и их богатствах.

Эти знания, полученные на Руси за 5 веков до Ермака и за 200 лет до превращения Восточной Европы в улус Золотой Орды, во многом определили ход евразийской истории в последующий период. Не от тесноты Западной Европы и малой населенности зауральской тайги двинулось на Восток набравшее силы Московское царство – давние знания о богатствах сибирского края позволили ему в выгодной геополитической ситуации избрать именно это направление.

Для понимания позднесредневековых процессов, происходивших в Сибири, следует также учитывать, вероятно, и то особое «единое экономическое наднациональное пространство в масштабах значительной части Евразии», которое складывалось на долговременных международных торговых трассах. Это мало изученное пока явление, судя хотя бы по близости, а местами и слиянию согдийской и тюркской культур, отличало уже южный Шелковый путь. Однако в нашей литературе оно наиболее отчетливо отмечено на примере Волжского торгового пути³⁸.

Совсем неслучайно в конце XVI и в XVII вв. основное продвижение казаков за Уралом обеспечивалось местными сибирскими проводниками (на западе это в основном были манси, а на востоке – эвенки), а первоначальные остроги нередко ставились с добровольной строительной помощью аборигенных жителей³⁹. Ими же, как известно, поставлялось русским землепроходцам не только продовольствие, но зачастую и первое семенное зерно. Ранние границы нового административного членения Сибири воспро-

изводили рубежи предшествующих местных держав. На этом обстоятельстве стоит остановиться подробнее.

Сибирь поначалу воспринималась Русским царством как отдельная страна (именно в соответствии с этими взглядами составлялась Есиповская летопись, построение которой отличается от прочих летописей внутренних районов государства). И, поскольку столицей этой Восточной страны (как она именовалась русскими издревле) считался Искер (Сибирь, Кашлык), совершенно ясно, что под Сибирью в XVI в. и в начале XVII в. в России понимаются лишь владения Тайбугидов и Шейбанида Кучума в Западной Сибири, на востоке ограниченные Обью.

Присоединив эту страну, правительство особому, не так как в других русских областях, организовало и управление ею. В Сибири был создан самостоятельный административный центр, главенствующий над прочими уездами и контролирующей деятельность местных воевод. Таким городом стал Тобольск – прямой преемник прежней столицы Кучума, осознанно выстроенный неподалеку от нее. Не случайно и то, что первые воеводы Тобольска состояли в родстве с русским царским домом, здесь же была создана и архиепископская кафедра⁴⁰.

В отечественной литературе местоположения сибирских острогов обычно объясняются двумя обстоятельствами: земледельческим освоением края и защитой от военной угрозы. Первая причина вряд ли может быть серьезно воспринята для таких русских городов как Мангазея, Енисейск или Якутск, поставленных в таежных дебрях. Целью здесь была добыча пушнины и, конечно же, закрепление на путях дальнейшего продвижения на восток (иными словами, вторая причина заключена в первоначальном назначении острогов – опорных пунктов при расширении подвластных земель, а не центров защиты еще не сложившихся границ). Третья причина немедленно проявилась с началом борьбы русских отрядов со следующей за Кучумовой Сибирью восточной страной – Древнехакасским государством («Киргизской землицей» русских документов). Уже в конце XVII в. на его землях, еще чужих для Русской державы (их присоединение произойдет только в 1718 г.), начали возводить крепости на серебряных рудниках (Каштацкий острог), как это было и на Оби (Умревинский острог). Те же причины привели к созданию Аргунского и Шилкинских острогов в Восточной Сибири⁴¹.

Возвращаясь к организации сбора ясака русским правительством, нельзя не заметить, что многие остроги были сооружены на вековечных местах традиционного сбора дани⁴². Так, при

анализе письменных и археологических источников выясняется, что Томский (1604 г.), Красноярский (1628 г.) и Абаканский (1707 г.) остроги наследовали податным центрам Древнехакасского государства не только развитого, но и раннего средневековья, а его правители-хыргызы, в свою очередь (судя по концентрации находок тагарских изделий в тайге), восприняли систему сбора ясака еще от динлинов раннего железного века. В начале XVIII в. маньчжурский двор Цин, вслед за монгольскими Алтынханами претендуя на сбор дани с правого берега Среднего Енисея, затеял долгую дипломатическую тяжбу из-за возведенного русскими Абаканского острога. Заявления претендентов и дипломатическая переписка в полной мере раскрывают давнее административное значение этого места и, косвенно, сменившего его в этой роли Красноярска⁴³.

Однако даже в период государственного противостояния Сибирский путь продолжал действовать. Через хакасские земли и с хакасами-проводниками (иногда это были князья) проходили в Монголию и Китай русские посольства XVII в. (В. Тюменца и И. Петрова в 1616 г., С. Гречанина и Б. Карташова в 1636 г., В. Старкова и С. Неверова в 1638 г. и т.п.), а в Москву двигались монгольские (в 1616, 1619 гг. и др.). Лишь в период открытых военных действий прямой путь был им всем заказан (как И. Белоголову в 1609 г.). Тогда русским посланцам в Центральную Азию приходилось обходить Хакасию по ее северной границе (так ехал Н.Г. Спафарий Милеску в 1675 г.)⁴⁴.

Как видим, процессу продвижения России на Восток и быстрому присоединению к ней Сибири в немалой степени способствовал налаженный общеевразийский Сибирский путь, искони соединявший взаимодействующие народы. До известной степени именно он заменен теперь проходящей в Китай Транссибирской железнодорожной магистралью.

* * *

Здесь дан обзор только основных широтно направленных культурных и политических связей, закономерно объединявших народы Евразии от древнейших до новых времен. Особенно важно, что эти сношения происходили вопреки естественной транспортной сети. Пути, проходившие вдоль евразийского пространства, почти повсеместно шли поперек течения главных рек материка. Меридиональные связи с цивилизациями далекого Юга на тех же просторах Восточной Европы (путь из варяг в греки или Волжский путь) или пространствах Западной Сибири были столь же исконными, постоянными и естественными. Их существованию благопри-

ятствовало направление рек и долин. Однако, как представляется, они охватывали отдельные полосы Евразии и только при использовании налаженных широтных путей приобретали общий континентальный характер.

Быть может, история особенно ярко показала эту закономерность, когда Московское царство, распространившись вдоль меридиональных речных путей от Белого и Баренцева до Каспийского и Черного морей, выстроила свое политическое движение вдоль широтного Великого Сибирского пути. Сложение и развитие Киевской Руси определил путь Днепровский, рост Московской Руси – Волжский путь, для России же таким судьбоносным стал Великий Сибирский путь. Он оказался тем становым хребтом, который создал и до сих пор удерживает богатейшее тело России. Был и останется евразийскими весами ее истории.

Примечания

¹ Кызласов И.Л. О единстве культур степной зоны Евразии // КСИА. Вып. 207. 1993.

² Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984 (то же: Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987). Данная Л.Р. Кызласовым трактовка сведений Аль-Омари как указания на связи Булгара с Причулымьем, принята: Полубоаринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 143.

³ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 122; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. Карта 38. Табл. LXXXI, 15.

⁴ Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи... С. 117; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990. С. 172. Рис. 64.

⁵ Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ремесленные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки и интерпретации) // РА. 2004. № 4. Алтайские аналогии, создавшие для авторов этой работы «проблемы атрибуции, датировки и интерпретации», на деле являются прямым следствием воздействия древнехакасской тюхтятской археологической культуры середины IX – конца X вв. на иные культуры Саяно-Алтая и Южной Сибири. Предвзятое отношение к обнаружению саяно-алтайских предметов IX–X вв. на юге Восточной Европы привело к искусственным словесным построениям (понятие «место происхождения» было сведено до «региона наибольшего распространения и популярности изделий, не имея в виду место производства» –

Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006. С. 154, 155, 177, 178, прим. 18).

⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 45. Рис. 13, 1; Михайлов К.А. Центральноеазиатские ремесленные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Изучение этого немногочисленного материала не следует отрывать от распространившихся в Восточной Европе подвесных листовидных и округлых блях с бубенчиком или выпуклиной в центре, на которых изначально воздействие южносибирских форм проступает яснее. Будем учитывать и более раннюю датировку саяно-алтайских подвесных блях с личинами, чем европейских, и обнаружение других изделий тюхтятской культуры на Днепре (о том и другом умалчивает работа: Король Г.Г. Средневековые личины...). Вопреки общим соображениям о влиянии Ирана или Восточного Туркестана (не подкрепленным находками), ныне известно четыре разновидности подобных блях: обособленная поволжская, с реалистичным лицом на гладком фоне (набор из четырех блях: Ново-Никольский м-к, к. 7, п. 13 – Гаврилина Л. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 79, 81. Рис. 1: 2), и объединяемые растительным узором и антропоморфными ликами южносибирская, североамериканская (Гнездово, Новгород) и южноевропейская (Херсонес, Преслав). Последняя серебряная штампованная бляха с позолотой (Витлянов С. За украсата на старобългарската конска амуниция от Велики Преслав // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 400–403. Обр. 1) остается у наших археологов без внимания. Следует учитывать и позолоту бронзовых южносибирских блях. Укрупнение орнамента в южноевропейской группе, как и стилизация личины под морду льва в Преславе, пожалуй, указывает на удаленность их стилистики от прототипа.

⁷ Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи... С. 122, 123.

⁸ Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья II–XIV вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 1994; он же. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000. С. 304, 305.

⁹ Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самигулов Г.Х. История археологии Южного Зауралья. Челябинск, 2002. С. 247. Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье... С. 305–307, 317 (см. также с. 307, рис. 25, II).

¹⁰ В этой работе мною не ставится задача выяснения общего евразийского значения аскизской археологической культуры, всей связанной с этим проблематики и литературы вопроса.

¹¹ Селище Минино I, 2000 г., раск. I, кв. М-28-б, пл. 2. подвесной наконечник с утраченным шарниром (огластинский этап). Благодарю И.Е. Зайцеву (ИА РАН) за предоставленные сведения.

¹² Кызласов И.Л. Сибирские землепроходцы на Руси // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 60–64, форзац; он же. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб – Псков, 1997; Кызласов И.Л., Гайдуков П.Г. О дальности восточных связей Великого Новгорода в древнерусскую эпоху / Средневековая археология евразийских степей (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3). М.– Йошкар-Ола, 2006. Материалы из Каменского предоставлены мне студентом Липецкого госпедуниверситета С.И. Миловановым.

¹³ Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов ... С. 382. Рис. 3.

¹⁴ Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань, 2001.

¹⁵ Белавин А.М. Аскизские предметы в Пермском Предуралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 138–139.

¹⁶ Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001. Влияние аскизской культуры, опосредованное Волжской Булгарией, обнаружено на других селищах региона XI–XII вв.: Винничек В.А. Материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. Пенза, 2001. С. 102. Рис. 5: 17-21, 23, 30; 12: 19-23, 28.

¹⁷ Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // К.А. Руденко. Тюркский мир и Волго-Камье... Казань, 2001.

¹⁸ Хронология аскизских древностей, найденных в Восточной Европе и порожденных их появлением местных форм XI–XII вв., детально проработана ныне К.А. Руденко. Удивляет подход М.Г. Крамаровского, связавшего всю совокупность обсуждаемых материалов с монгольским нашествием, вопреки не только серии предметов малиновского этапа аскизской культуры, обнаруженных в Поволжье, но даже и характеристике культурного слоя и стратиграфии памятников, где сделаны находки, результатам их сравнительно-типологического анализа (Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: хронология и проблема культурогенеза // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2004. С. 60, 61). Показательно, что тот же подход

отмечен и в отношении датировки М.Г. Крамаровским других категорий инвентаря XII в. (Валиулина С.И. Иранская чаша XII в. из Биляра // РА. 2007. № 1. С. 176). Иное вещеведение, способное обогатить наше восприятие исторических процессов XIII и XIV вв., см.: Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006. № 1-2.

В другой работе М.Г. Крамаровский мимоходом (и столь же загадочно для меня) смешивает различные археологические культуры, заявляя, что появление аскизских изделий к западу от Урала «логично связать с отголосками половецкой экспансии в степи Восточной Европы» (Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: особенности формирования культуры // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005. С. 43). В обоих показанных случаях археологическое источниковедение напрасно подменяется Марком Григорьевичем схематичным восприятием политической истории Восточной Европы XI–XIII вв.

В литературе встречается и жалкая уловка объяснить аскизские древности в Европе не воздействием конкретной культуры, а некими общими тенденциями перехода на железо в оформлении снаряжения и сбруи. Равным образом следовало бы объяснять появление в Европе дирхемов переходом на серебро как на средство платежа, исключая деятельность конкретных монетных центров.

¹⁹ Кызласов И.Л. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

²⁰ Пастушенко И.Ю. Кишерский могильник в бассейне Сылвы // Finno-Ugrica, 2005–2006. № 9.

²¹ Там же. Рис. 2, 3-2; 5, 17-3; 10, 23-5, 7, 24-5; 11, 26-10. Упрека в невнимании к аскизским особенностям автор не заслуживает: статья написана в 1995 г. – до серьезной разработки этой темы археологами европейской части страны.

²² Благодарю И.Ю. Пастушенко, позволившего мне в декабре 2004 г. осмотреть коллекцию в Удмуртском госуниверситете. Стремя имеет инв. № 1856/7 и, вероятно, происходит из погр. 26. Из погр. 24 происходят аскизские удила с упорами.

²³ Пастушенко И.Ю. Кишерский могильник... Рис. 2, 1-3; 6, 21-6; 9, 22-8; 11, 26-12; 15, 17-22.

²⁴ Отсюда очевидна обманчивость рассмотрения железных предметов памятника как однородной серии и объяснения особенностей технологии «удаленностью от центров металлообработки того времени»: Перевошиков С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кушертского могильника и I поселения в бассейне Сылвы // Finno-Ugrica, 2005–2006. № 9. С. 74, 75.

²⁵ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 118.

²⁶ Коновалова И.Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 130.

²⁷ Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза, 2001; Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды... С. 61, 62.

²⁸ Эта культурная особенность показана серией работ Г.В. Длужневской (перечень их см.: Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998. С. 80, 81), недооценившей, однако, закономерности исторического развития региона и потому придавшей воздействующему импульсу обратное направление.

²⁹ Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2; он же. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII–XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987; Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника...

Древнехакасские изделия XIII–XIV вв. известны в погребениях кыпчаков и близкого им населения: Боталов С.Г. Аскизский курган монгольской эпохи Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2 (только вещи аскизские); он же. Поздняя древность и средневековье... С. 376–382; Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 39–49, 263. Рис. 30, 4, 5, 31, 11; Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984 (поскольку предметы не были в трупосожжении, комплекс, вероятно, связан с кыпчаками).

В Казахстане известны аскизские памятники XI – начала XIII вв.: на Ишиме погребение Ак-Полак (Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. / САИ, вып. Е-18. М., 1983. С. 54, 55, 73. Рис. 29, А. Табл. XXXV), а отдельные, пока неузнаваемые местными археологами изделия – от Актюбинской (Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск, 2003. С. 133. Рис. 28, 1: колчаный крюк) до Талды-Курганской области (Алматы, Центральный гос. музей Казахстана, экспозиция: удила с псалями – Кызласов И.Л. Аскизская культура ... С. 54, прим. 53).

³⁰ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 112–115. Эта особенность южносибирского средневековья мало осознается историками. Между тем, связь власти с купечеством вполне очевидна для других стран изучаемой эпохи, не исключая Восточную Европу – см. эпиграф к моей статье.

³¹ Эта категория привозных предметов, однако, изучена не полностью. Так, вне внимания пока остаются зеркала коллекции М.В. Флоринского, ныне хранимые в Национальном музее РТ в Казани (Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. № 1-2. С. 128, прим. 1).

³² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. С. 24–28.

³³ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 121. Данная Л.Р. Кызласовым трактовка сведений Аль-Омари как указания на связи Булгара с Причудымьем, ныне принята: Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 143.

³⁴ Коноваленко С.И., Ожередов Ю.И., Русских И.В. Украшения из прибалтийского янтаря у тюрок Томско-Чулымского междуречья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 39.

³⁵ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири... С. 120, 122.

³⁶ Могильников В.А. Угры и самодийцы... С. 214–216, 235. Карта 41. Табл. ХСП.

³⁷ Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 2004. С. 119.

³⁸ Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 7, 8.

³⁹ См., например: Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 177

⁴⁰ Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы) // Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 100.

⁴¹ Бородавский А.П. Поиски серебра в Сибири и возведение русских острогов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. II. Новосибирск, 2003. С. 25–29.

⁴² Можно думать, что уже в неолитическую эпоху Сибирь становится поставщиком драгоценной пушнины. Не случайно с конца V тыс. до н.э. жители Западной Сибири и Северного Казахстана для защиты своих богатств начинают возводить укрепленные поселения с деревянными стенами и рвами. Они достигают 64-той широты, вторгаясь в хантыйские болота. Деревянные города и крепос-

ти, жилые башни и другие виды укрепленных поселений непрерывно существовали в аборигенной Сибири с неолита до XVII в. (Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1993; он же. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 3; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной

Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994, глава 5; он же. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3).

⁴³ Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. Абакан – М., 1994. С. 76–79.

⁴⁴ Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 43–45; Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. ... С. 173, 174, 179–181.

Нияз Мажитов

Академия наук Республики Башкортостан, г. Уфа

ЕЩЕ РАЗ О БАШКИРО-МАДЬЯРСКИХ СВЯЗЯХ (мысли после доклада)

На Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей я выступил с сообщением на тему «К проблеме башкиро-мадьярских связей». Мое сообщение свелось к краткому изложению своего доклада на заседании Отделения гуманитарных наук АН Республики Башкортостан в апреле 2006 г., полностью опубликованного в журнале «Вестник Академии наук Республики Башкортостан» № 2, том II, 2006 г. Вот краткое изложение его содержания.

Башкиро-мадьярская проблема сохраняет свою значимость уже 750 лет. В башкирской истории нет ни одного сюжета, который бы имел столь же долгую историографическую традицию. Тесно связанная с проблемами ранних этапов этногенеза венгров и башкир, она остается в центре исследовательского интереса и в Центральной Европе, и в России.

Относительная ясность в историческом прошлом венгров наступает лишь с IX в., в момент их проживания вдоль северного побережья Черного моря. Об этом периоде истории сохранились свидетельства письменных источников. Согласно труду византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (начало X в.) территория расселения венгров в IX в. называлась «Этелькуза». Известен другой вариант названия этой легендарной страны: Леведия-Этелькуза. Важными ориентирами этой легендарной страны служат название рек Днепр, Днестр, Буг, которые протекали через эту легендарную страну. По материалам византийских хроник достоверно известно, что, начиная с 30-х годов IX в. венгерские воины с периодичностью в 10–15 лет совершали набеги в пределы тогдашней Византии, территории современных Болгарии, Румынии, Австрии и других стран. Последний из этих походов имел для них трагические последствия.

Согласно сообщению Константина Багрянородного, около 895 г., во время похода венгерских воинов в Центральную Европу, в страну Леведия-Этелькуза вторглись объединенные силы печенежского племенного союза и разграбили всю страну. Один из информированных арабских авторов X в., аль-Масуди, уточняет этни-

ческий состав этого печенежского союза: в нем, кроме собственно печенегов, находились баджнаки, наукерды и башкиры. Перед лицом грозного врага – печенежского племенного союза, который находился в нескольких ста километрах от сожженной, разоренной страны, вернувшиеся с похода, венгры собрали съезд. Венгры обратились к византийскому императору с просьбой разрешить им поселиться в пределах империи. Разрешение пришло немедленно: император согласен на переселение венгров на территории Среднего Подунавья – Паннонию (нынешняя территория Венгрии) при условии несения ими пограничной службы.

Массовое переселение венгерских племен из Северного Причерноморья в Паннонию состоялось в 896 г., с этого времени официально начинается отсчет венгерской государственности. В 1896 г. венгры отмечали 1000-летие своего государства. В рамках международных научных мероприятий, посвященных 1100-летию Венгрии (1996), был созван Международный конгресс историков Северной Африки и Европы, куда был приглашен и автор этого сообщения.

По мере становления венгерского королевства, развития культуры развивается интерес венгров к своей прародине. Поиски прародины сочетались и с прагматичным интересом распространения христианской веры на Востоке. Эта идея, безусловно, была одобрена римским папой и королем Венгрии.

Одна такая миссионерская поездка состоялась в 1235 г. Находившийся в составе экспедиции монах Юлиан, потеряв своих спутников, прибыл в г. Булгар, что напротив устья реки Камы. Здесь он встретил венгерскую женщину, которая рассказала ему, что венгры – соплеменники живущих на Дунае венгров – живут в пределах трех дней пути от г. Булгара. Вскоре Юлиан оказался среди них, и свои впечатления от этой поездки он запечатлел словами: «Они меня понимали, я их понимал», то есть они разговаривали на понятном ему языке. Повторный приезд Юлиана на Южный Урал совпал с началом вторжения войск Батые в Восточную Европу (1236). Юлиан вынужден был срочно возвратиться домой. Но вторая поездка оказалась успешной: находясь среди башкирского населения, он со-

брал бесценные сведения о современном ему положении в стране башкир.

Несколько забегаая вперед, отметим, что интересные сведения о башкирах собрал повторивший через сто лет путь Юлиана венгр Иоганка. Очевидно, что и Иоганка прибыл на Южный Урал в поисках соплеменников, но ни Юлиан, ни Иоганка не отождествляли дунайских венгров и уральских башкир и не отмечали их культурную близость.

Шок европейского мира от походов монголов 1236–1241 гг., расширение границ кочевой империи вплоть до Центральной Европы стимулировали новую волну интереса к Азии. Была организована серия «разведывательных» поездок с целью сбора информации. В отчете об одной из таких экспедиций (1245–1247) Плано Карпини впервые называет южноуральскую страну башкир «Великой Венгрией». В 1253–1255 гг. его путь повторил француз Гильом Рубрук. Он расшифровывает утвердившуюся формулу «Великой Венгрии» («Magna Hungaria»): «Язык паскатира (башкир) и венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города... Из этой земли паскатиры вышли гунны, впоследствии венгры».

Определение Плано Карпини вот уже более 750 лет перекочевывает из одной работы в другую. Авторитетным популяризатором его был Д.А.Хвольсон (60-е годы XIX в.), который безапелляционно поддержал высказывания европейских путешественников XIII в. и современных башкир назвал оставшимися на Урале венграми, принявшими позднее тюркский, то есть башкирский язык. Без преувеличения можно сказать, что данный вывод Д.А.Хвольсона предопределил результаты исследований историков, археологов, этнографов, языковедов XX в. по вопросу о происхождении башкирского народа. Абсолютное большинство работ на эту тему – археологов А.В. Шмидта, А.Х. Халикова, В.А. Иванова, Е.П. Казакова, С.Г. Боталова, этнографов С.А. Токарева, Р.Г. Кузеева, языковеда А.К. Матвеева – написано на основе идеи локализации «Великой Венгрии» на территории между Южным Уралом и Волгой и башкиро-мадьярского родства. Самым свежим примером подобных рассуждений на уровне гаданий может послужить текст об уграх-мадьярах во втором томе «Истории татар», написанный В.А. Ивановым (История татар, 2006, с. 408–417).

Из числа венгерских археологов, согласных с идеей локализации страны «Великая Венгрия» на территории между Уралом и Волгой, следует выделить Иштвана Фодора и Иштвана Эрдели.

Уверенность археологов в проживании на Южном Урале угров-мадьяр привела к выделе-

нию так называемой чияликской культуры, объединившей поселения и грунтовые могильники XIII–XIV вв. в низовьях р. Белой. По их мнению, эта культура, якобы, принадлежит оставшимся в Западном Приуралье уграм-мадьярам, впоследствии принявшим тюркский, т.е. башкирский язык.

Я долгое время придерживался мнения о тождестве понятий Южный Урал и «Великая Венгрия» и даже приводил доказательства разной степени убедительности. Но эти убеждения изменились под натиском новых фактов.

Во время работы в Институте истории, языка и литературы БФАН СССР, мною были осуществлены целенаправленные поиски и раскопки археологических памятников VIII–XIV вв. на всем Южном Урале. В результате удалось открыть и исследовать десятки курганных групп, городищ этого времени, систематизировать, датировать и опубликовать их материалы в ряде монографий, изданных «Наукой».

Памятники VIII–XII вв. получили условное название «кушнаренковская культура», но я полагаю, что самым приемлемым является название «культура башкир». Мои публикации привлекли внимание многих археологов СССР, Венгрии, прежде всего, в плане решения мадьярской проблемы в раннесредневековой истории Южного Урала.

В изучении памятников данного круга определенный вклад внесли А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, Е.П. Казаков, В.А. Иванов, Р.Б. Ахмеров и многие другие археологи, отнесшие памятники Южного Урала VIII–X вв. к венгерским племенам. Это, на мой взгляд, серьезная ошибка. Возникнув на рубеже VII–VIII вв., указанные памятники непрерывно функционировали до XI–XII вв., и позже что подтверждается и находками монет IX–X вв. Согласно сведениям письменных источников, начиная с IX в. венгерские племена жили далеко на западе от Урала, в стране Леведия-Этелькуза, и те же источники называли Южный Урал страной башкир. Следовательно, венгры легендарной страны Леведия-Этелькуза и Паннонии IX–X вв. не могли оставить поселения и курганы Южного Урала, датируемые IX–X вв. Чтобы придать своим абстрактным умозаключениям о мадьярах (венграх) на Южном Урале доказательность, мои оппоненты произвольно омолаживают возраст памятников IX–X вв. на 100 лет, пытаясь создать хронологическую связь между ними и мадьярами Северного Причерноморья и Паннонии. Принадлежность курганов и городищ Южного Урала VIII–X башкирам как коренному башкирскому населению этого региона очевидна.

На полном пренебрежении сведениями многочисленных исторических документов (шеже-

ре, исторические предания, тексты эпиграфических памятников XIV в и др.) построены доказательства об угро-мадьярской принадлежности памятников вышеупомянутой чияликской культуры. Перечисленный круг источников однозначно свидетельствует, что памятники чияликского типа оставлены местным оседлым башкирским населением и отражают переходной период его истории от язычества к исламу.

Более того, письменные источники позволяют реконструировать историю башкиро-венгерских взаимоотношений IX–XIV вв. Например, приведенные выше утверждения Константина Багрянородного и аль-Масуди о разорении венгерских земель печенежским племенным союзом в составе печенегов, баджнаков, наукердов и башкир разводят венгров и башкир в противостоящие племенные образования и никак не может свидетельствовать об их тогдашней этнической близости.

В этой связи возникает естественный вопрос: когда и как башкиры оказались в Северном Причерноморье? Возможный ответ на этот вопрос мы находим в сочинении одного из авторитетных авторов X в. аль-Масуди. По его сведениям, в начале IX в. в районе Аральского моря произошла война из-за зимних пастбищ между печенежским союзом, с одной стороны, карлуками и кимаками – с другой. В результате поражения в этой войне печенеги, баджнаки, наукерды и башкиры вынуждены были покинуть приаральские степи и поселиться в район Северного Причерноморья. Аль-Масуди пишет, что племена печенежского союза перекрыли границу в Византию в районе нижнего течения р. Дуная. Рассматриваемые события произошли не позже середины X в. Есть также упоминание о том, что около 932 г. печенежский племенной союз совершил поход в Константинополь.

X – первая половина XI вв. – эпоха господства печенегов в Северном Причерноморье. В составе этих печенегов была, очевидно, и группа башкир, пришедшая в Северное Причерноморье вместе с печенегами. В середине XI в. господству печенегов был положен конец. Объединенные силы древнерусских княжеств и вторгшихся из южно-уральских и казахстанских степей гузов (огузо-кыпчаков) разгромили печенежский племенной союз. По сведениям, приблизительно в XI–XII вв. группа тюркских кочевых племен печенегов покидает Северное Причерноморье и переселяется на территорию Среднего Подунавья, то есть Венгрии. Во всяком случае, аль-Гарнати, несколько лет, проживший в середине XII в. в Венгрии, называет венгров башкирами, а венгерского короля башкирским королем. О башкирах в Венгрии пишет такой

авторитетный арабский автор XII в. как Идриси. Сведения о дунайских башкирах XII–XIII вв. можно найти в трудах других средневековых арабских авторов (например, Рашид ад-Дина).

Выдающийся востоковед, знаток средневековых арабских источников В.В.Бартольд (XX в.) в своих исследованиях пишет, что Идриси упоминает о башкирах, проживавших в близком соседстве с венграми в составе венгерского королевства, на южном берегу Дуная, в гористой местности к западу от собственно венгров. Он же указывает на первоисточниковый характер работы Идриси для исследований XIII–XIV вв. В итоге приходит к выводу, что проживание группы башкир в Венгрии XII в. – очевидный факт. Автор данного сообщения также придерживается его точки зрения и повторяет его вывод: группа башкир, оторвавшаяся в IX–X вв. от основной группы башкир на рубеже XI–XII вв., оказалась на территории Венгрии и, слившись с венграми, приняла участие в этногенезе венгерского народа в качестве тюркского компонента. Нельзя также исключить, что эта группа башкир в Паннонии могла оказаться до прихода сюда мадьяр в 895 г. или вместе с ними.

Факт проживания группы башкир в XI – начале XIII в. на территории Венгрии в близком соседстве с венграми и последующей ассимиляции их венграми принципиально меняет концепцию происхождения исторических преданий венгров о Южном Урале как их исторической прародине. Они, скорее всего, принадлежат не собственно венграм, а башкирам, вернее венграм башкирского происхождения. Отсюда напрашивается вывод о том, что миссионерские приезды Юлиана и Иоганки на Южный Урал в XIII–XIV вв. могли состояться под влиянием преданий потомков дунайской группы башкир, ставших уже к началу XIII в. составной частью венгерского народа, но помнящих об уральской своей прародине.

Что касается вопроса пребывания венгров на Южном Урале, то он не подтверждается никакими источниковыми материалами. Попытки некоторых археологов отыскать здесь следы пребывания венгров оборачивается произвольной их датировкой, интерпретацией и игнорированием сведений многочисленных письменных источников IX–X вв. о Южном Урале как «стране башкир».

Наука не может развиваться на вымышленных фактах. Дальнейшая разработка древнейших этапов этнической истории, происхождения башкирского и других народов Восточной и Центральной Европы ставит перед исследователями задачу коренного пересмотра всего свода накопленных источниковых материалов, в

том числе археологических и лингвистических, и только в этом случае мы сможем внести ясность в проблему башкиро-мадьярских связей в IX–XIII вв.

Важно подчеркнуть, что подобная постановка вопроса встречается не впервые. Уже в 1962 г. были опубликованы результаты научной командировки Т.М. Гарипова и Р.Г. Кузеева в Венгрию, совершенной в 1959 г. с целью сбора материалов по башкиро-мадьярской проблеме. Авторы тогда кратко ознакомили читателя с историографией проблемы, состоянием источников. В этих публикациях интерес представляют два момента:

а) некоторые современные венгерские ученые крайне негативно относились к идее проживания венгерских племен на Южном Урале и башкиро-мадьярского родства. Авторы рассматриваемых статей также высказались в пользу этой точки зрения.

б) привлекательной является информация этих ученых о том, что на территории Венгрии и венгерских районах Румынии до середины XX в. сохранились такие топонимические названия как с. Сакмар, Тазлар, Токсаба, местность Орманшаг и другие. Этим топонимическим названиям можно найти многочисленные аналогии на Южном Урале. По своему происхождению они могли быть отголоском наследия культуры дунайских башкир XI–XIII вв.

В свете вышеизложенного была бы весьма полезной и перспективной организация совместных башкиро-венгерских исследований по топонимике, этнонимике и другим аспектам культуры двух народов. Проблема о контактах предков башкирского и венгерского народов настолько научно значима, что для ее решения необходима активизация исследований в данном направлении.

В прениях по данному моему сообщению выступил гость съезда из Венгрии профессор Иштван Фодор и привел ряд интересных фактов. Например, он уточнил, что массовое переселение венгерских племен из страны Леведия-Этелькуза в Паннонию состоялось не в 896 г., а в 895 г. Говоря о времени появления венгерских (мадьярских) племен в Северном Причерноморье, он уточнил, что оно произошло около 860 г. Эта дата ранее мне была известна и ее придерживаются именно те исследователи, которые уверены, что Magna Hungaria («Большая Венг-

рия») находилась на Южном Урале или где-то между Уралом и Волгой. Но она противоречит другим широко известным в науке датам о более раннем пребывании венгров (мадьяр) в Северном Причерноморье, во всяком случае, к западу от Волги. Вот некоторые примеры. Выдающийся знаток хазарских древностей М.И. Артамонов полагал, что мадьяры в Северном Причерноморье появились в 20-х годах IX в. (Артамонов, 1962, с. 336–352). Эту же дату повторяет Л.Н. Гумилев (1989, с. 153). В книге «Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., Наука. 1991) говорится, что мадьярские племена, до 30-х годов IX в. находились в пределах Хазарского каганата (Краткая история, 1991, с. 13, 14). То есть где-то на Северном Кавказе и на Дону. Перечислять имена венгерских исследователей-сторонников о пребывании мадьяр к западу от Волги в VI – самом начале IX в. нет смысла, их очень много. Следует особо подчеркнуть, уровень доказательств обеих взаимоисключающих точек зрения оставляет желать лучшего. В то же время, очевидно, если появление мадьярских племен к западу от Волги произошло до VIII в., то это полностью исключает принадлежность башкирских курганов Южного Урала IX–X вв. к мадьярам.

Публикацией текста данного сообщения я хотел обратить внимание читателя на то, что исследования происхождения венгерского народа, в частности, истории мадьярских племен VI–IX вв. уже много веков сводятся голословному утверждению о южно-уральской их прародине. Этому нет ни археологических, ни письменных доказательств, поэтому, на мой взгляд, оно создает тупиковую ситуацию. Происхождение мадьярских племен очень важная, запутанная тема средневековой археологии степной Евразии и дальнейшие плодотворные исследования в этом направлении требуют, прежде всего, коллективного, критического анализа всех известных источниковых материалов.

Литература

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
 История татар. Т. II. Казань, 2006.
 Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука. 1991.

Галина Матвеева

Самарский государственный университет, г. Самара

О КУЛЬТУРНОМ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КУШНАРЕНКОВСКОГО И КАРА-ЯКУПОВСКОГО ТИПОВ

В 50–60-х годах XX века в Южном Приуралье были выделены группы памятников с керамикой кушнаренковского и кара-якуповского типов. Одни исследователи относили их к двум самостоятельным археологическим культурам (Матвеева, 1968, с. 113), другие объединяли в единую культуру, называя ее то кушнаренковской (Васюткин, 1968, Халиков, 1976; Chalikowa, Chalikow, 1981; Мажитов, Султанова, 1994, с. 106), то кара-якуповской (Мажитов, 1981, с. 27). В настоящее время В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович, В.В. Овсянников считают, что кушнаренковская и кара-якуповская культуры довольно четко различаются по погребальному обряду и хронологическим характеристикам и отражают присутствие в Южном Приуралье двух последовательно сменяющих друг друга групп населения, «хотя и родственных, но отнюдь не тождественных: носителей кушнаренковской культуры, пришедших в конце VI в. и носителей кара-якуповской, появившихся в середине – второй половине VIII в.» (Иванов, 1999, с. 47). По мнению В.А. Иванова, основная масса кушнаренковских памятников локализуется в западных прикамских районах Приуралья, а ареал кара-якуповских племен охватывает предгорные районы Приуралья, где сосредоточены все относимые им к кара-якуповской культуре могильники, в то же время все городища кара-якуповцев вынесены на западную окраину ареала, где существовала угроза вторжения со стороны Волжской Булгарии (Иванов, 1984).

В связи с существованием столь разноречивых точек зрения необходимо вновь обратиться к памятникам кушнаренковского и кара-якуповского типов, выяснить их хронологические и территориальные рамки, черты сходства и различия, культурную принадлежность и, по возможности, дальнейшие исторические судьбы.

Истоки кушнаренковской культуры можно найти в Западной Сибири, где имеются памятники второй половины I тысячелетия н.э., содержащие керамику, близкую к кушнаренковской. К числу их относятся Перейминский (Черницов, 1957, т. XIV), Бобровский (Арсланова, 1963, т. III, 1, 3) могильники, Мурлинское городище (Ча-

гаева, 1966, т. II, 1, 6; т. III, 7–9) и др. Сходство кушнаренковской керамики с керамикой названных памятников Западной Сибири обусловлено наличием общих генетических корней. Можно упомянуть аналогии кушнаренковской керамике, относящиеся и к более раннему времени. Это два сосуда из Козловского могильника IV–V в. н.э. (Чернецов, 1957, с. 164). В.А. Могильников считал, что этот тип керамики мог появиться в лесостепных районах Западной Сибири в результате взаимодействия двух компонентов: лесостепных племен саргатского типа и продвигавшегося с севера населения северной части тайги, в среде которого бытовала посуда, украшенная отпечатками сложных штампов. От первых были восприняты формы сосудов, от вторых – штампованные узоры и их зональное расположение (Могильников, 1971, с. 155).

Кушнаренковские сосуды близки к козловским по форме и орнаментации: взаимопроницающие треугольники, полулунный штамп, резные линии – все эти элементы общи в угорской керамике лесостепного Притоболья и Прииртышья и в кушнаренковской посуде Южного Приуралья.

Н.П. Матвеева считает, что зарождение кушнаренковских форм и орнаментов можно отнести к финальной стадии раннего железного века. По новым данным в поздненарымских комплексах IV–V вв. присутствует новация керамического производства, проявившиеся позднее в кушнаренковской культуре. На рубеже конца раннего железа – начала позднего железного века изменение климатической и политической ситуации в лесостепи повлекло за собой передвижку групп таежного населения на юг. Открыты новые нарымские комплексы в юго-западной части таежной зоны, подтверждающие миграцию населения из Нижнего Прииртышья в лесостепное Притоболье (Матвеева Н.П., 2005, с. 176) и Омское Прииртышье (Могильников, 1990, с. 17; Скандаков, Данченко, 1999). В Таболо-Иртышском регионе в зоне северной лесостепи известны и поздненарымские и саргатские памятники. Позднее в этом же регионе как новый компонент культуригенеза появляются куш-

наренковские комплексы, формирование которых происходит на позднесаргатской основе с участием гунно-сарматского компонента, а также южно-таежных суперстратных компонентов, в первую очередь, нарымского. Вслед за В.А.-Могильниковым, Н.П.Матвеева миграцию населения кушнаренковской культуры на запад относят к последней трети VI в. (Могильников, 1994, с. 63; Матвеева Н.П., 2006, с. 161).

Н.П. Матвеева считает также, что кушнаренковские и караякуповские племена представляли собой обособленные в этнокультурном отношении коллективы. По ее мнению, кушнаренковские группы формировались в подтаежном районе, а караякуповские – в лесостепной зоне. Она поддержала высказанную в 1975 автором данной статьи (Матвеева Г.И., 1975, с. 19–22) точку зрения об участии в сложении памятников караякуповского типа бокальского компонента (Матвеева Н.П., 2006, с. 161).

Время появления кушнаренковских племен в Приуралье определяется большинством исследователей как VI век, а именно середина или конец его. Однако, анализ вещевого материала семи погребений Бирского могильника, в которых представлены самые ранние находки кушнаренковской керамики, позволяет несколько удревнить время их прихода в Приуралье. Самым ранним погребением с кушнаренковской керамикой является погребение 78. Оно расположено на границе ранней северной и поздней южной частей Бирского могильника. По обряду оно тяготеет к ранней части: могильная яма простой конструкции, прямоугольной с закругленными углами формы без подбоя в изголовье, глубина ее достигает, но не превышает 1 м, что не характерно для более глубоких могил с подбоями поздней части Бирского могильника. Погребение осталось непо потревоженным, в то время как почти все поздние (VI в.) могилы перекопаны в древности с целью обезвреживания погребенных. Для датировки погребения особенно важны серьга т.н. «харинского типа», находящая аналогии в памятниках харинской стадии ломоватовской культуры (Голдина, 1985, рис. 16, 8) и в памятниках бродовской стадии неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990), датируемых V – первой половиной VI в, пряжка с овальной рамкой и щитком трапециевидной формы с длинным, выходящим за пределы рамки, язычком с загнутым концом из погребения 78 (Мажитов, 1968) находит аналогии среди пряжек Безводнинского могильника. А.В. Богачев относит подобные пряжки к федоровскому этапу и датирует первой четвертью V в. (Богачев, 1992, с. 145). В погребении найдена также полая фигурка медведя, весьма характерная для

погребений мазунинской культуры, датируемых главным образом V в. (Останина, 1997, с. 281, с. 35, д-10). Таким образом, погребение 78 датируется временем не позднее середины VI в., а скорее первой его половиной. Видимо, к тому же времени относится и погребение 107, где сосуд раннекушнаренковского типа найден с пряжкой аналогичной вышеописанной из погребения 78. Находки кушнаренковской керамики в столь ранних погребениях позволяют удревнить время прихода кушнаренковских племен в Приуралье до первой половины VI в.

Керамика кушнаренковского типа изменяется во времени. Самые ранние сосуды, датируемые VI в., происходят из Бирского могильника (Мажитов, 1968, табл. 26), Матвеевского, Кушнаренковского и Романовского II селищ, а также с городища Уфа II. Они имеют прямую цилиндрическую или слегка расширенную кверху шейку, яйцевидное, шаровидное или реповидное тулово и округлое или уплощенное дно. Сосуды изготовлены очень тщательно. Они прочные и звонкие. Поверхности сосудов заглажены мягким предметом, а внутри иногда обработаны мелким зубчатым штампом. Толщина стенок в среднем 3–5 мм. Орнамент на венчике состоит из наклонных насечек, а на шейке из отпечатков штампов: короткого зубчатого, полулунного (гусеничек), короткого гладкого, треугольного, а также ромбической сетки, чередующейся с параллельными горизонтальными линиями (рис. 2). Подобную керамику Е.П. Казаков отнес к собственно кушнаренковскому типу и датировал VI в. (Казаков, 1981).

В VII в. сосуды становятся более тонкостенными (толщина стенок 3–4 мм), но изготовлены они тщательно и довольно прочны. Шейки сосудов становятся более высокими, они прямые, вертикальные или отогнутые наружу. Тулова шаровидные, яйцевидные, реповидные. Днища округлые или уплощенные. Орнамент по-прежнему располагается на венчиках и шейках, довольно часто спускается на плечики. Орнаментация на венчиках состоит из наклонных насечек, на шейках из чередующихся параллельных прочерченных линий и отпечатков зубчатого, короткого гладкого штампа, косой сетки. Отпечатки полулунного и треугольного штампов исчезают. На плечиках орнамент состоит из двойного или тройного зигзага. Уплощенные днища сосудов обычно орнаментированы. В основе орнамента обычно лежит крест, окруженный многолучевой звездой (рис. 3).

Типичная кушнаренковская керамика VII в. широко представлена в Манякском могильнике (Мажитов, 1977, с. 217–218, т. XV, 1-6; с. 219, т. XVI, 1–3). По одному кушнаренковскому сосуду

VII в. найдено в Ново-Турбаслинском (Мажитов, 1959, с. 126, рис. 3) и Шареевском (Матвеева, 1968, с. 19, рис. 31) могильниках. К тому же времени относятся сосуды из Красногорского и Береговского могильников, а также из Куштирякского и Ихтисатского погребений. В связи с тем, что два последних погребения не опубликованы, приводим рисунок вещей из Куштирякского погребения (рис. 12). В.А. Иванов ошибочно определил их как инвентарь одного из погребений Бирского могильника (Иванов, 1984).

В VIII–IX вв. кушнаренковские сосуды становятся еще более тонкостенными (не более 3 мм), непрочными, небрежно сформованными. Они имеют цилиндрическую или расширенную кверху шейку и приземистое реповидное тулово. Орнамент состоит из отпечатков короткого зубчатого штампа, чередующихся с горизонтальными линиями и двойным зигзагом. Орнамент на днищах отсутствует. Подобная посуда происходит из Хусаиновского, Старо-Халиловского, Лагеревского курганных могильников. К IX в. относятся сосуды кушнаренковского типа, происходящие из погребений могильника у с. Большие Тиганы, исследованного Е.А. Халиковой. Они сформованы из глины с примесью шамота, довольно небрежно, имеют цилиндрические прямые вертикальные (рис. 4: 5, 6) или слегка расширенные кверху шейки (рис. 4: 1). Тулова большинства сосудов шаровидные или слегка сплюснутые реповидные. 12 сосудов имеют орнамент, состоящий из рядов наклонных отпечатков короткого зубчатого штампа или насечек. В трех случаях ряды насечек дополняются зигзагообразной линией, в шести насечки чередуются с горизонтальными параллельными линиями, а в двух случаях еще и с двойным зигзагом, на двух сосудах орнамент в виде тройных фестонов. Все элементы орнамента характерны для керамики кушнаренковского типа, в то время как типичные для кара-якуповских сосудов выпуклины-жемчужины не встречаются. Поэтому все перечисленные сосуды могут рассматриваться как кушнаренковские. Именно так их определяла Е.А. Халикова. Керамика кушнаренковского типа представлена, наряду с другими типами посуды, в Танкеевском могильнике. Так, в погребениях IX, XVII, XIX найдены сосуды, аналогичные найденным в Больше-Тиганском могильнике. Они имели цилиндрическую или отогнутую наружу шейку и реповидное тулово. Орнаментация состоит из рядов наклонных насечек, двойного зигзага и других характерных для кушнаренковской керамики элементов.

Картографирование памятников кушнаренковского типа, относящихся к VI – началу VIII

вв., показало, что они локализуются в междуречье среднего и нижнего течения р. Белой и Ика, а также на правобережье р. Камы на участке, примыкающем к устью рек Белой и Ика (Кузебаевское, Благодатское городища, Луговское погребение (рис. 1)). На правобережье р. Белой выявлены отдельные погребения: Ихтисатское и Ишимбайское.

Кушнаренковская керамика встречается на многих городищах и селищах среднего течения р. Белой (городища Бирское, Уфа II, селища Романовское II, Ново-Турбаслинское, Кушнаренковское, Матвеевское). На всех поселениях она составляет незначительный процент по отношению к другим типам посуды. Чисто кушнаренковским является единственное Куштирякское поселение на р. Ик. Единичные фрагменты сосудов кушнаренковского типа найдены на поселениях имениковской культуры Среднего Поволжья: один фрагмент на Шербетском селище в Татарстане (Старостин, 1967) и один фрагмент на Карлинском селище на Самарской Луке (раскопки Д.А. Сташенкова).

Другую группу памятников I тыс. н.э. в Южном Приуралье составляют поселения с керамикой, получившей название кара-якуповской по первому исследованному городищу у с. Кара-Якупово Чишминского района Башкортостана. Памятники кара-якуповского типа локализуются в междуречье среднего течения Белой и Ика (рис. 1). Все они представляют собой поселения, 6 из них укрепленные городища, 17 открытые селища.

Городища располагаются на высоких мысах с крутыми склонами. С напольной стороны они защищены валами и рвами. Кара-якуповское городище имеет два вала и рва, остальные по одному. Чатринское городище оборонительных сооружений не имеет. Его площадь составляет 187 кв. м, скорее всего оно было не постоянным поселением, а временным убежищем на случай вражеских нападений.

Селища располагаются на надпойменных террасах рек Дёмы, Ика, Базы. Многие из них интенсивно разрушаются реками. Самое северное Сульгинское селище находится на р. Базе, самое южное – Туксанбаевское – в верховьях Дёмы. Западной границей распространения памятников кара-якуповского типа служит р. Ик: на правом ее берегу известно 4 селища, на левом – ни одного.

Все поселения однотипные, культурный слой их тонок: его мощность колеблется от 15 до 60 см. В отличие от других средневековых поселений, где обычно представлены различные типы керамики, на кара-якуповских поселениях другие типы посуды отсутствуют. Исключение

составляют Старо-Калмашское городище, где наряду с кара-якуповской керамикой найдено 48 фрагментов сосудов кушнаренковского типа, и Кара-Якуповское городище, где их найдено только 7.

Керамика кара-якуповского типа представлена сосудами с прямыми шейками с небольшим расширением в верхней части (рис. 5: 1–3; 6: 6). Встречаются отогнутые наружу (рис. 6: 1) и цилиндрические шейки (рис. 6: 5). Тулова большинства сосудов слабо раздутые продолговатые, яйцевидные (рис. 5: 1–2; 6: 3–4), реже встречаются шаровидные (рис. 6: 1) и крайне редко приземистые реповидные тулова. Ни одного плоского или уплощенного днища не обнаружено: все сосуды были круглодонными. Кроме горшковидных сосудов встречаются единичные чашевидные сосуды. Сосуды тонкостенные, тщательно заглаженные с внешней стороны и часто с обработанной зубчатым штампом внутренней поверхностью.

Орнамент состоит из выпуклин-жемчужин, ямок, наклонных отпечатков короткого зубчатого штампа (рис. 6: 6), горизонтальных зубчатых линий (рис. 6: 3), наклонных отпечатков гладкого штампа (рис. 6: 1). В.А. Иванов насчитывает 16 элементов орнамента и, сравнив их с элементами орнамента кушнаренковских сосудов, приходит к выводу, что сравнение показателей частоты встречаемости элементов орнамента на кушнаренковской и кара-якуповской глиняной посуде свидетельствует, что при наличии общих для сравниваемых комплексов признаков разница между показателями частоты их встречаемости такова, что ни один из них не может считаться статистически общим. То же он отмечает, говоря о результатах сравнения частоты встречаемости наиболее распространенных композиционных мотивов кушнаренковского и кара-якуповского орнаментов, где общим является только один признак – наличие на одном сосуде мелких насечек по венчику и косых оттисков из мелкозубчатого штампа по шейке (соответственно 17,9 % и 14 %) (Иванов, 1999, с. 49).

И.Н. Васильева, производившая технико-технологический анализ кушнаренковской и кара-якуповской керамики, отметила в технологии их изготовления на уровне приспособительных навыков следующие различия: на стадии отбора исходного сырья для кушнаренковских сосудов характерен отбор ожелезненной пластичной глины, для кара-якуповских – преобладание ожелезненной запесоченной глины. На стадии подготовки формовочных масс большая часть кушнаренковской керамики изготовлена из глины с добавкой навоза и шамота, однако сосуды из самых ранних памятников сформованы из глины

с добавкой песка и навоза. Эта традиция составления формовочных масс существовала и позднее наряду с другими. В керамике кушнаренковской культуры зафиксированы также рецепты с песком и навозом животных. В кара-якуповском гончарстве наибольшее распространение имела традиция составления масс с добавкой навоза животных, хотя были известны и традиции составления масс с навозом и шамотом, а также с навозом и песком. Специфичными для формовочных масс кара-якуповской керамики были рецепты, включающие наряду с другими компонентами слюду. Единичны для обеих культур рецепты с навозом и дробленой раковинной, а также с дресвой.

На ступенях конструирования начинков и полога тела зафиксировано существенное сходство: спиралевидный лоскутовый налеп, по-видимому, с использованием форм-моделей. Выявлена также близость приемов обработки поверхности – простое ручное заглаживание с помощью овчины или орудия в виде гребенчатого штампа. Зафиксированы способы обмазки внешней поверхности слоем глиняного раствора, не содержащего грубых примесей. Отмечено применение лощения, которое наносилось в виде хаотичных мазков, покрывающих, как правило, не всю поверхность.

И.Н. Васильева отмечает, что на запад в Среднее Поволжье продвинулись лишь группы населения, для которых была характерна традиция отбора пластичных глин и рецепты формовочных масс: 1) глина + навоз животных, 2) глина + навоз + шамот, 3) глина + навоз + дробленая раковина, т. е. носители кушнаренковской, а не кара-якуповской керамики (Васильева, 1993, с. 44–46).

Форма кара-якуповских сосудов значительно отличается от кушнаренковских. Прямые цилиндрические шейки среди них редки, чаще встречаются шейки слегка расширенные в верхней части. Тулова преобладают удлиненные (рис. 5: 1, 2) и шаровидные, а реповидные встречаются крайне редко. Днища все округлые, плоских или уплощенных днищ нет. Наконец, на кара-якуповских поселениях изредка встречаются чаши низких пропорций, совершенно не характерные для кушнаренковского керамического комплекса. Невозможно согласиться с В.А. Ивановым, считающим, что среди кара-якуповских сосудов преобладают экземпляры с приземистым реповидным туловом (Иванов, 1999). Гораздо более приемлемой представляется типология кара-якуповской керамики, разработанная И.М. Акбулатовым (Акбулатов, 1988).

Как правильно отметил В.А. Иванов, не совпадают элементы и композиции орнамента.

Жемчужины, являющиеся самым распространенным элементом орнаментации кара-якуповских сосудов на кушнаренковских сосудах, никогда не встречаются. Зато на кара-якуповских сосудах крайне редко (рис. 6: 5) встречаются параллельные линии, разделяющие ряды оттисков штампа, хотя иногда имеются линии, нанесенные зубчатым штампом (рис. 6: 3; 9: 6).

Могильники кара-якуповского типа в ареале распространения поселений с кара-якуповской керамикой до сих пор не известны. Отдельные сосуды, имеющие сходство с кара-якуповскими, найдены в погребениях 2, 4, 5, 8, 9, 14, 21 Манякского могильника (рис. 7), но безоговорочно можно отнести к кара-якуповскому типу керамики лишь сосуд из погребения 5, т. к. он имеет характерную, слабо расширяющуюся кверху шейку, округлое дно (рис. 7: 1). Типична для кара-якуповской керамики его орнаментация: ряд выпуклин-жемчужин на шейке, ряды насечек и наклонных отпечатков в нижней части шейки и горизонтальная елочка, нанесенная тем же зубчатым штампом на плечике. Сосуд из погребения 8 (рис. 7: 2) близок к кара-якуповским по форме и наличию пояса выпуклин-жемчужин на шейке, но орнамент в виде вертикальных столбиков, состоящих из параллельных горизонтальных отпечатков короткого зубчатого штампа для кара-якуповских сосудов совершенно не характерен и не разу не встречен.

Только сосудам из погребений 2, 9, 14, 21 Манякского могильника можно найти некоторые аналогии в керамических комплексах кара-якуповских поселений.

Некоторое сходство с кара-якуповскими имеют сосуды с «жемчужинами» из кургана 12 Каранаевского, кургана 2 II Бекешевского и курганов 3 и 4 Идельбаевского курганных могильников, но сходство это не полное. Так сосуды из Каранаевского и II Бекешевского могильников имеют слегка сужающуюся кверху шейку, что не характерно для кара-якуповских сосудов.

Датировка кара-якуповских памятников затруднена отсутствием могильников, однако, учитывая однослойность и однокультурность городищ, можно считать надежно датируемыми находимые на них вещи. На Кушнаренковском городище найдена цельнолитая пряжка с прямоугольной рамкой и геральдическим щитком (рис. 11: 9), датируемая VI–VII вв. Тем же временем датируется цельнолитая пряжка с полуовальным щитком (рис. 10: 3) и прямоугольной рамкой, найденная на Тантыковском городище (рис. 10: 3). На Кара-Якуповском городище найден наконечник ремня с прорезью (рис. 10: 2), находящийся аналогии в могильниках деменковской стадии ломоватовской культуры (конец VII

– первая половина VIII в.). Тем же временем датируется трехлопастной наконечник стрелы с Кара-Якуповского городища. Керамика, близкая к кара-якуповской, найдена в Манякском могильнике VII – начала VIII в. Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что кара-якуповские племена появились в Приуралье в середине VIII в. и жили там до середины IX в., как это делает В.А. Иванов (Иванов, 1990, с. 147). Нельзя также согласиться с утверждением В.А. Иванова, что возникновение укрепленных поселений на западной границе кара-якуповского ареала обусловлено опасностью со стороны Волжской Булгарии, т.к. кара-якуповское население, как уже было отмечено, жило в Южном Приуралье с середины VI до середины VIII в., то есть тогда, когда Волжская Булгария еще не возникла, а группы болгарского населения, начавшие проникать в Поволжье в конце VII в, были еще немногочисленны и локализовались, главным образом, на территории Самарской Луки и Ульяновской области.

Однако прекращение существования кара-якуповских городищ в середине VIII в., видимо, можно связать с более массовым притоком в Поволжье болгарского населения и угрозой его вторжения в Приуралье.

Объединение кушнаренковских и кара-якуповских памятников в единую культуру, как это делают многие исследователи, неправомерно, прежде всего потому, что резко различается их образ жизни и уклад хозяйства. Кушнаренковские племена, судя по отсутствию постоянно обитаемых поселений, вели подвижный кочевой или полукочевой образ жизни и основу их хозяйства, видимо, составляло скотоводство, в то время как кара-якуповское население отличалось прочной оседлостью. Основным занятием его было пашенное земледелие, о чем свидетельствуют находки ротационных жерновов и их обломков на Кара-Якуповском городище. Второй по значению отраслью было скотоводство. О наличии рыболовства можно судить по находкам костей животных, железных рыболовных крючков и глиняных, каменных и костяных грузил.

Литература

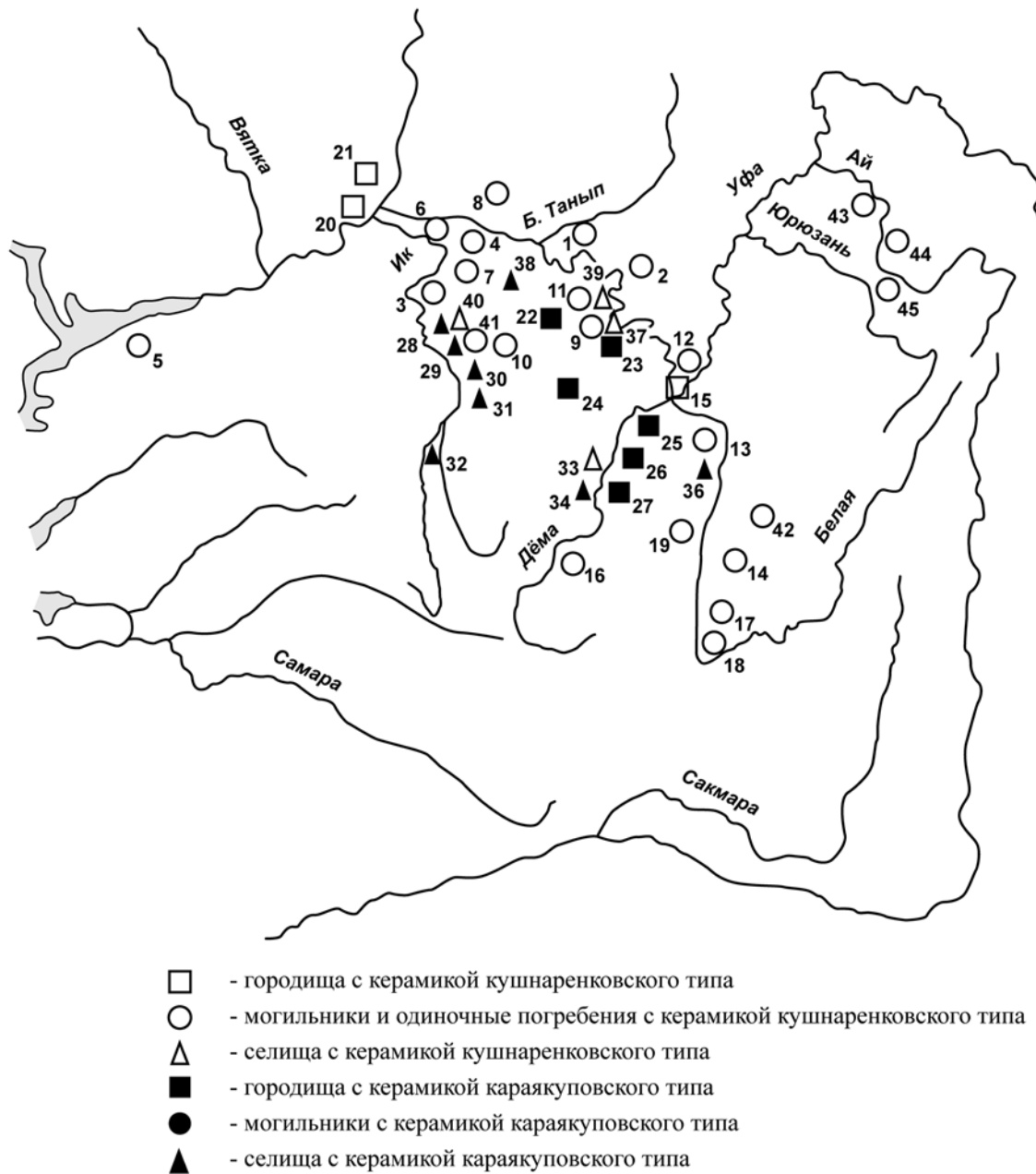
Акбулатов И.М. Керамика тантыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.

Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Изв. АН Казах. ССР, серия общественных наук, вып. 4, Алма-Ата, 1963.

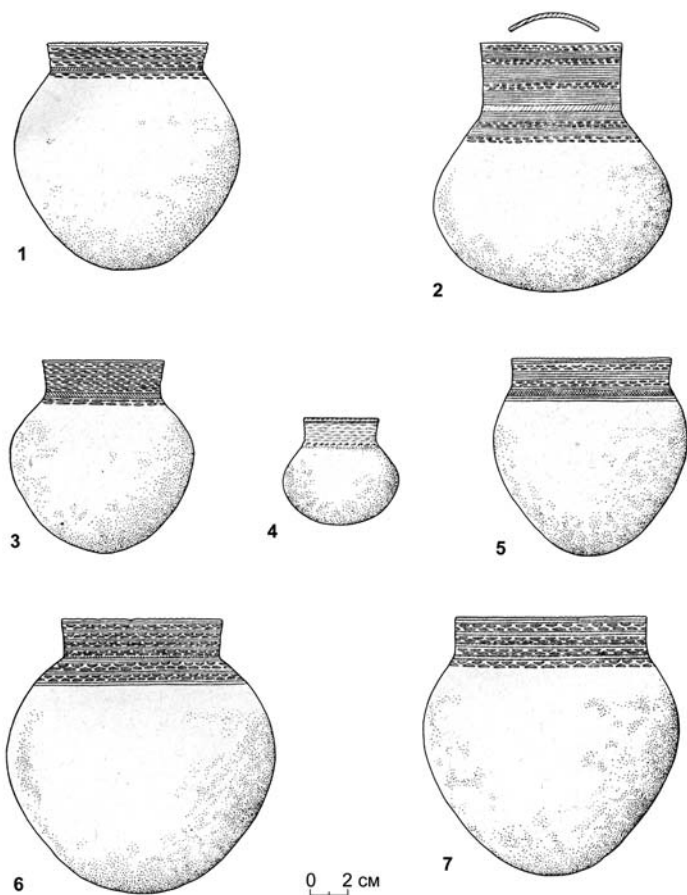
Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования. Самара, 1992.

- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.
- Васюткин С.М.* Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. // СА. 1968. № 1.
- Васюткин С.М.* О происхождении и этнической принадлежности населения кушнаренковской культуры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск. 1992.
- Генинг В.Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д., Водолого Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Иванов В.А.* Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
- Иванов В.А.* Путиами степных кочевий. Уфа, 1984.
- Казаков Е.П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
- Казаков Е.П.* О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре Волжской Болгарии // АЭБ. Т. IV. 1971.
- Мажитов Н.А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М., 1968.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
- Мажитов Н.А.* Кара-якуповская культура / Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981а.
- Мажитов Н.А., Сутанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времён до XVI в. Уфа, 1994.
- Матвеева Г.И.* Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой // АЭБ. Т. III, Уфа, 1968.
- Матвеева Г.И.* Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V. Куйбышев, 1975.
- Матвеева Г.И.* Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V. Куйбышев, 1975.
- Матвеева Г.И.* Шареевский могильник // Из истории Башкирии. Уфа, 1968.
- Матвеева Н.П.* Кушнаренковские комплексы в свете культурогенеза периода раннего средневековья в Зауралье // Современные проблемы археологии России. Т. II. Материалы Всероссийского археол. съезда. Новосибирск, 2006.
- Матвеева Н.П.* Средневековые материалы Коловского городища // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск, 2005, с. 175-177.
- Могильников В.А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. – I тысячелетии н.э. // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.
- Могильников В.А.* Об этическом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- Могильников В.А.* К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финно-угроведение. 1994. № 1.
- Могильников В.А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник. Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып. 3. Омск, 1999.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // САИ, вып. Д-1-32, М., 1967.
- Халикова Е.А.* Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975 № 7.
- Халикова Е.А.* Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, № 3.
- Чагаева А.С.* Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье // Из истории города Омска и Омской области. Омск, 1966.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. МИА № 58. М., 1957.
- Chalikowa E.A.* Chalikow Altungarn an der Kama und im Ural (Das elranberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

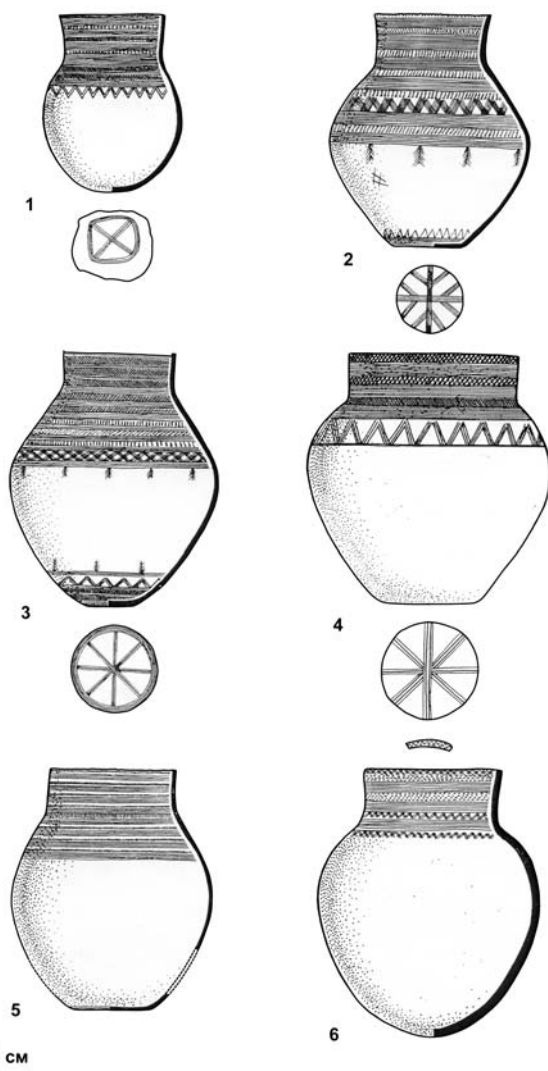

Рис. 1. Карта памятников, содержащих керамику караякуповского и кушнаренковского типов: 1 – Манянский мог.; 2 – Бирский мог.; 3 – Иманлейский мог.; 4 – Такталачукский мог.; 5 – Больше-Тиганский мог.; 6 – Игимский мог.; 7 – Чишминский мог.; 8 – Старо-Янгизитовский мог.; 9 – Сынтыш-тамакский мог.; 10 – Ново-Биккинский мог.; 11 – Булгарский мог.; 12 – Ново-Турбаслинский мог.; 13 – Шареевский мог.; 14 – Ишимбайское погр.; 15 – гор. Уфа II; 16 – Тулбаевский мог.; 17 – Красногорский мог.; 18 – Береговский мог.; 19 – Стерлитамакский мог.; 20 – Кузубаевское гор.; 21 – Благодатское гор.; 22 – Старо-Калмашевское гор.; 23 – Кушнаренковское гор.; 24 – Чагринскре гор.; 25 – Таптыковское гор.; 26 – Кара-Якуповское гор.; 27 – Чукраклинское гор.; 28 – Сасыкульское сел.; 29 – Ново-Сарлинское сел.; 30 – Тукмак-Караиское сел.; 31 – Какрыбашское сел.; 32 – Зайтовское сел.; 33 – Давлекановское сел.; 34 – Ильчугуловское сел.; 35 – Тухсайбайское сел.; 36 – Ибрагимовское сел.; 37 – Куштирякское сел.; 38 – Султинское сел.; 39 – Матвеевское сел.; 40 – Куштирякское погр.; 41 – Куштирякское сел.; 42 – Погребение Ихтисат; 43 – Коранаевский мог.; 44 – Старо-Халиловский мог.; 45 – Лагеревский мог.

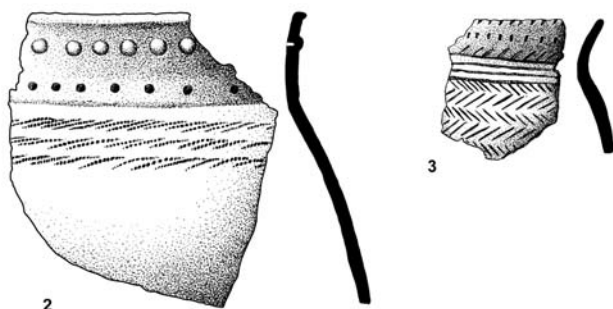
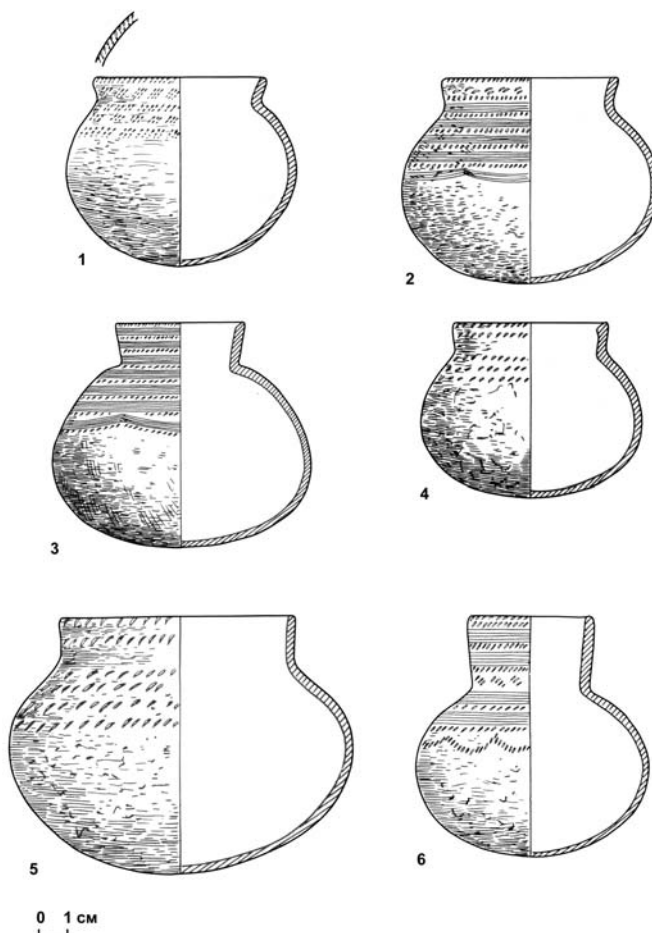

Рис. 2. Сосуды кушнаренковского типа из погребений Бирского могильника (по Н.А. Мажитову). 1 – погребение № 104; 2 – № 194; 3 – №107; 4 – № 78; 5 – № 176; 6 – №165; 7 – №195.

Рис. 3. Сосуды из погребений VII века (по Н.А. Мажитову). 1 – Новотурбаслинский мог. к.10, п.1; 2 – Манякский мог. раскоп I погр. 22; 3 – Манякский мог. раскоп II погр. 9; 4 – кушнаренковский мог. погр. 9 (1957 г.); 5 – манякский мог.; 6 – Манякский мог. раскоп I погр. 22.

Рис. 4. Сосуды из погребений Больше-Тиганского могильника (по Е.А. Халиковой и А.Х. Халикову). 1 – погребение 10; 2 – погребение 32; 3 – погребение 42; 4 – погребение 36; 5 – погребение 17; 6 – погребение 19.

0 1 cm

Рис. 5. Фрагменты сосудов из культурного слоя Кара-Якуповского городища.

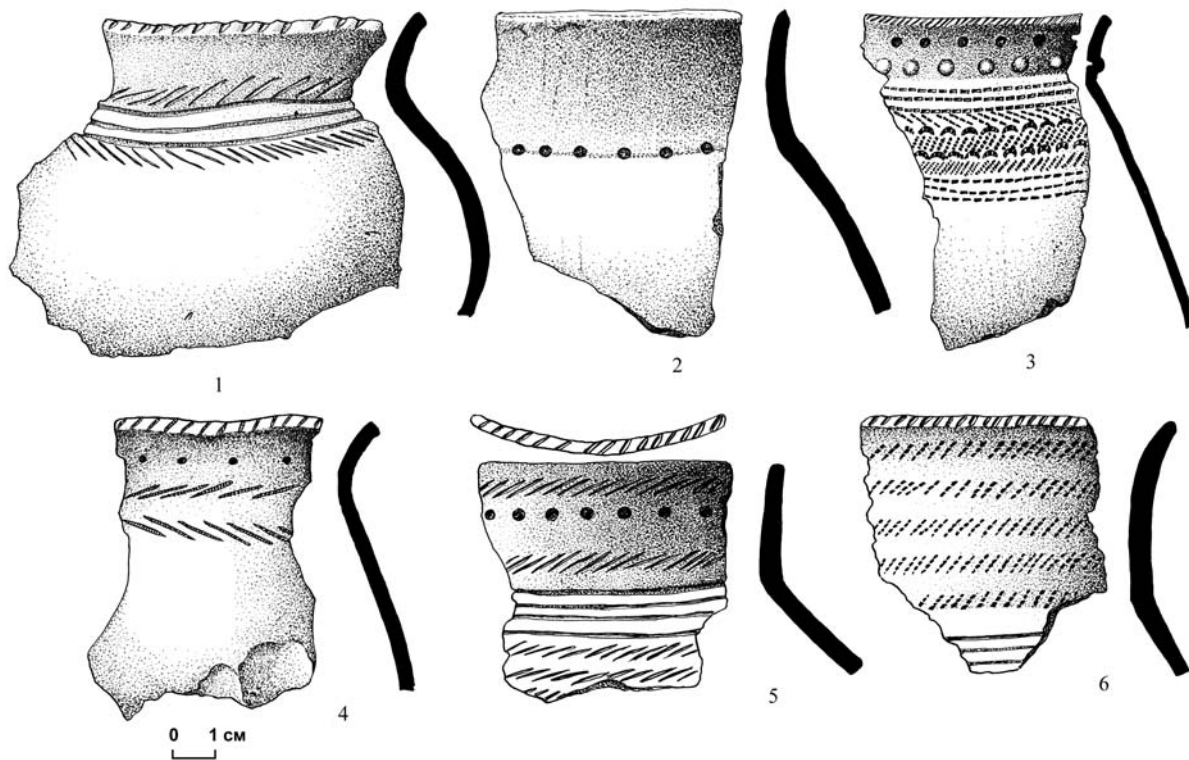

Рис. 6. Керамика из культурного слоя Кара-Якуповского городища.

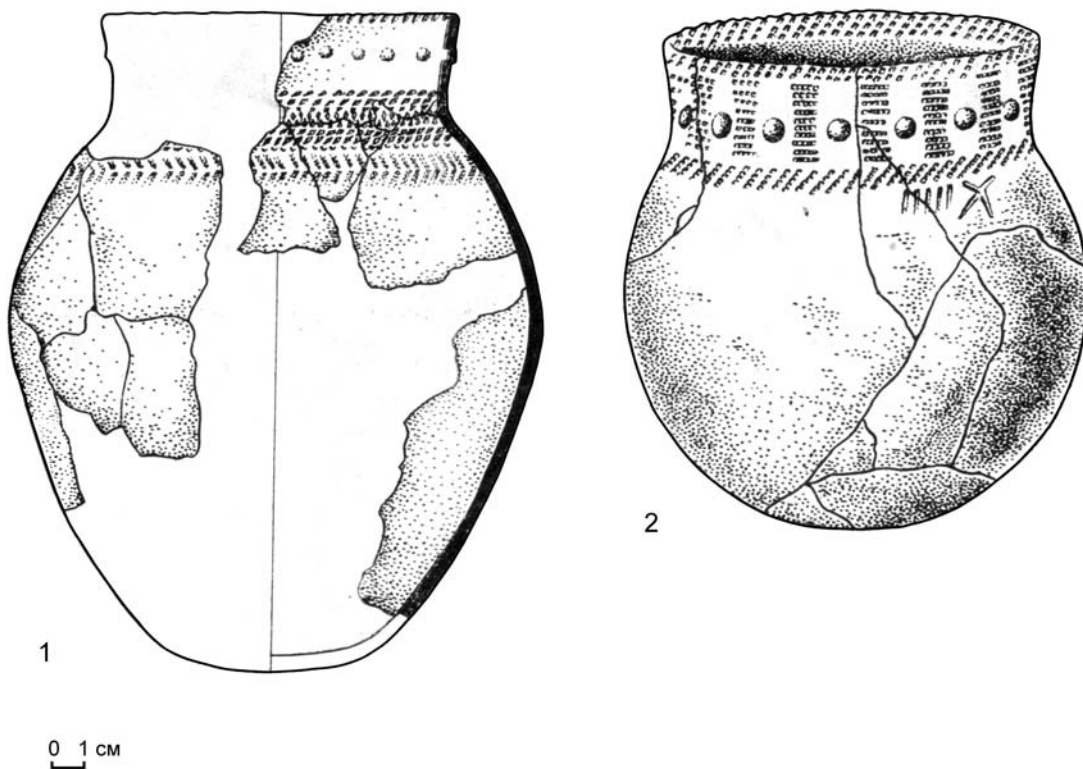

Рис. 7. Керамика караякуповского типа Маняжского могильника (по Н.А. Мажитову). 1 – раскоп II погребение 5; 2 – раскоп I погребение 8.

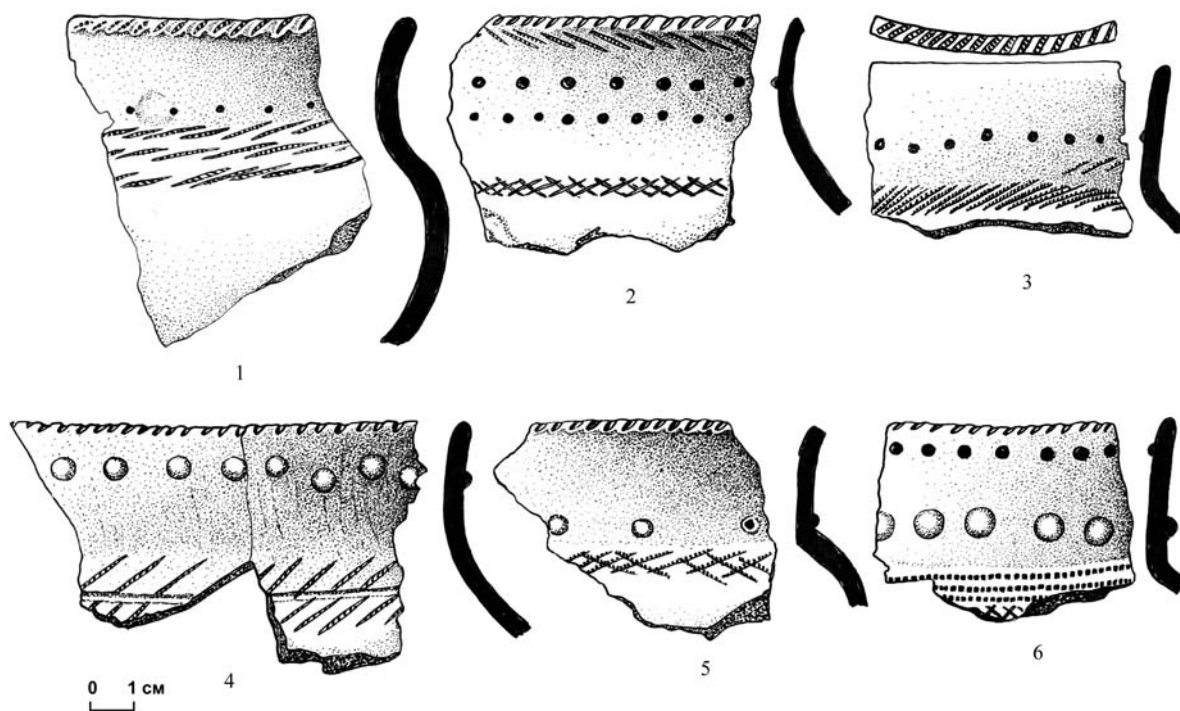

Рис. 8. Фрагменты сосудов из культурного слоя Старо-Калмашского городища.

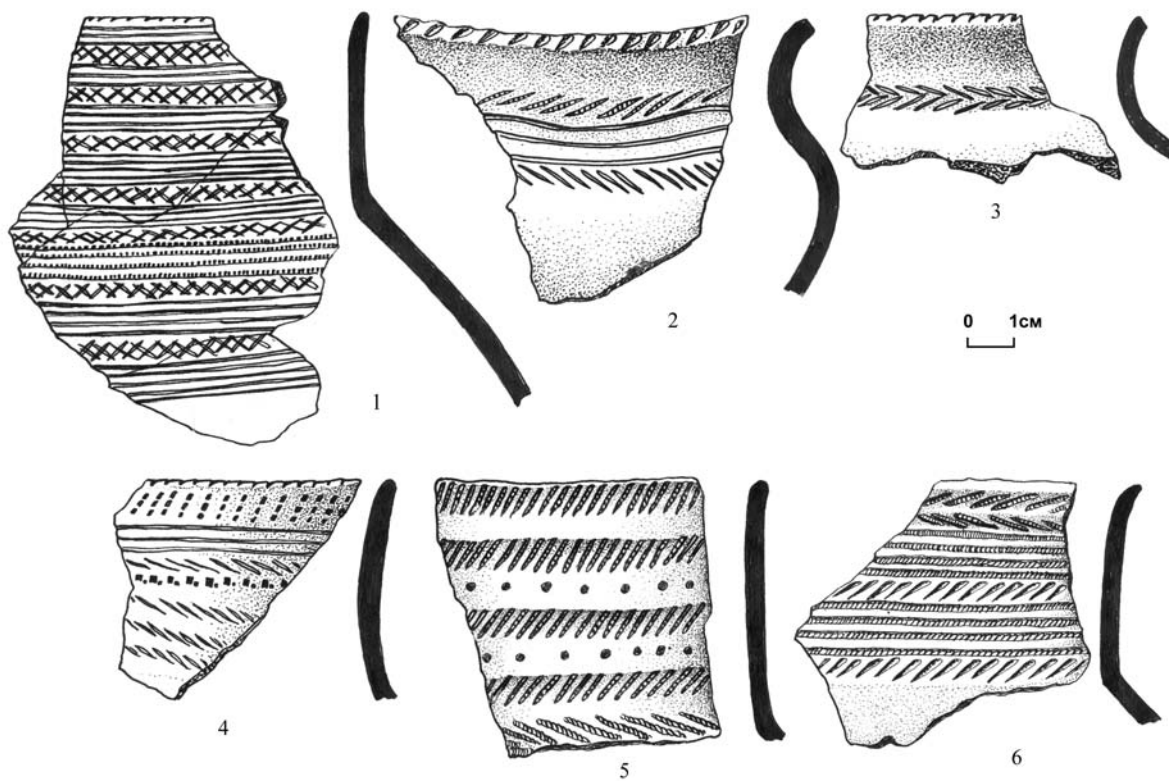

Рис. 9. Керамика из культурного слоя Старо-Калмашского городища.

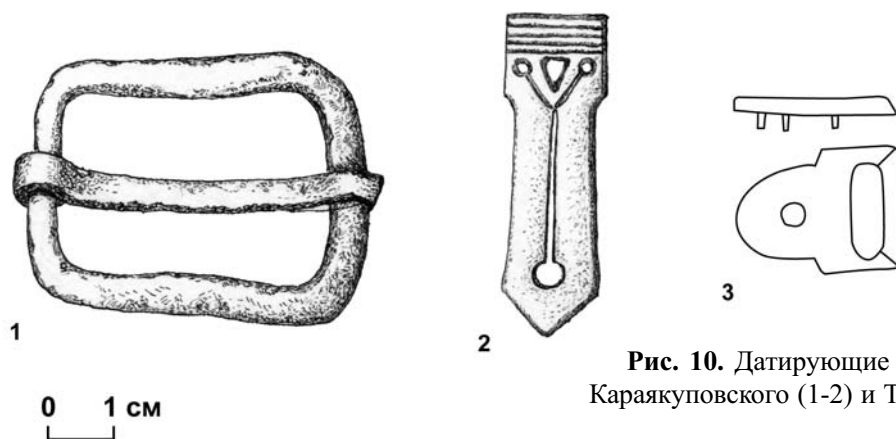

Рис. 10. Датирующие вещи из культурного слоя Караякуповского (1-2) и Таптыковского (3) городищ.

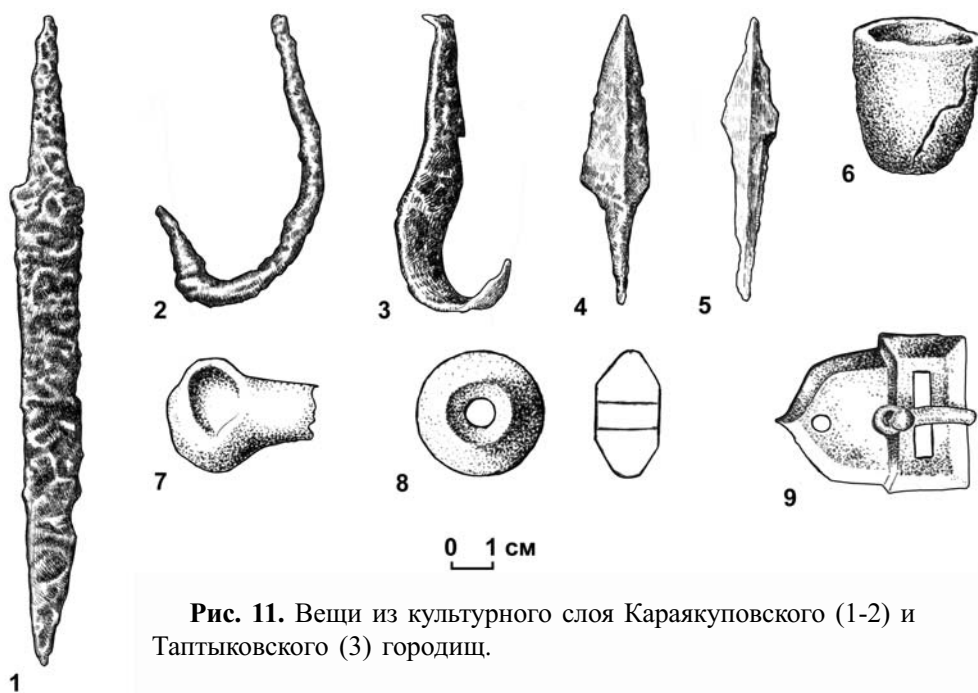

Рис. 11. Вещи из культурного слоя Караякуповского (1-2) и Таптыковского (3) городищ.

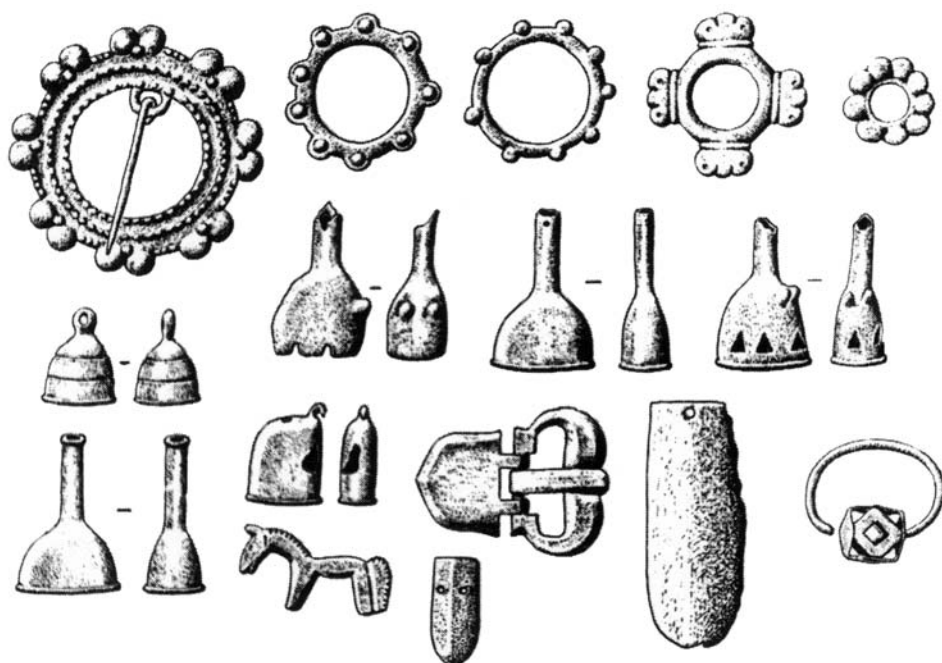

Рис. 12. Инвентарь Куштиряжского погребения.

Ильяс Мустакимов

Главное архивное управление при Кабинете министров РТ, г. Казань

К ИСТОРИИ ТОПОНИМА «БИШБАЛТА»

В настоящей заметке будет высказана гипотеза о происхождении казанского топонима *Бишбалта*. Данная публикация не претендует на обзор и анализ всех публикаций по названной теме, тем более на окончательное решение вопроса происхождения этого названия.

Рассмотрим существующие версии происхождения топонима «Бишбалта». В одной из своих книг Г.Ф. Саттаров рассматривает этот топоним как слово, происходящее от старотатарского антропонима, состоящего из компонентов *биш* + *балта* ‘пять топоров’, т.е. в объяснении семантики названия следует народной этимологии. Там же он отметил, что у слова *балта* в турецком языке имеется и значение ‘место, очищенное от леса’¹, однако, учитывая наличие компонента *биш* ‘пять’ в составе топонима Бишбалта, указал невозможность такой интерпретации слова *балта*². В своей более поздней работе Г.Ф. Саттаров возводит топоним Бишбалта, как и название Бишбатман (село в Зеленодольском районе Татарстана), к соответствующим древнетюркским антропонимам³. Добавим, что на территории Татарстана существуют еще села Бишмунча и Бишалаб, а в Евразии известны такие тюркские топонимы с компонентом *биш* как Бишкек, Бешбалык, Бештау. На наш взгляд, их весьма трудно связать с антропонимами. В Татарстане и Башкортостане встречаются топонимы и с другими числительными: *өч* ‘три’ – села Өчмунча, Өчөйле, *дүрт* ‘четыре’ – город (ранее село) Дүртөйле (Дюртюли).

М.И. Ахметзянов, Р.Р. Салихов и Р.Р. Хайрутдинов также следуют народной этимологии и толкуют термин Бишбалта как «пять топоров»⁴. Два последних исследователя объясняют его происхождение тем, что жители этого селения, «основанного у устья Казанки еще в болгарский период», занимались плотницким промыслом и судостроением.

По нашему мнению, это слово может быть искаженной передачей персидского словосочетания *بلده پیش pīš-bälde* (*پیش pīš* ‘перёд; у, при’; *بلده bälde* [от араб. *بلدة*] ‘город’), которое могло использоваться в значении ‘пригород, предместье’. Кстати, участник обороны Казани от московских войск в 1550 г. Шариф Хаджи-Тархани в своем литературно-публицистическом

произведении «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» использует слово *بلده бәлдә*, наряду с персидским словом *شهر шәһәр*, для обозначения города Казани (правда, в отличие от последнего термина, только в устойчивых словосочетаниях: *бәлдәи таййибәи мәхрүсә дарел-Ислам Казан* ‘обитель ислама, благословенный богохранимый город Казань’, *бәлдәи мәхрүсә Казан шәһре* ‘богохранимый город Казань’)⁵.

Первые упоминания Бишбалты (в написании «Бежболда») на сегодня известны по русским источникам середины XVI в. Это селение упоминается под 1551 г. в Царственной книге⁶ и под 1552 г. в Казанском летописце⁷. Тогда как, очевидно, и ранее Бишбалта располагалась в нескольких километрах к западу от города, в устье реки Казанки. Для прибывавших в Казань по Волге купцов расположенное в устье Казанки селение действительно располагалось «перед городом».

Отметим, что на территории Казани известно по крайней мере два исторических топонима персидского происхождения: *Әрек* ‘крепость, цитадель’ и *Бистә* ‘[Татарская] слобода’⁸. Еще в двух наименованиях, связанных с исторической топографией города – Тезицкий овраг (*Таҗик йырмағы*⁹) и Ханская башня (*Хан мурчалы*) – использованы персидские слова.

Первый топоним (*ارک ark*) использован в ярлыке казанского хана Ибрагима (правил в 1467–1479 гг.)¹⁰. В послемонгольское время этот термин получил широкое распространение во многих городах Ирана, Хорасана и Мавераннахра, где обозначал городскую цитадель¹¹. По-видимому, отсюда он проник и в Среднее Поволжье.

Происхождение татарского слова *بيسته / بسته* *бистә* ‘слобода’ известный исследователь З. Валиди Тоған связывал с распространенным, по его словам, в Азербайджане и Хорасане персидским [*بيسته*] *bäste* ‘пригород, слобода’¹². На персидское происхождение этого слова указано и в «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» Р.Г. Ахметьянова. Составитель словаря со ссылкой на М. Ряснену, возводит татарское слово *бистә* к чагатайскому *бәст* и персидскому [*بيست*] *bäst* ‘дом, огороженное место; место проживания иноземных купцов’¹³.

Первый компонент встречающегося в русских источниках XVI в. топонима «Тезицкий овраг» (по другим источникам – «Тезицкий ров»)¹⁴, на наш взгляд оправданно, возводят к термину تازيک / تاجيک *tāzīk / tāġīk* – «[персоязычный] среднеазиатский купец»¹⁵.

Топоним «Ханская башня» (*Хан мурчалы*) упоминается в упоминавшемся выше сочинении Шарифа Хаджи-Тархани «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» (1550г.): خان مورچاليداکي دروازهدده *Хан мурчалыдәге дәрвәзәдә* ‘у ворот Ханской башни’¹⁶. Слово مورچال *mūrčāl* в персидском языке имеет значения ‘траншея для осады укрепления; башня; стража у ворот крепости’ (Штейнгасс), ‘ров, выкапываемый вокруг крепости при ее осаде; укрепление; подкоп под стены крепости для закладки мины; башня; защитник крепости’ (Дэххода)¹⁷. В.В. Бартольд упоминает еще такие значения этого термина, как «место отряда или отдельного воина во время битвы» и произошедшее от него обозначение мест погребения сподвижников Тимура¹⁸. Судя по упоминанию крепостных ворот (دروازه *dərvāzə*), в данном случае имеется в виду именно башня. К слову, весьма широко использовавшееся в средневековых татарских литературных и фольклорных источниках слово دروازە *dərvāzə* ‘ворота города, крепости’ также персидского происхождения¹⁹.

Против предложенной нами гипотезы о персоязычном происхождении топонима Бишбалта говорит наличие в нашем регионе довольно большого числа топонимов с числительными, в том числе с компонентом *биш*, явно не связанных с персидским языком (см. выше). «Персидскую» гипотезу не подтверждает и то, что казанские татары называли укрепленную часть Казани не *бәлдә*, а *кала* (от араб. قلعة *qal‘a*)²⁰. В персидском же (как и в татарском) языке в значении «город» обычно используется слово شهر *šāhr*.

В настоящее время мы склоняемся к мнению о том, что решение проблемы происхождения топонима *Бишбалта* лежит в плоскости изучения других топонимов тюркского происхождения с компонентом-числительным. По-видимому, происхождение этих наименований связано с символикой чисел в тюркских культурах.

Очевидны две причины распространения персидских слов в топонимике Среднего Поволжья:

1. Известно об уходящих во времена Волжской Булгарии тесных торговых и культурных связях между Средним Поволжьем и Средней Азией (в средневековье являвшейся в основном персоязычным регионом), а также Хорасаном и Ираном. Эти связи продолжались и в более позднее время – эпоху Золотой Орды и Казан-

ского ханства, а также после присоединения Среднего Поволжья к России. Некоторые купцы или ученые – выходцы из регионов персидской культуры – оседали в Среднем Поволжье. Так, известно татарское предание о том, что деревню Тавлино (*Тауиле*, ныне – в Зеленодольском районе Татарстана) основал бухарец-«сарт» (*сарт* – персоязычный житель Средней Азии)²¹. Об особенной роли среднеазиатских купцов в жизни средневековой Казани может свидетельствовать топоним «Тезицкий овраг» (см. выше). Обращает на себя внимание и большое количество элементов персидской лексики и грамматики в языке дошедшего до наших дней подлинника ярлыка Сахиб-Гирея в бытность его казанским ханом (1523 г.)²². Можно привести и множество других примеров.

2. В некоторых тюркоязычных и русских источниках («Тарих-и Дост-султан» Утемиша-хаджи (1550 г.)²³, «Казанская история» (вторая половина XVI в.)²⁴) говорится о притоке в Казань после воцарения там Улуг-Мухаммеда выходцев из Нижнего Поволжья и Крыма. Несомненно, среди них было немало жителей городов Джучиева Улуса, искавших убежища в более спокойном тогда Среднем Поволжье. Этнический состав населения золотоордынских городов был довольно пестрым, большое влияние на развитие городской культуры Улуса Джучи оказали традиции Средней Азии. По-видимому, образованные круги золотоордынских городов были двуязычными (в раскопках золотоордынских городов помимо тюркоязычных надписей встречается довольно много надписей на персидском языке).

Примечания

¹ Это значение в известных нам турецких словарях не встречается.

² Саттаров Г.Ф. Ни өчен шулай аталган? Казан, 1971. С. 59, примеч. 2.

³ Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе. Казан, 1998. С. 165.

⁴ Ахметзянов М.И. Казань – сердце ханства (историческая топография столицы) // *Tatarica*. – Режим доступа: http://tatarica.narod.ru/history/tarih/sh_kazan.htm; Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Татары в слободах казанского Заречья // *Татарские слободы Казани: очерки истории*. Казань, 2002. С. 278-279; они же. *Исторические мечети Казани*. Казань, 2005. С. 179-180.

⁵ Velidi Togan Z. *Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü* // *İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*. С. III (1963) ten ayırbaşım. – İstanbul, 1965. S. 184, 187.

⁶ Царственная книга // ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. СПб., 1906. С. 199.

⁷ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. СПб., 1903. С. 434.

⁸ Не считая современного поселка Дербьшки, вошедшего в городскую черту Казани только в XX веке.

⁹ У Ш. Марджани: *Тажик жырмағы (جرماغى تاجيک)* (Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1900. Б. 2, 3).

¹⁰ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. Казань, 1979. С. 265.

¹¹ Бартольд В.В. Персидское *арк* ‘крепость, цитадель’ // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII. М., 1971. С. 413-415.

¹² Velidi Togan Z. *Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü*. S. 181.

¹³ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001. С. 45-46. Очевидно, от этого значения слова *бистә* происходит и зафиксированное С.Е. Маловым в татарских диалектах значение *бистә* ‘купец, продавец’ (там же. С. 45).

¹⁴ О проблеме локализации Тезицкого рва см.: Ситдинов А.Г. Казанский Кремль: Историко-археологическое исследование. Казань, 2006. С. 114-115).

¹⁵ Бартольд В.В. Таджики (Из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 1. С. 469-470.

¹⁶ Коньектура З.В. Тогана. В списке: دروازده خان موجاليداكه. *Kütahya, Tavşanlı ilçesi Zeytinöğulları Kütüphanesi*, elyazı № 2348, vrk 62a (приводится по факсимиле списка «Зафар-наме» из: Кол Шәриф һәм аның заманы = Кул Шәриф и его время. Казань, 2005. С. 157, строка 6). В публикации русского перевода «Зафар-наме» ошибочно: «у Ханских ворот» (Шерифи Х. Зафер наме-и вилайет-и Казан // Гасырлар авазы – Эхо веков. – Май 1995. – С. 89). Предложенная М.И. Ахметзяновым транскрипция первой части этого словосочетания (*Хан Моржәллий*) и его перевод («Ворота ханского дворца древней Казани») нам также представляются не совсем точными (См.: Кол Шәриф. И күнел, бу дөнъядыр... Казан, 1997. Б. 89, иск. 17;

Кол Шәриф һәм аның заманы... Казан, 2005. Б. 21, иск. 12 (в последнем случае примечание дополнено фразой: «*Моржәллы – кабере дигән сүзне белдерә*»).

¹⁷ Steingass F.J. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & K. Paul, 1892. – P. 1343 // The University of Chicago. Digital Dictionaries of South Asia. – Режим доступа: <http://dsal.uchicago.edu/cgi-bin/philologic/contextualize.pl?p.6.steingass.1295006>; Дэххода, Али-Акбар. Лугат-намә. – Техран, 2001 (CD-ROM).

¹⁸ Бартольд В.В. О погребении Тимура // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964. С. 427; он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 172.

¹⁹ Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1953. С. 215. Кроме цитируемых в тексте примеров использования этого слова в татарских источниках см. также: Идегәй: Татар халык дастаны. Казан, 1988. Б. 19, 20, 110.

²⁰ До сих пор в языке пожилых казанцев-старожилов встречается выражение *калага чыгу* (букв. «выходить в крепость»), т.е. направляться в исторический центр города.

²¹ Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендарлар. Казан, 1987. Б. 158. О термине «сарт» см.: Бартольд В.В. Сарт // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964. С. 527-528.

²² Подробнее см.: Мөстәкыймов И. Сахиб-Гәрәй хан ярлыгы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 3/4. Б. 19-24.

²³ «Когда Улуг-Мухаммед-хан стал ханом в Казанском вилайете, народ был там (или: народ был у него) (*il-kün onda idi*). Цит. по: Togan İ. Altınordu Çözülürken: Kırım'a Giden Yol // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl Sempozyumu'ndan ayrıbasım. Ankara, 1999. S. 60.

²⁴ «И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран: от Златыя Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма» (Казанская история. М.; Л., 1954. С. 53).

Азгар Мухамадиев

Казанский государственный университет, г. Казань

МОНЕТЫ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ

Лета семьсот девяносто третьего – в средний
месяц весны года овцы (6 апреля 1391 г.) султан
Турана Тимурбек поднялся с тремя сотнями тысяч
войска за ислам на Булгарского хана Туктамыш хана.

Из надписи памятного камня Тамерлана.

Первые монеты Казани чеканены во второй половине XIII в. Они не датированы. Этот период политической истории Булгара, судя по монетам, как столицы старого домонгольского и нового, в орбите Монгольской империи, государства является интересной, отличается особой усложненностью в русской историографии и недостаточной разработанностью.

Уникальный клад, состоящий в основном из анонимных монет, т.е. монет, чеканенных с невероятным нарушением монетной регалии – без помещения на них имени и титулов великого монгольского хана, был обнаружен в 1938 г. к северу от Казани в д. Альменево Чувашской республики. Показательно, что клад состоял из футляра для Корана, выполненного из драгоценного металла, цепи и 211 экз. монет, чеканенных в расположенных в Среднем Поволжье городах. В основном они чеканены в Булгаре, не потерявшего своего значения как столицы и в монгольский период, а также в Биляре и Кирмане (Казани).

В связи с тем, что Альменевский клад состоит из редко встречающихся монет, обращавшихся в Казани и ее окрестностях во второй половине XIII в., остановимся на них более подробно.

1. В кладе имеется оригинальная монета, сохранившаяся всего в одном экземпляре. С остальными монетами ее объединяет лишь неизвестная до сих пор тамга, т.е. герб, расположенная на лицевой стороне монеты. В то же время впервые в надписи, расположенной с двух сторон плечиков тамги, справа налево отчеканено ее название: *Бал-и бал*, т.е. «балбал». Она не датирована, однако обращает на себя внимание не только то, что на рисунке обратной стороны имеются элементы языческого культа, но и *тюрко-кыпчакское*, т.е. хазаро-булгарское ее название *балбал*, которого нумизматы часто ошибочно переименовывают в тамгу «дома Бату».

На булгарских монетах предмонгольского периода, чеканенных от имени халифа Насираддина (1180–1225), как и положено, нет никакой тамги.

Тамга, вернее, тамги на обеих сторонах монеты, что само по себе представляется любопытным, **впервые** появляются лишь на монетах в период правления Батые (1237–1256), выпущенных от имени великого хана Мунке (1251–1257), тамга которого имеет форму двухконечной вилы с завитушкой на средней части рукоятки. А на оборотной стороне, где обозначено место чеканки Булгар, имеется тамга самого Батые как владельца Булгара в виде такой же вилы, но без завитушки (рис. 1).

Кстати, обозначенный на монетах как место чеканки «Булгар» – это и название государства. Поволжье в XIII в. не знает других наименований государства кроме Булгар. Также как и Казань, обозначаемое в XV–XVI вв. как Царство Казанское. Впрочем, город на казанских монетах, после разрушения городов Поволжья, в том числе Булгара, Тамерланом, обозначается только в форме «Булгар» как наследницы древнего города и государства. Не случайно, на печатях великих князей XV–XVI вв., перечисляя подвластные им владения, Казанское царство упоминается в форме «Болгарское». Впрочем, подобное обозначение встречается еще до образования «Царства Казанского». Например, в летописи под 1376 г. написано: «Тои же зимы князь великий Дмитрий Константинович Суздальский посла детей своих, князя Василия и князя Ивана, на Болгары, рекше на Казань»¹.

В период, когда началась в Монголии междоусобная война и шла острая борьба между Аригбугой и Хубилаем за всемонгольский престол, ставший после смерти Батые правителем булгарских земель и принявший ислам Берке (1257–1266), в этой борьбе поддерживал Аригбугу. В столичном городе Булгаре, как и при Батые, пока еще монеты выпускались только

от имени великого хана, в данном случае от имени претендента на престол Арибуги, тамга которого, судя по монетам, хотя имеется что-то общее, но отличалась как от тамги Батыя, так и от тамги великого хана Мунке (рис. 2).

Вышеизложенный экскурс на ранние периоды чеканки монет проделан для того, чтобы показать и подчеркнуть уникальность как надписи *балбал*, так и самой тамги на указанной монете из Альменевского клада (рис. 3).

Тамга, действительно, напоминает ритуальные каменные статуи – символы «героев мужей» балбалов, с согнутой рукой с кубком². На другой стороне монеты помещен барс, за которым изображено восходящее солнце с лучами и с признаками человеческого лица. Этот мотив часто встречается на медных пулах, выпущенных позднее в XIV в., когда появляется чеканка монет и в городах Нижнего Поволжья, но там обычно изображается лишь восходящее за барсом солнце, без признаков лица.

Булгарские и билярские монеты клада отличаются четким и красивым почерком, основанным на канонах ислама. А основная масса монет клада, как увидим далее, чеканена в Казани. Поэтому можно предположить, что указанная монета, на которой сравнительно грубо изображен барс и божество солнца, т.е. символ, основанный на язычестве, могла быть чеканена только в провинциальной, хотя и достаточно известной Казани, расположенной, как и Булгар, на берегу крупной речной торговой артерии Волги. В этом приходится не сомневаться потому, что в данный период не только любой город, даже не каждое государство могло позволить себе чеканку монет.

После того как трон Булгара, или «Царства Волжского» русских летописей, в кровавой борьбе с наследниками Батыя занял хан Берке (1257–1266) под давлением тюрков-мусульман, в том числе султана Египта, стал проводить политику обособления от Монгольской империи, во главе которой оказался его смертельный враг Хубилай (1259–1294). Как было выше отмечено, Берке, став ханом, поддерживал другого претендента на престол Арибугу и даже предвзвительно выпускал в столичном Булгаре монеты от его имени.

Поскольку все население от Хорезма до Булгара и Крыма говорило на *кыпчакском диалекте* тюркского языка, вполне естественно, что балбал, тамга-символ Кыпчака, в дальнейшем превращается в герб для всего государства – «высокую тамгу».

2. В кладах имеется 45 монет с надписью *Тамга-и Гали* – «Высокая тамга», т.е. с особой тамгой-гербом – признаком независимости от

монгольского юрта и великого хана. Чеканены они в городе Булгаре и отличаются удивительной точностью и красивым почерком (рис. 4).

На таких монетах не указаны годы чеканки, но если судить по их весу, очень важному признаку для серебряных монет, они выпущены именно в годы правления Берке хана. Судя по переписке Берке с египетским султаном Бибарсом, он проводил открытую враждебную политику как в отношении правителя Золотой Орды Ирана Хулагу, так и в отношении поддержавшего Хулагу великого монгольского хана и хана Золотой Орды Китая Хубилая (1259–1294). В 1263 г. он отправил посольство в Египет. Показательно, что Берке в своем письме к султану Египта Бибарсу, выходцу из Кыпчака – героя битвы с монгольскими войсками Хулагу в Сирии и разгромившего крестоносцев в аль-Мансуре с пленением их командующего французского короля Людовика IX (кстати, после освобождения Бибарсом он был перечислен в сан Святого), сообщает много интересного. «И да узнает султан, – пишет он, – что я сразился с Хулагу, который от плоти и крови моей, ... ибо он мятежник, а мятежник не верует в Аллаха и посланника его...». С посольством им был отправлен, как свидетель сражения и победы, военачальник Шихабутдин Гази. После торжественного приема султаном Бибарсом, послы были приглашены халифом на проповедь, где были облачены в почетные одежды и присягнули ему верности³.

Последнее сообщение интересно тем, что это был, видимо, тот самый аль-Хаким, поставленный Берке халифом в Халебе (Алеппо) после казни ханом Хулагу в 1258 г. в Багдаде халифа Мустасима⁴.

3. 130 экземпляров казанских монет составляют большую часть Альменеского клада. Хотя монеты и выпускались от имени государства, о чем свидетельствует расположенная на аверсе герб «Высокая тамга», но как и булгарские или билярские монеты из клада, чеканены с грубым нарушением монетной реглации, т.е. анонимно (рис. 5).

Первоначально я был склонен прочитать надпись на монете, включая в нее расположенную чуть выше «галочку», напоминающую сочетание букв «бр» с «единицей» над ней, как Берке хан. Этому способствовало и то, что весовая норма чеканки монет Кермана ровно в два раза тяжелее весовой нормы чеканки мелких монет, выпущенных от имени Арибуги в период правления Берке. Но обратил внимание на то, что на вышеописанной монете с надписью «Высокая тамга» тоже имеется аналогичная «галочка», т.е. орнамент, не связанный с надписью. Поме-

щение на монетах самой «великой тамги», введенной в период правления Берке как символ обособления улуса, видимо, само по себе было достаточно значимым.

Древнее же названия Казани по многочисленным письменным источникам и средневековым картам как Керем, Кернек, Керман – крепость достаточно хорошо исследована⁵.

Чеканка анонимных монет, т.е. без указания имени и титулов великого хана на них, но с использованием знака высокой тамги, внесенной в период правления Берке, свидетельствует на строй феодалов Булгара, выступавших не против его правления, а против великого хана-язычника Хубилая. Следующие монеты клада всего в двух экземплярах. Это единственный тип монет клада, на которых указано имя правящего хана Менгутимура (1266–1281). Они выполнены красивым почерком. На лицевой стороне расположена надпись *Менгутимур ал-Агзам* и год чеканки, т.е. «Высочайший Менгутимур – 673», а на оборотной стороне вокруг высокой тамги расположена надпись «Данный дирхем чеканен в Булгаре» (рис. 6).

Такое малое количество его монет в кладае, возможно, объясняется тем, что основная масса монет накоплена в период правления Берке. После смерти последнего, его племянник Менгутимур становится правителем «Дома Берке», который, продолжая политику Берке, возобновил войну с хулагуидами.

5. Представленные в кладае следующие пять типов анонимных монет чеканены в Булгаре и, судя по вариантам оформления, в разные годы. Их объединяет, похоже, та же антимонгольская политика, выраженная в интересной и любопытной фразе, расположенной на оборотной стороне монет: «Нет бога, кроме Аллаха, он един и нет у него сообщника» (рис. 7).

6. Другой тип монет, также чеканенные в Булгаре, составляет 22 экз. Это анонимные и недатированные монеты, на которых не указано имя хана (рис. 8). На одной стороне внутри точек и очерченного круга указано место чеканки монеты – «Чекан Булгара». На другой же стороне в круге из точек изображен куб на кубе, образующий восьмиугольник, а в его центре помещена украшенная по бокам красивым орнаментом высокая тамга.

7. Из редко встречающихся монет надо назвать, находящихся в Альменевском кладае 6 экземпляров весьма редких билярских монет двух типов (рис. 9). Монеты свидетельствуют о том, что хотя город Биляр и был разрушен монголами, но он не исчез, а был восстановлен после нашествия вновь. Правда, из-за того, что восстановленный на окраине сгоревшего города на

новом месте, Биляр был расположен далеко в стороне от крупной торговой магистрали Волги, он не смог особо развиваться, но если судить по отчеканенным здесь монетам, нельзя сказать, что жители Биляра не стремились к этому и не торговали.

Выпущенные в Биляре недатированные и анонимные монеты из Альменевского клада также относятся к XIII в. Билярские денежные дела мастера старались делать свои монеты отличающимися от болгарских монет. На месте болгарской надписи *Зараба Булгар* – «Чеканено в Булгаре», на билярских монетах помещена такого характера надпись *Сиккатун Биляр* – «Монета Биляра». На другой стороне монеты в четырехугольной рамке расположена высокая тамга, украшенная с двух сторон на уровне плечика «звездочками Соломона».

На одной из сторон другого типа билярских монет такая же надпись с указанием места чеканки, а высокая тамга на другой стороне оригинально расположена в шестигранной рамке, помещенной внутри круговой линии и точек.

Судя по нормативному весу чеканки в 1,56 г, введенному Берке ханом, возможно, все монеты Альменевского клада выпущены до 80-х годов XIII в., когда начинается междоусобная борьба, в результате – нехватка серебра и чеканка легковесных монет.

В кладае нет монет, чеканенных от имени правившего после Менгутимура хана Тудаменгу (1282–1287). Начиная с 80-х годов XIII в. отмечаются бурные междоусобные столкновения, приобретавшие форму столкновения тюркских феодалов-мусульман с оставшимися язычниками-монголами и ослабление централизованной власти. Это был, видимо, тот самый царевич Тудаменгу, которого вместо Берке хотел посадить на трон после смерти Батые великий хан Мунке и старшая жена Батые Баракчин, казненная Берке ханом за этот опрометчивый поступок.

Но политическая ситуация в данный период была такова, что Тудаменгу стало необходимым или притворятся больным или же уйти с престола, похоже, что он и сделал.

Если в анонимных монетах Альменевского клада отражена поддержка султана Берке со стороны мусульманских городов против язычника великого хана Хубилая, выпустив анонимные монеты, то, начиная с Тудаменгу, на анонимных монетах отсутствует не только имя великого хана, но и имя правителя Дома Берке Тудаменгу. Хотя после монет с обозначением имени «высочайшего» Менгутимура они обязательно должны были быть. Например, в исследованном Г.А. Федоровым-Давыдовым болгарском кладае (№ 2) из 108 анонимных серебряных монет, нет

ни одной монеты с именем правящего хана и, судя по нормативному весу в 1,365 г, они чеканены после правления Менгутимура, т.е. после выпуска монет Альменевского клада⁶.

Восточные авторы обычно сообщают, что Тудаменгу обнаружил умопомешательство и отвращение от занятий государственными делами. Это свидетельствует, видимо, о том, что монголы умели сохранить тайну своих неудач, чтобы они были неизвестны посторонним.

Протест болгарских городов, который отразился в чеканке анонимных монет и гораздо позднее после смерти Берке – в 80-х годах XIII в, видимо, был связан с крупными потрясениями и неудачей самого великого хана Хубилая, которые помешали ему вмешиваться в дела Булгара и поддержать хана Тудаменгу, который стремился бы проводить монгольскую имперскую политику. Дело в том, что, завершив 1279 г. завоевание Китая, Хубилай тщательно готовился к войне и в 1280 г. большой флот из нескольких тысяч кораблей и с огромным количеством монгольского войска во главе с Ара ханом отправил для завоевания Японии. Однако японские самураи не позволили монгольским войскам сойти на берег и занять плацдарм, а разразившийся тайфун затопил весь монгольский флот с трехсоттысячным войском.

Надо отметить еще одну особенность Альменевского клада, состоящего из болгарских, билярских и казанских монет. В сравнительно большом кладе нет монет, выпущенных в других городах, кроме городов Среднего Поволжья. Если еще учесть и то, что клад найден к северу от Казани, несложно понять, что монеты клада представляют денежный оборот, свойственный именно Булгару, Казани и ее окрестностям во второй половине XIII в. Хотя следует подчеркнуть, что почти все обращавшиеся монеты в Поволжье в течение всего XIII в., за редкими исключениями немногочисленных монет Хорезма, Сарая или Укека, чеканились только в бывшем столичном городе Булгаре⁷. Это монеты Булгарского государства, чеканенные от имени монгольских ханов, как они чеканились в домонгольский период от имени багдадского халифа.

Бесперывная чеканка с XII в. в Булгаре и в его городах, а также постоянство и обилие выпускаемых монет свидетельствует о грамотности экономистов и монетных дел мастеров, о высокой городской оседлой культуре Поволжья и о бурном развитии торговли и купечества.

Видимо, все же не случайно в найденном в археологических раскопках еще в XIX в. А. Терещенко кувшине одно из начертанных гончаром двустихий из поэмы «Благословенное знание» тюркского поэта XI в. Юсуфа Баласагуни

гласило:

*Еще красит человека знание и искусство,
Принеси душу в жертву за знание человеку!*

Распространенное в Поволжье «Благословенное знание» Баласагуни интересно и тем, что древние тюрки отлично разбирались о месте в обществе кочевого и оседлого образов жизни. В том же произведении говорится, что: «Во всей стране люди и животные живут благодаря сельскому хозяйству, земледельцы обеспечивают каждого едой и питьем». Относительно кочевников говорится: «У них много скота. Они простые, но любящие правду прямые люди. Среди них не бывает ученых. Они никому не причиняют вреда, но они всем полезны».

Это положение автора имеет прямое отношение к истории Поволжья. Поволжье за всю более чем тысячелетнюю историю знает только два случая угрозы со стороны кочевого мира – это вторжение печенегов в раннем средневековье и монголов в XIII в. Однако оба раза высокоразвитая оседлая культура Поволжья нашла в себе силы, чтобы переломить чрезмерное влияние кочевой стихии. В последнем случае это отразилось в уничтожении болгарскими войсками и истреблении первой наиболее опасной волны – нападения отборных воинов Чингис хана, когда 1223 г. после победы на Калке они во главе с Субедеем вторглись в болгарские земли и были окружены и уничтожены. Об этом свидетельствуют не только письменные источники, но и целые поля убитых коней и монгольских воинов с оружием, лежащих там же, где их настигла смерть – рядом с болгарской крепостью на берегу Суры недалеко от Пензы.

Если во время археологических раскопок города Сарай аль-Джедид найдены обломки астролябии, а татарский поэт Сеиф Сараи в своей поэме «Сухаил и Гюлдерсин» за 160 лет до Коперника пишет о том, что земля вертится вокруг солнца, наверное, это тоже говорит о каких-то познаниях в области средневековой космической науки:

*Увидев Сухаила разом закружилась она,
Будто Земля движется вокруг Светила!*

В другой книге «Гюлистан по-тюркски» тот же поэт передает любопытный рассказ богатого купца о его планах: «Купив персидский *кукерд* (фосфор) хочу отвезти, находящемуся на седьмом климате Китаю. Слышал, будто бы они чрезвычайно ценятся. Потом в Китае куплю *чини чинайяк* (китайскую фарфоровую посуду) – отвезу в Рум (Византию). Потом, купив в Руме *херир кумаиш* (шелковый кумач) – отвезу в Индию, потом в Индии купив *булат* (оружие из

стали) – приеду в Халеб (Алеппо), купив в Халебе *тиалу* (стекло) привезу в Йемен, купив в Йемене *йемени зумурд* (йеменский изумруд) приеду в свою страну и, устроившись в магазине, хочу спокойно заниматься торговлей»⁸.

Золотая Орда (по тюркский Ак Урду) как монгольская отсталая кочевая форма правления существовала и в Китае (Цзинь-Чжан), и в Иране (Урду-и Заррин). Там тоже чеканились монеты от имени монгольских ханов, но никто из современных историков не осмеливается, оскорбляя страны и народы, называть Китай или Иран «Золотой Ордой», а население монголо-татарами, как это сделал в начале XIX в. профессор Петербургского университета П. Наумов.

Думается, российские историки в XVII в., в период становления исторической науки, перестарались, когда государство с мировым именем и страну, названную в отличие Дунайской, Великой Болгарией переименовали в Золотую

Орду, которое являлось всего-навсего названием шатра монгольских ханов, кочевавших в восточноевропейских степях, куда ездили улусные князья за ярлыком на княжение...

Примечания

¹ ПСРЛ. Т.11., с.25.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.80.

³ Салих Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966., с. 49,51.

⁴ Там же, с.11.

⁵ Азгар Мухамадиев. Древние монеты Казани. Казань, 2005., с. 167.

⁶ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983., с. 144.

⁷ Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань, 2003. С. 122-128.

⁸ Хатип Госман. Источники по древней тюрко-татарской литературе. (На тат. яз.). Изд. КГУ 1981, с. 204.

Рис. 1. Монета Насираддина, чеканенная в предмонгольский период и монета Батья с тамгами на обеих сторонах, выпущенная от имени великого хана, со следами перечеканки на монете предмонгольского периода.

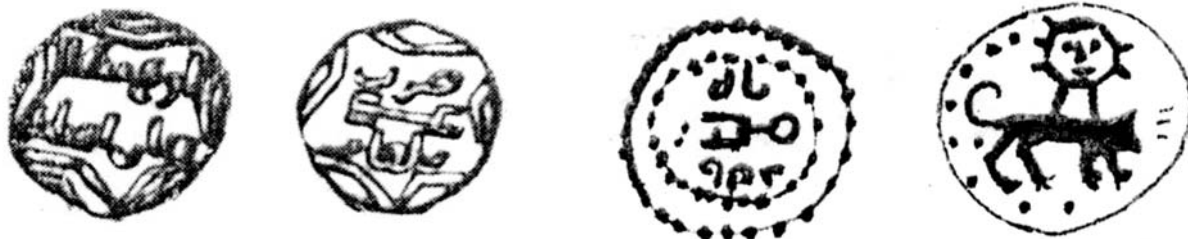

Рис. 2. Мелкая монета Берке, чеканенная от имени претендента на престол Аригбуги, которому не суждено было стать великим ханом.

Рис. 3. Дирхем с тамгой и надписью *бал-и бал*.

Рис. 4. Дирхем с надписью *Тамга-и Гали* – «Высокая тамга».

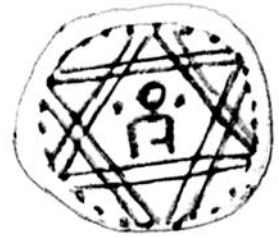
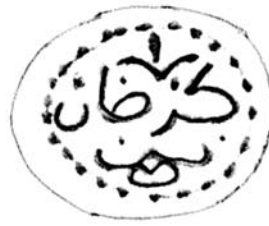

Рис. 5. Дирхем Казани с надписью *Керман*.

Рис. 6. Дирхем Менгутимура.

Рис. 7. Анонимный дирхем чеканки Булгара.

Рис. 8. Другой тип анонимного дирхема Булгара.

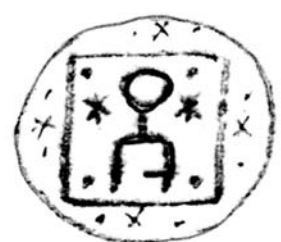

Рис. 9. Дирхемы Биляра.

Виктор Мыц

*Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины
г. Симферополь*

КРЫМ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В 60–80-х ГОДАХ XIV в.

Сравнительно недавно к освещению этой темы обратился М.Г. Крамаровский, опубликовавший в одном из крымских изданий специальное исследование «Джучиды и Крым: XIII–XV вв.», в котором, хотя и очень кратко, в сжатой форме, представлена концепция «эволюции золотоордынского Крыма» (Крамаровский, 2003, с. 506–532). Историю Крыма XIII–XV вв. автор делит на шесть хронологических этапов, причем каждый из них наделен присущей только ему характеристикой ряда важнейших тенденций военно-политического, социально-экономического, правового и конфессионального развития крымского улуса Золотой Орды. Первый этап джучидского освоения Таврики занимает 40–60-е годы XIII в. и завершается структурированием края в военно-административную и хозяйственную систему Джучидов; второй этап приходится на середину 60-х – конец 90-х годов XIII в.; третий – это «время правления Узбека и его наследников – сыновей Тинибека (1341) и Джанибека (1341–1357)»; четвертый, по признанию самого М.Г. Крамаровского, – «один из самых темных этапов в истории золотоордынского Крыма – период между 1359 и 1379 гг. – от убийства Бирдибека до воцарения Тохтамышша»; пятый этап «определяется во временных границах от утверждения в Золотой Орде, а потом в Крыму, Тохтамышша (1376–1395) до Тимур-Кутлука (1395–1401)»; шестой этап охватывает хронологический промежуток 1401–1443 гг. – «это время, когда на полуострове формируется самостоятельная орда, объективно сыгравшая роль спускового механизма, подготовившего выделение крымского улуса в качестве самостоятельного ханства при Хаджи-Гирее (1443 г.)».

Не вдаваясь сейчас в нюансы критического анализа всей хронологической схемы, предложенной М.Г. Крамаровским, остановлюсь только на краткой характеристике некоторых политических моментов четвертого этапа, который, как отмечает сам автор, является одним из самых темных в истории золотоордынского Крыма. При попытке его освещения многие исследователи постоянно сталкивались со сложностью определения действовавших на исторической сцене реальных лиц, их роли, хронологии и места происшедших событий. Для начала счи-

таю необходимым процитировать некоторые принципиальные положения в той трактовке, как они изложены М.Г. Крамаровским, но по ряду причин вызывающих либо недоумение, либо категорические возражения ввиду их несоответствия или полной несогласованности со свидетельствами имеющихся источников.

Так, например, М.Г. Крамаровский, правда помещая данный сюжет в третьем хронологическом этапе (1341–1357 гг.), пишет: «сегментация власти в Крымском улусе, ярко отразившаяся в структуре воинских сил ордынцев в сражении с Витовтом (sic!) на Синих водах в 1362/63 г., результат конца эпохи Джанибека-Бирдибека, когда в Крыму утверждается новое политическое образование – княжество Феодоро. Сама же воинская акция, проведенная силами трех крымских эмиров – Солхата, Кырк-йора и Мангуца, скорее свидетельство собственной переоценки, чем наступательной «внутриобластной» политики» (Крамаровский, 2003, с. 519), а «защита Крымом ордынских интересов в Подольских землях означала лишь, что налоговые сборы из этого р-на шли через администрацию правового крыла Джучидов. Русский летописец подольстил крымским эмирам (Кутлубуге, Хаджи-бею и Дмитрию), называя их «отчимами и дедичами Подольской земли...», но точно определил их басмаческую сущность (ПСРЛ, VIII, с. 31). Князья Хаджи-бей и Дмитрий – эмиры Кырк-йора и Мангуца, а многоопытный Кутлубуга – правитель Солхата и Крымского тюмена. Возможно, походный эмир Солхата и Кутлубуга, вступивший в 1381 г. в должность крымского наместника, одно и то же лицо. В 1387 г. Кутлубуга, «dominus Solcatensis», заключает договор с Кафрой от 12 августа, в котором правительство Тохтамышша (1376–1395) подтвердило условия соглашения от 1382 г. (Basso, 1991, p. 25, 26)».

Уже этот относительно небольшой пассаж содержит ряд хронологических и содержательных несуразностей, от которых можно легко освободиться. Во-первых, Витовт (1392–1430), конечно же, не причастен к разгрому ордынских войск на Синих Водах, так как это совершил Ольгерд (1344–1377). Во-вторых, утверждение, что «князья Хаджи-бей и Дмитрий – эмиры Кырк-йора и Мангуца», относится к разряду

анахронизмов XIX в. и историографических мифологем, потому что «Керкерского княжества» в составе крымского улуса Джучи никогда не существовало (см., например, исследования В.Д. Смирнова, который не нашел ничего ранее начала XVII в. о беках яшлавских-сулешевых как сборщиках части налогов с караимской общины Чуфуг-Кале (Смирнов, 2005, с. 117–118, 126, 127, 172, 255), а о «князьях Феодоро» – Мангупа первые реальные свидетельства генуэзских источников относятся только к 1411 г., когда Керилеси сменяет Алексей (Мыц, 2005, с. 257–258).

К этому сюжету следует добавить сомнительный тезис о том, что «вероятно, при Мамае в начале 1360-х гг. чуткие к событиям в Орде обитатели Мангупа предпринимали активные работы по «восстановлению Феодоро» (Малицкий, 1933, с. 10) (здесь М.Г. Крамаровский противоречит самому себе, заключая: «Судя по переписке с канцелярией египетского султана, Мамай твердо утвердился в Крыму только к 773 г.х.=1371» (Крамаровский, 2003, с. 518).

Обратимся к самому источнику, повествующему о крепостном строительстве в городе Феодоро в начале 60-х годов XIV в.: «Господь Иисус Христос Боже наш, да спасет основанных сию стену: построена эта башня верховного (?) города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани турма/рха/ (?) /достойного?/ всякой чести и совершенно восстановление Феодоро /вместе/ с Пойкой; построены в 6870 году (= 1361/62 г.)» (Мыц, 2003, с. 318). Как видим, в данной надписи нет никаких указаний на какого-либо золотоордынского наместника крымского улуса (например, Кутлуг-Тимура) или правящего хана (Кельдибека), и тем более на Мамай или его креатуру – хана Абдуллаха. Судя по всему, в это время на Мангупе (Феодоро), как и в Таврике (на 1361/62 г.) отсутствовали известия о реальной верховной власти (правящем хане) в Золотой Орде, а Кутлуг-Тимур отправился в ставку для получения пайцзы (от Кельдибека) и подтверждения своих прав на управление Крымским улусом.

В качестве альтернативного примера можно привести две хронологически и топографически близкие эпиграфические находки. Это, прежде всего, обломок мраморной плиты с упоминанием сотника Чичикия (?), руководившего организацией и строительством оборонительных сооружений города Феодоро при установлении в Крыму власти хана Тохтамыша (1381–1395 гг.). Ее смысловое содержание, с учетом лакун, восстанавливается следующим образом: «Была построена /башня, крепость? от/ основ /через/ усилие /и ? поддержку (?) Тзитз.../...со /тник /

а/ при ца /рствования/ Тохтам/ыша/ в году /.../» (Багер, 2001, с. 189).

И второй памятник – надпись на надгробии (обнаружено у церкви св. Троицы в селении Лаки), в которой говорится: «Зарезан иже во блаженных раб Божий Чупан сын Янаки и сын его Алексей, во дни Темира в месяц июнь, в день 28, года 6872 (=1364 г.)» (Латышев, 1918, с. 236–238). Издавший надпись В.В.Латышев, под именем «Темира» предлагал понимать золотоордынского наместника Солхата – Кутлуг-Тимура (Кутлук-Темира) (Латышев, 1918, с. 238, прим. 3).

Противоречиво, упрощенно, а порой и ничем не обоснованно в представлении М.Г. Крамаровского выглядят отношения, складывавшиеся на протяжении 60–80-х годов между генуэзской Кафрой и Мамаем: «Начавшийся затяжной кризис в Орде не преминул сказаться в Крыму: в 1365 г. генуэзцы захватили Солдайю и 18 деревень южного побережья (Vasiliev, 1936, p. 177–182); возможно, что в зависимость от Каффы в это время попадают венецианские гавани Провато и Калиера. В сущности, в отношениях с генуэзцами в середине 1360-х гг. наступает рубеж, когда в роли обороняющейся стороны выступают сами ордынцы» (Крамаровский, 2003, с. 518). И далее: «В октябре 1374 г. он был торжественно принят консулом Каффы, а несколько месяцев спустя послу Мамай генуэзцы вручили богатые одежды (Balard, 1978, 2, p. 457). В 1375 г. Мамай возвращает под джучидский контроль 18 селений Готии (Balard, 1978, 2, p. 161)». М.Г. Крамаровский заблуждается, когда пишет о якобы отошедших в управление генуэзцев 18 селениях Готии, потому что в татаро-генуэзских договорах 1380 и 1381 гг. речь идет о 18 селениях, принадлежавших городу Солдаюе, но не Готии, число же селений последней в договорах специально не оговаривалось, а массарии Каффы отмечают только 11 приморских «казалий» (cazalii Gotie) из 32 поселений Южного побережья: Лусту, Лампаду, Партениту, Гурзувий, Сикиту (Никиту), Ялиту, Мисхори, Ореанду, Лупико (Алупку), Кикенеиз и Фори (Форос) (Бочаров, 2004, с. 186–193, рис. 1–3).

Весьма своеобразную трактовку получают события 1363 и 1365 гг., происходившие в Крыму, связанные непосредственно с историей Солхата, а также тогдашнего правителя Крымского улуса Кутлуг-Тимура. В рассматриваемой работе М.Г. Крамаровский пишет: «Внутренний кризис в Орде оказался так велик, что даже население «столичного» Солхата, напуганное приходом Мамай, приступило, судя по армянской памятной записи 1363 г., к сооружению оборонительного пояса в виде внешнего рва и стен».

При этом он делает ссылку на свою более раннюю работу «Солхат–Крым: к вопросу о населении и топографии города» (Крамаровский, 1989, с. 144), где написано буквально следующее: «Хорошо знавший Крым венецианец Иософат Барбаро (середина XV в.) называет Солхат поселением, обнесенным «стеной, но не представляющим собой крепости» (в то время как И. Барбаро писал: «У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Один – это Солхат, который они называют Инкремин, что значит «крепость», но данная цитата скорее указывает на плохое знание венецианцем топографии полуострова, так как под топонимом «Инкремин» И. Барбаро приводит турецкое название Каламиты – «Инкерман», т. е. «пещерная крепость»). И продолжает: «Ко времени Барбаро, между тем, возраст оборонительного пояса города подходил к вековой черте. Об этом свидетельствует армянская памятная запись 1363 г., где сообщается об угрозе мамаевского (sic!) погрома, вынудившего городских властей «копать ямы (рвы? – М.К.) вокруг города, снося при этом много домов» (Хечумян, 1982, с.142).

Однако в своей монографии «Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды» (2001) М.Г. Крамаровский, касаясь вопроса времени сокрытия Симферопольского клада с пайцзой Кельдибека, пишет, что появление данных артефактов «в степной части полуострова, вероятно, как-то связано с событиями августа 1365 г., когда в Крым пришли войска Мамай, и жители Солхата, разумеется, по указанию правителя (в нашей реконструкции, эмира Кутлуг-Тимура), начали спешно готовиться к осаде, начав сооружение оборонительного рва вокруг города», но при этом делает самую общую ссылку на свою раннюю работу (Крамаровский, 1989, с. 141–157). Прийдя к столь важному заключению, автор отсылает заинтересованного читателя опять же к событиям 1363 г., но в собственной интерпретации с акцентом на якобы возникшую в тот момент угрозу нападения Мамай.

Так, когда же Мамай реально оказался в Крыму и угрожал населению Солхата – в 1363 или все-таки в 1365 г.? Очевидно, следует обратиться к источникам, повествующим о событиях тех лет, и которые ни разу, как это ни странно, не были процитированы полностью М.Г. Крамаровским в его работах. Прежде всего, это «Сборник» 1363 г. (*A Catalogue of the Armenian Manuscripts in the British Museum*, by Frederiek C. Conibeaere, Landon, 1913, p. 248; Add. 19, 732; Лондон, Британский музей, писец – Степанос, сын Натера, место – Сулхат): «был написан (сей Сборник) в Гуннов стране, в прославленном го-

роде Сулхат, под сенью храма святого Саргиса в земляных (глинобитных с плоской крышей. – В.М.) жилищах верхних. И в сем году была смута возмущения из-за плотских властелинов мира, так как нету главы – царя, который утвердил бы мир, и по господнему слову не допустил бы разделения царства, по причине чего начальник (Кутлуг-Тимур – В.М.) сего города режет яму, роет ров вокруг города, и много домов с основ разваливает, и разруха – неисчислимая, и каждый встревожен...» (Сарсян, 2004, с. 152).

К событиям июля–августа 1365 г. относятся два весьма любопытных свидетельства армянских источников: один из них это «Часоц» (Памятные записки арм. рукописей. Ереван, Матенадаран, рукопись № 4656, писец – Аветис, сын Натера, место- город Крым, 1365 г., л. 506а): «написан сей (часоц) в городе Крым, в земляных жилищах верхних, в году 814 (=1365), месяца августа 23, в пору многонародного волнения, так как вся страна с Керча до Сарукармана (Херсона. – В.М.) здесь собралась – люди и скот: и Мамай находится в Карасу (Карасубазар. – В.М.) вместе с бесчисленными татарами, и сей город (Крым. – В.М.) – в ужасе и содрогании...». И в продолжение (на внутренних полях л. 260б): «С войною скорбь овладела всеми границами города Крым, ибо начальник, князь его (Кутлуг-Тимур – В.М.), не смог противостоять, будучи слабый, сбежал, и (пришедшие? – В.М.), присоединив к войску почти 2000 мужчин и, забрав имущество вместе с вооружением, увезли в Мол» (Сарсян, 2004, с. 153). Во втором часоце (Ереван, Матенадаран, рукопись № 7458, писец – Карапет, место – Каффа, 1365, л. 462б) говорится о захвате генуэзцами города Сугдеи: «Исполнил сей (часоц) в армянское летоисчисление 814 (=1365), 15 августа... в прославленном городе Кафа... в горькое трудное время, когда показался в сем году Нэр из рода исмаэльского и разрушитель, мечом изрубивший род христианский, кто называется именем Чалибэг, который все страны, что были поблизости, ночью и днем держал в ужасе и содрогании, за что и, по божественному провидению из романского и арийского рода, по приказу ромейцев, по божественной удаче, взял город Сухда (Сугдея. – В.М.) и арестовал все, что там нашел, и кто (были) Исмаеляне и Ебраи, кто являются врагами креста Христова и христиан, всех полностью истребил и имущество предал...» (Сарсян, 2004, с. 152).

Не трудно заметить, что М.Г. Крамаровский не может определиться со временем наместничества в Солхате Кутлуг-Тимура и Кутлугуби. Поэтому им выдвигаются различные даты «исчезновения» Кутлуг-Тимура с политической

сцены Крымского улуса, хотя он и заключает, что: «Период правления в Крыму Кутлуг-Тимура продолжался вплоть до захвата Сарая Кельдибеком (1361/2 г.» (Крамаровский, 2003, с. 516), но тут же приводит мнение А.П. Григорьева, «основанном на анализе платежной ведомости Тайдулы», что «Кутлуг-Тимура... в период от середины сентября 1358 г. до начала марта 1359 г. сменил Кутлу-буга» (Григорьев А., Григорьев В., с. 209). Однако, как это было показано ранее, по М.Г. Крамаровскому, Кутлуг-Тимур и после 1361/2 г., якобы при возникновении угрозы со стороны Мамая, в 1363 г. или в 1365 г. руководит строительством оборонительного рва и вала вокруг Солхата, а Кутлубуга, также «эмир Солхата», в том же 1363 г. отправляется им к Синим Водам, отстаивать экономические интересы Крымского тюмена. Чтобы хоть как-то объяснить отсутствие Кутлубуги в Крыму с 1363 по 1381 г. М.Г. Крамаровский делает вполне допустимое для него заключение: «Трудно представить, чтобы беглербек Мамай и его мнимый отец, отставной беглербек в правительстве Джанибека, Кутлубуга, был допущен в Солхат-Крым в качестве даруги. Тем более что Мамай и Кутлубуга ориентированы на разные политические силы. Не случайно Тохтамыш после смерти Мамая продолжил карьеру Кутлубуги в Крыму вплоть до 1387 г.» (Крамаровский, 2003, с. 519). При этом уважаемый автор не дает никаких пояснений относительно присутствия в столице Крымского улуса при Мамае двух сменивших друг друга наместников: Ага-Мухаммада (1374–1379 гг.?) и некоего Сариха («domini Mamay usque ad adventum dominationis domini Sarihi tunc domini Sorchati») (вторая половина 1379 – осень 1380 г.?) (Пономарев, 2000, с. 395, № 157) (о последнем персонаже М.Г. Крамаровский не упоминает вовсе).

У М.Г. Крамаровского также возникает путаница и с наместниками Крымского улуса 1381–1387 гг. Письменные источники последний раз отмечают в этой должности Ильяса сына Кутлубуги при подписании договора с генуэзцами 24 февраля 1381 г. В том же году правителем в Солхате становится его отец – Кутлубуга (отмечен как правитель Крымского тюмена в ярлыке Тохтамыша, пожалованном в 1381 г. Хаджибегу), заключительным аккордом политической карьеры которого стало подписание 12 августа 1387 г. договора с Каффой (Крамаровский безосновательно продлевает его политическую карьеру до 1391 г.: «Победа Тохтамыша над Бек-Пуладом (на самом деле это событие относится к 1383 г. – В.М.) приводит в Крым в качестве наместника эмира Кутлук-Бугу» (Крамаровский, 2003, с. 520). Однако автор в своей

работе пишет: «Пришедший к власти в Солхате в 1381/2 г. (впервые упоминается в массарии Каффы 25 декабря 1380 г. – В.М.) Илиас, сын Кутлу-буги, не смог остановить кризис в отношениях между Солхатом и Каффой... Уже 12 августа (1387 г. – В.М.) Илиас подписывает мирное соглашение с генуэзцами...» (Крамаровский, 2003, с. 520).

Столь же странной выглядит солидаризация М.Г. Крамаровского с точкой зрения А.П. Григорьева относительно локализации золотоордынского города Шхер ал-Джедид (Янгишехр) в бухте Провато, расположенной неподалеку от Каффы (Крамаровский, 2003, с. 516). И если историк А.П. Григорьев мог и не знать, то работающий много лет в Крыму археолог М.Г. Крамаровский обязан был убедиться в полном отсутствии каких-либо следов городской жизни в этом месте (археологическими разведками С.Г. Бочарова в береговом обрыве бухты Провато выявлены только следы небольшого приморского поселения XIV–XV вв.).

В заключение рассматриваемой темы следует, вероятно, акцентировать внимание на ряде важнейших моментов политических событий, происходивших в Северном и Северо-Западном Причерноморье в 60–80-х годах XIV в. и их последствий, нашедших отражение в разнохарактерных источниках того времени.

1. В начале 50-х годов XIV в. (1352/53 г.?) для усиления власти Орды на западных границах Джанибек направляет в междуречье Дуная и Днепра своего беглербека Кутлубугу, который приступает к строительству столицы нового улуса Шхер ал-Джедид (Янгишехра) (городище Старый Орхей). На этой территории также располагаются кочевья еще двух орд: Темирбега (так называемого «Дмитрия») и Хаджибега, которые, если доверять сообщению поздней летописи, являлись братьями Кутлубуги. После смерти Бердибека в 1359 г. в Орде начался период внутреннего хаоса и феодальных междоусобиц 60–80-х годов XIV в., в которых Кутлубуга, Хаджибег и Темирбег не принимали активного участия, занятые борьбой с набирающими силу Молдавским и, особенно, Русско-Литовским княжествами.

Поводом для вооруженного конфликта между Литовско-Русским государством (князем Ольгердом) и Кутлубугой явилось изгнание из Киева в 1361/2 г. ставленника Орды князя Федора, а из других мест (Подолья) баскаков, что привело к переходу под временный протекторат Литвы обширных территорий Юго-Западной Руси, дававших ранее «выход в Орду». Соединение войск трех орд западного улуса (Кутлубуги, Хаджибега и Темирбега) произошло у Си-

них Вод на пограничной территории (рис. 1), где располагалось золотоордынское поселение. Целью планировавшегося похода татар, видимо, являлся Киев как административно-политический центр региона. Ольгерд нанес упреждающий удар и выиграл сражение, предприняв затем рейд к устью Днепра («Белобережью»), разоряя зимники и стойбища орды Хаджибега (рис. 1). Вытеснение татар из междуречья Днепра и Южного Буга на запад (орды Хаджибега) вынудило Темирбега переплавиться со своей ордой через Дунай и откочевать в Добруджу (рис. 1).

Вести о разгроме татар на Синей Воде и продвижение войск Ольгерда к «Белобережью», достигнув Крыма, вызвали панику в Солхате, который в случае появления на полуострове русско-литовской армии оказывался совершенно беззащитным, так как не был укреплен. Поэтому, получив тревожное сообщение, жители столицы Крымского улуса по приказу ордынского наместника Кутлуг-Тимура начали возводить по периметру города фортификационные сооружения в виде рва и вала.

В результате победы 1363 г. Литве удается закрепиться на границе со степью, восстанавливая старые и возводя новые укрепления. Во время конфликта между Кутлубугой и Ольгердом Мамай с ханом Абдуллахом, видимо, еще находился в Поволжье, куда он отправился из Азака в 1362 г. и был занят борьбой за сарайский престол. Появление орды Мамаю в Среднем Поднепровье, вероятно, относится только к концу 1363 г. Этим и объясняется возможность проведения длительного рейда, предпринятого Ольгердом в район «Белобережья» после сражения на Синей Воде. Местом своей ставки Мамай выбирает расположенное на левом берегу Днепра урочище Улу-Улуг (Кучугурское городище), где им основывается город Орду (рис. 1), в котором с 1364 г. начинается чеканка монет марионеточного хана Абдуллаха.

Появление орды Мамаю в Среднем Поднепровье меняет соотношение политических сил в регионе. Кутлубуга признает сюзеренитет Абдуллаха и в Шхер ал-Джедиде в том же 1364 г. выпускаются монеты с его именем. К этому времени, по всей видимости, происходит урегулирование конфликта между ордынским наместником Кутлубугой и Ольгердом. На это может указывать выпуск в Киеве (с 1364 г.) монет с монгольской «плетенкой» («узел счастья»). Компромисс между враждующими сторонами, вероятнее всего, основывался на том, что ордынцы не посылали в Подолье своих баскаков для сбора дани, а ее выдачу осуществляла местная администрация («атаманы») по распоряжению

правлящих князей. Об этом не двусмысленно свидетельствует грамота 1375 г. подольского князя Александра Кориятовича, предписывающая неукоснительно давать дань («выход») в Орду серебром, как это было установлено ранее (1364 г.?) при его брате Юрии Кориятовиче. После установления новой системы даннических отношений каких-либо столкновений между двумя татарскими ордами (Кутлубугой и Хаджи бегом) с Ольгердом в письменных источниках не упоминается. Хотя следует отметить одно свидетельство летописи 1374 г.: «Того же лета в сенине (весной? – В.М.) ходила Литва на татарове, на Тетеря и быжешь межи их бой» (ПСРЛ, VIII, стб. 106). Б.Н. Флоря предлагал видеть в упомянутом летописью «Темере» одного из татарских князей, пытавшихся противодействовать распространению литовского влияния на Молдавию (Флоря, 1980, с. 153, прим. 39). Вероятно, данные события можно интерпретировать следующим образом. В 1374 г. молдавский престол занял Юрий Кориятович, который пришел с литовской дружиной. Данный год был чрезвычайно засушливым, что вынудило орду Темирбега переправиться на левый берег Дуная и кочевать вверх по течению в междуречье Прута и Серета. Продвижение его орды в северном направлении и побудило Юрия Кориятовича выступить против Темирбега, чтобы заставить его орду уйти за Дунай.

К 1365 г. Мамаю удалось включить в состав своего улуса обширные территории, располагавшиеся между Дунаем и Волгой. Монеты с именем Абдуллаха чеканились в Азаке, Орду и Шхер ал-Джедиде. Но в это же время, судя по всему, практически бездействовал монетный двор Солхата (Крыма). Не могло ли это свидетельствовать о возникшей конфронтации между наместником Крымского улуса Кутлуг-Тимуром и Мамаем? Ранее цитированный армянский источник (от 23 августа 1365 г.) делает это предположение вполне вероятным. К лету 1365 г. между генуэзской Кафрой и золотоордынским Солхатом возникла политическая напряженность в отношениях, которая стремительно переросла в военные столкновения. Кутлуг-Тимур попытался заблокировать Каффу со стороны суши. В ответ на это генуэзцы 19 июля высаживают десант под Солдайей и силой оружия овладевают городом. В конфликт между Солхатом и Кафрой вмешивается Мамай. Немногим более чем через месяц его войско появляется на полуострове, избрав местом ханской ставки не Крым-Солхат, а «Карасу» (рис. 2). Кутлуг-Тимур вынужден был бежать вместе со своим гаремом. Это событие, вероятнее всего, относится к августу 1365 г. и нашло свое отражение как мини-

мум в трех кладовых комплексах (Нейзацком, Симферопольском и Алуштинском), маркирующих маршрут бегства (рис. 2). Победа над Кутлуг-Тимуром позволила Мамаю утвердить в должности наместника Крымского улуса своего сторонника Ага-Мухаммада.

Второй раз на полуострове Мамай появляется только осенью 1374 г., когда в его орде начинается эпидемия и падеж скота из-за необычайно сильной засухи. Массария Каффы демонстрирует многочисленные расходы на прием послов Мамаю, подарки и обеды в их честь, а также по случаю пребывания в «Орде» генуэзских посольств. Но, несмотря на внешнюю взаимоприязнь, уже в следующем (1375) году Мамай отбирает у генуэзцев захваченные ими после 1365 г. 18 селений округа Солдайи и те пункты Готии, где они к этому времени учредили свои консульства (Лусту, Партениг, Гурзувий, Ялиту). Таким образом, за генуэзцами в 1375 г. из всех «новых территориальных приобретений» остается только город Солдайя, а ее сельская округа и Готия были вновь возвращены под юрисдикцию наместника Солхата. На этот раз военного столкновения между татарами и генуэзцами не произошло и конфликтная ситуация была разрешена мирным путем. Магистратам Каффы удалось закрепить за собой право на владение этими землями только после гибели Мамаю в 1380/81 гг., путем подписания двух договоров.

Литература

Багер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // О древностях южного берега и гор Таврических. Киев, 2004.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Крамаровский М.Г. Солхат–Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.

Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. № 65. 1918.

Мыц В.Л. В плену историографических иллюзий // Stratum plus. 2001–2002. № 6. Кишинев, 2003.

Мыц В.Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт между Кафкой и Феодоро в 1422–1423 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.

Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // Изв. ГАИМК. Вып. 71. 1933.

Пономарев А.Л. Территория и население генуэзской Кафы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. IV. СПб., 2000.

ПСРЛ. 1965. Т. VIII.

Сарсян, 2004.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. Т. 1. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Изд. 2-е. М., 2005.

Флоря Б.Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва. М., 1980.

Хечумян Виген. Книга книг / Перевод с арм., предисловие и комментарий Т. Мартиросяна. М., 1982.

Balard M. La Romanie genoise (XII – debut du XV siecle). Vol. 1, 2. Rome, 1978.

Basso E. II “Bellum di Sorcati” ad I trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Oro // Studi Genovesi. – 1990 – 1908. Nuovo serie. Genova. 1991.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge – Massachusetts, 1936.

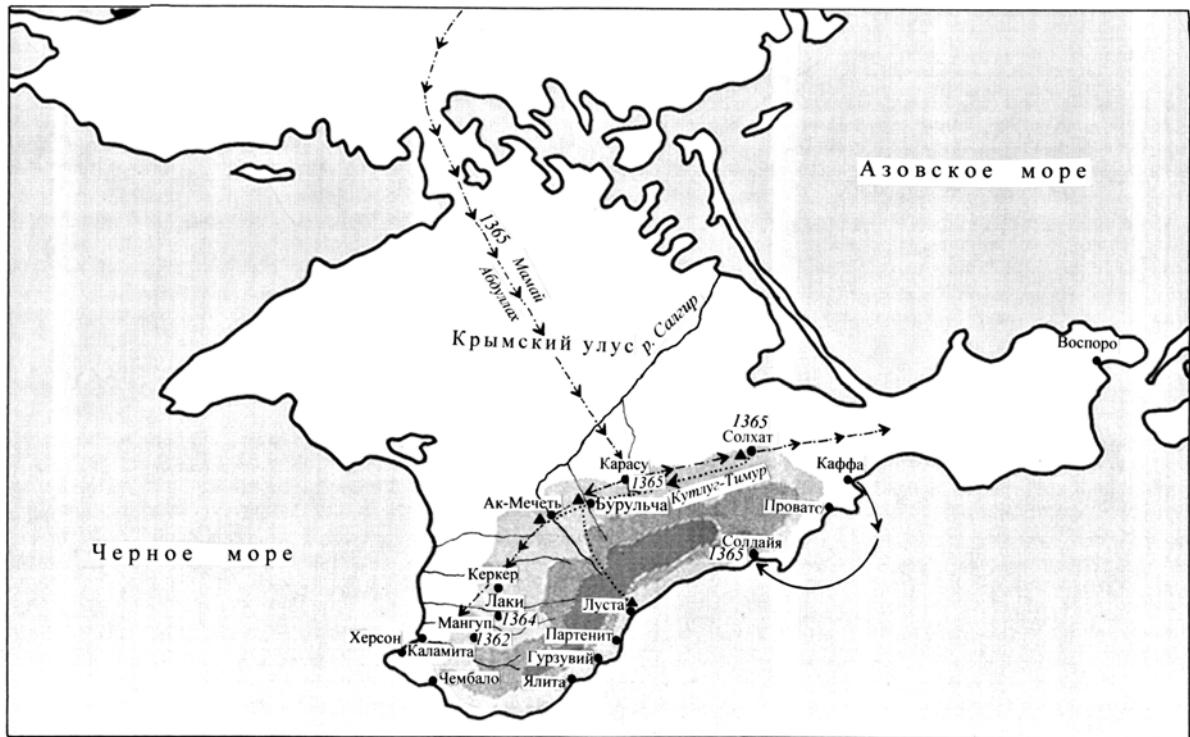

Рис. 1.

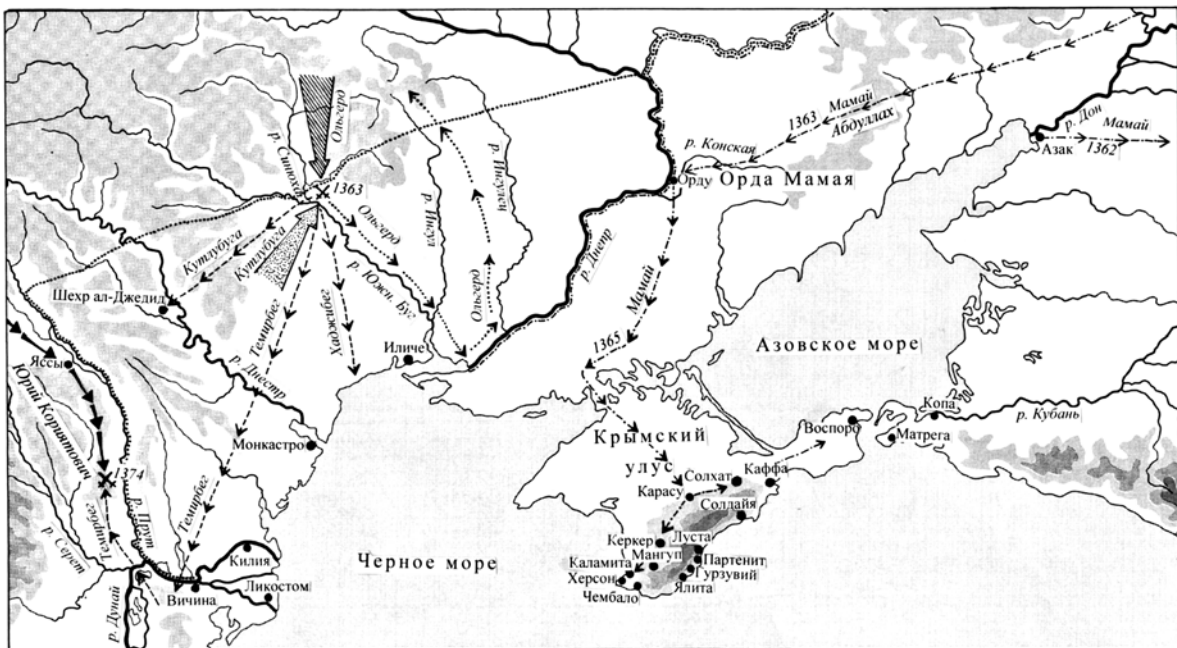

Рис. 2.

Наиль Набиуллин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКРУГИ ГОРОДА ДЖУКЕТАУ

Возникнув в конце X– начале XI вв. как небольшое укрепленное поселение, уже не позже второй половины домонгольского периода болгарской истории Джукетау¹ (рис. 1, 2) превращается в экономический и культурный городской центр Нижнего Прикамья². Впоследствии он становится одним из немногих закамских городов болгар, выживших после 1236 г. Значительный потенциал в предшествующее время (обусловленный в том числе выгоднейшим ситуационным расположением на участке Камского торгового пути, контролем переправ и т.д.), меньшие масштабы непосредственно разгрома города (?), почти полное отсутствие близлежащих крупных городов-конкурентов (что, в частности, привело к определенному приливу населения к Джукетау) и другие, пока не известные причины привели к расцвету Джукетау в золотоордынское время.

В эту эпоху своей истории Джукетау стал одним из крупных во всех отношениях городских, в том числе ремесленных центров Волжской Булгарии, который оказывал экономическое и политическое влияние на определенные, – очевидно, в первую очередь близлежащие к нему – территории³.

Развитое ремесло трудно представить без непосредственно связанных с ним торговых отношений; с включение территории Волжской Булгарии в состав Улуса Джучи многие прежние «международные» связи стали фактически или формально «внутригосударственными». Джукетау стал известен в международном масштабе: указания на него имеются на географических картах Старого Света XIV в.⁴

Но в первую очередь Джукетау известен по упоминаниям его в древнерусских летописях во второй половине XIV – начале XV вв. – времени обострения внутреннего и внешнего положения Улуса Джучи и постепенного его распада, одним из проявлений чего явились походы новгородских ушкуйников и русских князей на болгарские города. Среди них в летописях упоминаются «Жукотин» и «жукотинские» «князи»⁵, превратившиеся в исторической литературе во «владельцев Жукотинского княжества», в территориальном выражении – некой «округи» («округа»).

Описывая территорию «Жукотинского округа», П.А.Пономарев включал сюда бассейны р. Ерыклы, Грязнухи, Бахты, С.М.Шпилевский – еще и Кирмени, Шумбута на правом берегу р. Камы⁶. А.П.Смирнов считал, что в золотоордынское время Волжская Булгария распалась на два «княжества» – Булгарское и «Жукотинское», причем последнее занимало всю восточную часть Волжской Булгарии⁷. Историками называются и другие «княжества» – Казанское, Кирменчукское и пр.

Прежде всего территориальное – причем часто без разделения объектов древней реальности и их археологических остатков – содержание вкладывается в понятие «округа» и при традиционном употреблении его современными археологами-булгароведами. В одних случаях это, как правило, только город⁸ и непосредственно примыкающие к нему поселения, кладбища, другие объекты в древности или их археологические следы (~ «окрестности»). В других случаях – более значительные территории расположения объектов в древности («княжества» и т.п.) или их археологических следов.

Конечно, понятие «округа» не ограничивается только таким пониманием и определением. В обоих случаях подразумевается, что город и его «округа» составляют связанный комплекс⁹, причем при первом подходе эта связь теснее и доходит до уровня единой системы. Однако исчерпывающего научного определения этого понятия пока не разработано, оно является довольно условным и в основном несет содержание «обыденного сознания».

В «Археологической карте Татарской АССР»¹⁰ указывается, что в домонгольское время к «Джукетаускому округу» (в бассейне р. Шешмы и Шешминско-Камском междуречье), кроме самого Джукетау, примыкало около 20 городищ, выявленных в Новошешминском, Чистопольском, а также в Нижнекамском районах РТ: Нарат-Елгинское, Белогорское, Утяковское, Кубасское (Березовское), Змеевские I и II, Булдырьское («Городок на горе»), Мало-Полянское, Русско-Сарсазское, Мало-Толкишское («Жилище»), Тубулгатауское, Сосновское I и II, Елховское, Екатерининско-Слободские I и II, Черему-

хово-Слободское, Ново-Шешминские I-III, Утяшкинское, Елантовское, Ошинское, Краснокадкинское. К этим городищам примыкало до 100 селищ¹¹.

Среди памятников округа Джукетау золотоордынского времени называются Нарат-Елгинское, Кубасское (Березовское), Змеевское I, Булдырьское, Русскосарсазское, Малотолкишское, I, III Новешешминское, Утяшкинское городища; а также неоднозначно датируемые городища Тубулгатауское, Утяковское, Староромашкинское¹². Многие из городищ существовали еще в домонгольское время.

Рядом с большинством этих городищ открыты кладбища с болгарскими надгробиями XIII–XIV вв. и отдельные надгробия: Елховское и Кубасское надгробия, «Жукотинское», Данауровское, Нарат-Елгинское, Змеевское, Таттолкишское I, Русскосарсазское кладбища с надгробиями. Известны кладбища и не связанные с городищами: Исляйкинское, Верхненикитинское кладбища с надгробиями, Елховское, Средне-Челнинское, Клятлинское надгробия¹³.

Ф.Ш.Хузин в округе Джукетау домонгольского времени насчитывает меньшее количество памятников – 13 городищ, 66 селищ и 124 могильника, расположенных в левобережье Камы между ее притоками Шешмой и Шенталой и отмечает, что «все городища этого района имеют небольшие укрепленные площади и в основном относятся, по-видимому, к типу феодальных замков и военных крепостей, выполнявших функции порубежных сторожевых центров»¹⁴.

Территориально указанные памятники расположены от «центра округа» даже не на примерно одинаковых расстояниях. Самое западное городище из обозначенных – Утяковское (менее 20 км от Джукетау). Подавляющее большинство памятников располагается восточнее или юго-восточнее Джукетау, некоторые – на значительном расстоянии от Джукетау: например, Ново-Шешминские, Екатерининско- и Черемухово-Слободские городища – на расстоянии 50–60 км, городище Краснокадкинское – 80 км.

Таким образом, общие критерии как выделения территории «округи», так и включения в нее отдельно взятых памятника – особенно удаленные от ее «центра» – пока не разработаны. Связано это с общими проблемами общеисторической интерпретации археологических источников и реконструкции исторической действительности, известным состоянием болгарско-татарских письменных источников¹⁵ и т.д.

Между тем, исследователи подчеркивают, что социально-экономическая природа города не может быть правильно понята без детального изучения хозяйственной структуры округа, ее

экономического и демографического потенциала. Более того, детальная разработка темы «булгарский город и его округа» позволит решать не только задачи социально-экономического характера, связанные с взаимоотношениями города и села, но и послужит основой для более широких исторических реконструкций – возможности определения территории отдельных административно-политических образований (земель-«княжеств»), иерархии городов в масштабах государства и отдельных его регионов. Решение этих вопросов при надлежащей источниковедческой проработке материалов должно вплотную подвести к сложной проблеме общественно-политической структуры Булгарского государства¹⁶.

Исследователи XIX – начала XX вв., А.П.Смирнов и др. считали, что «возвышение Жукотина может быть объяснено только политическими причинами. Этот город объединил в свое время ряд мелких княжеств, и русские летописи упоминают несколько жукотинских князей»¹⁷. Т.А. Хлебникова отмечает, что некоторые предпосылки обособления и выделения «княжества» были заложены еще в домонгольское время¹⁸, А.Х.Халиков – что локализация отдельного «княжества» Джукетау наметилась еще при монгольском завоевании, а выделяется оно в последней трети XIV в. и становится практически центром всего северо-востока Булгарии, выделяясь в особую не только в политическом, но и в этнокультурном отношении округу¹⁹. Подмечается возможность выделить эти территории археологически: «каждый отдельно взятый крупный городской центр обладает определенной спецификой своей материальной культуры... и находит отражение в материальной культуре тех поселений, которые территориально тяготеют к этому городскому центру»²⁰.

Проецируемая в археологическую плоскость картина фактов, событий и явлений исторической действительности в упрощенных рамках категории археологической культуры может выглядеть следующим образом. Культура волжских болгар складывается из элементов со своими характерными особенностями, которые в последующем были сnivelированы, благодаря чему она считается «приблизительно однородной». Наряду с хронологическим («вертикальным») делением болгаро-татарских древностей, можно рассматривать их в других «срезах», например, по принципу «общее – характерное». Здесь можно выделить как минимум три основных типа (вида) элементов. Во-первых, это элементы (признаки), маркирующие культуру на протяжении практически всего ее существования или некоторых отрезков времени (характер-

ная «общеболгарская» («волжско-болгарская») посуда, некоторые типы украшений и пр.). Во-вторых, элементы «международные», широко распространенные и в других синхронных культурах (морфологическое сходство орудий труда, оружия и пр., определяющееся прежде всего их функциональным назначением, быстро распространяющиеся от одной культуры к другой технические открытия и пр.). В-третьих, характерные только для отдельных территорий (групп памятников) этой культуры²¹.

Последние могут быть обусловлены факторами различного вида и порядка – природно-географическими (более заметна роль рыболовства на болгарских памятниках, расположенных у воды и т.д.)²², этнокультурными (традиционная керамика, элементы погребального обряда и т.д.), ремесленно-производственными (связаны в первую очередь с влиянием городских центров на близлежащие к ним территории) и пр. Обычно принято считать, что влияние первых двух факторов с течением времени уменьшается, а последнего увеличивается²³.

Одним из самых ярких и чутких признаков археологических культур является керамика. При большом сходстве в керамических комплексах болгаро-татарских памятников практически в каждом из них выявляется большее или меньшее своеобразие. Город Джукетау и предшествующее ему поселение (поселения) с самого начала имели сложный этнический состав: в керамическом комплексе Джукетау представлены почти все этнокультурные группы неполивной керамики населения Волжской Булгарии X–XIV вв. Общеизвестно, что одной из особенностей керамического комплекса Джукетау и некоторых других памятников Нижнего Прикамья является значительное количество керамики «типа джукетау» (рис. 3)²⁴.

Во всех слоях Джукетау керамика «типа джукетау» составляет от трети до половины керамического комплекса. Возникнув в первой половине домонгольского времени, в отличие от других «традиционных» групп керамики, которые постепенно выходят из употребления, посуда «типа джукетау» остается практически единственной количественно значимой и в золотоордынское время. Керамика «типа джукетау», хотя и продолжает на удивление стойко сохранять характерные ей «традиционные» черты, в условиях крупного городского ремесленного центра развивается под сильным влиянием «общеболгарского» гончарства. Однако корни некоторых производственных особенностей Джукетау уходили корнями в более ранние периоды истории, где носили характер этнокультурных и даже соотносились с конкретными этносами.

Закономерность распространения керамики «типа джукетау» в домонгольское время, выявленная по предварительному картографированию, довольно строгая: получен один центр локализации керамики, с удалением от которого ее количество уменьшается (рис. 4)²⁵. Есть мнение, что «широкие раскопки и картографирование болгарских памятников Нижнего Прикамья с керамикой типа «джукетау» могут привести в конечном итоге к выявлению хотя бы примерных границ Джукетауской округи (княжества?). При этом, естественно, уточнится и расширится набор признаков, характерных только для этого круга памятников»²⁶.

Действительно, если для большинства отраслей ремесла археологически проследить влияние городских центров на близлежащие территории довольно трудно по причине значительной стандартности продукции, то применительно к «традиционной» керамике такие возможности есть. Не исключается, что часть полученных данных в той или иной степени можно будет перенести и на другие виды ремесла и сферы жизнедеятельности населения. При этом нужно учитывать следующее: ареал распространения керамики «типа джукетау» – далеко не тождественен территории «княжества»; сложность картографирования керамики заключается в том, что большинство памятников изучены разведочно; исследования на стационарах показывают, что картина размещения керамики «типа джукетау» на разных памятниках иногда может быть довольно сложной.

Такое направление исследований перспективно и с точки зрения насыщенности региона болгаро-татарскими памятниками, а также тем, что, представляя собой самый массовый источник, керамика позволяет применять в исследованиях статистические методы и т.д.

Возможности применения таких методов относительно других видов памятников и находок ограничены. Однако и здесь имеются интересные материалы. По характерным особенностям изготовления болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. исследователи выделяют четыре региональных варианта – Болгарский, Восточный, Северный и Кирменско-Джукетауский (рис. 5). Последний охватывал земли между реками Черемшан и Зай в Закамье, в Предкамье к востоку от линий рек Ошняк, среднего течения р. Мешы до р. Вятки. Особенность эпиграфий этого варианта памятников проявилась в некотором увеличении их ширины при одновременном сокращении длины, в отсутствии бордюрного украшения, в закругленности верхней части, в написании простым врезным шрифтом, в отсутствии коранической формулы «Он

живой, который не умирает» и др. Региональные варианты болгарских эпитафий продолжают сохраняться и в эпоху Казанского ханства вплоть до XVIII в.

Выделение локальных вариантов болгарских эпиграфических памятников, по мнению исследователей, указывает на существование региональных школ резьбы по камню. Наиболее ранняя из них – Болгарская – имела большое влияние на формирование и развитие других школ. В начале XIV в. эпиграфические школы формируются и в других местах. Несмотря на жесткие рамки мусульманских канонов, мастера разных регионов внесли разнообразие в развитие болгарской эпиграфики. Локальные варианты эпиграфических памятников показывают распад единой Волжской Булгарии и возвышение отдельных «княжеств». По словам автора, территория распространения эпиграфических памятников «Булгарского и Жукотинского округов совпадают с границей этих княжеств»²⁷. Указанные особенности носили производственный характер: например, специфика оформления надгробных памятников никак не была связана с этнической принадлежностью резчика или заказчика.

Представляются интересными некоторые результаты изучения диалектов языка эпиграфических памятников. К так называемому «дж-диалекту» исследователи относят ряд памятников XIV в., обнаруженных на территории Татарстана у населенных пунктов Татарский Толкиш, Чувашский Елтань, Исляйкино, четыре камня Старое Ромашкино Чистопольского района, Старые (Большие) Атрясы Апастовского (Тетюшского) района, Тяжбердино Алькеевского района, Нижние Яки Мамадышского района. Исследователь отмечает, что, как показывают места находок указанных памятников, «вероятные носители отраженного в них диалекта в основном жили вблизи устья р. Шешма и несколько севернее ее, т. е. в бывшем Жукотинском округе» (рис. 6)²⁸.

Точная этническая привязка населения Джукетау затруднена из-за уже значительной его перемешанности, отсутствия вещей в мусульманских погребениях и т.д. Представляется перспективным поиск и исследование ранних участков территории Джукетау, а также его могильников. В связи с этим, по-нашему мнению, интерес могут представлять материалы и предварительные результаты небольших раскопок участков примыкающих к городищу Крутогорского (Донауровского I) селища и могильника, вскрытая часть которого предварительно датирована первой половиной XI в.²⁹

Кратко характеризуя керамический комплекс раскопа, можно сказать, что в целом, отражая общую картину других районов Джукетау, он в

известной степени отличается от них. Именно здесь, в одной из ранних частей Джукетау занижено количество керамики «типа джукетау», причем при одновременно повышенном содержании керамики с толченой раковиной в тесте (рис. 7), особенно в нижнем горизонте домонгольского слоя (29 %) ³⁰.

Не случайными, на наш взгляд, данным, полученным при изучении традиционной посуды, оказались созвучны и результаты раскопок могильника (рис. 8), где выявлены останки, в целом погребенные с чертами как довольно устойчивого мусульманского обряда, так и явными языческими пережитками. В некоторых из захоронений за головой погребенных находилось значительное свободное пространство, что, по мнению некоторых исследователей, может являться «реликтом древних погребальных традиций части населения Булгарии»³¹. В одном погребении в свободном пространстве за головой погребенного в верхней части заполнения ямы обнаружена челюсть коровы («ритуальная пища»?). По имеющимся материалам, не исключается существование под головой погребенных «подушечек», над погребенным – каких-то конструкций перекрытия. Обращает на себя внимание наличие в засыпи некоторых погребений древесного угля, золы с сажей («культ огня»?).

Маленькая выборка не позволяет пока осмыслить эти отрывочные факты. Между тем, они могут представлять интерес в связи с открытым вопросом об истоках населения Джукетау. Отсутствие вещей в мусульманских погребениях, фрагментарность керамики из слоя затрудняют этническую привязку этого и так уже значительно перемешанного населения. Но указанные особенности, полученные на фоне заметного содержания в слое керамики с толченой раковиной в тесте, по крайней мере, не противоречат направлению поисков этих истоков в области «прикамско-приуральского финно-угорского мира», правда, достаточно обширные³².

Интересной представляется перспектива сравнения результатов обработки представительных выборок антропологического материала этого могильника с материалами другого некрополя Джукетау, который имеет в археологической литературе название «Донауровское кладбище» и расположен на территории Донауровского селища II³³. Умершие здесь захоронены по мусульманскому обряду (рис. 9). Выделяется погребение мужчины 18: в ходе расчистки могильной ямы в ее заполнении встречены кости животных, птиц и рыб, а также мелкие фрагменты керамики; с правой стороны выше останков лежала челюсть коровы; западная половина ямы была более глубокая, чем восточ-

ная, скелет из-за разницы глубин имел почти «сидячее» положение и ноги его были выше, чем таз; стенки углубленной части могильной ямы были обожжены. Рядом с некоторыми погребениями, особенно у восточного края раскопа, на уровне погребенной почвы были выявлены небольшие аморфно-подовальные ямки (сооружения 11-16) со средней глубиной 10 см (рис. 10), имеющие в заполнении серо-бурую супесь с обожженной глиной, суглинком, древесным углем, золой и находками мелких обломков керамики, костей животных, рыб, птиц, в некоторых обнаружены железные гвозди. Эти западины представляют собой, видимо, следы костров, разжигавшихся на поверхности земли. Они стратиграфически синхронны с находящимися рядом погребениями и, возможно, представляют собой следы каких-то ритуальных действий («поминальный костер?»). Вскрытая часть Донауровского могильника, видимо, несколько позже изученной части Крутогорского могильника и предположительно датируется XI–XII вв.³⁴

Таким образом, в материалах Джукетау, а также других памятников на фоне признаков широкого распространения выявляются характерные особенности³⁵. Есть основания предположить, что эти археологические объекты были связаны между собой относительно более заметно по сравнению с другими и в исторической действительности.

В отношении развитого средневекового государства в первую очередь речь должна идти об экономических связях территорий (населенных пунктов; как правило, с доминирующим центром) в структуре политико-административных единиц. Наиболее рентабельные с точки зрения хозяйственной деятельности и управления размеры таких территорий вполне высчитываются в других отраслях знания и научных дисциплинах (экономическая география, управление и др.). Не ставя здесь цели разработки определения далеко выходящего за рамки археологического изучения сложного понятия «округа», весьма условно такую единицу можно соотнести с самыми низкими ступенями современного административного деления (волость, сельский совет)³⁶ в сходных природно-географических условиях, например, той же территории бывшей Волжской Булгарии. В ходе исторического процесса такие единицы могли искусственно в разных вариантах объединяться в структурные единицы более высокого уровня, но они все равно оставались своеобразными и в значительной степени самодостаточными «кластерами».

Говоря об определяющей роли экономических связей отдельных территорий в структуре единого государства, нельзя недооценивать то,

что процесс образования Волжской Булгарии и складывания ее своеобразной культуры происходил в рамках постоянных межэтнических контактов и даже явился их итогом. Центральная власть, длительные контакты привели к значительной нивелировке материальной и духовной культуры ее населения. Тем не менее, здесь существовали элементы большего или меньшего своеобразия, обусловленные в том числе «этническим фактором». При этом прежние этнические связи населения в определенных ситуациях могли «сыграть» по-разному³⁷.

Этносы обычно стремятся к самосохранению и воссозданию. Длительное время сохраняли относительную самостоятельность племенной центр Сувар, буртасы и др. Не случайно и древнерусские княжества периода феодальной раздробленности сложились преимущественно в рамках бывших племенных союзов, этническая и областная устойчивость которых поддерживалась веками складывавшимися местными культурными традициями³⁸. В «удельных княжествах» могли получить отражения и те стороны культуры, которые были связаны с этнической принадлежностью той или иной группы населения.

Этнокультурные процессы отражаются в керамических комплексах памятников, в традиционных украшениях и др. Однако говоря об этом отражении, следует указать, что оно вовсе не является прямым и непосредственным отображением этносов. В рамках же вполне сложившейся как государство Волжской Булгарии можно проследить только слабые следы конкретных этносов³⁹, и поэтому связывать археологические материалы с конкретными этносами нужно очень осторожно.

Политическая структура как домонгольской Волжской Булгарии, так и ее территории в золотоордынское время остается практически неизвестной. Среди историков имеются также различные взгляды на «статус» (бывшей?) Волжской Булгарии в составе золотоордынской империи. Однако известно одно: из-за ослабления Улуса Джучи в нем начинается усиление центробежных тенденций и «сепаратизма». В некоторых случаях эти процессы, возможно, происходили в рамках бывших самостоятельных государств и образований, не терявших надежды когда-нибудь вернуть свою «независимость». Представляется, однако, что их включение в золотоордынское экономическое и культурное пространство привело к необратимости многих процессов и явлений, и новые образования не всегда (или редко) были очерчены в рамках прежних исторических территорий и границ – иногда довольно искусственных и в прежнюю эпоху.

Можно предположить, что с ухудшением погоды на ордынском политическом небосклоне болгары, потерявшие независимость каких-то сто с лишним лет назад, не преминули этим воспользоваться. Но речь, видимо, уже не шла о восстановлении Булгарского государства в целом. Как можно предполагать, во второй половине XIV в. здесь выделяется ряд земель («княжества»), степень самостоятельности которых колебалась в разные периоды в зависимости от могущества того или иного золотоордынского хана, возможностей того или иного «булгарского правителя»(?) и правителей «удельных» владений. Одним из них, возможно, даже вторым по значимости после Булгара, оказалось известное по русским летописям «Жукотинское княжество». По контексту летописей упоминание «жукотинских» «князей» идет в одном ряду с болгарскими⁴⁰. Получается, что первые были относительно независимы от последних. Факт выделения «княжества» свидетельствует не только о простом собирании земель и политическом контроле над определенной территорией, но и о возникновении образования «с постоянно крепнущими внутренними экономическими связями»⁴¹.

Список сокращений

АПЦЗ – Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань, 1988.

АПВЗ – Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань, 1989.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

СА – Советская археология.

ТА – Татарская археология.

Примечания

¹ Археологические остатки расположены на западной окраине современного г. Чистополя Республики Татарстан. Они включают одноименное городище, Донауровское I (Крутогорское) и II селища, а также некрополи.

² Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА – №1 – 1975. – С.248-249.

³ В то же время не стоит преувеличивать роль Джукетау (так, пока не выявлены монументальные сооружения), особенно в масштабах Улуса Джучи (например, он так и не стал чеканить монету).

⁴ Брун Ф. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. IX. Одесса, 1873.

⁵ «Жукотинстии», «жукотенские», «жукотынские», «жекотстии», «жуконстии» «князи» или «князь». ПСРЛ, т. X. – Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью

– СПб., 1885. – С. 231, 232; ПСРЛ, т. VIII, Продолжение летописи по Воскресенскому списку – СПб., 1859. – С. 11; ПСРЛ, т. XV, вып.1. Рогожский летописец – Петроград, 1927. – С. 485; ПСРЛ, т. XI, Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью – СПб., 1897. – С. 215.

⁶ Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 5. – С. 481; Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии – Казань, 1877. – С. 416-423.

⁷ Смирнов А.П. Волжские болгары // Труды ГИМ – М., 1951. Вып. XIX. – С. 112.

⁸ Шире – доминирующее поселение («центр»).

⁹ См. также: «сельская округа» («сельские поселения»), «земледельческая (сельскохозяйственная) округа»: Васильева И.Н. Старотинчалинское поселение и проблемы изучения сельской округи Волжской Булгарии // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991. – С. 197, 198; Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 21-22. «Характерной чертой крупных болгарских городов домонгольского времени является наличие пригорода, окружавшего город, и сельской округи, состоявшей из близлежащих сел» (Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок – Самара, 1998. – С. 42). В последнее время вопросы изучения городской округи успешно разрабатываются самарскими археологами.

¹⁰ Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР – Казань, 1987.

¹¹ Казаков Е.П. и др. Ук. соч. – С. 36, №№ 379, 380, 484, 477, 479, 480, 481, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 498, 499, 500, 501, 504, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512. См. также: Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжской Булгарии и ее территория – Казань, 1975. – №№ 1064, 1072, 1075, 1080, 1089, 1096, 1098, 1103, 1108, 1110, 1116, 1176, 1182, 1188, 1190, 1193, 1196, 1200, 1209, 1224, 1225, 1236, 1237, 1238, 1243, 1249; АПЦЗ – Казань, 1988. – №№ 364, 373, 375, 385, 401, 413, 419, 428, 433, 435, 454, 516, 529, 537, 539, 542, 545, 549, 559; АПВЗ – Казань, 1989. – №№ 14, 15, 37, 46, 54, 185.

¹² Казаков Е.П. и др. Ук. соч. – №494. См. также: Фахрутдинов Р.Г. Ук. соч. – № 1137; АПЦЗ – №477.

¹³ Казаков Е.П. и др. Ук. соч. – №№ 381, 383, 478, 483, 486, 492, 496, 497. В этой книге, адресованной широкому кругу читателей, приведенные

сведения даются в рамках общего историко-археологического очерка. Среди указанных в списке округа Джукетау этого времени нет, например, Староромашкинского городища и кладбища золотоордынского времени (там же, №№ 494, 495). Сделано это, видимо, потому, что авторы не претендовали, исходя из научно-популярного характера книги, на исчерпывающий перечень памятников округа (в данный каталог включены далеко не все памятники Татарстана). По последней причине авторы не ставят и вопросов – что такое, собственно, «округа», и по каким критериям отдельные памятники были включены в ту или иную «округу». См. также: *Фахрутдинов Р.Г.* Ук. соч. – №№ 1065, 1078, 1081, 1083, 1097, 1111, 1123, 1139, 1177, 1191, 1191, 1246, 1250; *АПЦЗ*, 1988 – №№ 365, 381, 388, 395, 414, 436, 461, 479, 517, 540, 540; *АПВЗ*, 1989 – №№ 119, 189.

¹⁴ *Хузин Ф.Ш.* Ук. соч. – С. 23.

¹⁵ В качестве примера реконструкции политико-административной структуры Волжской Булгарии методами археологии можно привести «Карту расположения болгарских археологических памятников в западной части Т.А.С.С.Р. с указанием «предполагаемых границ феодальных княжеств по исследованиям 1945-52 гг.»: *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945-52 гг. // Труды КФАН СССР, серия исторических наук. – Казань, 1954. Археологической проекцией некоторых «княжеств» могут являться «кусты археологических памятников» (в частности, Измерский и Старокуйбышевский комплексы): *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы – Казань, 1991. – С. 12.

¹⁶ *Хузин Ф.Ш.* Ук. соч. – С. 21-22.

¹⁷ *Смирнов А.П.* Волжские болгары // Труды ГИМ. – 1951. Вып. XIX. – С. 226.

¹⁸ *Хлебникова Т.А.* Ук. соч. – С. 248-249.

¹⁹ *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария – Казань, 1994. – С. 66, 97, 98, 131. В другой работе он отмечает: «Отдельные племенные группы, входившие в состав населения ранней Булгарии, судя по археологическим данным, проживали в более северных и восточных районах. В связи с этим вызывает интерес археологическое выделение по левому берегу р. Камы памятников, характеризующихся круглодонной керамикой типа «джукетау». На рубеже XIII–XIV вв. усиливается процесс децентрализации, выделяются культурно-экономические и, очевидно, политические центры на территории бывшей Булгарии, в том числе с центром в Джукетау. См.: *Он же.* Татарский народ и его предки – Казань, 1989. – С. 79, 127.

²⁰ *Хузин Ф.Ш.* Ук. соч. – С. 24.

²¹ Своеобразие отдельных территорий в рамках одной археологической культуры может являться в

некоторых случаях столь значительным, что теоретически может являться основанием для выделения в ее рамках локальных вариантов. Этот термин, кстати, применяется в отношении болгаро-татарских древностей, но для обозначения специфичных черт элементов культуры более частного порядка – эпиграфических памятников, керамики и т.д.

²² Соответственно памятники, принадлежащие разным культурам, но имеющие сходные природно-географические условия, могут обнаруживать некоторые черты сходства.

²³ Естественно, что эти, а также многие другие особенности разного вида и порядка рассматриваются в комплексе (например, отсутствие необходимых добавок в тесто посуды, возникшее после переселения носителей этнокультурных традиций в новые природно-географические условия, в ряде случаев вынуждает заменять их тем, что есть на новом месте и, следовательно, сближаться с местными традициями).

²⁴ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. – С. 167-170, 194-198, 229-231 и др. Группа XIII по классификации Т.А. Хлебниковой (далее по этой же классификации). *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. – Екатеринбург, 1993. – С. 100, 184 и др. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур) – Казань, 2002. – С. 31-48, 82-83, 91-94; см. также с. 107-100, 180 и др. Е.П.Казаков называет керамику «типа джукетау» одной из форм «постпетрогромско-булгарской» «гибридной» посуды.

²⁵ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников... – С. 230-231.

²⁶ *Хузин Ф.Ш.* Ук. соч. – С. 24.

²⁷ *Мухаметшин Д.Г.* О региональных вариантах болгарских эпиграфических памятников// Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989 – С. 32-37, рис.3. Болгарский вариант охватывал Предволжье, Закамье по течению М. Черемшана к западу от рек Ошняк, среднего течения Меши, верховьев Казанки и Ашита, Восточный – среднее течение рек Ик и Белой, Северный – территория современной Удмуртии. О «джукетауской зоне» эпиграфических памятников см. также: *Ахмэтжанов Марсель.* Болгар теленең язмышы (эпиграфика материаллары буенча) // ТА, 1998. №1 (2). – С. 103.

²⁸ *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. – М., 1978. – С. 20, 21, рис. 15, 17, 19, 21. Из надгробий, перечисленных А.Х.Халиковым как входящих в округу Джукетау, только один памят-

ник Тагтолкишского кладбища и один из Исляйкинских отнесены Ф.С.Хакимзяновым к этому диалекту. См. также: Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику – М., 1960. – Табл. 23, 47; Фахрутдинов Р.Г. Ук. соч. – №№ 419, 882, 1123, 1138, 1139, 1280, 1698; *Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье*. – М., 1981. – № 715; *Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье*. – Казань, 1985, № 505; *Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье*. – Казань, 1986 – № 484; АПЦЗ, 1988. – №№ 462, 478, 479; *Археологические памятники бассейна р. Черемшан* – Казань, 1990. – № 658.

²⁹ Набиуллин Н.Г. Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002-2003 гг. – Казань, 2003. – С. 44-61.

³⁰ Среди этой керамики небольшую часть фрагментов-венчиков удалось уверенно определить как группы VII и VIII.

На других исследованных участках комплекса Джукетау такого большого количества керамики с толченой раковинной в тесте не наблюдалось, хотя есть определенное сходство с материалами некоторых раскопов на городище. См.: Хлебникова Т.А. Отчет об археологических раскопках на Джукетау за 1972 г. // Архив ИА РАН, № 4712, лл. 13, 26, 27, 29.

³¹ Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. – Казань, 1986. – С. 95.

³² Газимзянов И.Р. Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. – С. 108-109; Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья – Казань, 2000. – С. 86.

³³ АПЦЗ, №№ 395.

³⁴ Набиуллин Н.Г. Исследования средневекового некрополя Джукетау в Татарстане // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы Пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. – СПб., 1997. – С. 115-117.

³⁵ Группы археологических памятников (территории), которые обнаруживают и такие признаки,

которые позволяют отличить (отделить) их от других синхронных однородных.

³⁶ Зафиксировано употребление Т.А.Хлебниковой слова «округа» применительно к небольшой территории, где расположены Березовское городище, Утяжковское городище и селище, Кубасское, Алексеевское селища и др.: Хлебникова Т.А. Дневник № 1. Исследования болгарских памятников Чистопольского, Алексеевского районов (округа Джукетау) // Архив ФТИ РАН, ф. 5, опись 2, ед. хр. №407.

³⁷ Неизбежная этническая ассимиляция, видимо, носила в основном естественный характер что позволяло существовавшим традициям сохраняться длительное время, особенно в условиях постоянных контактов родственных групп населения (в том числе торговые связи, миграции). Следует подчеркнуть, что в исламе этническая принадлежность человека не имеет значения, и цель миссионерской деятельности здесь заключается в мусульманизации, но никак не целенаправленной «тюркизации» населения.

³⁸ См. например: Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 256, 257, рис.2; он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. – М., 1982. – С. 270.

³⁹ В литературе высказывались различные точки зрения об этнической принадлежности населения Джукетау, в том числе указания на известные (эсегелы и др.) и неизвестные по письменным источникам конкретные племена. Хузин Ф.Ш. Булгары на Волге и Каме до монгольского нашествия // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 107; он же. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). – Казань, 1997. – С. 68; Кокорина Н.А. Керамика... – С. 47, 48, 82; Ахмәтжанов Марсель. Болгар... – С. 107.

⁴⁰ Высказывание А.П. Смирнова о том, что в золотоордынское время Волжская Булгария распалась на два «княжества» – Булгарское и «Жукотинское» можно понять как отсутствие других подобных образований. См.: Смирнов А.П. Ук. соч. – С.112. Именно так иногда это представляется в исторической литературе.

⁴¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 134.

Рис. 1. Аэрофотоснимок территории комплекса памятников Джукетау (1958 г.).

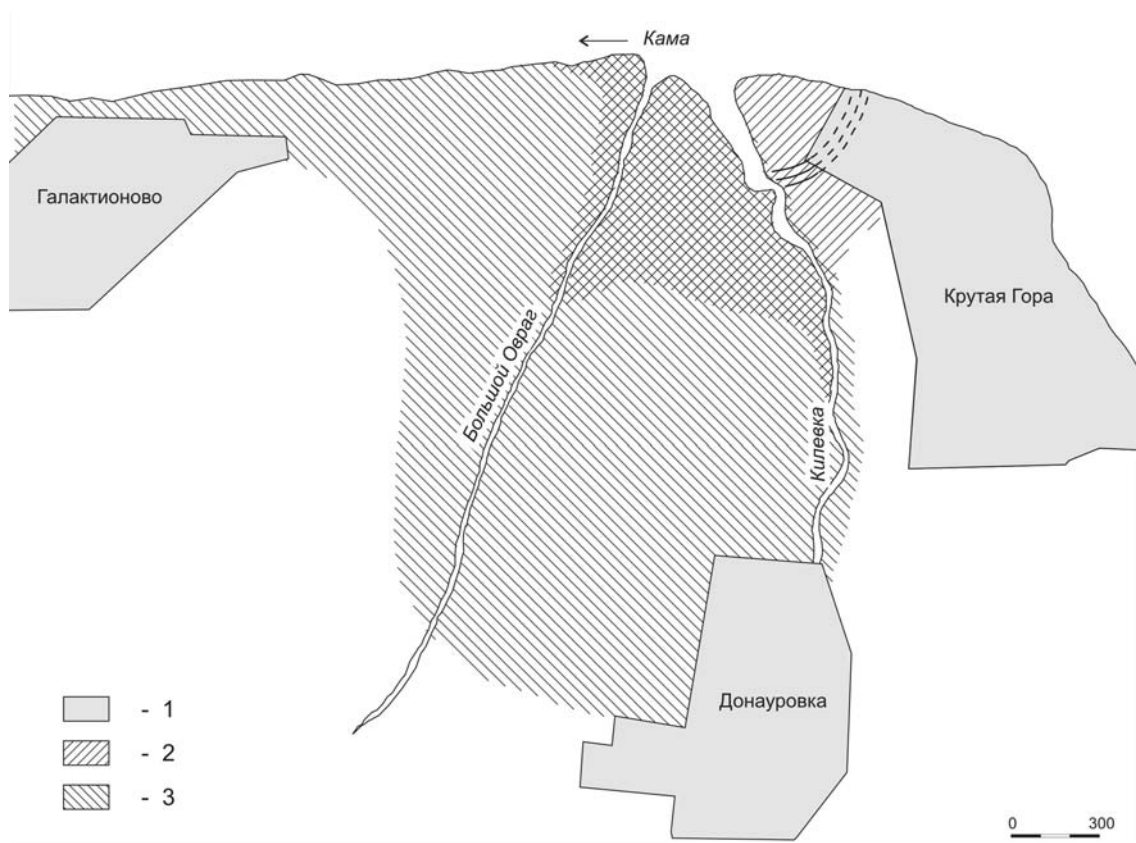

Рис. 2. План-схема территории города Джукетау: 1 – современные населенные пункты; 2 – Джукетау во второй половине X – начале XIII вв.; 3 – Джукетау во второй половине XIII – XIV вв.

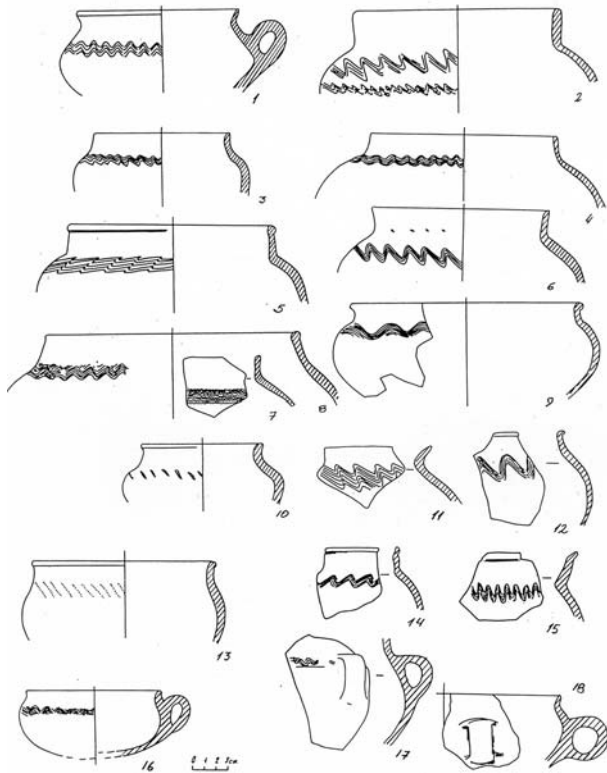

Рис. 3. Образцы керамики «типа джукетау».

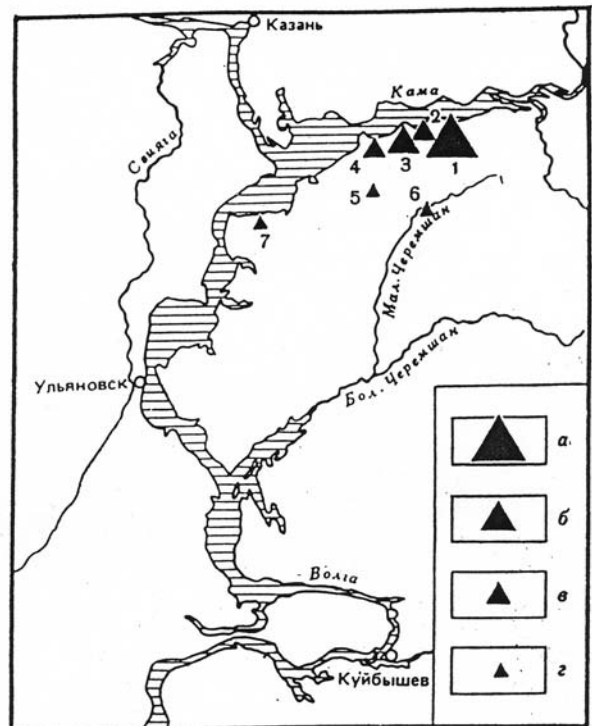

Рис. 4. Карта размещения керамики «типа джукетау» (XIII группа) (по Т.А. Хлебниковой). а) около 50 % и более от общего количества керамики, б) около 10 %, в) около 5 %, г) до 1%; 1 – городище Джукетау, 2 – Кубасское селище, 3 – Остолоповское селище, 4 – Алексеевское городище, 5 – Левашевское селище, 6 – Билярское городище, 7 – Болгарское городище.

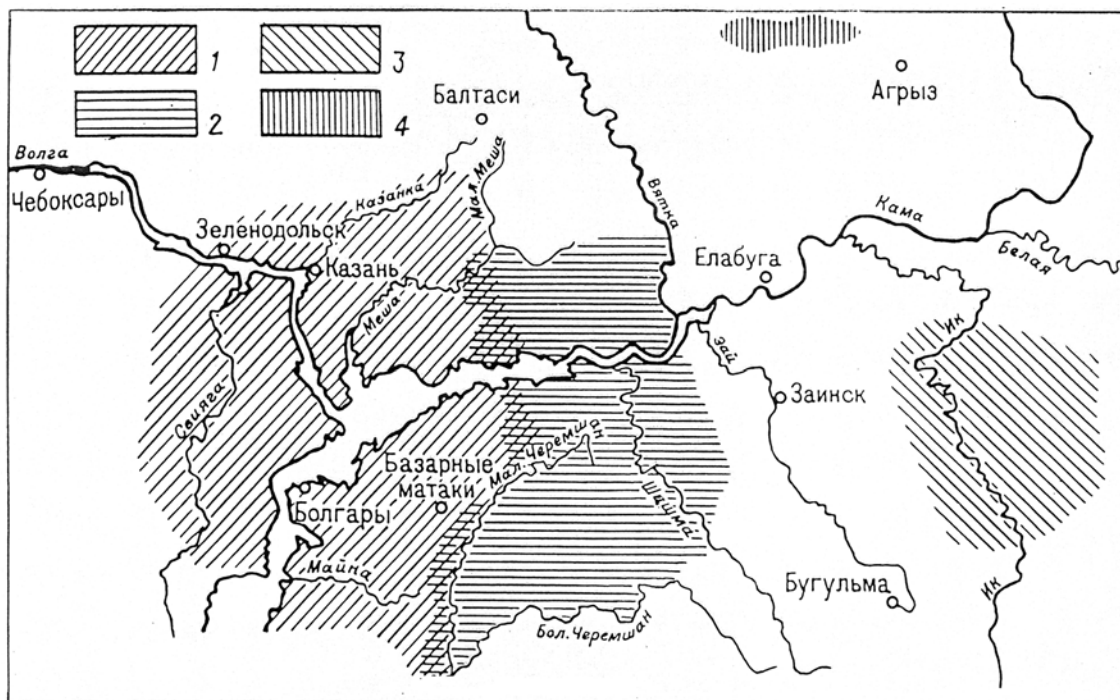

Рис. 5. Региональные варианты болгарских эпитафических памятников XIII–XIV вв. (по Д.Г. Мухаметшину): 1 – Болгарский, 2 – Кирменьско-Джукетауский, 3 – восточный, 4 – северный.

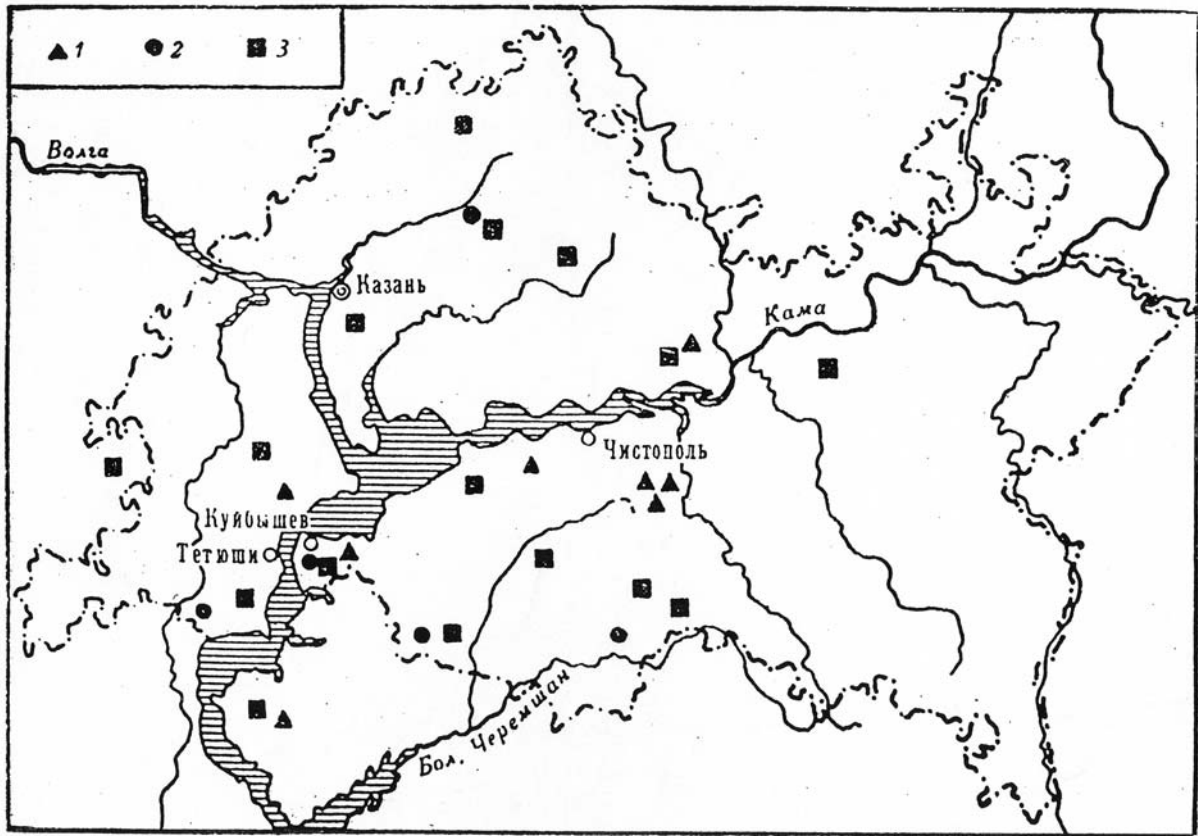

Рис. 6. Места находок эпитафических памятников (по Ф.С. Хакимзянову).

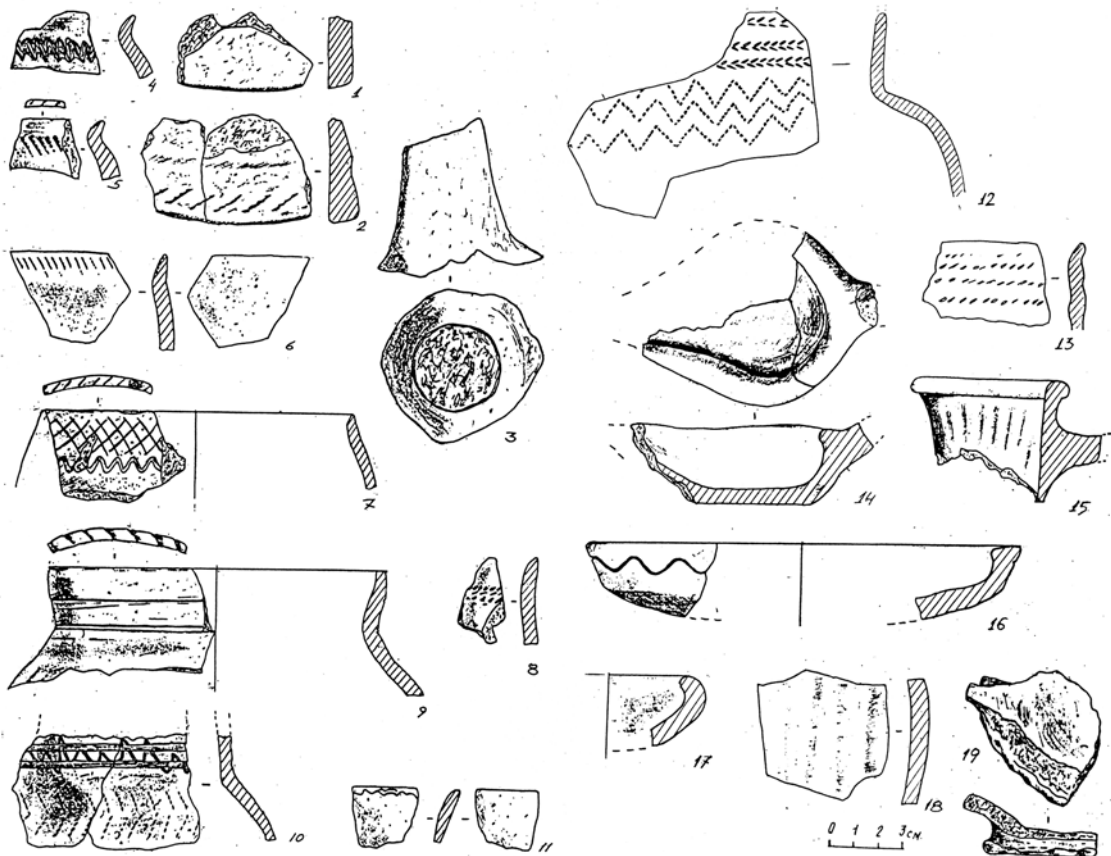

Рис. 7. Керамика из раскопа VIII на территории Крутогорского могильника.

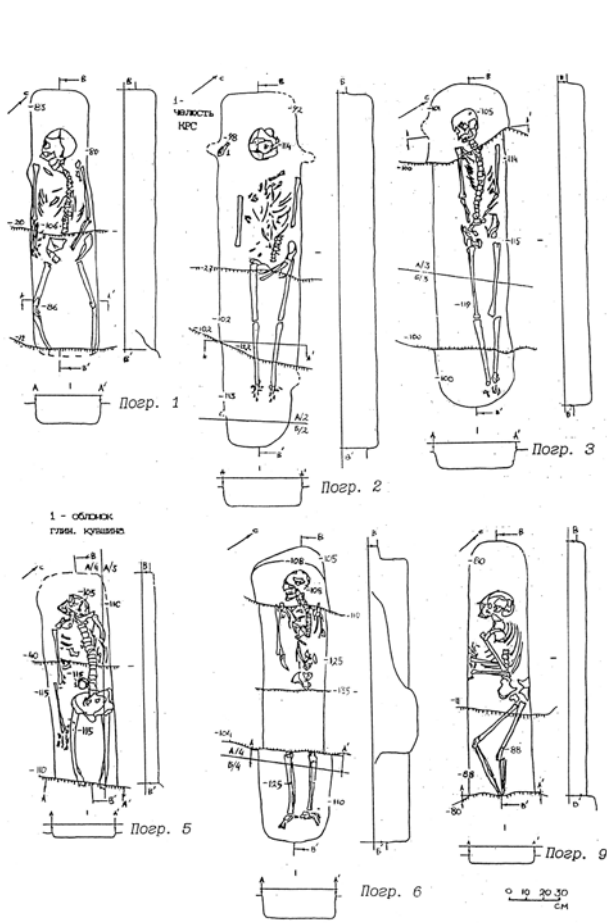

Рис. 8. Крутогорский могильник. Раскоп VIII. Планы и сечения погребений 1-3, 5, 6, 9.

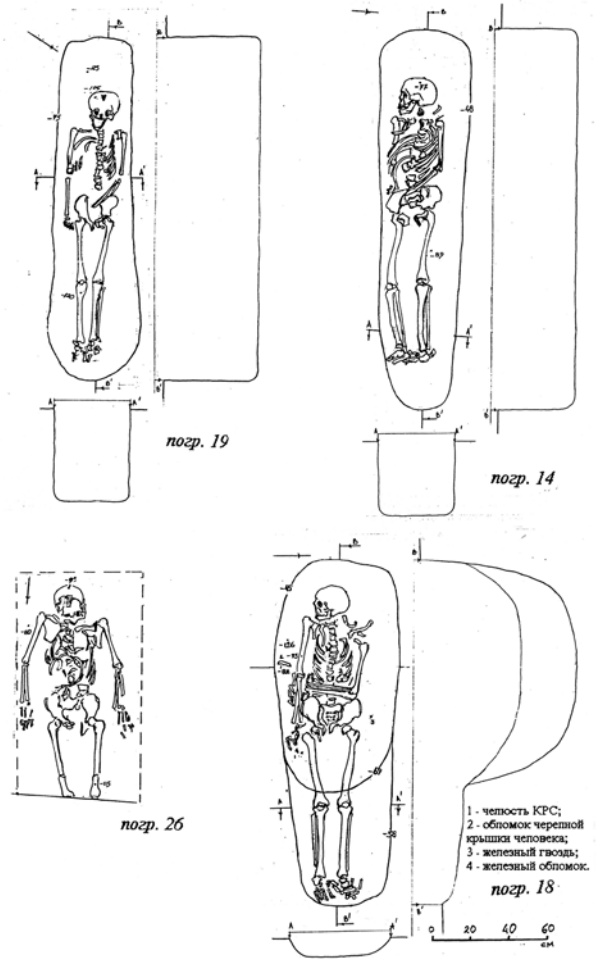

Рис. 9. Донауровский могильник. Раскоп VI. Планы и сечения погребений 19, 14, 26, 18.

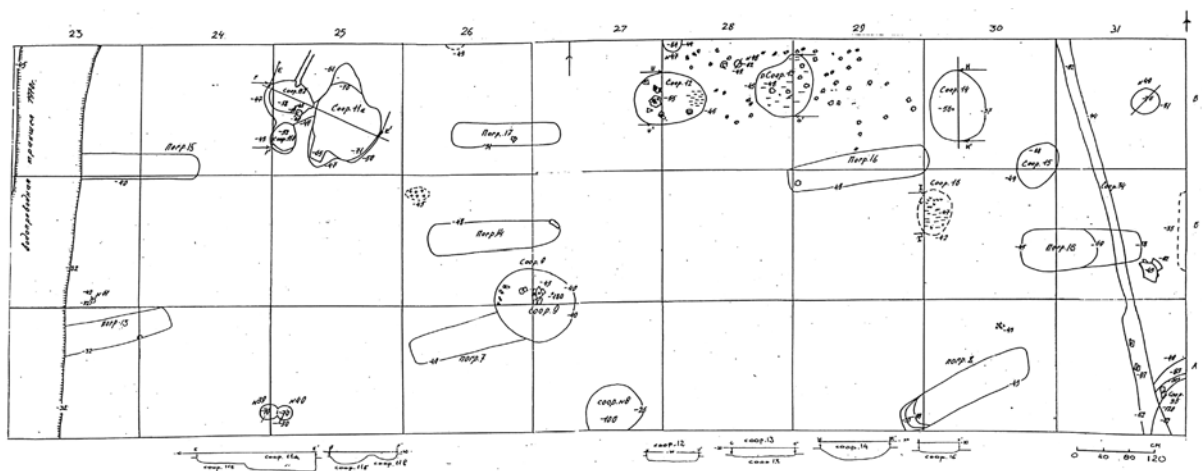

Рис. 10. Следы «поминальных костров» (?) на территории Донауровского могильника.

Арнабай Нуржанов, Ольга Кузнецова

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки
Республики Казахстан, г. Алматы*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕПНЫХ И ОСЕДЛЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ В СЕМИРЕЧЬЕ

Чу-Таласское междуречье или северное При-т Тяньшанье составляет юго-западную область Семиречья. С юга ограничено Таласским и Кыргызским хребтами, на севере – песками Мойын-Кум и равниной Бетпак-Дала, на западе – ответвлением хребта Каратау, на востоке – Чу-Илийскими горами. Река Талас берет начало на южных склонах Таласского Алатау и выходит в широкую долину, разделяясь на рукава. Длина Таласской впадины около 70 км, ширина 30–35 км, продолжительность безморозного периода составляет 140–160 дней, почвы – светло и темно-каштановые сероземы, что позволяет заниматься хлебопашеством, садоводством и виноградарством, разведением технических культур, развивать животноводство.

Река Чу берет начало в горах между озерами Иссык-Куль и Сон-Куль. При выходе в долину р. Чу принимает приток Кочкор, через Боомское ущелье, на протяжении почти 1000 км течет по степи в северо-западном направлении и, постепенно мелея, заканчивается в пустыне Мойын-Кум в 100 км от Сыр-Дарьи. Протяженность Чуйской долины составляет около 300 км, максимальная ширина по оси север-юг 70 км, средняя высота над уровнем мирового океана 2200 м.

Наиболее удобной для земледелия является увлажненная пустыня с сероземными почвами левобережной части Чуйской долины, которую прорезают многочисленные речки, стекающие с Киргизского хребта. Особый водный режим составляют многочисленные ручьи, образующиеся из грунтовых вод. Безморозный период составляет 160 дней в году. Климат, почвы, наличие воды благоприятствуют возделыванию зерновых и технических культур, развитию плодородия и виноградарства. В низовьях р. Чу пустыни Мойын-Кум и Бетпак-Дала представляют зимний пастбищный комплекс (Казахстан, 1969, с. 350–354).

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Тюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавших возводить свои торгово-земледельческие колонии на Великом Шелковом пути – в Семиречье, восточном Туркестане, Северном

Китае. Первые сведения о согдийцах в Чу-Таласском междуречье содержится в сообщении Менандра о посольстве Земарха к тюркскому кагану Истеми (568 г.). К этому же времени относится сообщение Наршахи о переселении из Бухары группы согдийских декхан и купцов, основавших в Таласской долине город Джамукат (Мухамед Наршахи, 1897, с. 12–13).

В V–VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах р. Талас («страна Аргу» в тюркских источниках) и р. Чу привела к созданию там десятков городов и укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно Чуйскую долину приходится на VII–VIII вв. Поселения этого времени частично вскрыты раскопками. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкали рабад (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки: укрепленные усадьбы-кёшки, окруженные садами и виноградниками, отстоящими друг от друга на 50–100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI–VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами, тюрками, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань-Цзану, посетившему страну в 630 г.: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6–7 ли. В нем смешано живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находится несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» (Зувев, 1960, с. 87).

До настоящего времени дискуссионным остается вопрос о степени влияния Согда на фор-

мирование городов Семиречья. В.В. Бартольд полагал, что городская культура здесь появилась благодаря согдийцам, или точнее выходцам из Мавераннахра (т.е. культурной области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей), подобно тому, как в новейшее время такие же колонии были основаны жителями Кокандского ханства (Бартольд, 1964, с. 21–106). Введенный им термин «колонии» породил научную проблему «согдийской колонизации Семиречья», наиболее полно и обосновано изложенную в работах А.Н. Бернштама (1940; 1950), С.Г. Кляшторного (1955; 1964), Б.И. Маршака и В.И. Распоповой (1983). Выработаны различные концепции о генезисе городов в Семиречье (как главной зоны «колонизации» согдийцев) и их культуры.

А.Н. Бернштам и П.Н. Кожемяко считали памятники оседлой культуры Семиречья согдийскими, а памятники кочевой культуры – тюркскими (Бернштам, 1950, с. 158), но с большим процентом оседающих кочевников, создающих специфику городов.

Существует другая точка зрения, согласно которой в Семиречье не было колонизации, это был самостоятельный регион развития городской культуры, которая имела местные корни в сако-усуньской среде и лишь испытала влияние согдийской цивилизации. По мнению Т.Н. Сениговой население Тараза и его округа составляли тюрки-карлуки (Сенигова, 1972, с. 218).

Благодаря последующим археологическим исследованиям в самом Согде и в городах Семиречья выделены компоненты раннесредневековой культуры. Новые культурологические подходы к интерпретации артефактов согдийского и тюркского происхождения позволили обосновать интегрирующую роль согдийского культурного комплекса. При этом не исключается и более раннее культурное влияние согдийцев на тюрков, поскольку освоение и обустройство торговых путей в местах традиционных кочевий требовало многовековых навыков, широчайших торговых и дипломатических связей, что могла обеспечить высокая по тому времени согдийская цивилизация, которая, в отличие от тюркской, опиралась не на военную мощь, а на духовный потенциал общества.

Одна из основных линий развития этнической истории и культуры Согда связана с постепенным преобладанием тюркского компонента. Между 563 и 567 гг. Согд вошел в состав Великого Тюркского каганата.

О значительной роли согдийцев в тюркском этногенезе не только в VI–IX вв., но в X–XI вв. свидетельствуют данные письменных источников, в которых отмечается, что жители Баласагуна говорили по-согдийски и по-тюркски так же,

как и жители Испиджаба и Тараза» (Волин, 1960, с. 85). Есть и другие сведения, что в стране Аргу, составной частью которой являлся Тараз, «население говорило на согдийском и тюркском языке» (Волин, 1960, с. 83–84).

Интенсивный тюрко-согдийский культурный синтез протекал на фоне этногенетических процессов. С подчинением Средней Азии тюркам последние вливались в число знати и рядового населения. Предшественник Диваштича носил тюркское имя Чокин Чур-Бильга (Лившиц, 1977, с. 43–47). Правителем Уструшаны был тюрк Карабура (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 147).

Источники констатируют этническое смешение тюрков и согдийцев. Известно, что вожди антикитайского восстания 755 г. Ан Лушань и Ши Са Мин были согдийцами по отцу и тюрками по матери (Кляшторный, 1964, с. 96). В данной связи приобретает интерес находка захоронения VIII в., совершенного по тюркскому обряду на городском некрополе Красной Речки (Навакет): в могиле вместе с конем погребены тела мужчины и женщины (Байпаков, 1986, с. 95).

Тюркская растительная орнаментация получила поистине евразийское распространение: не только у кочевников степной зоны, но и в Суйском и Танском Китае, Согде, Византийской империи. Она стала своеобразным художественным «языком» древнетюркской эпохи и отражением социального престижа и имущественного положения. Ею украшены согдийские серебряные сосуды и древнетюркские серебряные и позолоченные пояса, дорогое клинковое оружие и китайский шелк, одежда суйского императора Вэнь-ди и золотой головной убор тюркского Бильге-кагана. Феномен распространения и популярности растительной орнаментации можно сопоставить лишь с распространением «звериного» стиля в евразийских степях в скифо-сакскую эпоху.

Наиболее популярным орнаментальным мотивом у древних тюрков был извивающийся побег с попеременно отходящими от него цветками. У детально изображенных цветков можно различить бутон ромбической формы и три значительно более длинных и закрученных лепестка. Иногда побег образует сложное симметричное сочетание лепестков (рис. 1).

Традиционно и совершенно справедливо расцвет в использовании растительной орнаментации древними тюрками, а также другими кочевыми оседло-земледельческими этносами, большинство исследователей относит к VIII в. Согдийцы заимствовали у китайцев и древних тюрков подобную орнаментацию и творчески переработали.

Значительно большее сходство с согдийской пальметтой обнаруживают симметричные растительные композиции на предметах тюркской торевтики, хотя и они не являются полностью тождественными среднеазиатским образцам. Наличие выделенного точечного или кружкового фона тоже сближают согдийские и тюркские изделия из металла. Нельзя не согласиться с выводом Б. Маршака, что «степь, заселенная кочевниками, жадно впитывала искусство передовых народов, была посредником между весьма отдаленными странами и сама внесла ощутимый вклад в арсенал форм и приемов у мастеров оседлых народов» (Маршак, 1971, с. 158).

Говоря о собственно тюркских традициях, следует обратить внимание на мотив всадника, стреляющего на ходу, обернувшись назад – классический сюжет, отражающий реалии кочевой жизни и популярный во многих видах искусства. Появление его в искусстве городов связано с влиянием кочевой среды. (Пугаченкова, 1981, с. 56) Изображение стреляющего на ходу всадника было широко распространено также в согдийском и иранском искусстве, но в разных случаях сюжет получает различную интерпретацию и стилистическую интонацию. Для Согда все еще сохраняется романтическое понимание образа, передающего, по выражению Л.И. Ремпеля, идеал «степного витязя Средней Азии». Это проявляется в более динамичной, живой трактовке сюжета, экспрессивной выразительности всей сцены: эти черты в согдийском искусстве проявляются в результате тюркского влияния. Классическим образцом данной группы является блюдо с изображением «согдийского всадника» (VI–VII вв. или начало VIII в., Эрмитаж). Стилистические особенности изображения дают основание рассматривать блюдо как продукт тюрко-согдийской культуры.

Тюркское влияние проявилось в согдийских металлических кружках, а через них в керамике. (Маршак, 1965, с. 25–26) Интересен тонкостенный кувшин с широким цилиндрическим горлом и носиком-сливом. Основная композиция орнамента на этом сосуде – не пересекающиеся линии. Она была остроумно разработана путем повторяющихся мотивов рога барана (кошкар муйиз). Орнамент из рогов, покрывающий корпус кувшина, – отзвуки сакского искусства. Техника выполнения данного узора заключается в том, что заранее заготовленные жгутики глины накладывали на корпус сосуда и тщательно примазывали к нему плоским инструментом. В мягких фактурах узор вырезали из кожи или ткани и накладывали на такой же материал. По краям узора прокладывали двойной шнурок из крученых ниток, который прикрепля-

ли вместе с кожей к сосуду редкими стежками. Древние мастера каждый наложенный на поверхность сосуда жгутик покрывали еще и насечками, как бы имитирующими мелкие стежки ниток, которыми мог быть прикреплен узор (Нуржанов, 2006, с. 81) (рис. 2).

В Таласской долине длительные процессы взаимосвязи оседлого населения городов с кочевым миром способствовали проникновению в городскую среду кочевников, «принесших в искусство мотивы, ранее применявшиеся в украшении одежды, жилища, домашней утвари. Благодаря выработанным веками орнаментальным приемам на коже, дереве, войлоке, кости и металле, оседавшие в городах тюрки, карлуки, кимаки, кыпчаки и караханиды смогли воспроизводить их на гончарных изделиях и в архитектуре и тем самым способствовать расцвету орнаментального искусства (Сенигова, 1974, с. 120).

В Семиречье встречается монументальная скульптура древних тюрков с птицей в руке вместо чаши или кубка, женские фигуры. Такие стилистические признаки, как манерное изображение пальцев руки, держащей чашу, изогнутая линия бровей, увеличено миндалевидные глаза, характерны в большей степени для семиреченских изваяний и могли появиться под влиянием согдийского искусства (Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 260) (рис. 3).

Влияние тюркской художественной культуры проявилось не только в торевтике – виде искусства, традиционно высокоразвитого в среде степных племен, но и в таких сугубо «городских» видах, как резной штук Кулана, Суяба, Нижнего Барсхана. Четыре объемные глиняные головки, которые, вероятно, были портретными изображениями реальных людей – мужчин знатного тюркского происхождения. Подобные портретные изображения мужчин с выраженной индивидуальностью можно увидеть среди корoplastики Согда и Усрушаны VI–VII вв. (Нуржанов, 2003, с. 116) (рис. 4).

В результате в VI – первой половине IX в. складывается культурный комплекс, который можно назвать тюрко-согдийским. Одно из проявлений его сложения – единообразие городской культуры Согда, Мавераннахра, Южного Казахстана и Семиречья. Видимо, известные слова Сюань Цзяня о стране Сули (Согд) в пределах от Чу до Байсунских гор – это не столько отражение этнических границ, сколько указание на культурно-историческую область, где согдийско-тюркские эталоны играли определяющую роль. (Массон, 1979, с. 3–7).

Материальная культура тюркских каганатов с одной стороны прошла несколько этапов своей эволюции, с другой, как и любая культура,

развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как родственных кочевых, так и оседлых (согдийская, китайская). Оба эти процесса нашли отражение в археологическом материале. Древние тюрки, объединив, пусть и на короткий период, большую часть Евразии в рамках Первого Тюркского каганата, способствовали активизации межкультурных и межэтнических контактов. Несомненно, функционирование Великого Шелкового пути сыграло в этом значительную роль. В результате активных контактов, торговли происходит нивелировка многих категорий предметов близких культур, поэтому зачастую невозможно сказать сделана ли вещь тюрками или согдийцами (Кубарев, 2005, с. 148).

Таким образом, дальнейшее более глубокое изучение археологических памятников в Казахстане позволит реконструировать процессы взаимоотношений различных культурных традиций, расширить базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, и что взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

Литература

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата: Наука, 1986.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы, 2006.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Верный, 1898 / Соч. Т. II, ч. 1. М., 1964.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. 1940. Вып. VI.

Бернштам А.Н. Чуйская долина. Тр. Семиреченской археологической экспедиции. (МИА. № 14). М.-Л., 1950.

Волин С. Сведения арабских источников XI–

XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 8. 1960.

Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3 (14).

Казахстан: Природные условия и естественные ресурсы СССР. М. Наука, 1969.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. М.: Наука, 1955. № 5.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. Новосибирск, 2005.

Лившиц В.А. Правители Пенджикента VII – начала VIII в. Душанбе: Дониш, 1977.

Маршак Б.И. Согдийское серебро // Очерки по восточной торевтике. М.: Наука, 1971.

Маршак Б.И. Керамика Согда VI–VII вв. как историко-культурный памятник. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Л.: Наука, 1965.

Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийцы в Семиречье // Тез. док. Всесоюз. науч. конф. «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 1.

Массон В.М. Согдийская эпоха и культурная интеграция // УСА. 1979. № 4.

Мухамед Наршахи. История Бухары. (Пер. Лыкошина. Под ред. В.В. Бартольда). Ташкент, 1897.

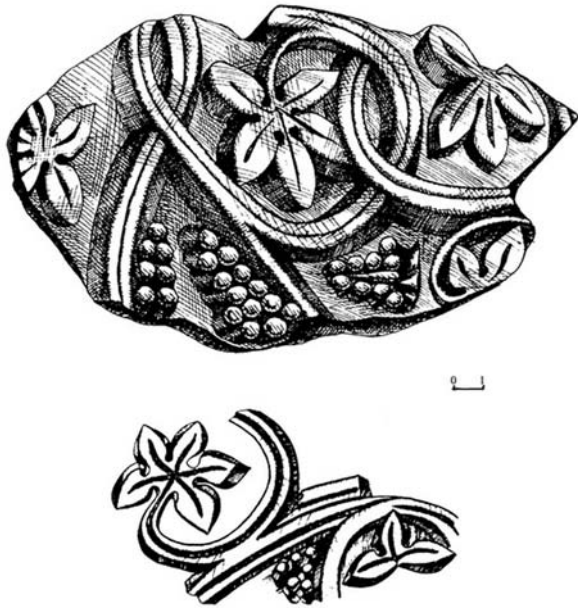
Нуржанов А.А. Керамика средневекового городища Тортколь в Таласской долине // Изв. НАН РК. № 1. 2006.

Нуржанов А.А. Терракотовые персонажи из городища Кулан. Вестник КазНУ. Алматы, 2003. № 2 (29).

Пугаченкова Г.А. К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.

Сенигова Т.Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI–IX веков // В глубь веков. Алма-Ата, 1974.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972.

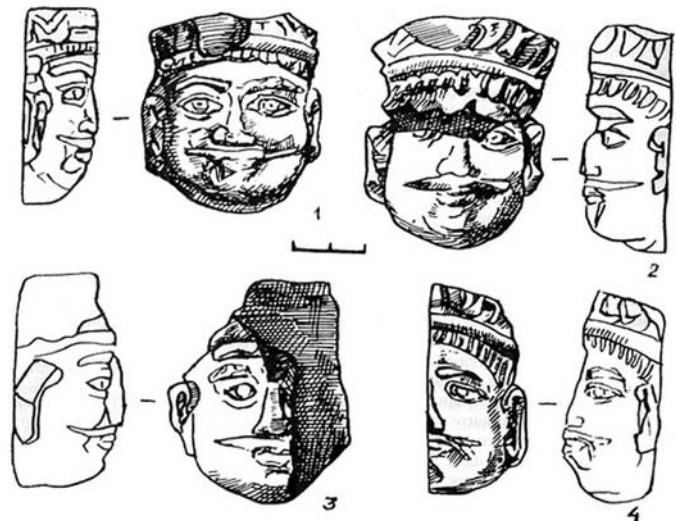
Рис. 1. Резной шtuk. Растительный орнамент. Городище Кулан. Юго-Западное Семиречье. VII – VIII вв.

Рис. 2. Керамический сосуд. Городище Нижний Барсхан. Юго-Западное Семиречье. VII – VIII вв.

Рис. 3. Каменное изваяние. Юго-Западное Семиречье. VII–VIII вв.

Рис. 4. Портретные изображения тюркских правителей. Резной шtuk. Городище Кулан. Юго-Западное Семиречье. VII–VIII вв.

Аида Петренко, Гульшат Асылгараева

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

КОНЕВОДСТВО В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы времени и путей появления основ животноводческого характера являются актуальными по ряду причин и в первую очередь потому, что решают проблемы происхождения производящего хозяйства древних людей.

Но если в результате многолетних исследований по данной проблеме получены вполне удовлетворительные данные по domestикации крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиней, то проблема по приручению и одомашниванию лошадей является до сих пор проблематичной. Тем не менее, в результате обобщений сегодня имеются определенные данные, полученные рядом палеозоологов, а также работы авторов настоящего сообщения.

Дикие предки овец и коз вообще никогда не были распространены на территории Волго-Уралья. Поэтому эти данные свидетельствуют о появлении этих домашних видов на территорию края в результате миграции племен, уже имевших упомянутых домашних животных в хозяйствах. Первобытный бык и кабан, как известно, были широко распространены в юго-восточной Европе и являлись объектами охотничьей деятельности древнего населения, что могло не исключать возможностей местного приручения обоих видов. Однако крупный рогатый скот и свиньи из древнейших археологических памятников Волго-Уралья хорошо отличаются остеологически от своих диких предков, являясь результатом уже длительного разведения в одомашненном состоянии на иных территориях.

Вопрос о происхождении домашней лошади все еще остается открытым, и наши современные представления о месте и времени приручения и одомашнивания лошади не выходят за рамки предположений. В.И.Цалкин считал наиболее вероятным местом domestикации лошадей юго-восточные регионы Европы V–III тыс. до н.э. – Молдавия, Украина, Самарская область (Цалкин, 1970). Многочисленны остатки древней домашней лошади в северном Казахстане (поселение Ботай – III тыс. до н.э.) (Макарова, Нурумов, 1989). Здесь в энеолите были диагностированы крупные домашние лошади, с высотой в холке 130,0–145,0 см, с увеличенной ши-

риной, высотой, а значит, и объемом мозговой части черепа, удлинненной лицевой частью черепа и диастемы, укороченным рядом коренных зубов и укороченным протоконом, что характерно для домашних лошадей (Кузьмина, 1997, с. 188). Чрезвычайно высокое хозяйственно-социальное значение лошади, неминуемо предполагает широкое и глубокое включение образа этого животного в духовно-культурную сферу.

Из всех культур неолита-энеолита от Среднего Подунавья до Кавказа и Урала наибольшее ритуальное, культовое значение образа лошади, как и в случае с остеологическими остатками, приходится на восточную зону региона, причем, главным образом на одни и те же культуры, связанные своим развитием со Средним Поволжьем. Данные о том, что в восточной зоне лошадь уже с позднего неолита широко использовалась и на мясо, и на молочные продукты, а с начала раннего энеолита – в транспортных целях и для верховой езды, позволяют обосновывать высокий потенциал специализированного коневодческого хозяйства с последующей передачей навыков и иным, более западным родственным культурам, а также и в районы степного Казахстана (Ботай) (Кузьмина, 1997, с. 285). Последнее, вероятно, и было началом номадизма.

Дальнейшее распространение домашних лошадей происходило на территории Средней Азии, и в особенности в южной Туркмении, где они известны уже в III–II тыс. до н.э. (Витт, 1956; Цалкин, 1970) – колесницы – в III тыс. до н.э., конница позже – на рубеже II и I тыс. до н.э.

Во всяком случае, на Алтае при раскопках Пазырыкских курганов, датированных VI–V вв. до н.э. (~2500 лет назад) уже существовали кони для верховой езды, более высокие и тонконогогие, с высотой в холке около 148,0–150,0 см. Основная же масса алтайских пазырыкских лошадей с яркой рыжей мастью всех оттенков, была более грубого телосложения (пясть и плюсна короче, копыта шире), а рост не превышал 130,0 см (Витт, 1952). Дальнейшее их распространение шло как на запад через Персию, Грецию, страны Западной Европы и Египет, так и

на восток – в Китай и Индию. Существующую точку зрения о том, что домашние лошади произошли от тарпана, сегодня не поддерживают ряд зоологов. При одомашнивании идет резкое измельчение животных, а мелкий тарпан с высотой в холке 106,0–120,0 см не мог дать домашних лошадей ростом 130,0–145,0 см, хотя при определенных квалифицированных навыках уже в третьем поколении можно из мелкой лошади вывести более крупную. Цалкин (1956) и Бибилова (1967) высказывали предположение, что предков домашних лошадей нужно искать среди среднеплейстоценовых лошадей Поволжья, т. е. широкопалой лошади, которая дожила в центре Русской равнины до голоцена (высота в холке – 135,0–153,0 см, мощный костяк, широкие копыта, короткомордая). Обнаружение крупных домашних лошадей в Ботайе не исключает подтверждения этой забытой гипотезы.

И если древние домашние лошади были такими крупными, как в Северном Казахстане пять тысячелетий тому назад (Ботай), то их предки должны были быть еще крупнее, (не мелкий тарпан), а возможно, крупная широкопалая лошадь, дожившая на просторах Русской равнины до середины голоцена (Кузьмина, 1997, с. 192).

И тем не менее, исключать тарпана как возможного потенциального предка мелких лесных популяций лошадей территорий Евразии и домашних лошадей степных кочевников пока нет твердых оснований (Барминцев, 1958). Поэтому сегодня более вероятным представляется предположение об их полифилилитическом происхождении, исключая лошадь Пржевальского с 66 парами хромосом в геномном наборе, тогда как у домашних лошадей – 64 пары хромосом (Frechkor, 1965).

Появление домашних лошадей произвело революцию практически во всех областях жизни народов Волго-Уралья. Неожиданно стали доступны ранее далеко расположенные пищевые ресурсы, ближе рынки, союзники и враги. Поселения людей, располагавшихся по долинам рек, стали уязвимы для молниеносных набегов всадников, которых невозможно было преследовать и наказывать. Поэтому поселения надо было либо покидать, либо также становиться всадниками. Роль лошади была исключительной и в плане использования ее мяса и молока в пищу, в совершении ритуальных обрядов, в сельскохозяйственных работах.

Общеизвестно, что первоначально коневодство велось примитивно, приближенно к естественным условиям обитания диких лошадей. Поэтому каких-либо изменений в типе конституции, породных признаков одомашненные лошади древности не имели, кроме разве различий в росте.

Учитывая вышесказанное, следует, что при исследовании голоценовых лошадей сегодня необходимо получить как можно большую информацию от остеологических коллекций, что связано с новыми археологическими целенаправленными раскопками и участием археозоологов в экспедициях со знанием методического подхода к проблеме.

Итак, первые следы домашнего животноводства были зафиксированы В.И.Цалкиным и нами по остеологическим данным на археологических памятниках Волго-Уралья в Южном Предуралье и Самарском Поволжье эпохи неолита и энеолита (Цалкин, 1970). Первыми видами в крае были крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошади. Кости домашних свиней появляются позже с территориями неолитических памятников Балкано-причерноморского региона, где кости свиней, наряду с остатками крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота преобладали, а домашних лошадей еще не было завезено.

Учитывая проблематичность и важность в исследовании материалов как по древнейшим лошадям, а также и коней более поздних эпох и культур в крае, мы считаем при постановке исследователями темы «Коневодство в культуре народов Волго-Уральского региона» необходимым сегодня обобщить имеющиеся материалы не только остеологические, но и археологические.

Не останавливаясь на материалах, связанных с вышеназванными проблемами истории древнейших домашних лошадей в крае, о чем в перспективе будут продолжаться работы, следует акцентировать дальнейшие исследования по имеющимся письменным источникам, которые углубят наши представления об истории лошадей с их временной и пространственной приуроченностью. Требуют осмысления данные обобщения как археологические, так и остеологические по ритуальным материалам из многочисленных захоронений, могильников древнейшего населения в Среднем Поволжье и Предуралье с остатками коней и связанных с ними древних культов, которые при профессиональном подходе позволят пролить свет не только на историю содержания, разведения, породообразования лошади, но и на вопрос происхождения снаряжения коней, использования этого вида животного в жизни различных народов (для верховой езды, как тягловой силы, как источника мясной пищи, при отправлении ритуальных обрядов и т.д.). Особо перспективными представляются культовые захоронения из древних могильников края эпохи раннего железа и средневековья.

Предполагается обобщение двух категорий источников, вбирающих в себя проблему истории коневодства – археозоологические и археологические.

Но если при обобщении и осмыслении археозоологических материалов мы имеем определенные обоснованные предположения на основании анализов костных остатков животных по ранним культурам энеолита из западных, восточноевропейских памятников в плане доместикации, то вторая категория источников более разнообразна, но при этом значительно более малочисленна, что, однако, не усложняет ее анализ.

Задача анализов археологических материалов идентична анализу археозоологических данных. Любое социальное или культовое явление прошлого полнее и разнообразнее всего материализуется именно в тех культурах, которые характеризуются наибольшими значениями рассматриваемого явления (в данной проблеме по истории коневодства определенного региона). Иными словами, подлежащие анализу по проблеме археологические источники, в сравнении с проанализированными археозоологическими источниками, совершенно автономны в информативном отношении, хотя и взаимообусловлены. И археозоологические и археологические материалы определяют собой большую или меньшую значимость коневодства в разных контекстах прошлого. Но при этом если археозоологические материалы раскрывают хозяйственную значимость определенного вида животного, то археологические – духовную сферу производства.

Итак, эти археозоологические и археологические категории взаимосвязаны, а поэтому можно ожидать, что они обнаружат сходные закономерности.

Особый интерес представляют территориальное и покультурное распределение этой категории источников. Так, например, Среднее Поволжье не только зона наибольшей концентрации в древних поселениях самих остатков лошади, но и ритуального, культового значения этого животного.

Как бы то ни было, но по совокупности сравниваемых данных приоритет образа лошади перед другими животными в ритуалах и культурах как нео-энеолитических, эпохи бронзы, так и в более поздних – раннего железного века, раннего средневековья вполне очевидны в Средне-волжском и Приуральском регионах.

Учет и анализ археозоологических и археологических данных о лошади для Среднего Поволжья и Предуралья, а частью и в районах Среднего Подунавья, вбирающие в себя основные восточно-европейские культуры земледельческих зон, указывают на их наибольшую соци-

альную значимость как на зоны наиболее раннего приручения, одомашнивания и всестороннего использования лошади.

Таким образом, в результате обобщений могут быть вскрыты и получены социальные, этнические, духовные данные по истории древних народов края, а также по истории пороодообразования лошадей и особенностей коневодства.

Для решения поставленных проблем необходим анализ и синтез огромного исторического материала по разделам:

1. Древнейшее коневодство в крае.
  - а) доместикация лошади в крае;
  - б) древние лошади в культуре и хозяйстве населения Волго-Уральского региона;
  - в) конь в культуре тюрок Евразии.
2. Средневековое коневодство.
  - а) коневодство у народов края до конца I тыс. н.э.;
  - б) конь в культуре населения Волжской Булгарии и Казанского ханства и взаимодействие кочевых и оседлых племен в Волго-Камье.
3. Конь и всадническая культура.
  - а) развитие конского снаряжения до I тыс. н.э.;
  - б) революция в конском снаряжении (стремя и жесткое седло);
  - в) средневековое конское снаряжение.
4. Конь в современной культуре разноэтничных народов Волго-Камья.

Источниковая база:

1) археозоологические материалы из поселений широкого временного круга с территории края, представляющих собой «кухонные» остатки (от эпохи неолита до позднего средневековья). Остеологические данные по исследованным ритуальным остаткам лошадей из разновременных и разнокультурных могильников населения Волго-Камья;

2) археологические материалы по всадническим культурам из поселений и могильников древнего и средневекового населения Волго-Камья (могильники: Хвалынский, Съезжее, II Мурзинский, II Ново-Мордовский, II Ахмыловский, Андреевский курган, V Рождественский, Нармонский, Усть-Брыскинский могильники, раннесредневековые Больше-Тарханский, Танкеевский, Больше-Тиганский могильники, курганы Башкирии) (Петренко, 2000);

3) сопоставительные материалы, данные, опубликованные другими исследователями, работавшими над различными проблемами в плане истории приручения, одомашнивания, использования, разведения и пороодообразования коней, а также изданные труды по археологическим экспедициям и раскопкам широкого круга памятников Евразии.

Выполнение темы «Коневодство в культурах народов Волго-Уральского региона» возможно при участии ряда исследователей: палеозоологов, археологов, и, возможно, специалистов ветеринарных наук.

Дополнительные экспедиционные исследования не планируются.

Авторский коллектив предполагается в следующем составе:

1) археозоологи: д.б.н. Петренко А.Г., к.в.н. Асылгараева Г.Ш.

2) археологи: д.и.н. Хузин Ф.Ш., д.и.н. Руденко К.А., к.и.н. Чижевский А.А., к.и.н. Измайлов И.Л.; археологи Башкирии и Самарской области.

3) ветеринарные медики: к.в.н. Сушенцова М.А.

Литература

Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. 284 с.

Бибикова В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. Сообщение 1 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. М., 1967. Т. 72. Вып. 3. С. 106–118.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI. С. 163–205.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности // Тр. Зоологического института РАН. Т. 273, 1997.

Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолите-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 122–131.

Петренко А.Г. Костные остатки животных с поселения Муллино // Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 301–307.

Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000. 156 с.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. (МИА. № 51). М., 1956. 184 с.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. (МИА. № 161). М., 1970. 279 с.

Frechkop S. La specificité du cheval Prjewalsky // Bull/ Inst. Roy, sci? Natur «Belgique», vol. XLI, 29, 1965.

Павел Петров

Институт востоковедения РАН, г. Москва

НУМИЗМАТИКА И АРХЕОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

За последние 15 лет развития археологии и нумизматики получен значительный объем новой информации, который позволил ученым иначе взглянуть на многие вопросы истории средних веков. Каждая из этих двух наук является самостоятельной и в значительной степени самостоятельной. Их самостоятельность определяется, прежде всего, теми специфическими методами исследования, которые применяют археологи и нумизматы при изучении объектов исследования. В своей статье «Монеты между археологией и нумизматикой» П.В. Шувалов вместо предисловия или введения написал так: «Археологи занимаются стратиграфией и датированием различных типов вещей; нумизматы описывают монетные коллекции и типологизируют монеты. Археологи добывают из-под земли не только пряжки, бляшки и черепки, но и монеты; нумизматы признают, что, в конечном счете, все древние монеты происходят из земли. Однако археологи не описывают монеты, а нумизматы не исследуют стратиграфию. В то же время, археологи датируют культурные слои по монетам, а нумизматы пытаются определить даты плохо датированных монет¹ по стратиграфии. Археолог видит в монете источник абсолютной датировки; нумизмат в той же монете видит лишь результат чеканки. В результате: археологи остаются археологами, а нумизматы – нумизматами»².

Конечно, это утрированная (упрощенная) схема взаимоотношения археологии и нумизматики. Естественно, что изучение стратиграфии, вещей, остатков сооружений для археологов не является самоцелью, а лишь процессом познания археологического источника информации для реконструкции образа жизни наших предков, как,

собственно, и для нумизматов – изучение монет, монетных кладов, сборов, коллекций и топографии находок. Не мне рассказывать присутствующим на этом конгрессе специалистам о том, чем занимается археология и чем она не занимается. Нумизматика же на основании изучения объектов исследования и топографии позволяет в ряде случаев однозначно:

1) охарактеризовать этапы экономического развития государства и его областей;

2) восстановить основные вехи политической истории державы и его административных центров;

3) подтвердить или опровергнуть ту или иную информацию историографов и путешественников древности;

4) идентифицировать археологические объекты с известными по письменным источникам топонимами.

Для достижения этих целей нумизматам необходимо проделать следующую работу:

1) составить максимально полный каталог (а еще лучше – корпус) монет изучаемого государства по возможности всех центров чеканки за весь период существования державы;

2) подробно изучить типы монет, их варианты, разновидности и провести поштемпельный анализ;

3) скрупулезно обработать информацию о топографии монетных находок с учетом тех штемпельных особенностей, которые встречаются на каждом исследуемом археологическом объекте. При этом особо обращать внимание на находки с центров монетной чеканки;

4) особенно подробно провести анализ кладовых комплексов, выяснить годы их тазаврации, хронологический и эмитентный состав, оценить метрологические параметры каждого из них, а в завершении провести сравнительный анализ всех этих параметров по всем изученным нумизматическим объектам;

5) обратить пристальное внимание на единичные и кладовые находки медных монет и по возможности (иногда их состояние не позволяет проводить атрибуцию этих объектов) провести их поштемпельный анализ;

¹ Монета не может быть плохо датирована, она может быть либо датирована, либо не датирована, либо год выпуска оказался утрачен. Очевидно, речь идет о типах монет без указания даты, которые неточно датированы в настоящее время.

² Шувалов П.В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические Вести. №6. Спб., 1999, с. 374.

6) крайне важно грамотно оценить распределение в археологических слоях находимых в ходе раскопок памятников типов монет;

7) на основе полученных в ходе анализа данных выявить этапы развития средневекового объекта, интенсивность монетного обращения и работы монетных дворов (если таковые на изучаемом археологическом памятнике некогда существовали);

8) с учетом расположения, размеров и характера археологического памятника, а также с учетом известий письменных источников провести сопоставление полученных результатов с этими сведениями и сделать свои заключения;

9) провести подобный анализ по нескольким крупным археологическим памятникам, а также оценить интенсивность и установить периодичность монетного обращения в округе каждого из них;

10) статистически обработать информацию обо всех известных находках кладов на территории всего государства и проследить динамику их тезаврации.

Понятно, что все перечисленное – это идеальный план извлечения информации из нумизматического источника, который не под силу реализовать ни одному нумизмату даже в течение его жизни, если речь идет об изучении истории таких держав, как Золотая Орда, государство Чагатаидов или Ильханов. На пути реализации такого плана работы стоят трудоемкие исследования: поштемпельный анализ монет, составление топографии находок, метрологические исследования не только веса, но и пробы, и состава монетного металла. Эти последние исследования, к тому же, являются дорогостоящим. Таким образом, изучение нумизматического источника для каждого государства проходит свои этапы, и на каждом этапе формулируются свои, возможно, отличные от прежних выводы.

Усилиями целого ряда исследователей и энтузиастов в золотоордынской нумизматике достигнут существенный прогресс в решении целого ряда больших и малых задач. Например, региональный анализ типов серебряных дангов с именем Джанибек-хана однозначно указывает, что город Болгар чеканил свою монету в середине XIV в., но с указанием монетного двора Сарай ал-Джадид. Напомню, что ранее считалось, будто монетный двор Болгар прекратил выпускать свою продукцию в период правления Узбек-хана. Поштемпельный анализ пулов Хызр-хана 762 г.х. с разных городищ также приводит к удивительному заключению (но пока его следует признать предварительным) – Болгар чеканил и эту монету, но с названием двора

Гюлистан и, видимо, сначала привозными штемпелями, а затем штемпелями работы местных резчиков. Такой неожиданный результат многолетней и кропотливой работы заставляет иначе взглянуть на экономическое положение этого культурного центра Золотой Орды в середине XIV в., поскольку чеканка монеты всегда вызвана потребностью в монете, следовательно, она отражает экономическую активность города и округи.

Сопоставление метрологических характеристик джучидских монет первого десятилетия XIV в. с различных регионов, таких как Крым, Сарай, Болгар и Хорезм, позволяют утверждать, что реформа Токты 710 г.х. не была общегосударственной, это было реформирование монетного дела центрального вилайата, необходимость которого была вызвана, в первую очередь, тем, что Сарай стоял на торговом пути из Крыма, где реформирование было реализовано в 707 г.х., в Хорезм, где монетное дело уже реформировали в 706 г.х. В каждом из этих регионов весовые нормы чеканки были свои и отличные от соседних регионов³.

Наконец, комплексное изучение нумизматических памятников с Селитренного городища указывает на то, что именно здесь находился монетный двор с названием Сарай ал-Джадид, а полное отсутствие монет XIII – первого десятилетия XIV в. говорит о том, что на этой территории никогда не было Сарая XIII в. В то же время, резчики монетного двора Сарая, работавшего в XIII в., с 706 г.х. начинают работу на монетном дворе Укека. О чем это свидетельствует, я думаю, догадаться не сложно.

Изучение монет и кладов с Царевского городища не оставляет никаких сомнений в том, что этот город назывался Гюлистан.

И еще много-много утверждений, доказательно обоснованных, может на настоящий момент сообщить современная нумизматика Золотой Орды. Не мало таких необычных открытий сделано и в области чагатаидской нумизматики.

В то же время, в последнее десятилетие появились «исследователи» – горе-нумизматы, которые, не зная предмета своего исследования, не умея даже читать легенды на монетах, фантазируют на эти темы. Археологам сложно бывает оценить степень релевантности выво-

³ Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времен Узбек-хана // Тр. Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. I МНК. Саратов, 2001; II МНК. Муром, 2003. М., 2005. С. 142–147.

дов, сделанных нумизматами вообще, и отличить фантастику от реальности тем более. Поэтому стали появляться ссылки на такие работы во вполне профессиональных и грамотных исследованиях.

Некоторыми из перечисленных вопросов озадачены не только нумизматы, но и археологи. У них есть свои аргументы, построения и теории, основанные на археологических выкладках. Их выводы нередко диаметрально противоположны тем, что сделаны нумизматами. И на начальном этапе такое положение следует считать нормальным.

То есть, точками соприкосновения нумизматики и археологии стали сейчас не только моменты датировки археологического слоя по нумизматическим объектам, но и серьезные аналитические выводы общеисторического характера.

Поскольку целью и нумизматов, и археологов является установление исторической исти-

ны, а она, как известно, одна, то сложившееся положение диктует необходимость совместного серьезного рассмотрения возникших и вновь возникающих спорных вопросов и оценок. Требуется критический подход к каждому источнику, на основании которого строится то или иное утверждение, обсуждение и опубликование этих материалов. Необходимо расставить приоритеты там, где это возможно. Подобное обсуждение невозможно устроить в рамках огромного форума (или форумов). Это должны быть деловые рабочие конференции по выработке сначала перечня вопросов, затем принципов и подходов к их решению, а уже затем – непосредственная работа над конкретными вопросами.

Первую такую рабочую конференцию предполагается провести в сентябре 2008 г. под Санкт-Петербургом. Оргкомитет приглашает всех заинтересованных ученых и исследователей к участию в подготовке и работе этого форума.

Евгений Пигарёв

Археологический музей «Селитренное городище» – филиал Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея заповедника, г. Астрахань

ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

На территории Харабалинского района Астраханской области находятся остатки огромного золотоордынского городища – столицы Золотой Орды, города Сарая (Сарай ал-Махруса, Сарай-Бату). Современное село, построенное на развалинах города, дало ему новое название, прочно закрепившееся в научной литературе – Селитренное городище.

Городище расположено на левом берегу р. Ахтуба, на бурых полупустынных, супесчаных почвах с изреженной растительностью, пересеченных цепями бугров Бэра, имеющими единую ориентацию по линии юго-запад – северо-восток.

Изучение городища имеет давнюю историю. Этот гигантский и уникальный археологический памятник еще с XVIII в. привлекал внимание многих путешественников и ученых.

В XVIII столетии начинается научное изучение памятника, которое в течение длительного периода ограничивалось в основном посещением и описанием руин различными путешественниками и исследователями. Первым в этом деле был выдающийся ученый и государственный деятель В.Н. Татищев. В 1741 г. он был назначен начальником Калмыцкой комиссии и направлен русским правительством на Нижнюю Волгу для улаживания междоусобицы, вспыхнувшей между калмыками. Селитренный городок он выбрал в качестве своей ставки. Описание городища содержится в двух его письмах, направленных из Селитренного в Академию наук (Егоров, Юхт, 1986, с.232–233).

В 1770 г. развалины городища были осмотрены академиком И.П. Фальком. Им отмечены остатки большого здания, украшенного мозаикой, которые он считал руинами мечети и многочисленные «каменные фундаменты» малой площади – вероятно, остатки мавзолеев и подземных склепов, столь характерных для Селитренного городища (Полное собрание, 1824, с. 139–140).

В 1772 г. Селитренный городок посетил П.С.Паллас. Он подробно описал руины большого богато убранного здания со склепами (видимо, мавзолея) – единственного более или менее сохранившегося к тому времени золотоордынского сооружения (Паллас, 1788, с. 143–145).

В апреле 1836 г. близ с. Селитренное М.С. Рыбушкин раскопал более двадцати возвышенностей на месте крепости XVIII в., обнаружив остатки стен и полов из жженого кирпича, архитектурный декор, керамику и монеты (Леопольдов, 1837, с. 131–132).

Летом 1893 г. исследования городища провел один из крупнейших русских археологов А.А. Спицын. Он обследовал разные районы городища, определив, что оно тянется вдоль Ахтубы на 12 верст (Спицын, 1895, с. 84).

В 1922 г. организует экспедицию на Селитренное городище Ф.В. Баллод. Об итогах исследований им написан подробный отчет в книге «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды». Он предпринял первые, действительно научные раскопки городища и впервые снял его план (Баллод, 1923).

Летом 1928 г. экспедиция саратовского археолога П.С. Рыкова совершила обследование левого берега Ахтубы, в том числе и территории Селитренного городища. Им была собрана коллекция монет и керамики. В 1931 г. П.С. Рыков продолжил исследования городища, в частности, раскопал несколько мавзолеев и жилое здание (Рыков, 1928, с. 131–132).

С 1959 г. работы на Селитренном городище проводятся Поволжской археологической экспедицией ИА АН СССР и Московского государственного университета. В течение многих лет у руководства ПАЭ стояли Г.А. Федоров-Давыдов, Н.М. Булатов, В.В. Дворниченко, В.Л. Егоров (Федоров-Давыдов, 1994, с. 3). Исследование памятника продолжается и в наше время (работы Марийского отряда ПАЭ и экспедиции Астраханского музея-заповедника).

В 1960-х годах в ходе организации туристической деятельности правительством РСФСР принимается ряд мер, направленных на улучшение охраны памятников истории и культуры. В этот период начинает свою деятельность целый ряд археологических музеев-заповедников (Медведь, 2004, с. 38).

В 1969 г. принимается решение о музеефикации Селитренного городища (Булатов, 1975, с. 87). Тема создания в стране целой сети музеефицированных археологических музеев-запо-

ведников была одной из обсуждавшихся на пленуме Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР (Сообщения НМС, 1986, с. 9).

Селитренное городище отвечает всем требованиям, предъявляемым современным музееведением к археологическому памятнику, готовящемуся к музейному показу под открытым небом. Существующие критерии отбора памятников: 1 – историческая значимость; 2 – степень сохранности; 3 – характер материала; 4 – доступность для посетителей; 5 – возможность сохранения музеефицированного памятника на долгий срок. Отсутствие или недостаточность одного из перечисленных критериев в значительной степени затрудняет музеефикацию археологического памятника и может вообще сделать ее не целесообразной. Поэтому необходимо остановиться на каждом из них относительно Селитренного городища подробно.

Историческая значимость. Селитренное городище (город Сарай) является уникальным археологическим объектом, не только в плане российской, но и мировой истории.

В середине XIII в. образовалось одно из монгольских государств – Улус Джучи. Оно включало в себя степные пространства Восточной Европы до Дуная, а также большую часть степной Западной Сибири и Казахстана. Кроме того, в состав Улуса Джучи вошел ряд оседлых областей со старыми центрами ремесла и культуры: Северный Кавказ, Крым, Молдавия, Волжская Булгария, мордовские земли, левобережный Хорезм. Столицей этой огромной империи являлся город Сарай – один из крупнейших городов Евразии.

На необозримом степном пространстве кипела жизнь восточного города: возвышались стройные минареты мечетей, сияли на солнце покрытые изразцами купола мавзолеев, высоко подымались стены роскошных дворцов, жались друг к другу саманные домики простых жителей, шумели переполненные народом базары, караваны верблюдов подходили к воротам караван-сараяв.

Арабский путешественник из Магриба Ибн-Баттута писал: «Город Сарай – один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как то: монголы, ассы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы. Каждый народ живет на своем участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в

особом участке, где стена ограждает имущество купцов» (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

Золотая Орда была мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и других видов обмена. Город Сарай являлся крупнейшим международным политическим центром, узлом торговых путей, входивших в систему маршрутов Великого Шелкового пути.

За годы изучения на памятнике было раскопано около 30000 м² городской территории. Были исследованы гончарная и стеклоделательная мастерские, обнаружены следы косторезных мастерских и обработки полудрагоценных камней. Раскопаны аристократические усадьбы, комплекс общественных зданий, стоявших на площади: большая мечеть, общественная баня и др.

Материалы Селитренного городища могут использоваться для решения экономических, политических, этнических и культурных проблем средневековой истории не только Поволжья, но и России в целом.

Степень сохранности. Культурный слой Селитренного городища в целом не равномерен, колеблется от 0,5 до 1,5–2 м на разных участках города. Из-за отсутствия в Волго-Ахтубинской пойме достаточного количества строительного камня, практически все сооружения города возводились или из жженого, или из сырцового кирпича. Это позволяло, при изменении внутренней или внешней ситуации в государстве, новым группам населения из соображений экономии разбирать и перестраивать постройки предшественников.

Предпринятое в середине XVI в. строительство русской Астрахани повлекло за собой первую волну разрушения города. Различные сооружения города разбирались, кирпич баржами и плотами сплавлялся вниз по реке. Добыча кирпича на развалинах Сарая было доходным занятием для местного населения вплоть до XIX в. Строительство в начале XVIII в. селитренных заводов и крепости, также не способствовало сохранению культурного слоя.

Современное состояние территории Селитренного городища характеризуется активным антропогенным вмешательством. В процессе расширения жилой зоны села Селитренное идет застройка и уничтожение участков средневековой городской застройки, организация незаконных (стихийных) свалок. Особый вред памятнику наносится современным кладоискательством с применением поисковой техники, получившим широкое распространение в России в последние годы.

В то же время несомненным плюсом является то, что на данной территории нет промыш-

ленных предприятий и активного развития земельного.

Поэтому, не смотря на длительный период разрушений, в настоящее время можно выделить группу разнообразных археологических архитектурных объектов, сохранность которых допускает их музеефикацию.

Характер материала. Как уже отмечалось выше, на Селитренном городище использовалось два основных вида строительного материала: жженный кирпич и сырцовый кирпич. И тот, и другой материал в обилии встречается на архитектурных объектах Селитренного городища. Методика консервации сырца к настоящему времени не достаточно разработана. Кроме раскопанных сооружений, закреплению на длительный срок подлежат культурные слои раскопов и их борта. В настоящее время нами изучается предшествующий опыт наших коллег и ведется поиск современных методов и технологий.

Доступность для посетителей. Селитренное городище является одним из наиболее интересных объектов для организации туризма в Нижнем Поволжье. Достаточно выгодное экономико-географическое положение и ресурсный потенциал создают необходимые предпосылки для активного продвижения памятника на туристический рынок для привлечения отечественных и зарубежных туристов.

В то же время возможности развития туризма на Селитренном городище на сегодняшний день остаются практически нереализованными. Основными препятствиями развития туристической деятельности, помимо общей нестабильной экономической обстановки, являются:

- отсутствие в регионе в целом достаточной туристской инфраструктуры, отвечающей современным требованиям (гостиниц, предприятий общественного питания, досуга, транспортного сервиса и пр.);

- отсутствие какого-либо туристского комплекса в структуре собственно музея-заповедника;

- отсутствие специальной туристской программы для музея-заповедника.

Рациональная стратегия формирования туристско-экскурсионного комплекса на Селитренном городище должна предполагать создание развитой системы как кратковременного экскурсионного, так и долговременного туристского обслуживания различных туристских контингентов.

Экскурсионный туризм. Это направление является традиционным для Селитренного городища. В последнее время оно получило достаточное развитие, когда в весенне-летний сезон удавалось сформировать экскурсионный поток из Астрахани; значительную долю пото-

ка составляли школьные экскурсии. Кроме того, экскурсионной «нагрузкой» в настоящее время охвачены расположенные на территории Астраханской области туристические фирмы, базы; проводится работа с так называемым «диким» туристом.

Экскурсионное направление туристской деятельности останется основным для музея-заповедника «Селитренное городище» и в перспективе. Оно связано с общей направленностью развития познавательного и образовательного внутреннего туризма, а также с тем значением, которое имеет Селитренное городище для истории страны. Эта роль может усилиться еще больше в связи с развитием туристской программы «Отдых в дельте Волги».

Вместе с тем в данной сфере деятельности необходимо дополнение ранее существовавшего массового туризма развитием специализированного программно туризм для специалистов или лиц, глубоко интересующихся природой и культурой России, золотоордынской археологией или археологией в целом. Предполагается, что подобная форма специализированного туризма со временем составит довольно значительную долю в общем рекреационном потоке (10–15%). Организация подобного вида туризма предполагает развитие собственных средств размещения и обслуживания туристов. Для Селитренного городища такую базу размещения целесообразно формировать в виде небольших гостевых домов. Это могут быть 2–3 дома, выкупленные на территории села Селитренное, имеющие средний уровень комфорта. Подобные формы размещения и обслуживания туристов приняты в мировой практике; они практически не создают помех сохранению наследия и в то же время являются чрезвычайно привлекательными для исследователей, для лиц со специальными научными интересами, для туристов, направленно выбирающих цель поездки.

Возможность сохранения музеефицированных объектов на длительный срок. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. Селитренное городище было признано памятником археологии государственного (федерального) значения. Была определена охранный зона городища и зона регулируемой застройки, разработаны режимы ее использования, гарантирующие сохранность памятника от воздействия хозяйственной деятельности человека. В 2002 г. был составлен Паспорт памятника, в котором утверждена новая, значительно увеличившаяся, охранный зона; оформлен ряд охранных документов, позволяющих усилить контроль за состоянием памятника. В 2003 г. распоряжением Губернатора Астраханской об-

ласти на территории Селитренного городища был организован музей-филиал Астраханского государственного объединенного историко-археологического музея-заповедника.

Сооружения из сырцового и жженого кирпича, при условии правильно подобранных методов консервации и обеспечения их дополнительными защитными приспособлениями (навесы, ограждения), станут основными объектами музейного показа структуры и планировки средневекового города. Единственную реальную опасность в настоящее время представляет расширение жилой застройки села. За последние 10–15 лет появилось несколько улиц, построенных на неисследованных ранее участках. Проводятся работы по устранению потери культурного слоя в результате обрушения берегового обрыва во время весенних паводков. Исследования последних лет были направлены на первоочередное исследование именно береговой части памятника, как наиболее подверженной естественному разрушению (исследователи: А.А. Бурханов, Ю.А. Зеленева, Э.Д. Зиливинская, В.И. Гордеев, Е.М. Пигарёв).

Таким образом, Селитренное городище отвечает всем требованиям, которые предъявляются к памятнику, готовящемуся к музеефикации. Отбор археологических объектов для музеефикации должен отвечать тем же критериям, что и для памятника в целом. Кроме того, должны обязательно учитываться его экспозиционная ценность и устойчивость к разрушению в будущем. Если в обозримой перспективе археологическому объекту не грозит полное или частичное разрушение, связанное с экологическими или антропогенными воздействиями, было бы разумно начать музеефикацию с аналогичных объектов находящихся в зоне риска. Для того, чтобы определить первоочередность музеефицирования, а значит и исследования объектов, необходимо создать единую для всех археологов программу исследования городища. Проведение исследовательских работ в соответствии с подобной программой позволит консолидировать финансовые и людские ресурсы для достижения обозначенных целей. Кроме того, это позволит ввести контроль за качеством исполнения исследовательских работ и обоснованностью их проведения.

Одним из таких районов Селитренного городища, отвечающим всем вышеперечисленным требованиям, является Больничный бугор, находящийся в зоне риска, т.е. в непосредственной близости к современному селу. Больничный бугор является одной из самых высоких эффектных обзорных точек восприятия древнего города, где во всей полноте зрительно охватыва-

ется огромное пространство золотоордынской столицы. На этом бугре находятся остатки сооружений, относящихся как непосредственно к эпохе Золотой Орды, так и ко времени строительства крепости Селитренного городка (XVII–XVIII вв.). Возможность показа двух различных, но взаимосвязанных исторических периодов, заметно увеличит экскурсионный поток.

Открытый показ памятника дает возможность экскурсантам прикоснуться к процессу археологического исследования памятника. Туристский сезон по времени совпадает с экспедиционным. Экскурсии на городище, как правило, происходят во время работы на раскопах. Поэтому необходимо предусматривать смотровые площадки вблизи раскопов, изолированные ограждениями для предупреждения обвалов бортов.

Помимо музеефицирования отдельных археологических объектов, планируется создание стационарного музея, задача генеральной экспозиции которого состоит в том, чтобы на подлинных памятниках культуры раскрыть основные этапы заселения, хозяйственного освоения региона, а также социально-политические аспекты происшедших здесь событий.

В настоящее время специалистами Астраханского музея-заповедника разрабатываются «Концепция развития музея «Селитренное городище» и соответствующая ей «Программа исследований Селитренного городища». Цель, преследуемая этими мероприятиями, – создание музея как полноценного научно-образовательного центра, раскрывающего всю уникальность и многогранность культуры Золотой Орды – самого большого и организованного государства средневековой Евразии.

Помимо необходимых для такого проекта теоретических разработок, достигнуты и практические результаты. В течение полевого сезона 2005 г. были полностью исследованы и подготовлены к дальнейшей музеефикации два археологических объекта. Первый объект представляет собой подземный кирпичный склеп (курхана), являющийся образцом надмогильной архитектуры ногайской культурной общности XV в. Второй объект является образцом средневековой промышленной архитектуры – горн для обжига гончарной керамики в больших объемах и ассортименте. Сохранность и наглядность обоих объектов позволяет, при достаточно небольших финансовых затратах, превратить их в музейные объекты, которые, несомненно, будут востребованы на рынке формирующейся в России туристической индустрии. Грамотная коммодификация (товаризация) этих и других (как уже исследованных, так и еще не раскопанных) археологи-

ческих объектов средневекового города может стать одной из наиболее эффективных основ создаваемого музея-заповедника «Селитренное городище».

Реализация начатых программ даст возможность не только продолжить изучение памятника на современном уровне, но и позволит с помощью применения современных научных технологий и методов музеефикации сохранить памятник для будущих поколений исследователей.

Литература

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи: (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М.; Пгр., 1923.

Булатов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1975.

Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды // СА. 1986. № 1.

Леопольдов А.Ф. Ахтубинские развалины // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 24. СПб., 1837.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М., 2004.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 2. СПб., 1788.

Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824.

Рыков П.С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // Изв. Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. Т. 3. Саратов, 1928.

Сообщения НМС. Серия IV, выпуск № 11, сообщение № 6, М., 1986.

Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А. А. Спицына летом 1893 г. на Жаренный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб., 1895.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Условные сокращения

АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.

АС – Археологический съезд.

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ЗАН – Записки Академии наук. СПб.

КазНУ – Казахский Национальный университет.

КГУ – Казанский государственный университет.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.

МГУ – Московский государственный университет.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МИАК – Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек.

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан.

ОАК – Отчеты Археологической комиссии. СПб.

ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

СТ – Советская тюркология. Баку.

ТИИ АН КиргССР – Труды института истории Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.

ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТФПИ – Труды Фрунзенского политехнического института.

УСА – Успехи среднеазиатской археологии.

Вячеслав Плахов

Астраханский музей-заповедник, г. Астрахань

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗДАНИЯ КОНЦА XIV В. У ПОС. КОМСОМОЛЬСКИЙ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Находясь на перекрестье северной части Великого Шелкового пути и Волжского пути, Нижнее Поволжье служило местом для возникновения городов – торговых центров и центров управления округами. Количество городов особенно возросло во второй половине XIII в., когда на Нижней Волге был основан Бату-ханом центр государства Улуг-улус, или как его называли в русских источниках с XVI века – Золотой Орды. Один из городов находился выше Хаджи-Тархани (Астрахани) на расстоянии около 56 км на левом берегу реки Ахтубы. В настоящее время там располагается поселок Комсомольский.

Городище у пос. Комсомольский имеет длину с юга на север около 2,5 км, ширину около 1 км. В 1904 году были начаты работы по строительству Астраханской железной дороги, полотно которой задевало часть городища. В защиту памятника археологии выступил известный археолог С. Краснодубровский (Московские ведомости, 1904). После публикации «Открытого письма» об археологических объектах городища С. Краснодубровский сумел добиться прокладки железнодорожной трассы с наименьшими потерями для памятника. В 1926 г. на северной окраине городища археологом П. Рыковым было вскрыто несколько погребений (Рыков, 1929, с. 26). Об этом объекте в свое время упоминал и В.А. Филипченко (1958, с. 247).

Начиная с 1989 г. поселок Комсомольский, располагавшийся на основной части городища, попал в зону интересов «Астраханьгазпрома». Начались крупные работы по благоустройству с вскрытием значительных участков городища. За период с 1989 по 1994 гг. археологической экспедицией Астраханского музея было исследовано лишь 10% от общей площади разрушения. Нужно заметить, что значительные утраты памятник получил в ходе преодоления искусственных проблем, созданных Астраханской административной структурой «Дирекция по охране памятников» (рук. Кабацура В.М.) при поддержке ОПИ Института археологии РАН. Такая позиция этих структур объяснялось желанием получить финансирование со стороны «Астраханьгазпрома».

В ходе раскопок на городище с 1989 по 1994 гг. экспедицией Астраханского музея-заповедника был исследован ряд ярких объектов золотоордынской архитектуры, попадавших в зону интересов строителей. Один из таких объектов был раскопан в 1990 г. на юго-восточной окраине поселка. Первоначально он представлял собой возвышение высотой около 2,5 м, которое входило в цепь из еще двух аналогичных возвышений, вытянутых с юго-востока на северо-запад. В настоящее время они сохранились частично. В статье изложены основные характеристики архитектурной композиции здания, выявленного при раскрытии восточного возвышения (рис. 1).

После удаления плотного слоя мусора, состоявшего из фрагментов обожженных кирпичей, комков и крошки суглинистой связки, алебастровых кусков и штукатурки, фрагментов изразцовых плиток проявилась сохранившаяся нижняя часть значительного по площади здания (рис. 2). Оно имело прямоугольную в плане форму с наружными размерами 36,5 м с запада на восток и шириной 21,2 м. Фасад его приходился на южную сторону и имел пандус длиной в 13 м и шириной в 11,7 м. С северной стороны выступало крыльцо, смещенное осью в восточную сторону от оси здания примерно на 4 м. Оно имело длину 4,2 м, ширину 4,5 м. Меридиальные стены здания были ориентированы с азимутом в 150°.

Цокольная часть конструкции была сложена из обожженных кирпичей размером 23 x 23 x 5 см и их фрагментов на суглинистом растворе. Стены начинались с горизонтально спланированной общей площадки. Кладка велась в основном из чередующихся слоев: ряд из целых кирпичей, ряд из фрагментов с наружной частью из половинок. Ширина стен на различных участках сооружения в плане менялась от 75 до 100 см в зависимости от проектной нагрузки.

После возведения как внешних, так и внутренних стен сооружения на высоту около 160 см, все пространство между ними было забито суглинком с включением слабо насыщенного культурного слоя. Таким образом, основа здания

представляла собой платформу с системой опорных стен в себе, являющихся фундаментом для стен помещений.

Впоследствии, при разрушении, стены цоколя сооружения были разобраны до основания с целью добычи кирпича. Но на ряде участков они сохранились на высоту в 22 кирпича (156 см). В траншеях выборки встречались фрагменты бревен хвойных пород с диаметром не менее 26 см. Возможно, в стены были уложены брусья. Такой прием был встречен в мавзолее 1320-х годов на данном городище и в основании сооружений первой половины XIV в. города Сарайчук на реке Джайке (Урал) Атырауской области Казахстана. В мусоре выборки была встречена денга 1749 г., которая датирует время разбора цокольных стен.

По северным углам сооружения располагались фундаменты трехчетвертных колонн (гульдасты), выступавших за контур стены примерно на 40 см и профилированные радиальные кирпичи от завалившихся колонн. С фасадной стороны фундаментов от выступающих колонн не обнаружено, однако в остатках выборки у этих углов обнаружено свыше трех десятков радиально профилированных кирпичей.

Центральная, системообразующая часть здания состояла из зала площадью 9,85 x 9,85 м (помещение № 1). Опорные стены зала имели толщину в 1 м. По оси зала с северной стороны располагалось узкое анфиладное помещение – ниша (помещение № 1а) с размерами: ширина 4,1 м, глубина 2,75 м (С-Ю). С юга к залу примыкал айван фасада здания. Ось айвана совпала с осью зала.

В центре зала находились остатки четырех колонн с размером основания 1,0 x 1,0 м. Расстояние между центрами колонн около 5 м, от центра колонн до стен около 2,8 м. В восточной части зала сохранилась выкладка пола из плоско положенных кирпичей с заделкой швов между кирпичами алебастровым раствором. Поверхность пола находилась на высоте 170 см от основания сооружения. В развале над полом находилось большое количество алебастровых деталей интерьера: фрагментов парусов, декоративных сталактитов, штукатурка обмазки бревен и стен. Встречено большое количество фрагментов бирюзового стекла. В верхней части развала находились фрагменты кирпичей вперемешку с плитками обкладки купола. Плитки были кашинные, размером 22 x 22 x 2 см с бирюзовой поливой.

Помимо центрального зала сооружение содержало еще 15 помещений. Вид их в плане и размеры следующие:

Помещение № 2 приходилось на северо-западный угол сооружения, имело прямоугольную форму с внутренними размерами 4,3 м x 5,4 м (С-Ю). От него на восток отходили помещения прямоугольной в плане формы с внутренними размерами (с С на Ю):

помещение № 3 – 4,9 x 5,4 м;

помещение № 4 – 2,4 x 4,1 м;

помещение № 5 – 4,2 x 1,5 м;

помещение № 6 – 2,4 x 4,1 м;

помещение № 7 – 5,8 x 4,6 м;

помещение № 8 – 5,3 x 4,6 м.

К фасаду от этого тыльного ряда располагаются два крыла помещений, между которыми находился зал (*помещение № 1*). Западное крыло содержало помещения прямоугольной в плане формы с внутренними размерами:

помещение № 9 – 4,4 x 6,1 м;

помещение № 10 – 5,2 x 6,0 м;

помещение № 11 имело размеры 3,6 на 3,3 м и приходилось на юго-западный угол сооружения;

помещение № 12 – 1,9 x 1,9 м;

помещение № 13 имело размеры 3,6 м на 3,3 м.

Восточное крыло имело следующие помещения:

помещение № 14, Г-образное с внутренними размерами: срединная часть – 3,4 x 13,5 м; западный выступ имел длину 2 м и ширину 3,3 м. Восточный выступ соответственно 5,2 м 2,5 м. От этого выступа на восток располагались:

помещение № 15 – 3,5 x 2,5 м (С-Ю); данное помещение не имело забутовки, уровень пола приходился на уровень основания здания;

помещение № 16 – 7,5 x 10 м (С-Ю) приходилось на юго-восточный угол сооружения.

Фасадная стена до высоты уровня пола, то есть на 175 см от основания, имела расшивку швов алебастром. С восточной стороны фасада сохранился блок упавшей стены, находившийся в развале (рис. 3) Количество слоев кладки, проявившихся в развале, – 72. То есть высота здания была выше 4,7 м. С уровня пола (с 27 слоя кирпича) ранее указанная кладка из чередующихся слоев целого кирпича и из фрагментов, была изменена и велась только из целого кирпича. Причем расшивка из алебаstra уже не была отмечена, а кирпичи все были подшлифованы.

Упавший блок с восточной стороны имел проем окна, который начинался на 5 см выше уровня пола. Ширина проема была 1,1 м. Верх его не сохранился.

При расчистке у основания фасадной стены были встречены фрагменты разноцветного стекла и фрагменты алебастровой панджары.

Перед западным крылом фасада сохранился участок фриза, украшавшего верх фасада.

Профилированные кашинные сухари с бирюзовой поливой фриза в сочетании с профилированными шлифованными кирпичными сухарями, обрамляли полосу из изразцов в виде удлиненных полихромных плиток на кашине со своеобразным растительным орнаментом. Он был в виде двух удлиненных бело-желто-красных с золотой серединой цветов, обрамляющих 8-лепестковый бело-желто-красный цветок с бирюзовой звездчатой серединой. Орнамент находился на темно-синем фоне, обрамленный по длине белыми и желтыми полосами (рис. 4)

Айванная часть здания была глубиной 4,1 м и шириной в 6 м. Сохранился блок внутренней части стены айвана, оштукатуренный алебастром.

От айвана на юг отходил *пандус* в виде площадки, наклоненной к югу. Он был изготовлен из утрамбованного суглинка и обрамлен сначала кладкой из сырцового кирпича, а затем лицевой кладкой из обожженного с расшивкой швов алебастра. Ширина пандуса равнялась 11,7 м, длина 12,6 м. Сохранившийся блок упавшей стены пандуса у его начала показывает, что на этом участке кирпичная лицевая стенка была высотой около 1,7 м. С южной стороны начала подъема пандус по всей ширине имел сохранившуюся ступеньку из обожженного кирпича высотой в три ряда. Она обрамляла следующую ступеньку высотой в три ряда, но сделанную из сырцового кирпича. С нее начинался мягкий подъем поверхности пандуса. С восточной стороны сохранилась нижняя часть пилона стенок пандуса с размером 0,75 x 0,55 м.

Здание имело с тыловой, северной стороны *крыльцо*. Оно было смещено от оси центрального зала на 4 м к востоку. Выход на него был из тамбура – *помещения № 6*. Представляло собой площадку с шириной 4,5 и длиной 4,2 м. Имела сохранившуюся высоту забутовки в 1,2 м. Крыльцо было обложено декоративной стенкой из обожженного кирпича с расшивкой швов алебастром. От этих стенок сохранились упавшие блоки.

В ходе раскрытия здания на сохранившихся участках пола и в заполнении выборки полов были встречены только монеты Орду и Орду-Муаззам 1385–1387 гг. (Клоков, Лебедев, 2002, с. 106, № 74–76).

Что касается аналогов, то схожего сооружения этого периода на Нижней Волге пока обнаружено не было. Однако на Селитренном и Царевском городищах был встречен ряд похожих по планировке и строительным приемам зданий богатых усадеб. К примеру, В.Л. Егоровым на Селитренном городище на раскопе XI было раскрыто здание с цоколем из обожженного кирпи-

ча. Оно имело по центру большой зал с айванным входом и два «крыла» по бокам от него с многочисленными комнатами. Внутренняя часть была на высоту в 25 см забутована глинистой плотной массой. Полы во многих помещениях были сделаны из кирпича. Дом, видимо, был построен в 1330-х годах. В 1380-х годах он был перестроен и перед входом в центральный зал был сооружен пандус (Федоров-Давыдов, 1994, с. 53–58).

Э.Д. Зиливинской на Селитренном городище был раскопан дом, сложенный из сырцового кирпича. Относился он, судя по монетам, к рубежу 1330–1340-х годов. Внутренняя часть центральных помещений была забутована на высоту 60 см «субструкцией из желтокоричневого суглинка однородной структуры» (Зиливинская, Алексейчук, 2003, с. 327).

На городище Сарайчук З. Самашевым и В. Плаховым в 2004 г. было раскопано здание «ханы», схожее по плану, но не вытянутой, а первоначально квадратной в плане формы. Сложено оно было из сырцового кирпича и имело размеры 20 x 20 м. С юга находился пандус. Пространство между стенами помещений было забутовано перемесом культурного слоя 1350 – начала 1370-х годов на высоту в 150 см. Возведено сооружение, судя по монетам, в середине 1370-х годов (Плахов, Самашев, 2004 с. 303, 304).

Исходя из изложенного, мы полагаем, что изученное нами сооружение является административным зданием дворцового типа, на что указывают сохранившиеся более позднего времени аналоги (Средняя Азия, 1983, с. 107, 377).

Как уже сообщалось, нумизматический материал, обнаруженный при раскопках дворцового здания в пос. Комсомольский, определил время его возведения периодом правления хана Токтамыша. Впоследствии, возможно, в ходе походов эмира Тимура часть архитекторов и мастеров-декораторов была направлена в Самарканд. Отсюда схожий мотив орнамента на изразцовых плитках фриза купола мечети Биби-Ханым в Самарканде, с плитками фриза дворца в пос. Комсомольский (Анри Стирлен, 2003, с. 68). После присоединения Астраханского ханства к Российскому государству часть архитекторов и мастеров-декораторов была также перевезена в Среднюю Азию. К примеру, в Бухаре с 1601 г. к власти пришла династия Аштарханидов, ранее правивших в Астрахани (Султанов, 2006, с. 320). Видимо, обмен мастерами происходил и до этого времени, поэтому указанный мотив орнамента проскальзывает под куполом бухарского медресе Мири-Араб (1535 г.) (Анри Стирлен, 2003, с. 114).

Впоследствии, во многом основываясь на принципах зодчества эпохи Тимура и Тимуридов, архитекторы и декораторы стали вносить приемы градостроительного искусства, которые ранее появились в городах Золотой Орды. Это и сочетание пандуса с айваном в знаменитых воротах (Арк) в Бухаре и фасаде дворца (Урда) последнего кокандского хана Худояра. Однако в этой архитектуре уже нет открытий, которые были присущи зодчеству XIV–XVI вв.

Литература

Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища // Нумизматический сборник. Т. 3. Древности Поволжья и

других регионов. Вып. IV. Н. Новгород, 2002.

«Московские ведомости». 1904. № 240.

Плахов В., Самашев З. Об одном архитектурном комплексе Сарайчука / Сарайшы? билеушілері мен батырлары. Алматы, 2004.

Рыков П. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае в 1928 году // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. 1929.

Средняя Азия. Справочник-путеводитель. М., Искусство, 1983.

Стирлен Анри. Искусство ислама. Изд-во Астрель, 2003.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Филипченко В.А. О новых находках на территории Астраханской области // СА. 1958. № 1.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

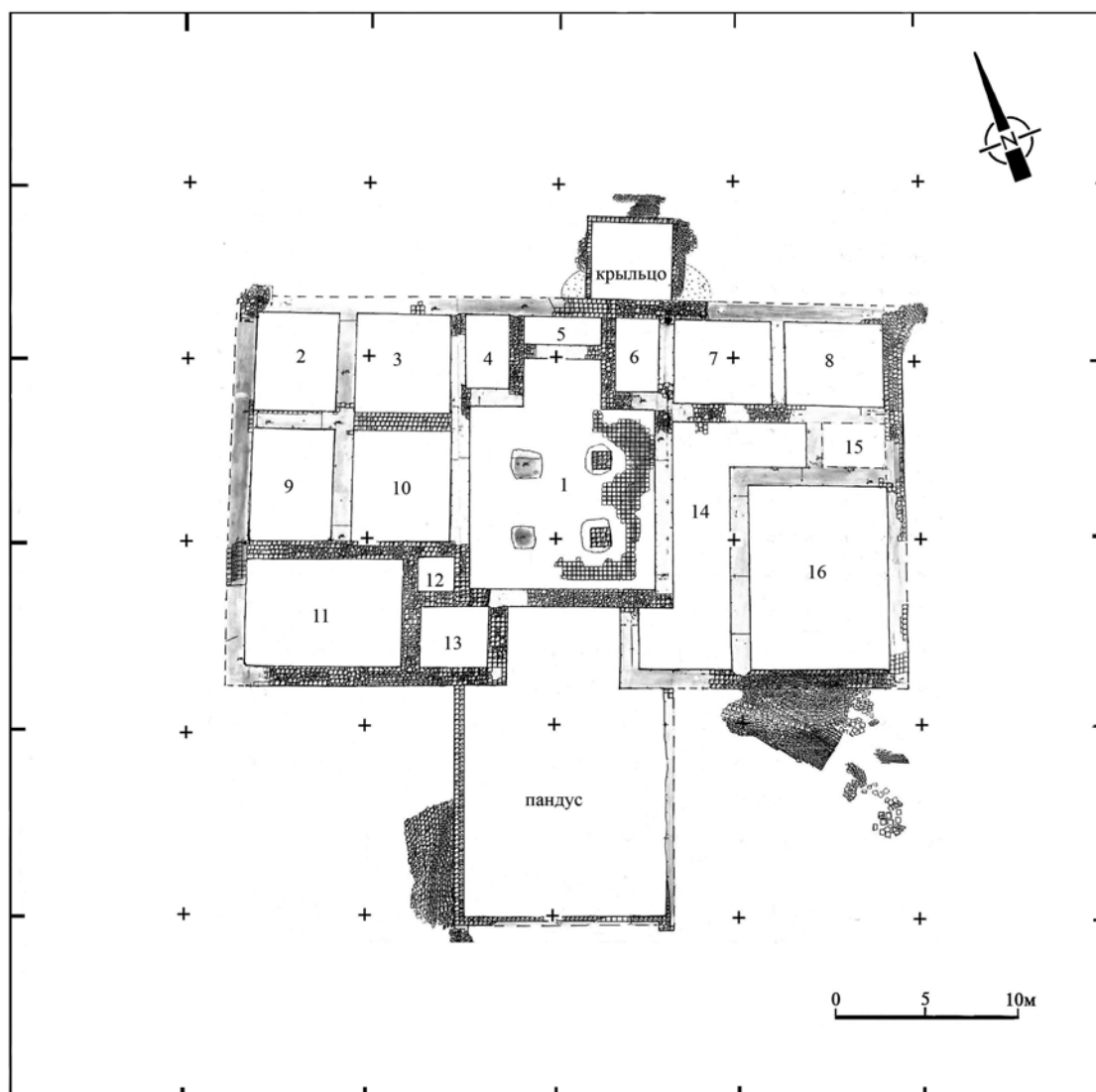

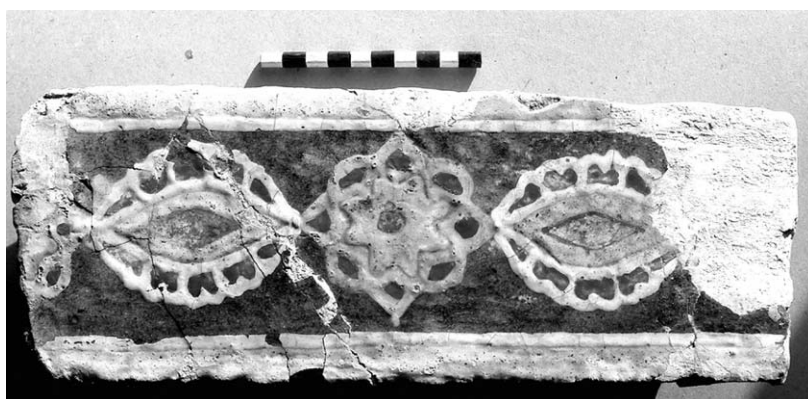
Рис. 1. План здания.

Рис. 2. Общий вид остатков здания.

Рис. 3. Блок фасадной стены.

Рис. 4. Изразец фриза.

Александр Сологуб, Ольга Орлова, Рустам Сингатулин

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, г. Саратов

WEB-МОНИТОРИНГ И СТЕРЕОФОТОФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Применение информационных технологий в полевых исследованиях, получившее распространение в последние годы, связано не только с историческими традициями развития археологии в республиках бывшего Советского Союза, развитием нефтегазового комплекса, возросшими возможностями вычислительных систем, но, прежде всего, обусловлено огромным потенциалом историко-культурного наследия территорий. Всестороннее обследование археологических памятников, подвергающихся разрушению в процессе строительных и иных хозяйственных работ, предъявляют особые требования при проведении охранно-спасательных исследований. Каждый выявленный археологический объект требует строгой фиксации в координатном пространстве, экспертной оценки его сохранности, индивидуальных особенностей, сопутствующих элементов и т. п.

Одним из наиболее прогрессивных методов реализации современных информационных технологий в археологических исследованиях является использование геофизических, мультиспектральных наблюдений в режиме мониторинга (с использованием Web-технологий и цифровых стереофотограмметрических камер), осуществляемое не только на открытых площадках, но и внутри зданий и строений, непосредственно под объектом археологического наследия (Слепак, 2003; Сингатулин, 2003, с. 183–187). Интернет-мониторинг археологических памятников и стереофотограмметрические технологии фиксации выявленных следов и объектов, позволяют осуществлять детальный контроль, регистрацию и обработку данных в полевых условиях, в реальном масштабе времени, позволяя эффективно решать правовые вопросы регулирования, разграничения, сохранности и реставрации памятников культурного наследия, планирования и проведения археологических работ в зонах строительства (Singatulin, Rashitov, 2005).

Применение Web-приложений и стереофотограмметрических технологий, при проведении археологических исследований, позволяют использовать их в следующих вариантах применений:

- системы дистанционного наблюдения за

археологическими памятниками через Интернет (охрана, мониторинг состояния и др.);

- системы дистанционного наблюдения за проведением охранно-спасательных работ (контроль, консультации, экспресс-анализ и др.);

- системы дистанционного обучения (практика археологических исследований, видеоконференции);

- создание трехмерных археологических моделей (цифровые тематические базы данных, виртуальная археология).

Использование системы дистанционного обучения предполагает детальное изучение методов полевых археологических исследований, привитие навыков работы с информационно-измерительными системами и т. д. Существенным, в процессе полевых исследований, является возможность проведения видеоконференций. Современная концепция видеоконференций предполагает максимальное упрощение коммуникаций, сводящееся к неформальному общению непосредственно за рабочим столом перед экраном персонального компьютера. С помощью видеоконференций возможно работать как с группой, так и индивидуально с каждым исследователем, оперативно обмениваться информацией, получать консультацию, проводить экспресс-анализ и др. Примерами использования данных технологий, предназначенных для массового просмотра, могут служить странички с трансляцией видео, в реальном масштабе времени (www.xmission.com/~lonnie/cameras; www.newyork.ru/webcam/index_ru.html), Интернет-трансляция археологических раскопок в Египте, проекты «VITRA» (www.vitra.org), COINE (www.uoc.edu/in3/coine), ARCHEO-GUIDE (archeoguide.intranet.gr) и многие другие.

С позиций информационного подхода, возможности Web-приложений и стереофотограмметрических технологий позволяют существенно поднять уровень и качество проведения археологических работ. В первую очередь, это относится к полевой обработке массового керамического материала. Мультиспектральные стереофотограмметрические технологии (Plotnikov and ets., 2001, p. 339–345) позволяют фиксировать

сировать не только характерные фрагменты (стенки, венчики, донца), но и тщательно выявляют фрагменты разных частей одного сосуда в слое, исходя из условий залегания. В итоге, комплексный информационно-измерительный подход, связанный с реконструкцией формы сосудов, селекцией фрагментов керамики по коэффициенту отражения и другим признакам, автоматической регистрацией в базе данных и др. – позволяет наиболее полно решать задачи палеофонографии (Сингатулин, 2004, с. 324–328).

Техническое оснащение, которое используется в подобных исследованиях, обычно представляет собой соединенный через Интернет-портал (соединение GPRS) портативный компьютер, к которому подключается видеочамера с программным видеосервером. Программное обеспечение видеосервера организует захват видеокладов, компрессию видеопотоков, запись в локальный архив, выявление движения, передачу по сети потоков сжатого видео пользователю и пр. В роли пользователя (клиента) может выступать любой компьютер, подключенный к сети через мобильное соединение GPRS и получающий потоки данных с видеосервера. Передача видеоинформации в реальном времени по сети осуществляется с использованием широко распространённого протокола TCP/IP.

В последние годы широкое распространение получили IP-камеры, представляющие собой видеосервер, аппаратно-интегрированный с видеочамерой. В зависимости от функциональных возможностей IP-камеры клиент может получать потоки данных как напрямую с камеры (посредством протокола семейства IP), так и через специальный видеосервер.

Описанные способы организации передачи видео по TCP/IP были реализованы в системе видеонаблюдения и стереофотограмметрической съёмки в ходе охранно-спасательных работ на Увекском городище в 2004–2006 гг. Испытания и опытная эксплуатация показали, что система предсказуемо использует ресурсы сети и с надлежащим качеством обеспечивает выполнение поставленных задач. Система представляла собой аппаратно-программный комплекс, состоящий из следующих функциональных устройств и приложений (см. рис. 1):

- портативный компьютер Toshiba Satellite 1105 (Celeron, частота процессора - 1,1 GHz; оперативная память – 512 MB; винчестер – 40 GB; инфракрасный порт стандарта IrDA);

- сотовый телефон NOKIA 5100 с передачей данных через инфракрасный порт (стандарт IrDA), модемом GPRS (параметры телефонного соединения GPRS с сайта www.nokia.com/support/phones/5100) и использованием про-

граммного приложения Nokia PC Suite v. 6.0;

- WEB-камера Logitech QuickCam Pro 3000 – модель камеры компании Logitech, оснащённой специальной кнопкой получения фотографий, микрофоном, индикатором включения. Дополнительные характеристики: захват кадров формата до 640×480, частота вывода кадров – до 30 fps, форматы сохранения изображений – BMP, TIF, JPEG, PCX, PSD и др., используется USB-протокол. Помимо драйверов поставляется программное обеспечение, предназначенное для работы с видео – MGI VideoWave III SE, графический редактор Adobe PhotoSuite III SE, программное обеспечение для проведения видеоконференций Microsoft NetMeeting;

- программный продукт GPRS-Explorer (BLGE.exe.) для настройки мобильного компьютера при подключении к Интернету через сотовую сеть «Билайн».

Реализованный подход, в ходе проведенных исследований на Увекском городище 2004–2006 гг., показал на существенную роль используемых информационных технологий, особенно при возникновении проблем получения оперативной консультации, выполнения функций обеспечения охранных мероприятий и других поставленных задач.

Можно не сомневаться, что Internet-технологии для демонстрации процесса археологических раскопок, мониторинга и множества других задач, станут неотъемлемой частью археологических исследований.

Литература

Гордеев В.И. Мониторинг археологического наследия в Республике Марий Эл // Тез. научно-практ. семинара «Мониторинг археологического наследия / Институт наследия. М., 1998.

Захарук Ю.Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения // Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 152 с.

Сингатулин Р.А. Применение метода инфракрасной стереофотограмметрии для разведки и идентификации археологических следов и остатков сооружений в условиях современной городской застройки / Археологические записки. Вып. 3. Каменный век. Ростов на/Дону, 2003. С. 183–187.

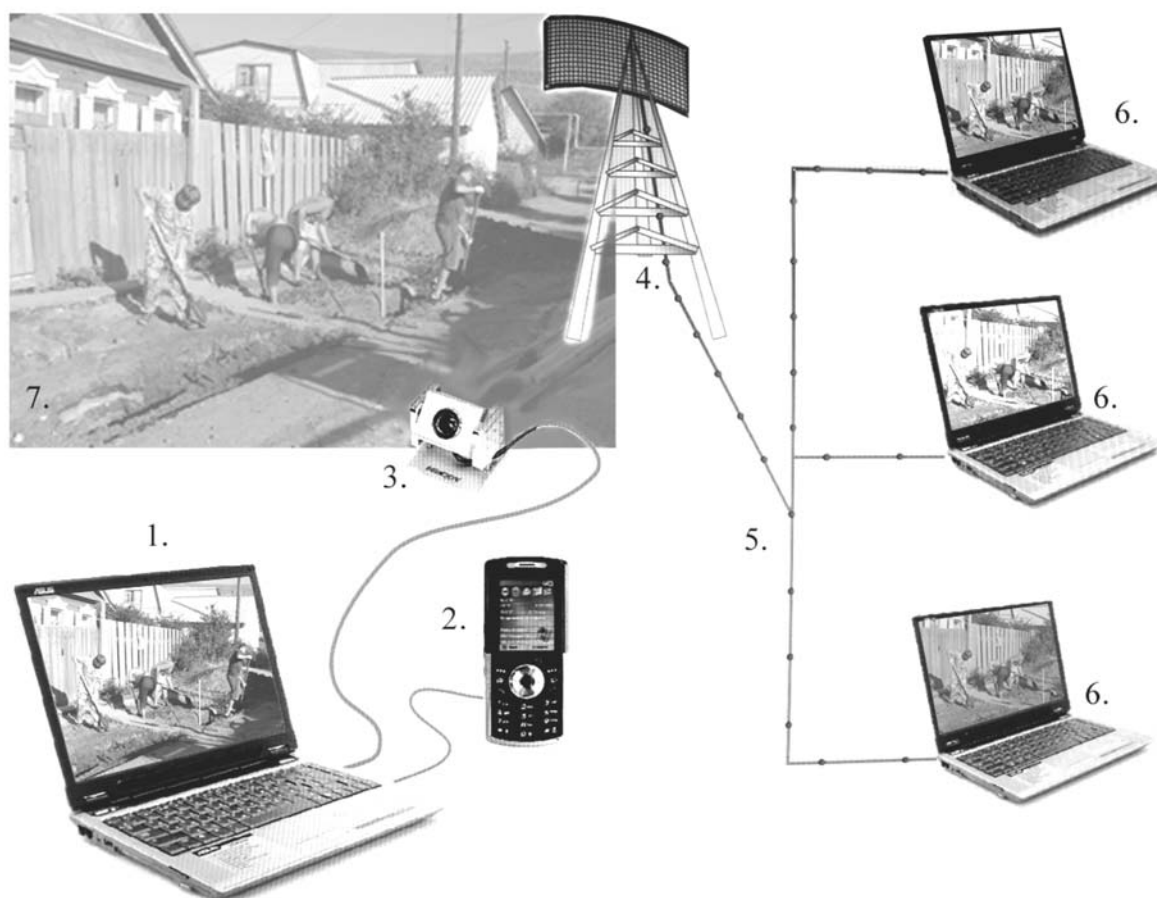
Сингатулин Р.А. Палеофонография: проблемы новых технологий // Археологический вестник. СПб., 2004. № 11. С. 324–328.

Слепак З.М. Геофизический мониторинг с целью сохранения Архитектурного ансамбля Казанского кремля / Археология и естественные науки Татарстана. Казань: Изд-во КГУ, 2003. Кн.1. С. 208–235.

Plotnikov P.K., Singatulin R.A., Ramzaev A.P., Dremov I.I. Application of method of infra-red photogrammetry for identification of underground

archaeological tracks and rests of constructions in urbanist's conditions // IV International Symposium «Turkish-German Joint Geodetic Days». Berlin: Grunding, 2001. P. 339–345.

Singatulin R.A, Rashitov F.A. The Project Virtual UKEK // EVA 2005 Florence Electronic Imaging & the Visual Arts (14–18 March 2005). <<http://vasari.co.uk/eva/florence>>.

Рис. 1. Структурная схема построения WEB-мониторинга при археологических работах (Увек, 2006 г.).

1 – мобильный компьютер, 2 – сотовый телефон с подключением через USB-порт компьютера, 3 – WEB-камера, 4 – приёмная станция сотовой связи, 5 – подключение к сети Internet через поставщика услуг (провайдера), 6 – персональные компьютеры пользователей (клиенты), 7 – участок археологических исследований.

Петр Старостин

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

ОСТАТКИ ДРЕВНЕГО БОЛГАРА У МАЛОГО ИЕРУСАЛИМСКОГО ОВРАГА

Немногие древние города России, как Болгар, последовательно и целеустремленно изучаются. В последние десятилетия проведена большая работа по публикации материалов, полученных на территории этого города. Изучение Болгарского городища и прилегающих к нему территорий связано с именами нескольких поколений исследователей. Но наиболее весомый вклад в изучение и сохранение древностей Болгара внес А.П.Смирнов, который подготовил ряд исследователей-археологов. Алексей Петрович – один из инициаторов создания Болгарского историко-архитектурного заповедника, с интересом посещаемого туристами. Ежегодно на территории Болгарского городища проводятся археологические экспедиции. Они организуются Национальным центром археологических исследований Института истории Академии наук Татарстана и Болгарским музеем-заповедником. В последние годы руководят проведением археологических исследований опытные полевики Р.Ф.Шарифуллин и А.М.Губайдуллин.

По истории и культуре города Болгара подготовлены и опубликованы четыре тома, завершена пятая книга «Очерки духовной культуры города Болгара». До недавнего времени многие исследователи считали, что на Болгарском городище и прилегающих к нему территориях зафиксировано и изучено значительное количество поселений (городища и селища), относящихся к предболгарскому времени. Эти поселения также раскапывались (у д. Подываново, на Коптеловом бугре, Бабьем бугре, а также в подгорной части города Болгара). На данных памятниках проводились значительные археологические раскопки. В слоях этих поселений зафиксированы остатки жилищ, хозяйственных ям-кладовок, а также был собран большой вещевой материал, включающий керамику, орудия труда, остатки оружия и древние украшения, а также другие материалы. Обычно между напластованиями (болгарскими и именьковскими слоями) не было стерильных прослоек. Многие археологи утверждали, что напластования середины I тыс. н.э. перерастали в культуру волжских болгар. Уже в конце 1950 – начале 1960 годов многие археологи выделили памятники предболгарского времени в именьковскую культуру.

Памятники именьковской культуры (поселения и могильники) трудно генетически связывать с культурой волжских болгар. Можно привести примеры, когда между болгарскими слоями и слоями эпохи бронзы отсутствуют стерильные прослойки в наших регионах. Поэтому никто не станет генетически связывать эти напластования. На территории Болгарского городища не было открыто ранних достоверных напластований X столетия. Между тем, в конце пятидесятых и шестидесятых годы раскапывались такие могильники, как Большетарханский, Танкевский, Тетюшский и другие. Материалы, полученные в погребениях этих могильников, представляют собой бесценный источник по датировке и культуре ранних волжских болгар. Поселенческих материалов, синхронных городским раннеболгарским материалам было очень немного. Этот пробел был ликвидирован в конце XX столетия.

В 1988 г. Т.А. Хлебникова пригласила меня провести раскопки на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в северо-восточной части Болгарского городища (за пределами ранних укреплений) на краю надлуговой террасы левого берега Волги, около родника. Случилось так, что местные строительные организации для строительных нужд сняли грунт на площади около 0,5 га, рядом со Святым ключом около с. Подываново. Сохранился лишь останец культурного слоя площадью около 50 кв. м, на правом берегу Малого Иерусалимского оврага. На останце был заложен небольшой (48 кв. м) раскоп. Зафиксированы остатки культурного слоя. Верхняя часть культурного слоя (голубоватый песок) имела толщину всего 7–10 см. Под ним залегал желтый песок. В культурном слое встречались мелкая щебенка, угли, зола и другие включения. При раскопках удалось зафиксировать небольшую часть жилища, по-видимому, землянки. На дне сооружения зафиксированы остатки двух очагов. Судя по остаткам, очаг 1 имел овальную форму (130 x 140 см) и был заглублен в материк на 30 см. Днище очага было уплощенным. Толщина стенок составляла около 20 см. Очаг строился из кусков красного песчаника, скрепленных глиняным раствором. Поверхность этих кусков сильно закоптела. Углуб-

ление очага было заполнено золой и углями. В нем найдено 115 фрагментов керамики. В 108 фрагментах – примеси песка и шамота, в остальных – песка.

Второй очаг также был построен из кусков красного песчаника, скрепленных глиняным раствором. Поверхность кусков также была закоптелой. Размеры данного очага составляли 130 x 110 см. В его заполнении найдено 11 фрагментов керамики: 9 из них лепные, 2 – подправленные на круге. В тесте всех фрагментов – примеси шамота. Данная керамика (рис. 3, 4-7) находит аналогии в материалах Остолоповского селища и Утяковского городища (Хлебникова, 1984, с. 100, рис. 30, 1-5), Косяковского селища (там же, с. 104, рис. 85, 10) и других памятников.

Судя по остаткам, рассматриваемый котлован имел длину 7,4 м, ширину 4,4 м; в заполнении котлована была серая супесь. Дата рассматриваемого сооружения может быть определена по литейной форме, изготовленной из доломита, аналогичной найденной на Юмском могильнике и относимой Г.А. Архиповым к IX–XI вв. (Архипов, 1973, с. 170, рис. 62, 1).

В период проведения работ на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в 1988 г. я осматривал осыпь обнажения его левого берега. Удалось собрать древнюю керамику, которая состояла из фрагментов лепной посуды с примесями толченых раковин и орнаментом в виде оттисков шнура. В обеденный перерыв я показал Т.А.Хлебниковой место находок. Осмотр обнажений показал, что толщина культурного слоя небольшая, в основном, до 50–60 см. Поверхность террасы была задернованная, с уклоном в сторону Волги. Стратиграфия культурного слоя несложная: дерн, темно-серый слой, ниже залегал пестроцвет. Еще ниже фиксировался красный материковый суглинок.

На площади рассматриваемого поселения выявлены остатки полуземлянки (сооружение № 1), раскопанной в 1990 г. в западной части раскопа. Жилище стало прослеживаться на глубине около 40 см. В плане оно подчетыреугольной формы, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Размеры котлована составляли 3,6 x 2,72 м. Заполнение жилища имело темный цвет. Стенки котлована были вертикальными. Глубина дна составляла 0,96 м. В северо-западной части котлована зафиксированы остатки очажного пятна овальной формы (1,6 x 1,2 м). Очаг был построен из кусков песчаника, многие куски которого сильно закоптелые. Среди них встречены обломки костей животных и фрагменты керамики, а также железный нож. В северо-восточной части жилища, на его дне зафиксиро-

ваны остатки второго очага овальной формы размером около 50 x 50 см. Очаг также был построен из кусков красного песчаника. Вдоль северной и южной стенок были зафиксированы остатки обгоревших деревянных конструкций. У юго-восточной стенки прослежены остатки выступа для спуска в жилище. В заполнении нижней части жилищного котлована найдены фрагменты кувшина, украшенного каннелюрами. Цвет кувшина желто-красный.

У входа в жилище на дне были найдены две серебряные монеты. Одна из них, по определению Д.Г. Мухаметшина, датируется 899 г. Определить дату второй монеты не удалось (сохранился лишь ее обломок).

Второе жилище (сооружение 3) было зафиксировано в 1991 г. в северной части 114 раскопа. На глубине 35 см от уровня современной поверхности зафиксированы очертания жилищной постройки (на участках Б-4, 5; В-4, 5, 6; Г-4, 5). Длина сооружения 5,2 м. С южной стороны был пристроен вход шириной 1,68 м и такая же длина была у тамбура. Пол жилища, по-видимому, был деревянным. По углам котлована зафиксированы ямки диаметром около 20 см. В заполнении котлована найдены фрагменты лепной и круговой керамики и кости животных.

Сооружение № 2 111 раскопа зафиксировано на глубине около 40 см от уровня нулевой отметки. Общая длина сооружения составляла около 10 м. В северо-западной части жилища был вход, длина которого составляла около 3 м. Стенки около котлована были отвесными. Ширина входа составляла 1,5 м. Длина котлована 7,4 м, глубина – 0,4 м. Стенки отвесные. В заполнении и на дне котлована не было следов конструкций, практически не встречены древние вещи. Возможно, что жилище не было достроено.

В раскопе 120а (в северной части) зафиксированы остатки жилищной постройки, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Северная часть сооружения разрушена. На глубине 10 см от уровня дневной поверхности зафиксировано дно. В юго-восточной части раскопа зафиксирована хозяйственная яма (сооружение 31). К северо-западу от нее зафиксированы остатки очага, устроенного на глинобитной подчетыреугольной площадке размером 1,2 x 0,6 м. В центре очага было устроено углубление. Большая часть сооружения разрушена. В заполнении жилищного котлована также найден вещевой материал.

В вещевом материале поселения на левом берегу Малого Иерусалимского оврага преобладает керамика, которую можно подразделить на три основные группы. Одна из них – поломс-

ко-ломоватовская: лепная, изготовленная из глины с примесями толченых раковин керамика. Цвет данной посуды серый, желтоватый, темно-серый. Вся посуда круглодонная. На многих ее фрагментах заметны следы зачистки. У одной группы поломско-ломоватовских сосудов горловины прямые, у второй – блоковидные; у третьей группы края сосудов отогнуты в сторону центра горловины. Верхние части покрыты орнаментом в виде зашипов, нарезок, гребенки, оттисков шнура, всевозможных штампов (ромбов, треугольников, кружков). Рассматриваемая керамика находит аналогии в материалах Танкеевского могильника (Казаков, 1971, с. 94–101); городищ Иднакар (Иванова, 1994, с. 136), Весья-Кар (Семенов, 1985, с. 69–71, рис. 15, 4; рис. 16, 1, 2, 4; рис. 17), поселений и могильников верхней Камы раннего средневековья (Голдина, Кананин, 1989, рис. 38, 1, 3, 4 и др.; рис. 42, 6, 7, 8, 9; рис. 43, 9, 23); Еманаевского городища (Лещинская, 1988, с. 86, рис. 6, 1, 2, 4, 7; рис. 3, 1, 7, 8, 9, 11 и др.).

Вторая группа керамики – болгарская гончарная. В коллекции представлены фрагменты кувшинов, горшков, блюд, корчаг и других форм. Цвет рассматриваемой керамики желтоватый и красноватый. При выборке заполнения жилища 1 левобережного Мало-Иерусалимского поселения зафиксированы остатки кувшина с расширением в нижней части тулова. Поверхность сосуда покрыта каннелюрами. Аналогичные формы кувшинов зафиксированы в материалах Танкеевского могильника (Казаков, 1971, с. 99, табл. IVa – вид 8, табл. V – 2; Хлебникова, 1984, с. 87, рис. 87, рис. 22, 6, 9). В материалах рассматриваемого поселения представлены обломки корчаг и стакановидных сосудов.

Третья группа керамики – фрагменты салтово-маяцких сосудов. В глиняном тесте сосудов примесь песка, иногда мелкого шамота. Поверхность тулова горшковидных сосудов, как

правило, покрывалась рифлением (Хлебникова, 1984, рис. 85, 8–11).

В материалах, полученных при раскопках, имеются остатки орудий труда (железные ножи, шилья, обломок железного топора, обломок косы-горбуши, наконечники стрел из кости и железа). Привлекает внимание костяная поделка – копоушка-привеска в виде филина. Лицевая поверхность поделки покрыта орнаментом в виде заштрихованных треугольников.

Дата рассматриваемого поселения подтверждается монетой, встреченной в жилище (оружие № 1). Монета определена Д.Г. Мухаметшиным, ее возраст 898/99 гг. Судя по вещевым материалам, рассматриваемое поселение хронологически близко материалам Танкеевского могильника, расположенного в 15 км к югу от г. Болгара, в низовьях левого берега реки Утки, левого притока Волги.

Литература

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Ижевск, 1989.

Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

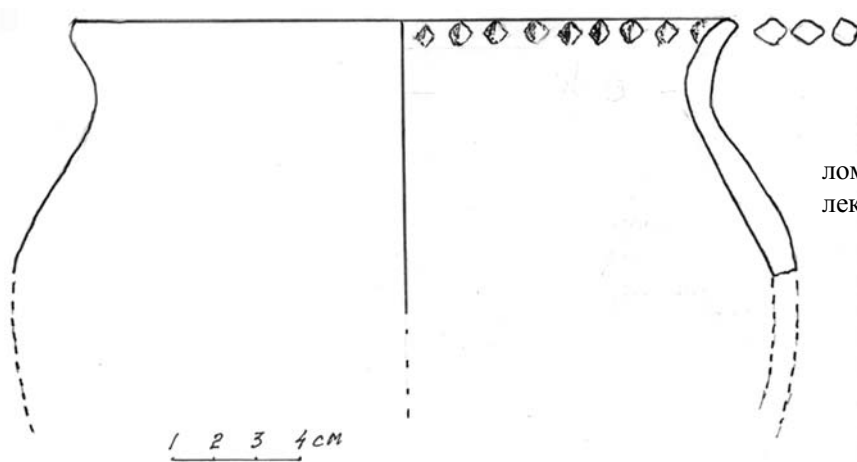
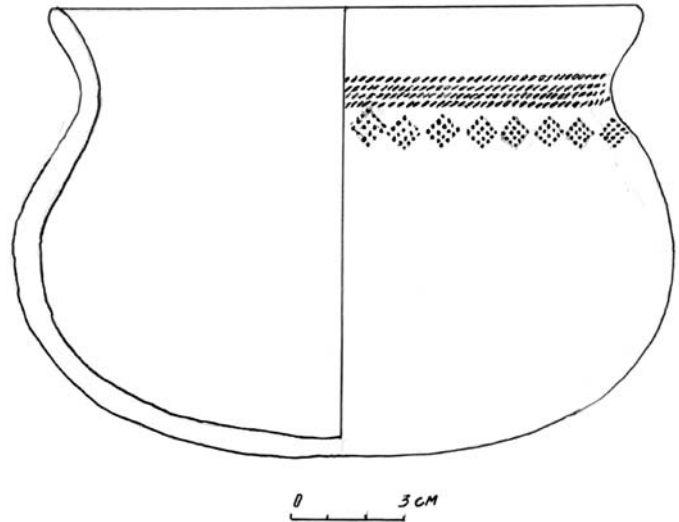
Лещинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.

Семенов В.А. Городище Весья-Кар. Устинов, 1985.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.

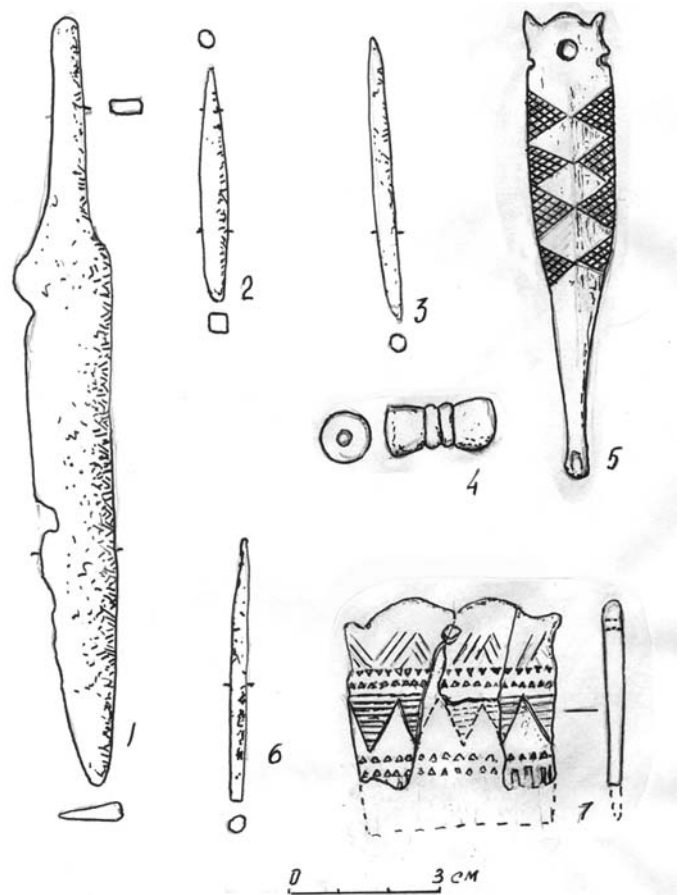
Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. Казань, 1986.

Рис. 1. Сосуд полемско-ломоватовского облика. Шифр коллекции 256-46.

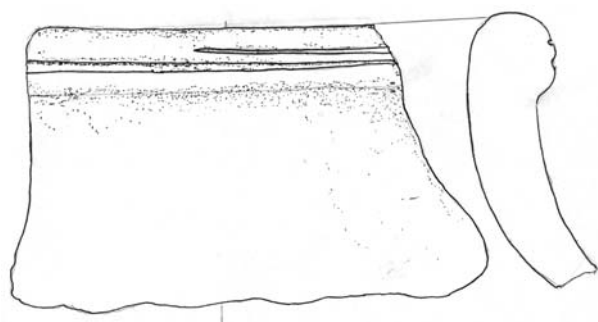
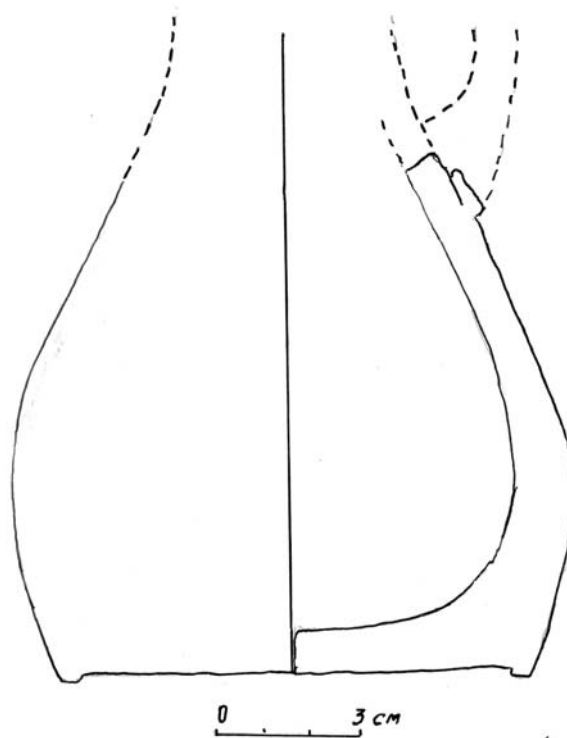

Рис. 2. Верхняя часть полемско-ломоватовского облика. Шифр коллекции 246-38.

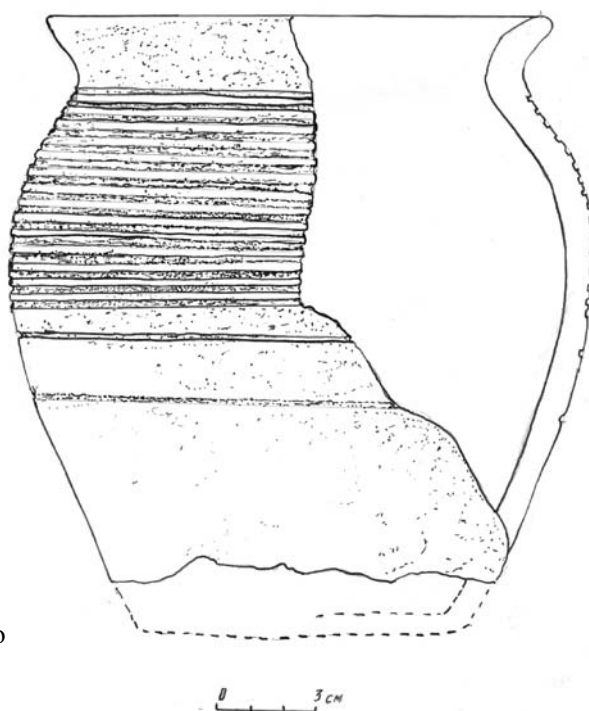
Рис. 3. Находки с поселения. 1-3, 6 – железные изделия (ножи и шилья); 4 – стекло (бусина); 5 – костяная подвеска; 7 – остатки костяного гребешка. Шифр коллекции: 1 – 246 (206); 2 – 241 (198); 3 – 241 (195); 4 – 241 (193); 5 – 241 (190); 6 – 241 (192); 7 – 241 (192).

Рис. 4. Основание болгарского лепного кувшина (рис. 4). Шифр 246-07.

Рис. 5. Венчик болгарской корчаги красноцветного цвета. Шифр 256-35.

Рис. 6. Верхняя часть сосуда салтово-маяцкого облика. Шифр 246-1.

Валерий Флёров

Институт археологии РАН, г. Москва

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ: ПЛАН И РЕКОНСТРУКЦИЯ (научные проблемы в преддверии гибели памятника)

Правобережное Цимлянское городище – один из самых значительных памятников Хазарского каганата (расположено на Нижнем Дону, Ростовская обл.). Известно с середины XVIII в., в научной литературе описывается с начала XIX в. Раскопки разведочного характера по поручению Императорской Археологической комиссии в 1883 г. провел В.И. Сизов одновременно с такими же небольшими работами на Левобережном городище, т.е. Саркеле (Сизов, 1889).

В 20-е годы XX в. М.И. Артамонов в составе Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК провел внешнее обследование городища (Артамонов, 1935, с. 27–30) и отнес его к типу белокаменных салтово-маяцких. В дальнейшем ученый неоднократно писал о городище, в том числе в своем главном труде – «История хазар» (1962), связав гибель белокаменной крепости «с серьезными внутренними событиями в Хазарском государстве», т.н. гражданской войной.

Первые значительные раскопки городища осуществил в 1939 г. И.И. Ляпушкин (1940; 1958). Именно он установил, что основным типом жилищ в крепости были юртообразные; его стратиграфические наблюдения не потеряли своего значения и поныне. Вклад И.И. Ляпушкина в изучение памятников салтово-маяцкой культуры Нижнего Дона, включая Правобережное городище, еще не получил должной оценки.

В 1958–1959 гг. работы И.И. Ляпушкина продолжила С.А. Плетнева. Результатом стало открытие новой серии юртообразных жилищ, главных ворот, остатков северо-восточной угловой башни (Плетнева, 1963; 1994).

В 1987–1988, 1990 Советско-Болгарская экспедиция провела большие раскопки южного угла крепости (Флеров, 1991; 1994; 1996). Впервые на городище были открыты большой хорошо сохранившийся фрагмент основания крепостной стены, основания двух башен, в том числе одной с выходом к Дону, рядом с нею привратная белокаменная постройка из двух помещений. Работы прервал перестроечный крах в стране, финансирование экспедиции прекратилось. Возобновить ее стало возможным только в 2003 г., когда Правобережное Цимлянское городище было включено в программу «Хазарского про-

екта» (Флеров, Петрухин, 2003; 2004); начался новый этап обследования городища.

* * *

Коротко о городище. Стоявшая здесь крепость была возведена в самом конце VIII – начале IX в. из хорошо обработанных блоков белого известняка. В соответствии с рельефом местности имела треугольные очертания, 110 x 130 x 135 м. Толщина стен 4,25 см, высота могла достигать 8 м. Вдоль стен восемь прямоугольных башен. Главные ворота представляли сложную конструкцию, препятствовавшую сквозному проезду. Внутреннее пространство крепости разделено более узкими стенами на три отсека, из которых один являлся цитаделью с выходом в сторону Дона из южной башни восточной стены. Еще в XVIII в. стены и башни крепости сохранялись на высоту до 2–3 м, но тогда же были частично разобраны с целью использовать строительный материал в столице Войска Донского Черкасске. Несмотря на эти разрушения крепостных сооружений, Правобережное городище как археологический памятник сохранилось прекрасно (лучше, чем Саркел, от стен которого оставались только отпечатки). Обвал городища с восточной стороны начался только с 1952 г. под воздействием созданного тогда Цимлянского водохранилища.

* * *

Одна из основных проблем в исследовании городища связана с реконструкцией ее плана. Известно пять планов Правобережного Цимлянского городища. 1. План инженера И. Сацыперова 1743 г. О нем речь пойдет особо. 2. План, опубликованный основателем Донского музея Х.И. Поповым (Попов, 1885). На нем, хотя и в несколько искаженном виде представлена система крепостных сооружений (рис. 1: 1). 3. Точный план В.И. Сизова, на котором, однако, крепостные сооружения не выделены (рис. 1: 2). К концу XIX в. они уже не просматривались (Сизов, 1889). 4. План М.И. Артамонова (рис. 1: 3), представляющий совмещение глазомерной съемки с элементами не подтвердившейся впоследствии реконструкции (Артамонов, 1935, с. 29). 5. Глазомерная съемка рельефа городища, выполненная

С.А. Плетневой в 1958 г. с добавленным мною раскопом 6 (рис. 1: 4). На опубликованном ее варианте (Плетнева, 1993, с. 50, рис. 1) рельеф склонов мыса и контуры площадки городища по состоянию на 1988 г. выполнены уже в моей экспедиции. К сожалению, С.А. Плетнева в указанном издании и своих последующих публикациях воспроизводит неисправленный вариант нашего плана, где очертания «раскопа В.С. Флерова» изображены неправильно*.

Мне не удалось пока выяснить, каким планом пользовался И.И.Ляпушкин при своих раскопках на городище в 1939 г.

Из перечисленных планов несравненно ценность представляет план 1743 г. инженера-капитана Ивана Сацыперова – единственный снятый до полного разрушения казаками стен Правобережной крепости, т.е. когда были видны все куртины и башни (рис. 2). С.А. Плетнева его отвергла: «план Сацыперова мало соответствует истинному расположению укреплений» (Плетнева, 1993, с. 53). Исследовательница недооценила возможности топографии, тем более военной, середины XVIII в.**

Не понял в свое время значение этого плана и М.И. Артамонов – по его мнению, план «очень приблизительно передает очертания городища» (Артамонов, 1935, с. 28). Удивительно, но оба автора не сделали попытки совместить контуры крепости по планам И. Сацыперова и собственным. Ни Артамонов, ни Плетнева так и не опубликовали этот уникальный документ. Это много позднее сделали ростовские историки (Коршиков, Миненков, 1999). В «Истории хазар» в 1962 г. М.И. Артамонов публикует план Плетневой, отказавшись от собственного.

* В статью 1993 г. С.А.Плетнева вставила, не предупредив меня, еще не выверенный план, выполненный непрофессиональным топографом в моей экспедиции. В очередной полевой сезон (1988 г.) план был перепроверен, выправлен и в таком виде я его и опубликовал впервые на странице 102 «Российской археологии», №1/1996. К сожалению, план Плетневой с искаженными очертаниями южного угла площадки городища и, соответственно, восточной кромки моего раскопа «пошел гулять» по разным изданиям, в том числе попал и в новое издание «Истории хазар» М.И. Артамонова (2002. С. 322).

** Немногом ранее, в 1730 году, другой военный инженер поручик Артамон Сацыперов составил план Казанского кремля (Ситдииков, 2006, рис. 182). Совпадение времени и сходство с фамилией Сацыперов заставляет предполагать, не являются ли они родственниками. Вне зависимости от этого возникает вопрос, почему одному из бывших почти современниками инженеров можно доверять, а другому нельзя? Интересно, что манеры исполнения обоих планов схожи.

Недоверие М.И. Артамонова и С.А. Плетневой к плану 1743 г. вызвано направлением внутренних стен крепости по Сацыперову. Оба не учли, что рельеф городища резко изменился после того, как был перекопан казаками, разобравшими стены крепости почти до основания. Здесь я должен подчеркнуть, что *военный* инженер в чине капитан-поручика был послан на Дон отнюдь не с научными целями. В Петербурге предполагали, что древнюю крепость, будь она в хорошем состоянии, возможно восстановить. И. Сацыперов, имевший задание выяснить реальное состояние дела, в принципе не мог допустить существенных ошибок при выполнении плана крепости. Весьма ценно, что в своем рапорте о результатах поездки на Дон он описал состояние крепости и обстоятельства выполнения плана: «*И тому месту, и всему каменному строению сочинен план, и профили, в каком состоянии ныне, и как было до приезда моего, тако ж в прошлом годе, как окопана от стен снаружи и изнутри накидная земля с разбитыми камнями, и от стен в которых местах до фундаменту отобран камень и перевезен в Черкасской... При сем рапорте приобщаю (упомянутый план. – В.Ф.) для лучшего рассмотрения. Инженер-капитан Иван Сацыперов*». Ясно, что С.А.Плетнева не приняла во внимание «накиданную землю с камнями».

Вопреки мнению обоих авторов, план внешней линии крепостных стен с расположенными на них башнями у И. Сацыперова удивительно точен. Во-первых, внешние очертания и размеры крепости на чертежах И. Сацыперова, М.И. Артамонова и С.А. Плетневой совпадают. Исключение – восточная стена, которая у И. Сацыперова изображена более точно – с изломом у башни V (башни на чертеже И. Сацыперова пронумерованы мною – В.Ф.). Мало того, М.И. Артамонов ошибочно «дополнил» западную стену еще двумя башнями помимо обозначенной у И. Сацыперова башни VIII. Во-вторых, на чертеже И. Сацыперова изображены детально главные ворота крепости, которые в 1958 г. были обнаружены С.А. Плетневой. В-третьих, само расположение башен. Башня I на планах И. Сацыперова и С.А. Плетневой находится на совершенно одинаковом удалении от северо-восточного угла крепости – около 65 м. Она есть и на плане М.И. Артамонова. Раскопки С.А. Плетневой подтвердили, что она действительно прямоугольная и выступала за линию крепостных стен, как это изображено у И. Сацыперова. На всех трех планах изображена башня II. У М.И. Артамонова и С.А. Плетневой ее местоположение нарисовано в виде выемки, возникшей на месте разобранной в XVIII в. башни.

Существование угловой башни III подтверждено раскопками С.А.Плетневой, хотя она явно была прямоугольной, а не пятиугольной, как не очень настойчиво предполагала исследовательница. Место башни IV чертежа И. Сацыперова также хорошо заметно на плане С.А. Плетневой. Оно выделено и на плане М.И. Артамонова в виде Г-образной выемки.

Места расположения башен IV и V уже обвалились, подмытые Цимлянским водохранилищем (см. линию обрыва на 1988 г. на рис. 1: 4).

Мои раскопки 1987–1988, 1990 гг. подтвердили и в то же время уточнили план южного угла крепости (рис. 3). То, что у И. Сацыперова изображено как башня VI, действительно оказалось башней с примыкавшим к ней большим привратным помещением. Основание башни хорошо сохранилось до 1988 г. Наконец, *совершенно точно* на отмеченном И. Сацыперовом месте мы обнаружили в 1990 г. остатки основания башни VII. Как и изображено у И. Сацыперова, она прямоугольная и выступает за линию крепостной стены (Флёров, 1991, с. 161, рис. 1). Наше уточнение состояло в следующем: И. Сацыперов в один большой прямоугольник объединил башню VI с привратной постройкой. В ходе раскопок это выяснилось, как и то, что южный угол крепости был округлым, а не острым. Его и фланкировали башни VI и VII.

План И. Сацыперова в сочетании с данными раскопок позволяет уточнить размеры крепости: северная стена – 110 м, восточная – 130 м, короткая северо-западная с главными воротами – 25 м. Восстанавливается и расстояние между башнями. Оно нигде, кроме западной стены с ее одной башней, не превышает 45 м, что вполне достаточно для прицельной стрельбы из луков вдоль стен на половину этого расстояния, т.е. максимум на 22–23 м. Западная же стена была прекрасно защищена крутым склоном балки.

Перекрестная проверка планов И. Сацыперова, М.И. Артамонова и С.А. Плетневой в сочетании с данными раскопок абсолютно подтвердили достоверность чертежа И. Сацыперова в части внешней оборонительной линии. Реконструкция М.И. Артамонова представляет ныне чисто историографический интерес, а ценность чертежа С.А. Плетневой состоит, прежде всего, в отражении рельефа городища после перекопки его в XVIII в. и последующих изменений.

Дав негативную оценку съемке И. Сацыперова, С.А. Плетнева соответственно не стала анализировать его чертеж внутренних стен крепости. Последнее же особенно необходимо, поскольку именно в этом между чертежами Артамонова–Плетневой и Сацыперова заклю-

чаются принципиальные расхождения. Общее между ними – деление крепости на три отсека. Назовем их условно привратным (северо-западный треугольный), основным (северный прямоугольный) и южным (почти треугольный). Основной соединяется с привратным и южным проемами-воротами во внутренних стенах. В правильности изображения ворот-проходов во внутренних стенах И. Сацыперовым у меня нет сомнений – он уловил различающие их элементы: проход между привратным и основным отсеками более широкий и не имеет пилонов; проход между основным и южными отсеками более узкий и с пилонами, а рядом расположено квадратное строение.

На чертеже И. Сацыперова северо-восточный отсек прямоугольный. На плане М.И. Артамонова предвратная стена стыкуется с северной крепостной также почти под прямым углом, зато на плане С.А. Плетневой этот угол острый, как и угол между поперечной стеной и восточной крепостной. В итоге чего северо-восточный отсек крепости приобрел очертания неправильного четырехугольника.

Поперечная стена, разделяющая основной и южный отсеки крепости, по С.А. Плетневой в полтора раза длиннее, нежели у Сацыперова. Наоборот, у Сацыперова «удлинен» предвратная стена. Особо разительно то, что поперечная стена по Сацыперову упирается в башню IV, а по Артамонову–Плетневой – в башню V.

Обратимся в поисках истины к замерам в публикации Х.И. Попова. По ним длина предвратной стены 26 сажень, что соответствует ее длине у С.А. Плетневой – 55–56 м. Длина отрезка западной крепостной стены от южного угла до стыка с предвратной – 51 сажень, что примерно равно 110 м по Плетневой. Между башнями I и III по Попову 30 сажень, что совпадает с данными С.А.Плетневой – 60–65 м. Совпадает и ширина основного сектора по линии предвратной стены – 15 сажень, или 32–33 м. Однако ширина северо-восточного сектора вдоль восточной стены по Попову и Плетневой различна. У С.А. Плетневой это не менее 80 м (расстояние между башнями III и V). По Попову она равна 20 сажень, или 42–43 м (расстояние между башнями III и IV). Примерно такая же она и у И. Сацыперова! В целом же конфигурация основного отсека в публикации Х.И. Попова значительно ближе к чертежу И. Сацыперова, нежели С.А. Плетневой. Примечательно, что на чертеже Попова есть изображение ворот между основным и южным отсеками в том же месте, где и у И. Сацыперова. Загадкой на чертеже Попова остается изображение громадной башни на восточной стене. Какой башне оно

соответствует по Сацыперову, сказать трудно, хотя при поверхностном подходе ее можно идентифицировать с башней IV, что будет, однако, противоречить замерам Попова.

Что касается чертежа внутренних стен по М.И. Артамонову, то направление предвратной стены у него ближе к сацыперовскому, а направление поперечной ближе к изображенному С.А. Плетневой.

При всей результативности проведенного сравнения планов крепости все же следует постоянно помнить, что И. Сацыперов имел неоспоримые преимущества перед позднейшими исследователями – он работал в условиях, когда стены и башни были еще хорошо сохранившимися. Кстати, какая-то часть стен была хорошо видна и в 1844 г., что позволило совершенно точно указать их толщину – «не более 2 сажен» при сохранности в высоту до 2 локтей (Попов, 1885, с. 270). Две сажени равны 4,26 м, что абсолютно совпадает с шириной крепостной стены, установленной в ходе наших раскопок – 4,25 м.

Итак, внутренняя планировка крепости в варианте И. Сацыперова еще не полностью подтверждена раскопками, но нет оснований не доверять ему – свое мастерство топографа он подтвердил на примере точнейшей съемки внешних стен и башен. Нет оснований не доверять замерам, приведенным Х.И. Поповым, а тем более С.А. Плетневой. Следует, однако, иметь в виду, что съемка 1958 г. велась по поверхности перекопанного, обезображенного памятника. Пока ни один из раскопщиков не исследовал внутренние стены Правобережной крепости. В силу случайности линия поперечной стены в варианте И. Сацыперова проходит между площадями, вскрытыми И.И. Ляпушкиным и С.А. Плетневой, едва касаясь углов раскопа 1939 г. и раскопа № 2 1958 г. Правда, линия поперечной стены была пересечена С.А. Плетневой траншеей шириной в 1 м, но результатов это не дало. План И. Сацыперова, может быть, будет проверен при целенаправленных раскопках по обозначенной им схеме расположения внутренних стен и ворот в них. Это дело будущего

На основе плана Ивана Сацыперова и данных раскопок С.А. Плетневой и автора выполнена реконструкция облика Правобережного городища (художник О.В. Федоров). Она не лишена недостатков, но в целом достаточно достоверна (рис. 4).

Сегодня, однако, уточнение плана крепости – не главная проблема для Правобережного Цимлянского городища.

* * *

Цимлянское водохранилище, над которым нависает городище (рис. 5), с момента заполнения в

1952 г. с ускоряющейся скоростью разрушает свои берега. Идет обыкновенная для России экологическая катастрофа, которая одновременно стала и археологической. Вслед за затопленными памятниками археологии, включая Саркел, гибнут другие. Не только Правобережное Цимлянское городище, но и целая свита соседних. Трудно теперь сказать, что предполагали проектировщики водохранилища, и насколько была исследована геология будущих его берегов, которые, как оказалось, немедленно начали разрушаться.

С 1952 г. западный берег водохранилища продвинулся на 150 м. Проводимые экспедицией с 2003 г. замеры, показали, что продвижение кромки берегового обрыва перед городищем составляет в среднем 54 см в год. Ежегодно исчезает минимум до 90 кв. м площади памятника. В настоящее время гибнет последний висящий над обрывом участок восточной крепостной стены, открытый в 2006 г. Продвижение берега (высота 43 м) с учетом небольших размеров памятника приведет в ближайшие десятилетия к полному его исчезновению. Указанный участок стены исчезнет в ближайшие 4–5 лет.

Нет оснований надеяться, что государство в лице Министерств культуры, природы, водных ресурсов, ведомств, отвечающих за состояние искусственных водоемов, местных органов охраны памятников* примет ответственность за происходящее и начнет финансирование спасательных раскопок. Прежнее законодательство СССР и существующее РФ не предусматривает подобного (проблема освещена в: Бородин П. 2006). Финансирование четырехлетнего мониторинга и небольших начатых в 2006 г. спасательных раскопок ведет негосударственная организация – Российский Еврейский конгресс (РЕК) исключительно в силу понимания рядом его деятелей сложившейся ситуации. Работы идут по Программе «Хазарский проект» поддерживаемой РЕКом. Однако, ни РЕК, ни любая другая общественная организация не в состоянии бесконечно выделять средства на весь комплекс спасательных раскопок, да это и не их дело. Это дело государства, которое придало всем памятникам археологии федеральный статус.

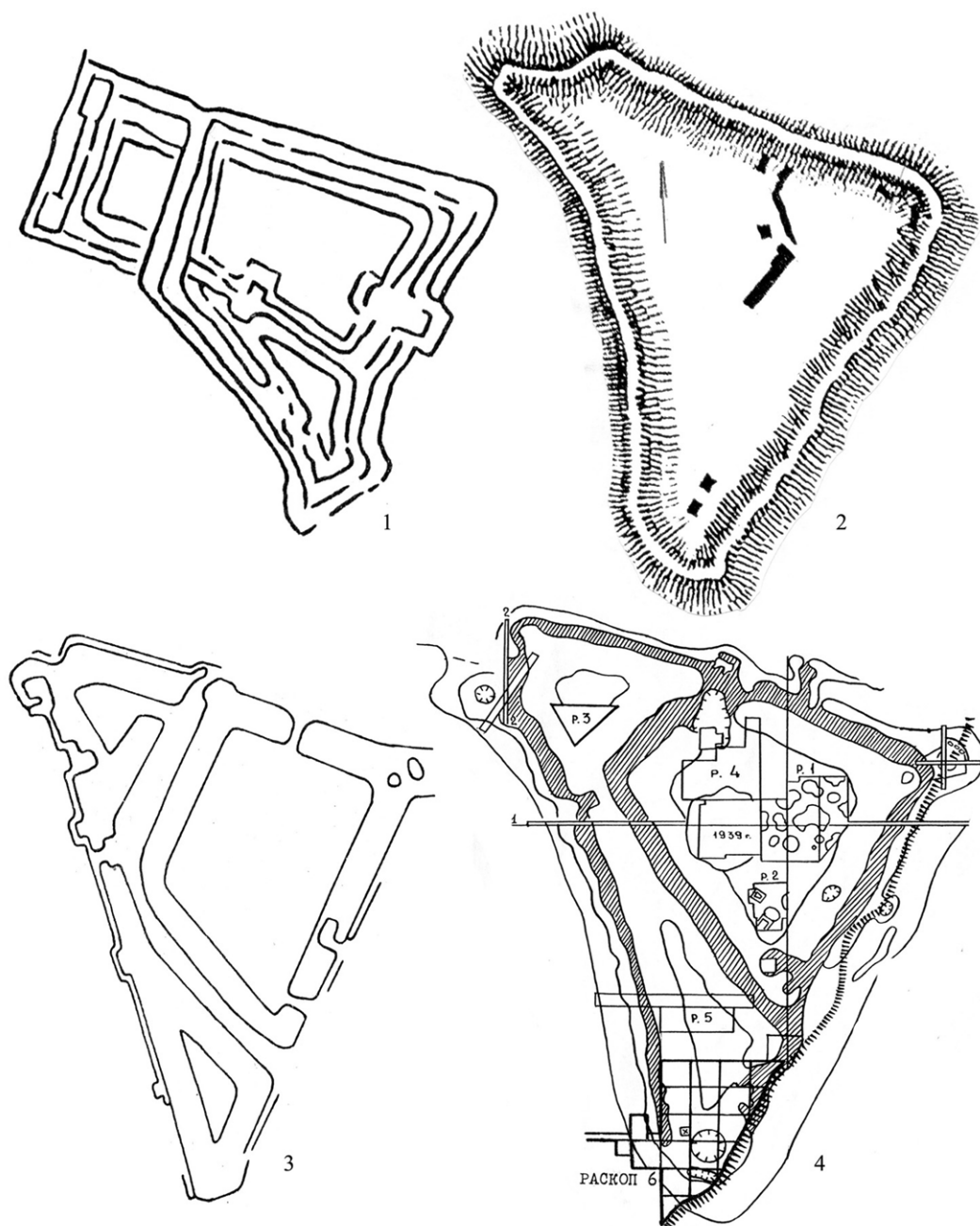
* Ситуация принимает подчас анекдотичный характер. В ответ на письмо дирекции ИА РАН с просьбой содействовать установке на городище информационного щита для посетителей зам. министра культуры Администрации Ростовской области В.М. Гелас ответил за № 01-16а/4167 от 23.08.2006 г.: «В соответствии с пунктом 1 статьи 27 Федерального закона порядок установки информационных надписей на объекты культурного наследия федерального значения определяется Правительством Российской Федерации. В настоящее время порядок не определен».

Судьба Правобережного Цимлянского городища, как сотен памятников археологии на водохранилищах Волги, Кубани и других рек, ставит новые для нашего общества вопросы: юридическая ответственность высших исполнительных институтов РФ (в данном случае как правопреемницы СССР) за решения, повлекшие разрушение памятников культуры, включая археологические, и такая же ответственность за бездействие при их гибели вследствие указанных решений.

О последствиях преступных решений, повлекших трагедию Волги уже написана монография (Бурдин, 2005). Та же трагедия охватила и Цимлянское водохранилище.

Литература

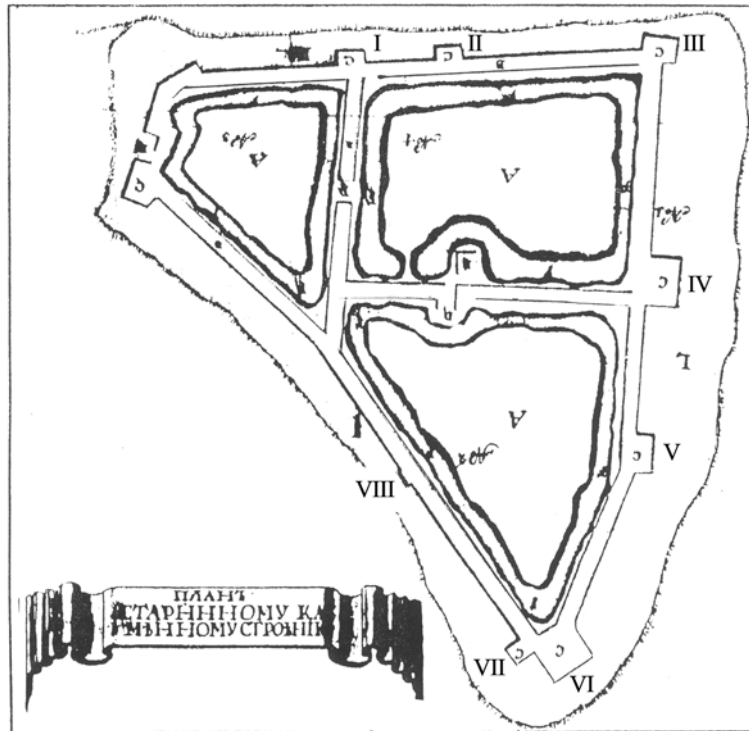
- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 131.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962
- Артамонов М.И.* История Хазар. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002.
- Бородин П.* Прибрежная археология // Достояние поколений, 1/2006. М.
- Бурдин Е.А.* Волжская Атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск (Симбирск), 2005.
- Коршиков Н.С., Миненков Н.А.* Новые документы о Правобережном Цимлянском городище // Донская археология. № 1. Ростов-на-Дону, 1999.
- Плетнева С.А.* История одного хазарского поселения // РА. № 2. 1993.
- Попов Х.И.* Где находилась хазарская крепость Саркел? // Труды IX Археологического съезда. Т. I. М., 1885.
- Сизов В.И.* Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI АС. Т. IV. Одесса, 1889.
- Ситдинов А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское (Деснобрежно Цимлянско) городище по раскопкам 1987–1988, 1990 гг. // Проблемы на прабългарската история и култура. Вып. 2. София, 1991.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.
- Флёров В.С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. № 1. 1996.
- Флёров В.С., Ермаков С.Н.* Цимлянское водохранилище – зона археологического бедствия (по итогам работы экспедиции «Хазарский проект» в 2004 г.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2005.
- Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Хазарские крепости под угрозой // Еврейские новости. № 26 (050), июль 2003. М.
- Флёров В.С., Петрухин В.Я.* Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Выпуск двадцатый. Азов, 2004.

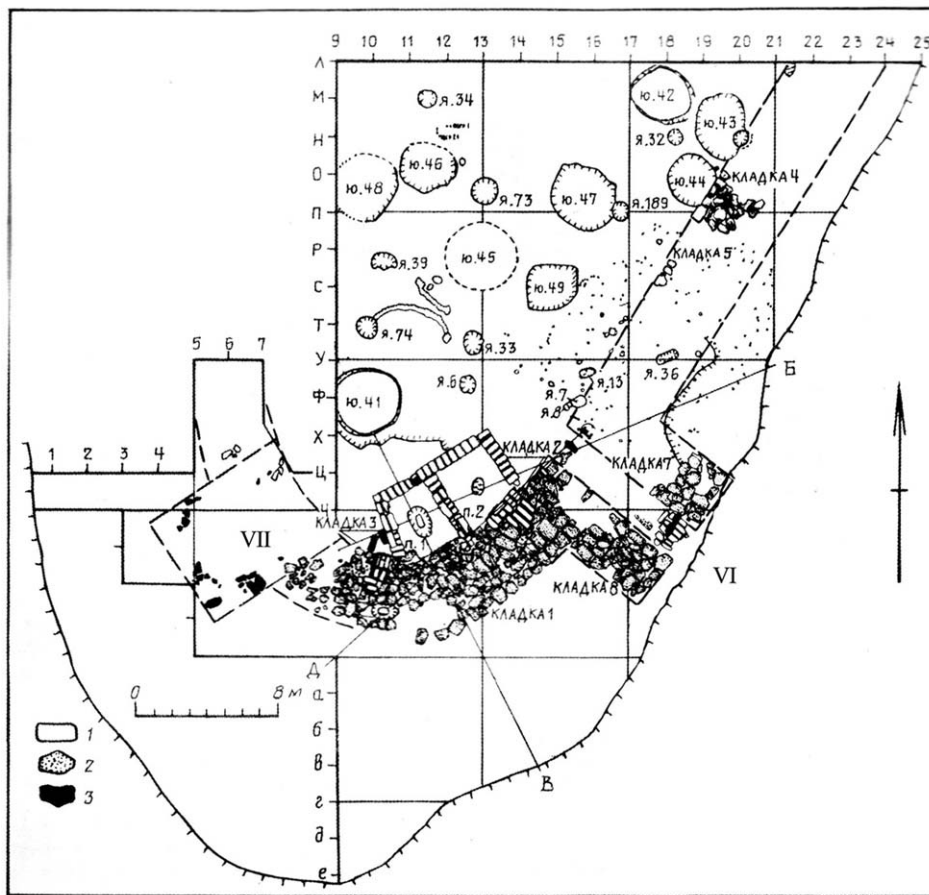
Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище.

1 – план Х.И. Попова, 1844 г. 2 – план В.И. Сизова, 1883 г. 3 – план М.И. Артамонова.

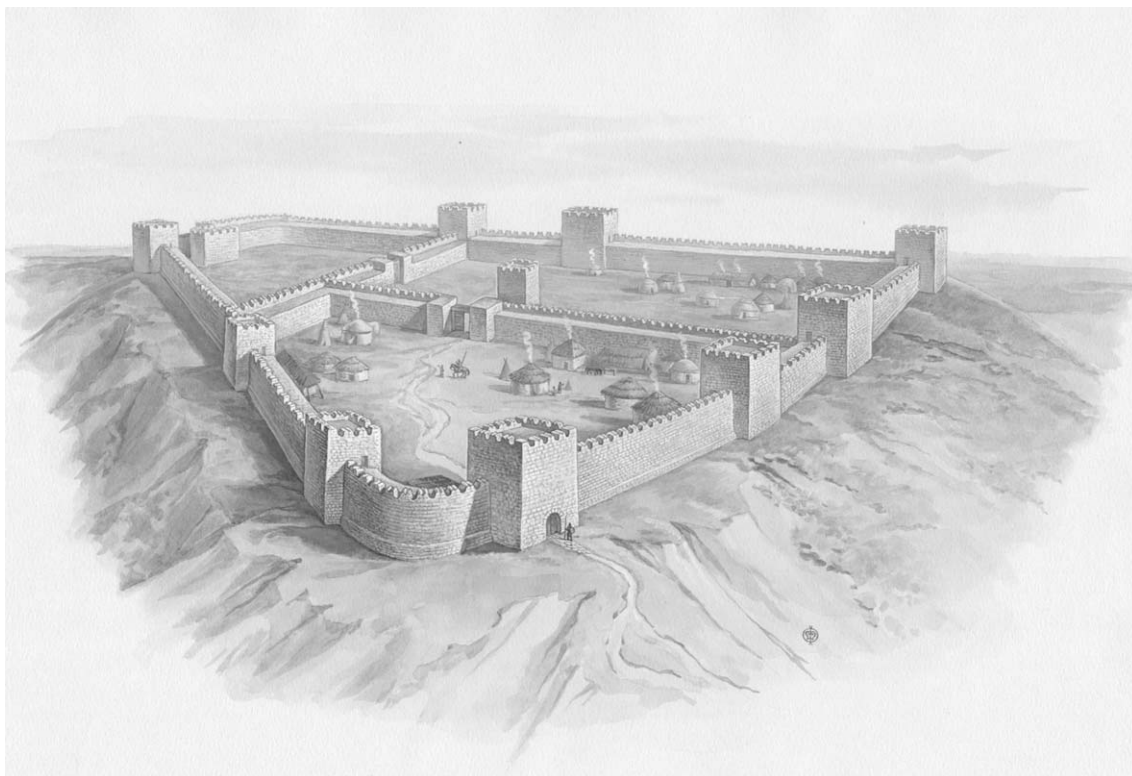
4 – план С.А. Плетнёвой, 1958 г. (добавлен раскоп 6 В.С. Флёрова, 1987-1990 гг.).

Рис. 2. Правобережное цимлянское городище. План Ивана Сацыперова, 1743 г. План публикуется с ориентацией на Север. Номера башен и название внутренних стен по В.С. Флёрову.

Рис. 3. Правобережное Цимлянское городище. Южный угол крепости с башнями VI, VII и постройкой с двумя помещениями.

Рис. 4. Правобережная Цимлянская крепость. Реконструкция В.С. Флёрова и О.В. Фёдорова.

Рис. 5. Картина разрушения Правобережного Цимлянского городища водохранилищем. Фото 2003 г.

Иштван Фодор

*Венгерский Национальный музей, г. Будапешт
Сегедский государственный университет, г. Сегед*

ЕВРАЗИЙСКАЯ СТЕПЬ И КАРПАТСКАЯ КОТЛОВИНА

Общеизвестно, что предки венгров долгое время проживали в степной зоне Евразии и были кочевниками. Первые письменные источники в VIII–IX вв. описывали их как типичных кочевников и чаще всего называли их тюрками или оногурами. Этим историческим фактом объясняется особый интерес венгерских исследователей к истории евразийских кочевников и территории их проживания. Этот интерес вызван также и тем, что на территории настоящей родины венгров – Карпатской котловины – начиная с раннего железного века поселились различные кочевые народы восточного происхождения (скифы, сарматы, гунны, авары, сами венгры, печенеги, торки, половцы, ясы) и эта была самая западная территория, где поселились кочевники.

Данный исторический факт давно объясняется тем, что Большая Венгерская низменность (100 тысяч кв. км) является самым западным краем евразийской лесостепи. (Подобными географическими условиями распалагает Малая Венгерская низменность – около 10 тыс. кв. км, и к западу от нее – т.н. Венская котловина.) Однако, несмотря на это, все кочевые народы, пришедшие в Карпатскую котловину с востока и прожившие здесь более продолжительный период времени, в большой мере изменили свою культуру. В последнее время на это обратил внимание И. Бона (Bóna 1979). Он подчеркивал, что Карпатская котловина (вернее, ее восточная часть) в определенные периоды составляла культурное единство с восточноевропейской степью и лесостепью, и в археологическом материале почти нет следов переселения с востока (предскифская и скифская эпохи). Когда исторические источники свидетельствуют о переселениях, культура пришельцев очень быстро изменяется под влиянием местных культур и весьма трудно найти преемственность их культуры в Восточной Европе. На новой территории эти народы быстро меняют не только свою материальную культуру, но и свое хозяйство. Указанную преемственность мы в большей мере можем найти в их духовной культуре (например, у древних венгров).

К сожалению, И. Бона совершил ошибку, желая преуменьшить значение переселений этнических

групп и отрицая преемственность культуры народов, переселившихся из Восточной Европы в Карпатскую котловину. При этом он оторвал явления духовной культуры (погребальный обряд) от материальной культуры, что является недопустимым при исследовании преемственности культур. Вслед за ним Ч. Балинт вообще отрицал преемственность археологического материала древних венгров IX и X вв. (Bálint 1994). Неправильность такого положения не трудно доказать при анализе археологических источников Восточной Европы и Карпатской котловины данного периода (ср.: Fodor 1994; 2007).

Мы полагаем, что указанное явление (т.е. изменение культуры восточных кочевников в Карпатской котловине) объясняется географическими и хозяйственными условиями степи и лесостепи.

Огромная евразийская аридная степная полоса, как известно, к западу от Алтайских гор осадки получает со стороны Атлантического океана, а в Центральной Азии от циркулярной зоны муссона и восточного антициклона. В среднем годовые осадки степи колеблются между 100 и 500 мм, но центральноазиатские территории являются более аридными, где годовые осадки во многих местах составляют всего 100–200 мм (Brentjes 1994). Необходимо также отметить, что количество осадков может колебаться из года в год довольно капризно и это является особенно характерным для Центральной Азии. Известно, что даже не особенно значительное изменение годовых осадков очень резко отражается на количестве поголовья скота. При уменьшении годовых осадков на 30% число содержащихся животных на той же территории уменьшается примерно на 80% (Brentjes 1994, Györfy 1994). Не трудно себе представить, что в таких случаях кочевые коллективы вынуждены были оставить свои пастбища и найти новые, более благоприятные территории.

Такие вынужденные переселения случались чаще на более аридных территориях, имея в виду всю степную полосу. Эти миграции были наиболее характерны для Центральной Азии и чаще всего они были направлены с востока на запад – с территории Центральной Азии в по-

волжские и потом причерноморские степи. Миграции же в обратном направлении были единичными. Поэтому вряд ли прав Л. Вайда, считающий большинство известных письменных источников о переселении кочевников литературным топосом (Vajda 1974). Не отрицая возможность таких топосов, мы не должны забывать о том, что по археологическим данным нам известно множество таких миграций, о которых молчат письменные источники. Автор отрицает далее существование т.н. «цепной реакции», когда перемещение значительных союзов племен вызывает целый ряд миграций кочевых народов и племен. Однако существование таких миграций в прошлом не трудно доказать. Примером может служить переселение гуннов или продвижение на запад племен Тюркского каганата, которые вызывали переселения множества кочевых групп на новые территории (например, на территорию Приуралья и Прикамья, см.: Schmidt 1927; Генинг 1959; 1972, с. 294–295; 1976.; 1977, с. 136; Гольдина 1999, с. 259–277; Королев, Мурыгин, Савельева 1997; Белавин, Крыласова 2002, с. 129–141)¹. Пример такого рода переселения мы можем привести и из истории древних венгров. В 893 г. в Средней Азии торки потерпели поражения от войск саманидского правителя. Торки же напали на печенегов, живших в окрестности р. Урала и угнали их из этой территории. Печенеги продвинулись на запад и в союзе с дунайскими болгарами в северо-западном Причерноморье напали на венгров, которые потом поселились в Карпатской котловине (Györffy 1985, р. 234–235).

В то же время нельзя отрицать, что Л. Вайда был прав во многих своих положениях, т.к. было бы большой ошибкой упрощать процесс миграций кочевников. Они ведь в действительности были весьма сложными, и вероятно, каждая из них была своеобразной, к тому же они были вызваны в большинстве случаев не просто изменениями экологических условий. Можно даже предполагать, что *только* экологические факторы сами по себе весьма редко приводили к миграциям. Известные нам исторические факты подтверждают, что все кочевые общества были сильно привязаны к своим пастбищам и

зимовкам, давно хорошо знакомым маршрутам и кладбищам своих предков. Поэтому миграции начинались обычно при наличии других принудительных обстоятельств (нападение сильных врагов или его опасность и пр.).

Нам известны примеры из древней истории венгров, указывающие на то, что и в таких случаях обычно не весь народ продвинулся сразу в поиск новой родины, а только часть его. Когда часть венгров с территории Магна Хунгарии (Приуралья) продвинулась на запад и перешла Волгу – по мнению автора где-то в середине VIII в. (Fodor 1982, р. 208–210) – значительная часть этноса осталась на прежней территории, потомки которых и нашел доминиканский монах Юлиан в 1236 г. (Фодор 2006). Но такое же явление мы можем наблюдать и в истории других народов. Несомненно, например, что часть хазар осталась в Центральной Азии (они жили в Уйгурском каганате в VIII в.) после того, как их основная масса переселилась в Восточную Европу (см.: Róna-Tas 1999, р. 228–229)². Такие случаи разделения на две части кочевых этнических групп, видимо, объясняются тем, что овладение новой, более благоприятной территорией было часто не предсказуемым и весьма рискованным делом. Поэтому часть населения была оставлена на прежней территории обитания, чтобы в случае неудачи можно было вернуться ушедшим группам. В случае же удаче овладеть новой территорией по ряду причин оставшиеся группы не следовали, или не смогли следовать за ушедшими. Но память о другой части населения сохранилась очень долго, как это доказывает сохранение у дунайских венгров памяти о приуральских и кавказских венграх вплоть до XIII в. (Фодор 2006).

Итак, путь миграций кочевников обычно вела с востока на запад, несмотря на то, по каким причинам они начинались. Исходным пунктом крупных миграций почти во всех случаях были центральноазиатские степи. В этом играли существенную роль экологические условия. Эти миграции в определенные исторические периоды образовывали т.н. «цепные реакции», когда передвижение одного народа или племенной группировки приводило к вынужденной мигра-

¹ За последние годы были высказаны предположения об обратных, западно-восточных, миграциях. Согласно этим теориям, носители именьковской культуры и население Тураевских курганов мигрировали с территории черняховской культуры на восток во время гуннского нашествия (Седов 1994, с. 314–315; Матвеева 1996, с. 62–63; Гольдина 1999, с. 274). К сожалению, ни письменные источники, ни данные археологии и языкознания не позволяют нам согласиться с данными гипотезами (Фодор 2004).

² А. Рона-Таш полагает, что центральноазиатские хазары, этноним которых фигурирует в форме *хасар* в терхинской и тезинской уйгурских надписях в Монголии середины VIII в., откочевали сюда из Восточной Европы в конце 730-х годов вследствие арабских походов (Róna-Tas 1999, р. 229). Однако у нас нет никаких данных, подтверждающих такое переселение хазар. Более вероятно, что часть хазар осталась на территории своей прежней родины, когда в VI в. другая часть народа переселилась в Восточную Европу.

ции других кочевых групп. Были также определенные «степные магистрали», по которым время от времени проходили крупные миграционные волны. Самой известной такой магистралью был путь, проходивший между горами Южного Урала и Аральским озером. Но есть и менее значительные магистрали. Одной из таких мы считаем путь из Южного Приуралья через причерноморские степи в Карпатскую котловину. По нему проходили сарматы: в прохоровскую эпоху из Приуралья в Поволжье, в III в. до н.э. до Днепровского Левобережья, а около начала н.э. в Нижнее Подунавье и дальше в Карпатскую котловину (Мошкова 1974; Смирнов 1984). По сути дела этот же путь прошли древние венгры из Магна Хунгарии через Лебедию и Этелкузу примерно на тысячу лет позже. Отличается только последняя фаза этого пути: языги, роксоланы и аланы достигли Венгерской низменности по берегам Нижнего Дуная, а древние венгры прошли по Верецкому перевалу, что объясняется геополитической обстановкой того времени (Fodor 1982, p. 216–217). Обе эти миграции были медленными, они длились столетиями и, естественно, не могли проходить по заранее задуманному плану. Их направление было, видимо, определено географическими и экологическими условиями восточноевропейской степи и лесостепи.

Самыми благоприятными природными условиями располагали причерноморские степи, где годовые осадки достигают 400–500 мм. Эта территория была благоприятна и по ряду других условий: тут располагались причерноморские города со своими рынками и т.д. Она не случайно привлекала к себе внимание восточных кочевников.

Способы кочевания в причерноморских степях неоднократно описаны древними авторами. В 1243 году Плано Карпини оставил ценные сведения о кочевании монгольских вождей на территории Золотой Орды по берегам больших рек: Урала (Яика), Волги, Дона, и Днепра (рис. 1) (Györffy 1970, p. 193). Кочевали они от южных зимников до северных летних пастбищ так же, как, вероятно, все кочевники до и после них.

Если формально смотреть на карту, природные условия Венгерской низменности мало чем отличаются от украинской лесостепи. Годовые осадки тут составляют 500–600 мм. Однако поверхность этой территории до середины XIX в. (до регуляции рек) выглядела совсем иначе. На двух берегах Тисы и отчасти также Дуная располагались огромные болота и территории, залитые водой ежегодно (они составляли более чем 10% всей территории Карпатской котловины) (рис. 2) (Ihrig 1973). Естественно, при таких

гидрогеографических условиях невозможно было кочевать по берегам рек. Причем в Карпатской котловине для этого и надобности не было, ведь природные условия в Верхнем Потисье и к северу от Белграда мало отличались. В таких условиях переселившиеся сюда кочевые группы осуществили кочевание, перпендикулярное к реке. При этом их зимники находились на небольших возвышенностях недалеко от реки. Летом же, когда выгорели эти пастбища, река как раз возвращалась в свое русло, оставив прибрежные луга с богатым кормом для скота. Зимники и летовки располагались очень близко друг к другу, часто не больше 3–10 км и можно даже предполагать, что в некоторых случаях не были отдельные зимовки и летовки, а существовало только одно поселение (Glaser 1939). Это приводило к тому, что зимовки в течение одного-двух поколений стали постоянными поселениями и большая часть населения переходила к оседлому образу жизни. Такой процесс наглядно прослеживается в отношении венгров X–XI вв. по письменным источникам и по археологическим данным (Szaby 1966; Fodor 2002).

Такой же процесс мы наблюдаем у сармат и авар, причем их поселения чаще всего найдены там же, где поселения древних венгров (Fodor 1995; *Hungarian Archaeology*, p. 275–278, 311–312).

Говоря о природных условиях Венгерской низменности надо еще добавить и то, что климат здесь менее континентальный, чем к востоку от Карпат, осадки выпадают более равномерно, снег растаивает медленнее, т.е. больше осадков пропитывается в почву.

Именно благодаря этим географическим условиям изменяется, на наш взгляд, культура всех пастушеских и кочевых народов в Карпатской котловине, начиная от носителей ямной культуры (Ecsedy 1979) до средневековых половцев. Изменения их культуры было постепенным процессом, по мере изменения их хозяйства, оседания их на землю. Именно это вынужденное приспособление кочевников к новым экологическим условиям было главной причиной изменения их культуры, а влияния культуры их новых соседей имело, видимо, второстепенное значение.

Литература

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Поздний железный век. Период средневековья в Приуралье IV–XV вв. // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002.

Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959.

- Генинг В.Ф.* Южное Приуралье III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Генинг В.Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Королев К. С., Мурыгин А. М., Савельева Э. А.* Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.) // Археология Республики Коми. Сыктывкар, 1999.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о происхождении погребений с труположением на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Фодор И.* К вопросу об этнической принадлежности населения именьковской культуры // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004.
- Фодор И.* Где Юлиан нашел восточных венгров? // Актуальные проблемы всеобщей истории. Йошкар-Ола, 2006.
- Bálint Cs.* A 9. századi magyarság régészeti hagyatéka // Honfoglalás és régészet. Ed. Györffy Gy. – Kovács L. Budapest 1994, 39-46.
- Bóna I.* Régészetünk és Kelet-Európa // MTA II. Oszt. Közl. 28 (1979), 39-48.
- Brentjes E.* Climatic Changes and Nomadization in Central Asien. Ecology of the Steppes and Economy // The Archaeology of the Steppes. Method and Strategies. Ed. Genito, B. Napoli 1994, 489-497.
- Ecsedy I.* The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest 1979. (Fontes ArchHung)
- Fodor I.* In Search of a new Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest 1982.
- Fodor I.* Leletek Magna Hungariától Etelközig // Honfoglalás és régészet. Ed. Györffy Gy. – Kovács L. Budapest 1994, 47-65.
- Fodor I.* Dal nomadismo alla stanzialita // Gli Avari. Ed. Menis, G. Udine 1995, 71-78.
- Fodor I.* Changes in the Hungarian Economy during the Tenth Century // The First Millennium of Hungary in Europe. Ed. Papp K. – Barta J. Debrecen 2002, 18-37.
- Fodor I.* From Magna Hungaria to Etelköz // Folia Archaeologica 53, 2007, forthcoming.
- Glaser L.* Az Alföld régi vízrajza és a települések. (L'antica idrografia della Pianura Ungherese e gli insediamenti) // Földrajzi Közlemények 47, 1939, 297-308.
- Györffy Gy.* A honfoglaló magyarok települési rendjéről. (Über das Siedlungssystem der landnehmenden Ungarn) // Archaeologiai Értesítő 97, 1970, 191-242.
- Györffy Gy.* Landnahme, Ansiedlung und Streifzüge der Ungarn // Acta Historica Ac. Sc. Hung. 21, 1985, 231-270.
- Györffy Gy. – Zólyomi B.* A Kárpát-medence és Etelköz képe egy évezred előtt // Honfoglalás és régészet. Ed. Györffy Gy. – Kovács L. Budapest 1994, 13-37.
- Hungarian Archaeology* Hungarian Archaeology at the Turn of the Millennium. Ed. Zs. Visy – M. Nagy. Budapest 2003.
- Ihrig D. (Ed.)* A magyar vízszabályozás története. Budapest 1973.
- Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. Budapest 1999.
- Schmidt, A. V. Kačka.* Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung (III–V. Jh.) // ESA 1, 1927, 18-50.
- Szabó I.* A falurendszer kialakulása Magyarországon (X–XV. század). Budapest 1966.
- Vajda L.* Zur Frage der Völkerwanderungen. // PAIDEUMA 19–20, 1973–1974. 1-50.

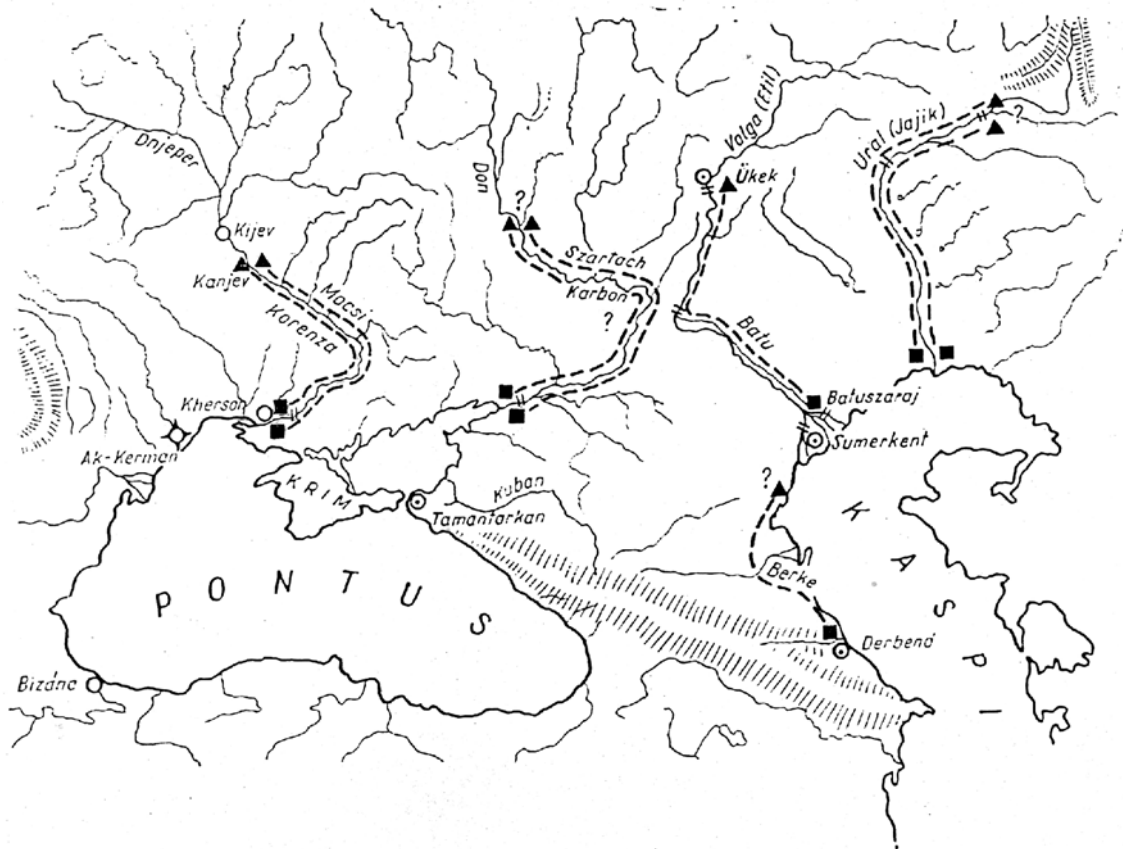

Рис. 1. Маршруты кочевания монгольских вождей в Восточной Европе по Плано Карпини.

Рис. 2. Гидрогеографическая карта Венгрии до середины XIX в.

Наталья Фонякова

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ХАЗАРИИ (вторая половина VIII – начало X в.)

Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – начала X веков до сих пор оставалось вне поля зрения специалистов, хотя в составе инвентаря салтово-маяцких погребений имелись вещи довольно высокого уровня: поясные и сбруйные наборы с растительными и геометрическими узорами, богато украшенное оружие, амулеты, зооморфные подвески, костяные предметы с сюжетными изображениями и другие.

Работы, посвященные этой важной категории источников, носят в основном описательный характер, что объясняется необоснованным мнением об «иноземном» происхождении орнаментированных вещей, высказанным еще в дореволюционное время. Произошло это потому, что до революции был малый объем раскопок, отрывочные публикации материалов, когда достоянием научной общественности становились лишь эффектные вещи, вырванные из комплексов. В то же время многочисленные находки художественных предметов салтовского облика в Центральной и Северной Европе вызвали многолетние дискуссии в западной науке как принадлежащие «постсасанидскому» стилю. В тридцатые годы XX века эти дискуссии привели к сложению «заимствованного» искусства, в соответствии с которой на юге России не было и не могло быть самостоятельного ремесленного производства и центров, способных выпускать продукцию высокого художественного уровня. Эта концепция долгое время держала в плену поколения исследователей, заставляя их рассматривать салтовские орнаментированные предметы лишь с точки зрения проявившихся в них восточных влияний. Такой односторонний подход к оценке хазарского художественного металла во многом объяснялся тем, что металл анализировали по частям. Исследование драгоценных сосудов и поясов из кладов шло независимо от изучения массового археологического материала. Широкомасштабные раскопки последних пятидесяти лет, систематическая публикация новых находок из надежно датированных комплексов, стремление исследователей к их историческому осмыслению позволили пересмотреть сложившуюся концепцию и поставили эту тему в русло современной исторической науки. С середины семидесятых годов XX века благодаря работам

С.А.Плетневой, Т.И. Макаровой, Г.А.Федорова-Давыдова, В.П.Даркевича, Б.И.Маршака, А.Барта и других наметился перелом во взглядах на салтовский художественный металл, стала осознаваться его самостоятельная роль в формировании прикладного искусства стран Центральной и Западной Европы.

В VI–IX вв., когда в поясах, как и в конской сбруе, оружии и прочем снаряжении начинает проявляться общеевразийская «мода», сходные формы бляшек, пряжек и наконечников распространяются на огромной территории от Японии на востоке до Венгрии на западе. В археологических комплексах этого времени они представляют собой одну из категорий массовых находок и, одновременно, являются показателем уровня развития металлообрабатывающего ремесла и декоративно-художественного вкуса своей эпохи. В VII–VIII веках на территории южной России распространяются поясные наборы по форме связанные с тюркским степным миром. Для них характерны прямоугольные и полукруглые формы с прямоугольными прорезями и фестончатым краем. Хорошо представлены также сердцевидные бляшки с округлым вырезом, с широкой стороной в виде фигурной скобки и в виде двух полукружий в сочетании с фестончатым краем.

В то же время, исследователями давно замечено, что несмотря на общее сходство в формах металлических частей и конструкции поясных ремней, средневековые пояса делятся на хорошо различимые локальные варианты, что позволяет использовать их форму и декор в качестве культурных и этнических индикаторов. Так, в археологической литературе, посвященной вооружению и снаряжению воинов VIII–IX вв., широкое распространение получили такие определения как «салтовский» тип пояса (Плетнева, 1967, с. 62), «венгерский», «кыргызский», «аварский» художественные стили украшения поясов (Fettich, 1937, Mavrodinov, 1943; Федоров-Давыдов, 1966, с. 61–83; 1976; Маршак, 1980, с. 19).

Они отражают новый этап в развитии прикладного искусства степей Евразии этого времени – появление орнаментализма (Федоров-Давыдов, 1976). Металлические бляшки «сал-

товского» пояса покрывались сложными переплетениями стеблей и бутонов лотоса, цветами трилистника, плодами граната, древовидными орнаментами и прочими мотивами, заимствованными из искусства Согда и Византии. Они были новыми, совершенно оригинальными и делали салтовский пояс непохожим на любой другой (Фонякова, 1986, 1989).

Временами с цветочными накладками на салтовском поясе встречаются литые, полностью лишенные орнамента бляшки. Это могло означать, что металлический набор заказывался не всегда единовременно и часто дополнялся новыми бляшками уже в процессе ношения. Сами же бляшки могли быть изготовлены в разное время разными ремесленниками (Плетнева, 1967, с. 162). Следовательно, салтовский пояс был явлением синкретическим, такая особенность увеличивает его ценность как исторического источника, позволяя проследить на конкретном примере многообразие и сложность связей народов Юго-Восточной Европы в раннем средневековье между собой и с тюркским степным миром.

«Тюркская» группа составляет 48 % от общего числа бляшек и является самой многочисленной (Фонякова, 1989). Входящие в нее бляшки преобладают в По донье и на Кавказе. Кроме того, они имеют прямые аналогии среди поясных наборов за пределами салтово-маяцкой культуры – в материале погребений VII–VIII веков тюркоязычных народов Центральной Азии и Семиречья. Многочисленные находки этой группы встречены в могильниках Курай, Туяхта (Евтюхова, Киселев, 1941, с. 21-54) на Алтае. Есть они также в чаатасе у с. Копены (Евтюхова, Киселев, 1940), в Капчальском могильнике на Енисее (Левашева, 1952), в тюркских погребениях Семиречья и Казахстана (Арсланова, 1968, рис. 191, 194, 195, 199). В слоях VII–XIII веков городищ Семиречья и Средней Азии (Кызласов, 1969, рис. 45, Распопова, 1980, с. 90, 91).

Растительный орнамент, в изобилии покрывающий поверхность бляшек этой группы в конце VIII – IX веке, почти до неузнаваемости изменил их облик и скрыл первоначальную форму. Но она демонстрирует исключительную стойкость на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры. Отдельные варианты этих бляшек доживают до X века в гладком, лишенном орнамента виде (Плетнева, 1989, с. 164, рис. 86) (рис. 2, 5-20).

Таким образом, при сравнении форм бляшек салтовского поясного набора обнаруживается, что он складывался под влиянием общеевразийской «моды», пришедшей из степей. Эта мода сказала прежде всего, в присутствии сердце-

видных, прямоугольных и пятиугольных прорезных бляшек, в технике литья с последующей обтяжкой серебром, чтобы придать им богатый вид, в их расположении на ремнях и, наконец, в использовании ветвящегося растительного побего, создающего впечатление «бесконечного и всепроникающего движения» (Фёдоров-Давыдов, 1976). Одновременно формировалась местная салтовская традиция изготовления поясов с ее простыми геометрическими формами на основе прямоугольника, восходящими, вероятно, к обувным бляшкам Северного Кавказа. Кроме того, салтовские ремесленники переработали в местном стиле сердцевиные формы, заимствованные с Востока, снабдив их всевозможными видами колец. Наконец, они широко применили штамповку – новый для степей прием изготовления поясных украшений (рис. 1).

Помимо поясов к хазарским древностям относят еще три сосуда, имеющих орнамент, сходный с тем, который встречается на поясах. Сосуды, в отличие от вещей личного обихода и оружия, имеющих территорию распространения, ограниченную ареалом салтово-маяцкой культуры или областями ее влияния, служили предметами обмена и торговли. Поэтому их часто находят вкладах далеко от места изготовления.

Даже в погребения они попадают в качестве дорогих привозных вещей. Поэтому сосуды далеко не всегда имеют хорошо обоснованную атрибуцию и нуждаются в специальном типологическом анализе, подтверждающем их принадлежность к художественно-ремесленной традиции той или иной страны. Методика такого анализа разработана на художественном металле «Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии» (Смирнов, 1909; Орбели, Тревер, 1935; Маршак 1971, 1980; Тревер, Луконин, 1987). Долгое время орнамент оставался единственным признаком, по которому эти сосуды относили к изделиям хазарских мастерских. По форме они считались ранними образцами так называемого европейского синкретического стиля, поскольку представляли художественно-ремесленные традиции разных стран. Такое определение соответствовало традиционному взгляду на хазарское ремесло как «интернациональное», а на его продукция как на «лишенную оригинальности». Бросающиеся в глаза черты синкретического стиля настолько заслонили собой самобытную ремесленную традицию в области формы, что большинство исследователей, в руки которых попадали ковш и кружка, стремились, прежде всего, определить те иноземные образцы, с которых салтовские ремесленники копировали свою металлическую посуду.

Так, Б.И.Маршак, работая, в основном, с дорогими восточными серебряными сосудами, обнаружил, что по форме кружка близка среднеазиатским цилиндрическим кружкам VIII в. Он выделял те признаки, по которым она занимает определенное место среди серебряных изделий реконструируемой им согдийской школы С (рис. 2, 1-4). Однако, вслед за Я.И.Смирновым Б.И.Маршак признает, что, судя по орнаменту, эта кружка была изготовлена где-то в Юго-Восточной Европе. Затем Б.И.Маршак сравнивает контур щитка ручки кружки из Томыза с контурами щитков ручек согдийских кружек и находит, что последние близки фестончатым очертаниям поясных украшений, которые появляются в конце VII – начале VIII вв. на территориях, попавших в орбиту тюркского влияния (Маршак, 1971, с. 63). В то же время, контур щитка ручки кружки из Томыза отличается от традиционных форм фестончатых поясных наборов тем, что имеет рельефные вставки в уступах щитка. Такой контур щитка бляшки с мелкими полукруглыми вставкам по краям встречается только на салтовских поясах (рис. 3, А). Форму ковша из Коцкого городка Б.И.Маршак считает византийской (Маршак, 1971, с. 63). Эти определения были подтверждены и В.П.Даркевичем (Даркевич, 1976, с. 167). Византийские ковши, в отличие от ковша из Коцкого городка не имели широкого бортика, к которому припаивалась или приклепывалась более тонкая ручка. Их ручки по толщине не уступали стенкам ковшей (Matzulewitch, 1929, табл. 12–17). Византийские ковши были и более массивными, и более глубокими, чем ковш из Коцкого городка, в технике изготовления которого явно видно стремление мастера экономить дорогой металл. В целом по форме и технике изготовления ковш из Коцкого городка скорее напоминает блюдо, переделанное в ковш (рис. 3, Б).

Оригинальная черта ковша из Коцкого городка – его волнистый край. Он представляет собой уплощенный бордюр, составленный из чередующихся овальных и круглых звеньев. Ранние варианты такого бордюра имеются на поясных бляшках салтово-маяцкой культуры – это всё те же контуры щитков пряжек и бляшек с мелкими полукруглыми вставками. Позднее распространение таких бордюров на поясах захватывает территорию Поволжья, Южного Зауралья, Мордовии (см. например: Ястребов, 1914, табл. 3, 6; Ахмеров, 1955, табл. 1, 2; Стоколос 1962, рис. 4; Халикова 1976, с. 170). Торевтика сасанидского Ирана, Согда и Китая не знает такого способа украшения края блюда. Нет такого бордюра и на византийских ковшах. Бордюр из звеньев несколько иной формы встречен

на византийском блюде IV-V вв., случайно найденном в 1812 г. в с. Концешты в Румынии. (Matzulewitch, 1929, табл. 47–48). Край блюда такой редкой формы мог быть использован салтовскими ремесленниками в качестве образца.

Что касается бронзового ковша из Кип, то его форма не имеет аналогий среди согдийской, иранской и византийской металлической посуды и могла быть изобретена только в Восточной Европе (рис. 3, В).

Таким образом, при анализе форм металлических сосудов становится очевидным, что делавшие их мастера не механически копировали иноземные образцы, но видоизменяли форму в соответствии со вкусами местной среды и своими техническими возможностями. Появление в форме сосудов элементов, подобных формам поясных украшений говорит не об одностороннем воздействии мастеров, изготавливавших сосуды на формирующийся стиль металлических украшений поясов, а о тесном сотрудничестве этих двух направлений салтовского художественного ремесла. И высококвалифицированные мастера, выполнявшие дорогие художественные вещи по индивидуальным заказам знати, используя в качестве прототипов иноземные образцы, и ремесленники, делавшие для рядовых заказчиков пояса и украшения конской сбруи, внесли равный вклад в формирование самобытного салтовского стиля. Особенно ярко это сотрудничество проявилось в орнаменте.

Мотивами растительного орнамента можно считать реальные природные формы, которые воспроизводятся не буквально, а в упрощенном, стилизованном виде.

Определенным категориям салтовских металлических вещей соответствует свой вид орнаментации.

Так, вещи, связанные с воинской аристократической средой – пояса, сбруя, оружие – украшены растительным орнаментом в 95% случаев и демонстрируют наибольшее разнообразие мотивов и композиций. Геометрический орнамент на этих вещах занимает подчиненное положение: Помимо серий литых и штампованных бронзовых и обтянутых серебряным листом частей поясов и сбруи, встречаются индивидуальные предметы, выполненные в серебре и украшенные чернью, гравировкой и позолотой. Это драгоценные пояса из Саркельского и Второго Редикорского кладов, Верхнее-Салтовского и Дмитриевского могильников, рукояти сабель с салтовским орнаментом.

Исследователи не раз отмечали быструю смену стилей растительной орнаментации ремесленных наборов на больших территориях, в том числе в Восточной и Средней Европе. Причину

этого они видели в миграции кочевых народов (Laszlo, 1955, Kovrig, 1963, Decan, 1964, Cilinska, 1966), а также в том, что на декор ременных наборов определенное влияние оказало «пост-сасанидское» серебро (Рыбаков, 1948, с. 102). Чтобы вскрыть механизм внезапного быстрого формирования и широкого распространения салтовского стиля на территории Юго-Восточной Европы, обратимся к растительному орнаменту и выясним причины появления чужеземных растительных мотивов в прикладном искусстве салтовских мастеров, их вживание в местную художественную традицию, а также характер и степень переработки на местной почве. Установим этапы появления, расцвета и отмирания новых мотивов. Самый многочисленный и яркий из них – лотос. Все исследователи которые так или иначе связывают салтовский орнамент с Востоком, признают, что сложные и разнообразные растительные узоры, появившиеся на поясах и конской сбруе в VIII – IX вв. и широко распространившиеся в степи и лесостепи европейской части нашей страны, происхождением своим обязаны каким-то восточным прототипам. Относительно содержания этих орнаментов, их конкретных источников единого мнения не существует. В.П.Даркевич указывает на среднеазиатские прототипы (Даркевич, 1976, с. 167), а Б.И.Маршак связывает салтовские мотивы с согдийским или хорасанским бутоном лотоса широко представленным в серебре этого круга древностей (Маршак, 1980, с. 31) (рис. 4, 1-3). Не вдаваясь в рассуждения о соответствии каждого конкретного изобразительного знака реальному растению, отметим, что лотос характерен в первую очередь для растительного мира Индии и Египта; там же известны и его древнейшие, глубоко символические изображения. В средневековую тюркотику Ирана и Средней Азии, а тем более Восточной Европы, они приходят сложным путем и уже в достаточно разработанной форме. Попадая в чужеродную среду, декоративная форма, оторванная от первоначального содержания, может истолковываться чисто орнаментально – «древо», «цветок», «пальметта» – и совершенно переосмысливаться местными мастерами. Так, в салтовских древностях некоторые орнаментированные поясные бляшки рассматриваются исследователями как «двузначные» – и растительные, и антропоморфные одновременно (Плетнева, 1967, с. 162, 163; Макарова, Плетнева, 1983, с.63). Поэтому, отмечая бесспорное сходство некоторых салтовских мотивов с растениями, изображенными на серебряных блюдах из кладов близ д. Кытманова б. Глазовского у. Вятской губ. и д. Слудка б. Пермского у. Пермской

губ. (Смирнов, 1909, с. 10, № 49, 78), сделанных в хорасанско-согдийских традициях, будем называть их «лотосом» лишь условно (рис. 4).

Возникнув в результате подражания иноземным образцам, салтовский орнамент в дальнейшем сделался настолько ярким и самобытным явлением, что не раз использовался исследователями в качестве отличительного признака для памятников салтово-маяцкой культуры. Близкие ему мотивы широко распространились на сопредельной со степью и лесостепью территории Центральной и Западной Европы.

В своем развитии лотос проходит несколько этапов. Вначале салтовские мастера тщательно копировали иноземные образцы. Они отбирали простые растительные мотивы (цветок лотоса и другие), добавляли от себя несложные симметрические композиции и украшали новым орнаментом уборы коней. Например, на конском налобнике из Дмитриевского могильника лотос показан в трех стадиях цветения: полукруглый закрытый бутон на гладком стебле, сердцевидный бутон, раскрытый наполовину, и цветущий лотос в виде большой многолепестковой розетки (рис. 4, 4).

В конце VII – VIII в. тюрки и согдийцы повсеместно носили пояса с сердцевидными бляшками. Вполне возможно, что эта форма, проникнув в Хазарский каганат, подсказала мастерам или заказчикам идею использовать бутон «лотоса» в качестве бляшки на ремне. Сбруйная накладка в форме «лотоса» из Нижне-Лубянского могильника (рис. 6, 7) сохранилась с ремешком и была закреплена на нем в том же положении, что и сердцевидные накладки пояса, изображение которого есть в росписи Пенджикента (Распопова, 1980, с. 97). Переосмысление сердцевидной формы как бутона «лотоса» и положило начало развитию самобытного салтовского орнамента.

В дальнейшем местные мастера сильно видоизменили первоначальный мотив и сумели использовать его по-своему. Они раздробили большой трехлепестковый цветок на несколько мелких однолепестковых, снабдив каждый своим стеблем, и путем сложных композиционных построений создали множество разнообразных вариантов (рис. 6). Одним из первых появляется также мотив кольцевого стебля и композиция из перекрещенных стеблей, которые постепенно теряют свое функциональное значение элементов орнамента и превращаются в элементы формы бляшки – ровный край с полукруглыми выступами. Над этими выступами по-прежнему располагаются головки цветов с короткими рудиментами стеблей. Например, бляшки из Верхне-Салтовского, Дмитриевского и Ниж-

не-Лубянского могильников хорошо иллюстрируют постепенное преобразование орнамента, процесс упрощения и схематизации орнаментальных композиций (рис. 6, 6-12).

В то же время такая композиция, помещенная в сердцевидную форму, демонстрирует стойкость изображения цветка в салтово-маяцкой орнаментике. Почти забытый, распавшийся на несколько цветков, бутон лотоса сохраняется в композиции бляшек в виде схемы, подчиняя своей структуре новые мотивы.

Ко второму этапу относится серебряная кружка из Томызского клада с изображением павлинов по сторонам дерева. Кружка считается юго-восточноевропейской (Смирнов, 1909, с. 8; Маршак, 1971, с. 54). В.П.Даркевич указал на некоторые мотивы среднеазиатского орнамента как возможные прототипы ее декора (Даркевич, 1976, с. 167).

Кружка занимает особое положение в типологическом ряду: с одной стороны, это дорогая вещь, сделанная первоклассным мастером. Ее растительный орнамент сохраняет ряд черт, свойственных только крупным ремесленным мастерским. Это сохранение трехлепесткового цветка и первоначальных очертаний лотоса, манера рассматривать цветы в качестве деревьев, свойственная иранским изображениям блюда из клада у д. Оношат б. Оханского у. Пермской губ., найденное в 1892 г. (Смирнов, 1909, № 105 и др.). С другой стороны, в растительном декоре кружки можно выделить признаки, характерные для орнамента малых форм: строгую симметричность всех линий, вертикальные гладкие стебли, декоративные дужки, отделяющие цветок от стебля, однолепестковую пальметту, уступчатые очертания щитка ручки, повторяющие некоторые формы салтовских бляшек. Все эти признаки указывают на ее местное, салтовское происхождение (рис. 6, 13).

По-видимому, в дальнейшем, судя по составу мотивов на кружке, связи с прототипами начинают ослабевать и в среде высококвалифицированных мастеров, уступая местной традиции, сформировавшейся при изготовлении поясов. Что касается ремесленников, тиражирующих массовую продукцию, то они в качестве прототипов выбирают уже не чужеземные, а свои, местные сосуды, с ограниченным числом старых и многократно использованных мотивов орнамента. Сбруйная бляшка из Верхне-Салтовского могильника имеет орнамент, образованный кругом чередующихся больших и малых пальметт, причем высокие пальметты вытянутой формой лепестков, скругленными верхушками и симметричными вмятинами, имитирующими черточки-жилки на лепестке, восходят к

кружке из Томызского клада (рис. 6, 14). Вполне возможно, что подобное схематически прорисованное в лепестке дно бутона послужило толчком к изобретению нового орнаментального мотива, ставшего крайне популярным в салтовском орнаменте на следующем этапе его развития, когда под влиянием процесса схематизации постепенно переосмысливается первоначальное содержание изображения: трехлепестковый цветок окончательно уступает место пальметте с одним лепестком.

Ковш из Коцкого городка со сценами охоты и борьбы и новым типом салтовского растительного орнамента, широко распространенным на поясах, относится к третьему этапу развития лотоса (рис. 6, 15).

К бляшкам тяготеет манера вписывать в лепесток условное изображение центральной части цветка лотоса. Но орнамент на бляшках, поясных и сбруйных, отражает этап в развитии искусства орнаментации больших сосудов, отделенный от предыдущего и последующего этапов (Маршак, 1971, с. 54). Мастера, делавшие пояса, заимствовали, как правило, более простые мотивы и композиции и подбирали их в соответствии с традиционными формами деталей поясов (рис. 6, 16-17).

Лотос был основным, но не единственным мотивом в салтовском растительном орнаменте. Излюбленным декоративным мотивом салтовских ремесленников был также «трилистник». Он встречается значительно реже «лотоса» – всего на 10% металлических украшений поясов и известен в нескольких вариантах. Наиболее сложные орнаменты из трилистников происходят из Саркела и выполнены в технике литья из серебра с дополнительной проработкой резцом, а также позолотой и чернью (Макарова, Плетнёва, 1983, с. 63). Известны также простые литые бронзовые и серебряные образцы с Правобережного Цимлянского городища, в могильниках лесостепного (аланского), крымского и кавказского вариантов салтово-маяцкой культуры (рис. 7).

Большинство исследователей долгое время отождествляли трилистник с «лотосом». Более многочисленные лотосовидные орнаменты поглотили также и четырехлепестковую розетку, и цветок «акация». Все они считались равно заимствованными с Востока, хотя достоверный прототип был известен только для одного из вариантов цветка «лотоса».

Прототипом для раннего Салтовского трилистника, вероятно, был цветок тюльпана, известный в серебряных изделиях среднеазиатского круга древностей, где он связан с доисламскими культовыми представлениями и символизацией

рует возрождение сил природы. Салтовские мастера, скорее всего, и сами хорошо знали цветок тюльпана, поскольку он растёт и в нижнедонских степях и в горах Крыма. На наконечниках поясов из Скалистинского могильника трилистник имеет две трактовки: цветка и ветки с листьями. На наконечнике из склепа 128 (Айбабин 1977, рис. 3-34-42) (рис. 7, 7-8) показан трилистник усложненного рисунка – к трём его лепесткам добавлены ещё два, а между венчиком и веткой помещён кружок – деталь, не свойственная природным прототипам; лепестки этого трилистника прочерчены жилками. Мотив представляет собой довольно точное воспроизведение одного из пятилепестковых цветков фантастического древа на согдийском серебряном блюде со львом из собрания П.Д.Салтыкова (рис. 7, 34) (Смирнов, 1909, № 91). Он может рассматриваться и как цветок, и как стебель или ветка, покрытая листвой. Несколько узких листочков на конце ветки – обычная манера передачи листвы в торевтике Византии. Например, на блюде, найденном в 1870 г. в с. Климове б. Соликамского уезда Пермской губернии с рельефным изображением пастуха со стадом есть дерево с подобной листвой (Matzulewitch, 1929, табл. 31). В качестве ветки с листьями этот мотив попал на кружку из Томызского клада. Вертикальные ряды из трилистников с симметрично отходящими в разные стороны лепестками облегчает восприятие их в качестве веток с листьями.

Прототипом для орнамента на поясных бляшках из салтовских могильников второго этапа развития лотоса послужил, вероятно, мотив плода граната с тремя большими отростками наверху и трёхлистной чашечки, закрывающей нижнюю часть плода. Гранаты украшают промежутки между медальонами с изображениями животных на светильнике из д. Турушева Омутнинского района Кировской области (рис. 7, 35) (Орбели, Тревер, 1935, табл. 55). Также как и тюльпан, гранат широко распространён в прикладном искусстве доисламской Средней Азии, где плод граната со множеством зерен внутри – символ плодородия, изобилия, процветания. На поясах в качестве мотива трилистника использовалась его нижняя часть – трёхлистая чашечка (рис. 7, 11-12). Целиком плод граната встречен на ажурном щитке пряжки из Скалистинского могильника (Айбабин, 1977, рис. 1-18). На поясных бляшках и наконечниках из Нижне-Лубянского (рис. 7, 11) и Верхне-Салтовского (рис. 7, 10) могильников оба мотива изображены в сочетании с двумя сходящимися под углом стеблями и стеблем, раздвинутым на ширину прямоугольной прорези.

Создаётся впечатление, что варьирование салтовских орнаментов данной группы достигается не путём преобразования одного цветочного мотива на основе разнообразных композиций, как это было с «лотосом», а путём постоянного введения в декор новых цветочных мотивов на основе одной и той же композиции., в основе которой находится мотив сходящихся стеблей, впоследствии использованный для украшения поясных бляшек с отверстиями и прорезями. Этот мотив появился в декоре конской сбруи почти одновременно с «лотосом» и также был заимствован из арсенала согдийских художников. Его прототип демонстрирует кувшин VII в. с крылатым верблюдом из клада у с. Мальцева б. Соликамского уезда Пермской губернии (рис. 7, 31) (Смирнов 1909, № 84). Салтовский вариант отличается от согдийского прототипа симметричностью и прямолинейностью.

На третьем этапе стали популярными три новых цветочных мотива: трилистник с полукруглыми лепестками, украшенный каплевидным орнаментом, четырехлепестковая розетка и акация (рис. 7, 13-17).

Общий процесс схематизации, упрощения и почти полного затем исчезновения лотоса, происходивший в конце третьего этапа развития «лотоса» на поясах (рис. 7, 25-30) отразился в примитивности изображения центральной пальметты на пряжке саркельского пояса. Здесь видно, как лотос окончательно уступает место пышно цветущему трилистнику (рис. 7, 19-21). В дальнейшем и трилистник тоже начинает упрощаться (Макарова, Плетнева, 1984, с. 71). На бляшке из городского слоя Саркела (рис. 7, 22) ведущим мотивом становятся «поникшие» концы стебля, преобразованные в цветок из двух лепестков со вставкой между ними. Трилистник уменьшается до размеров орнамента в лепестке пальметты, но сохраняется чернь и штриховка краёв.

Полученная последовательность отражает путь формирования третьего типа салтовского орнамента, представленного на саркельском поясе и некоторых поясных бляшках, пряжках и наконечниках крымского и нижнедонского, а также лесостепного (аланского) вариантов салтовомаяцкой культуры. Он сформировался под влиянием среднеазиатских образцов приблизительно в IX – начале X вв. и генетически связан с лотосовидным орнаментом сбруи. Линия «трилистника» отделилась от линии «лотоса» около середины IX в., а разработанные мастерами особые приёмы орнаментации позволяют выделить Крым и Нижний Дон в самостоятельный регион формирования орнамента из трилистников. Мотивы трилистника и «акация» на поясах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры выполнялись

почти исключительно в серебре и более тщательно, чем лотос. Они документируют процесс зарождения новой ремесленно-художественной школы в недрах отмирающей старой.

Художественные мастерские к этому времени совершенствуют свои технологии. Здесь начинают использовать чернь, улучшают качество продукции, При этом, по-видимому, произошли какие-то изменения в организации ремесленного производства, при которых изготовления серебряных поясов стало приравниваться к индивидуальным заказам. Возможно, что увеличилось количество и, соответственно, изменился статус таких мастерских, так как они функционировали уже не только в крупных центрах, но и в пограничных крепостях, например, в Саркеле.

Одновременно расширилось производство в бронзолитейных мастерских, где стали делать бронзовую посуду. Примером их продукции могут служить бронзовый ковш из Кип и бронзовый саркельский пояс с геометрическим орнаментом. Ковш с бытовыми и охотничьими сценами имеет очень огрубленные и упрощенные изображения, в которых отсутствуют мелкие детали и используются давно устаревшие мотивы салтовского растительного орнамента, в основе которого – мотив лотоса первых этапов его развития. Среди сюжетов, представленных на этом ковше, можно найти бытовые сцены, привычные для местного алано-болгарского населения и хорошо известные в салтовских костяных и роговых изделиях.

События середины и второй половины X века, связанные с походами Святослава, привели к исчезновению Хазарии с исторической арены. По-видимому, прекратило свое существование и начавшее развиваться художественное производство. Насколько сохранилось сама хазарская декоративная традиция, сказать трудно. Отдельные следы её можно найти в искусстве молодых государств Восточной и Средней Европы.

Литература

1. Айбабин А.И. 1977. Салтовские наборные пояса из Крыма // СА. №1.
2. Арсланова Ф.Х. 1968. Памятники Павлодарского Прииртышья. Алма-Ата.
3. Даркевич В.П. 1976. Художественный металл Востока: произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья.
4. Евтюхова, Киселев 1940. Чаатас у села Копены в сб. Труды Государственного исторического музея, вып. 1.
5. Евтюхова, Киселев 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году. Сб. Труды Государственного исторического музея, вып.
6. Кызласов Л.Р. 1969. История Тувы в средние века.
7. Левашева В.П. 1952. Два могильника кыргиз-хакасов в сб. Материалы и исследования по археологии Сибири (МИА – 24) т. 1.
8. Макарова Т.И., Плетнева С.А. 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. №2.
9. Маршак Б.И. 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике.
10. Маршак Б.И. 1980. История восточной торевтики III – XI веков и проблемы культурной преемственности. Автореферат докт. дисс.
11. Орбели И.А., Тревер К.В. 1935. Сасанидский металл.
12. Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. Салтово – маяцкая культура. (МИА-142).
13. Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс.
14. Распопова В.И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда.
15. Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси.
16. Смирнов Я.И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
17. Стоколос В.С. 1962. Курган на озере Синглазово. В сб. Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа.
18. Тревер К.В. Луконин В.Г. 1987. Сасанидское серебро. Собрание государственного Эрмитажа.
19. Федоров-Давыдов Г.А. 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов.
20. Фоякова Н.А. 1986. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII – IX веков // СА. №3.
21. Фоякова Н.А. 1989. Прикладное искусство Хазарии втор. пол. VIII – нач. X веков (по материалам художественной металлообработки). Автореферат канд. дисс.
22. Халикова Е.А. 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. №2.
23. Ястребов В.Н. 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии.

24. Cilinska Z. 1966. Slawish – awarische Graberfeld in Nove Zamky. In: «Archaeologia Slovaca fonts» №7 Bratislava.

25. Decan J. 1964. Antropomorfne motivy na liatych bronzovych kovaniach prevde promorasheho tynu. In: «Studijne Zvesti». Vol. 14. Nitra.

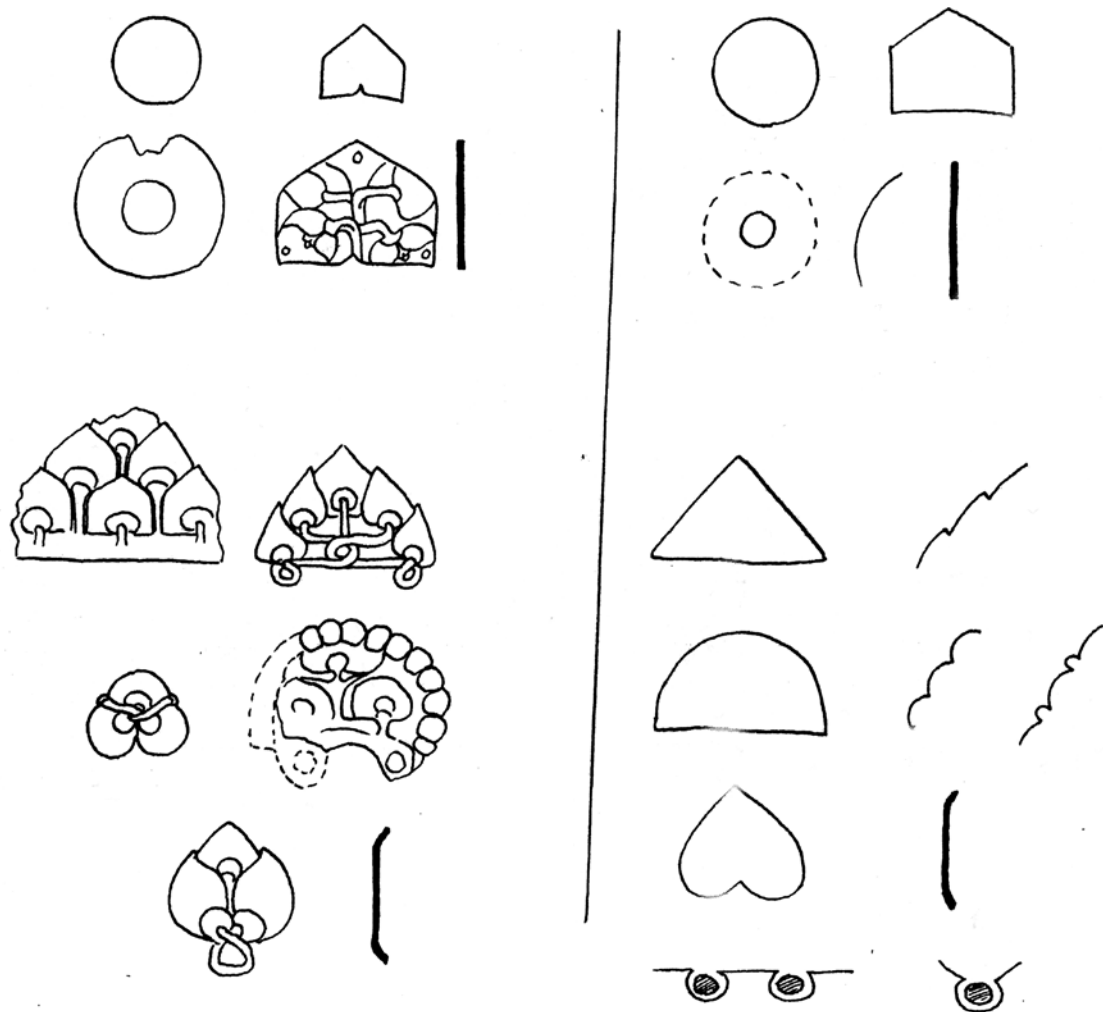
26. Fettich N. 1937. Die Metallkunst des Landnehmenden Ungarn. In «Archaeologia Hungarica», vol. 21.

27. Kovrig I. 1963. Das avarenzeitliche Grabfeld von Alattyán. In: «Archaeologia Hungarica», vol. 40.

28. Laszlo G. 1955. Etudes archeologiques zur Phistoire de societe des avars. In: «Archaeologia Hungarica» series nova, vol. XXXIV.

29. Matzulewitch L. 1929. Bizantinische Antike. Berlin, Leipzig.

30. Mavrodinov N. 1943. Le tresor protobulgare de Nagyszentmiklos . In: «Archaeologia Hungarica», vol. 29.

Рис. 1. Преобразование тюркских форм поясных и сбруйных бляшек салтово-маяцкой культуры под влиянием растительной орнаментации.

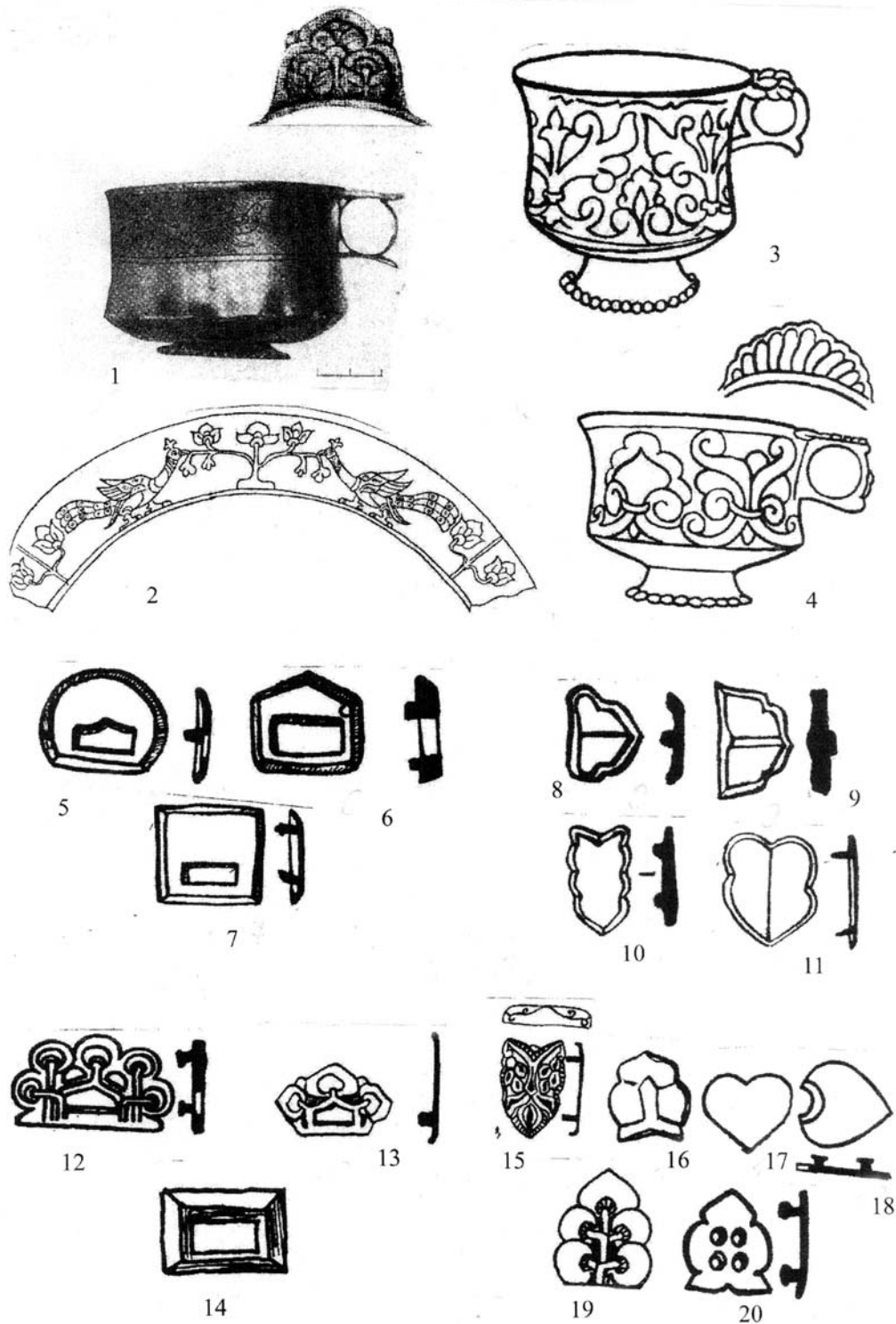

Рис. 2. Аналогии форме кружки из Томыза и поясам Хазарии втор. пол. VIII – X веков.

1 – Починок Томыз б. Глазовского уезда Вятской губернии (Смирнов, 1909, №116), 2-я пол. VIII в. Хазария.

2 – Прорисовка изображения на кружке.

3 – Левашевский могильник близ Стерлитамака (Даркевич 1976, табл. 16, 4), 2-я пол. VIII – IX в. Восточные районы Средней Азии.

4 – дер. Вихарево Малмыжского уезда Вятской губ. (Смирнов 1909, № 117), 2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв.

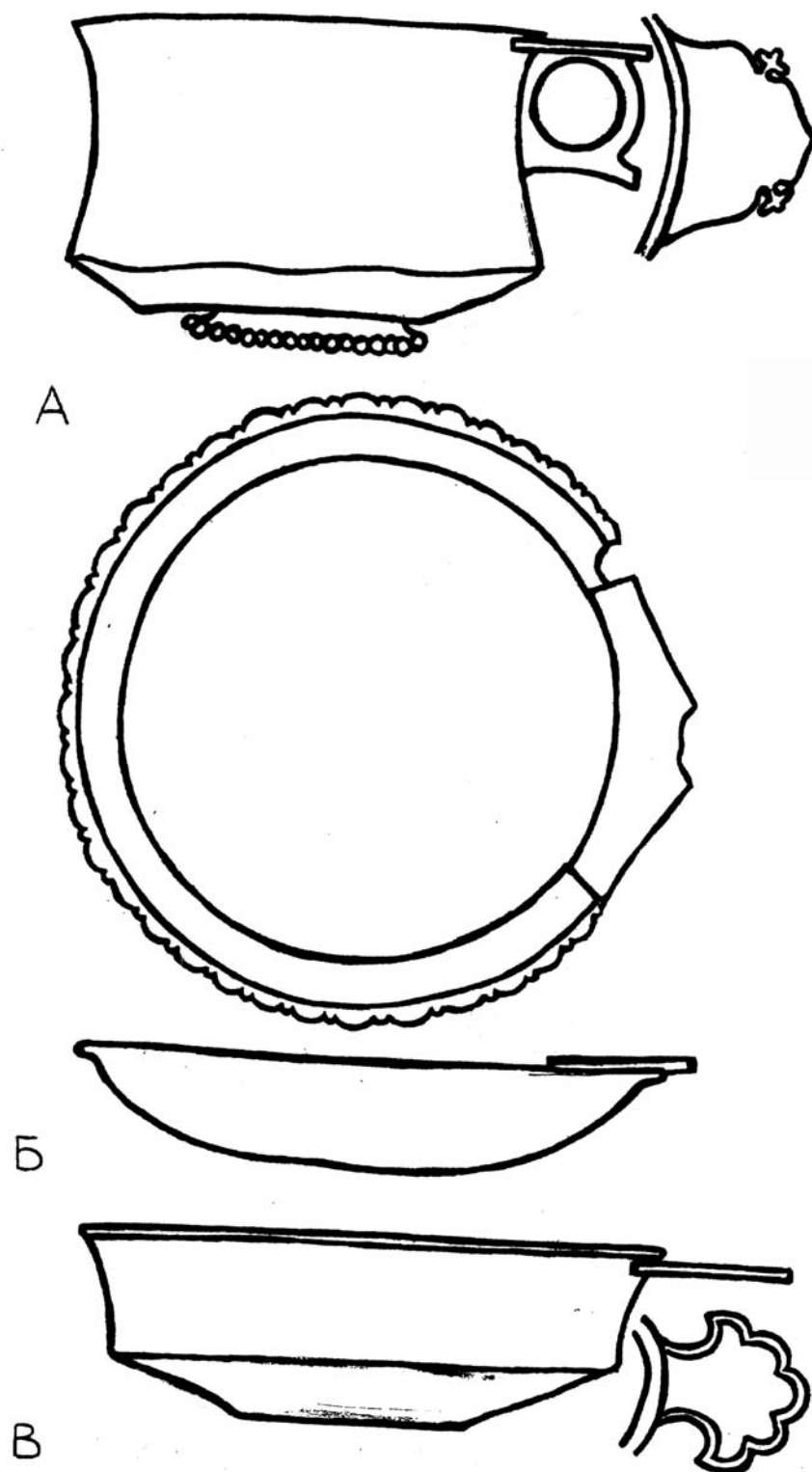
5-11 – Пенджикент, Северный Таджикистан (Распопова, 1980).

12, 18, 20 – Нижне-Лубянский могильник Волоконовского района Белгородской обл.

13, 15 – Саркел, район Цимлянского водохранилища.

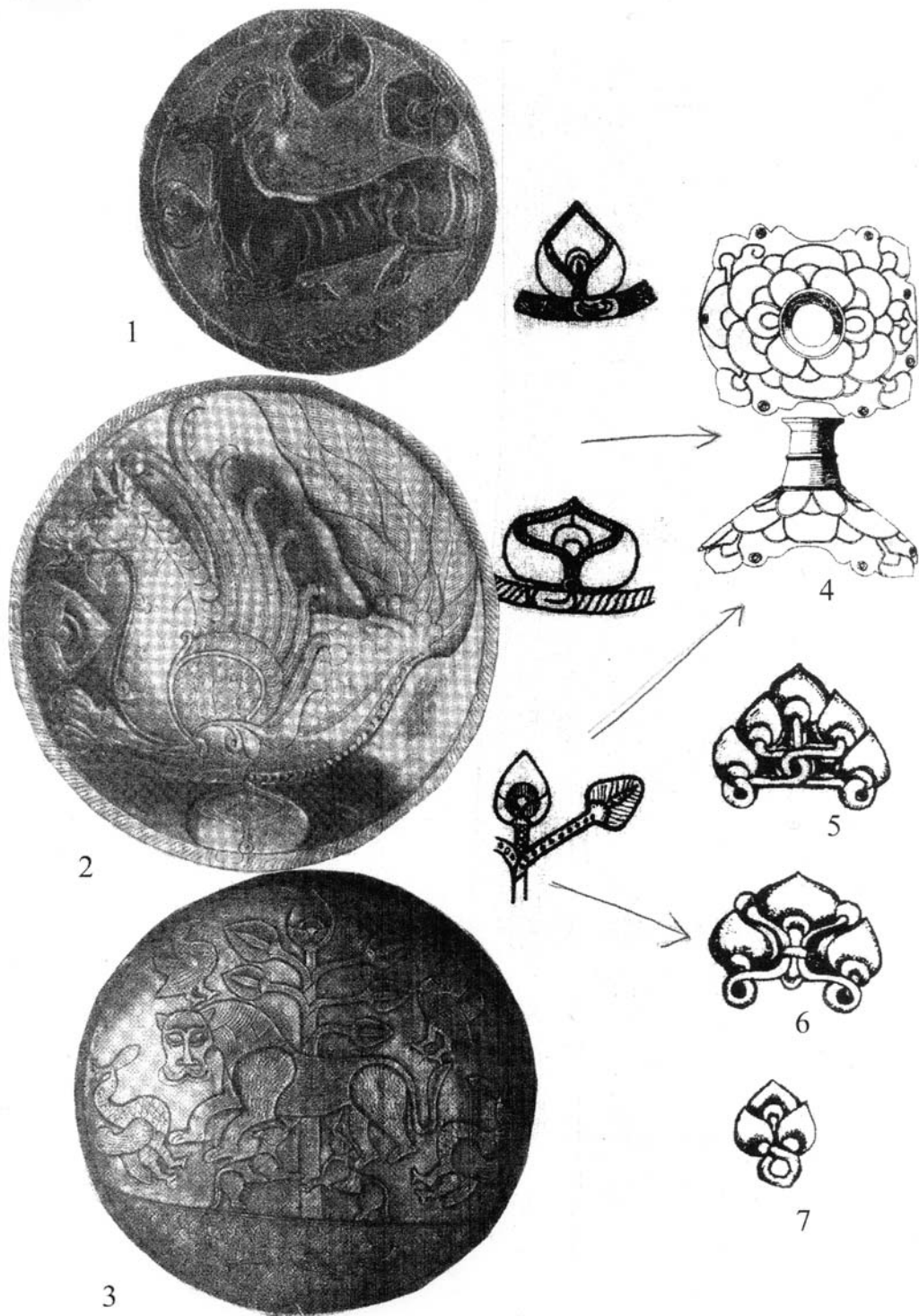
14, 17 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской обл.

16, 19 – Верхнее-Салтовский могильник Старо-Салтовского района Харьковской обл.

Рис. 3. Формы сосудов их Хазарии
(А – кружка из Томыза; Б – ковш из Коцкого городка; В – ковш из Кип).

Рис. 4. Истоки растительного орнамента на конском налобнике и на сбруе из Хазарии втор. пол. VIII – X веков.

1 – дер. Слудка Слудской волости Пермского уезда (Даркевич 1976, табл.5, 4) VIII в. Восточный Иран.

2 – дер. Кытманова Глазовского уезда Вятской губ. (Даркевич 1976, табл.5, 3) VIII в. Восточный Иран.

3 – дер. Оношат Сепычевской вол. Оханского уезда Пермской губ. (Даркевич 1976, табл. 4,1) VIII в. Иран.

4 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской обл. (Плетнева, 1989, рис. 42).

5 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской обл.

6 – Верхнее-Салтовский могильник Старо-Салтовского района Харьковской обл.

7 – Нижнее-Лубянский могильник Волоконовского района Белгородской обл.

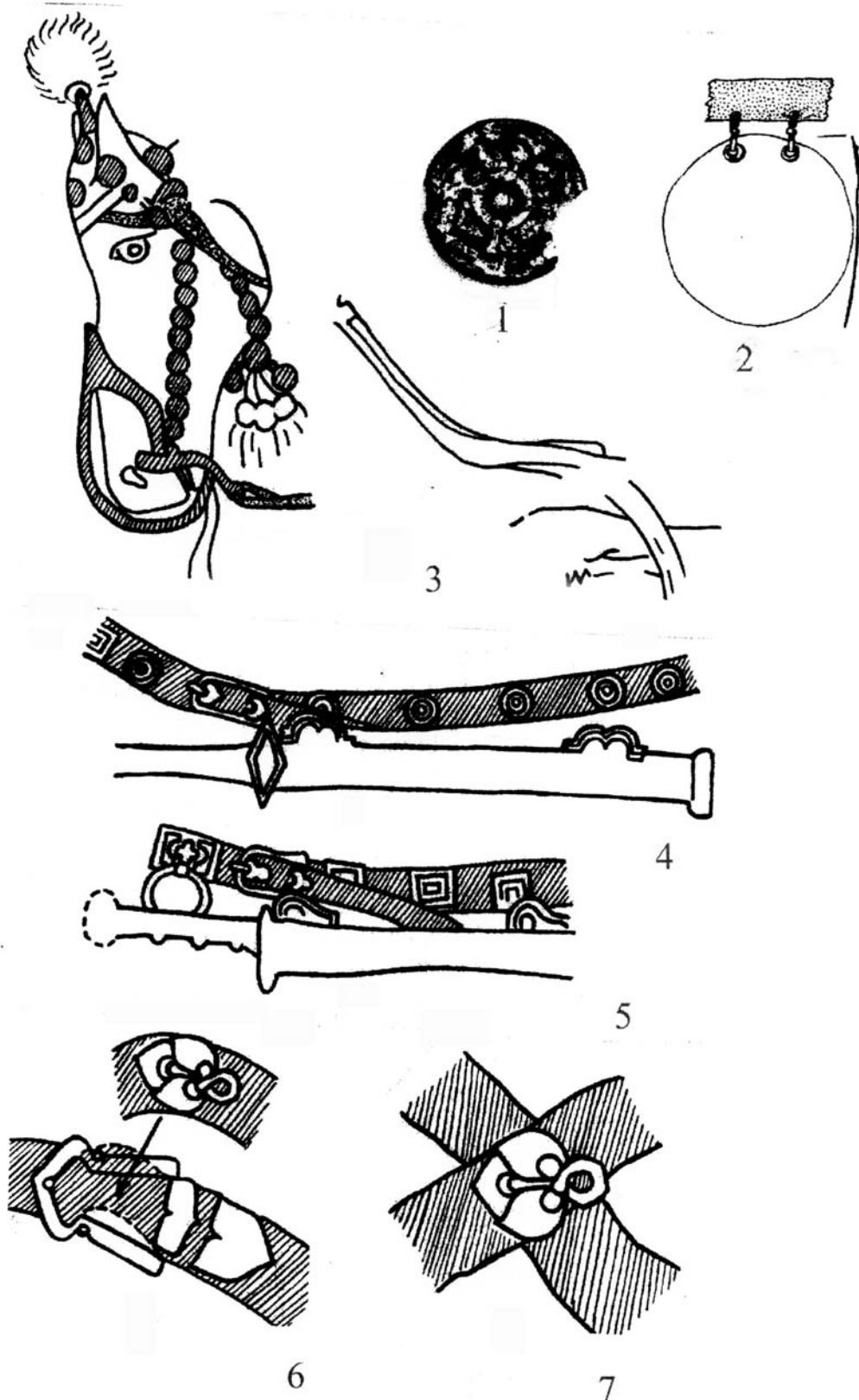

Рис. 5. Аналогии украшениям сбруи и поясов Хазарии в живописи Пенджикента.

- 1 – Верхнее-Салтовский могильник Старо-Салтовского района Белгородской обл.
 2 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской обл.
 3-5 – Пенджикент, Северный Таджикистан (Распопова, 1980).
 6, 7 – Нижнее-Лубянский могильник Волоконовского района Белгородской обл.

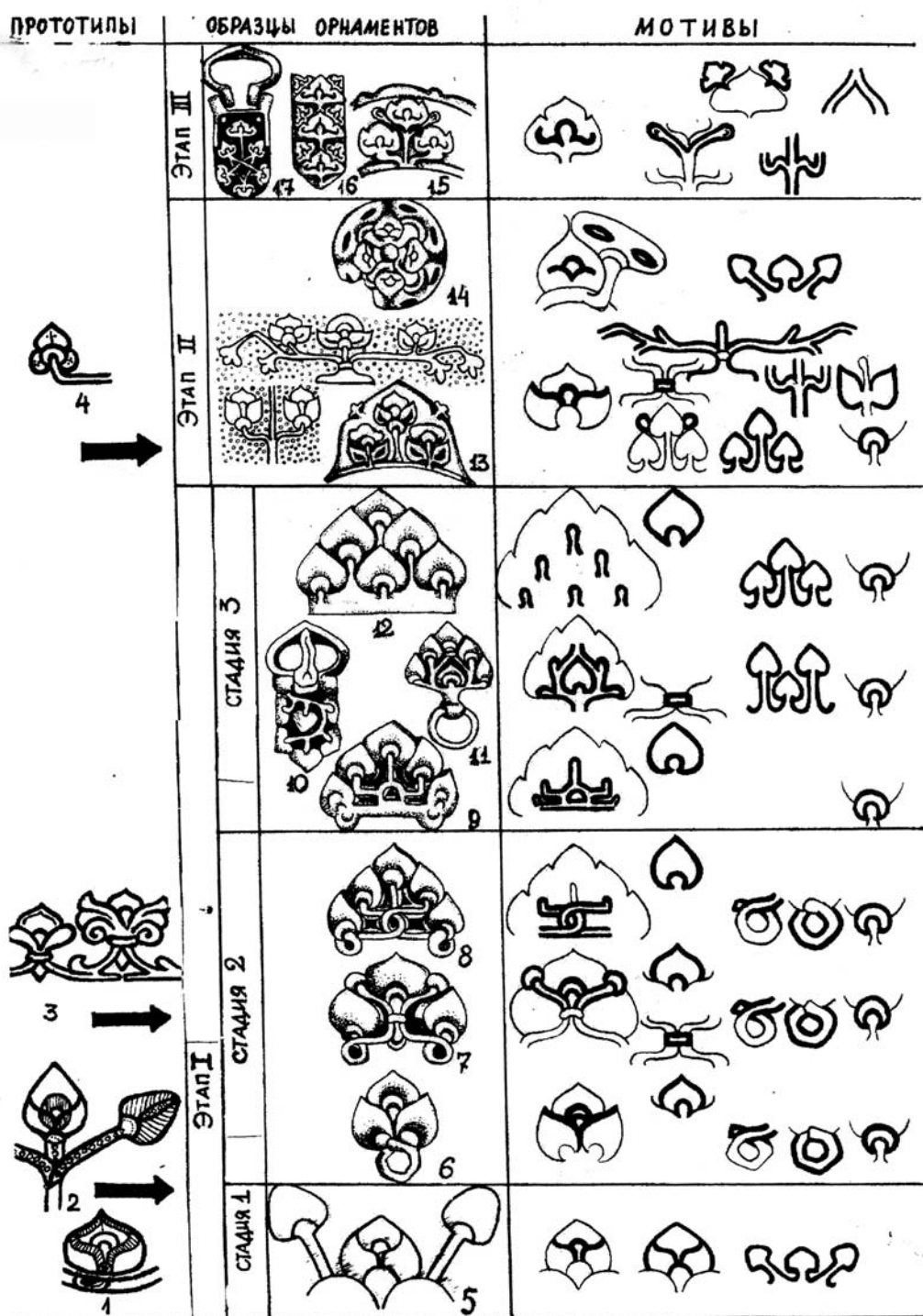

Рис. 6. Типологический ряд растительного орнамента Хазарии группы «лотос».

- 1 – дер.Кытманова Глазовского уезда Вятской губ. (Смирнов, 1909, №49), VIII в. (Маршак, 1971, табл.).
- 2 – дер.Оношат Оханского уезда Пермской губ. (Смирнов, 1909 №105), VIII в. (Даркевич, 1976, № 20).
- 3 – дер.Гутова Оханского уезда Пермской губ. (Смирнов 1909 №109) 2-я пол. VIII в. (Маршак, 1971, табл.).
- 4 – Турушева Омутнинского района Кировской области (Даркевич 1976, с. 83, табл 9-4-8), конец VIII в. (Маршак, 1971, табл.).
- 5, 8, 10 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской обл.
- 6 – Нижне-Лубянский могильник Волоконовского района Белгородской обл.
- 7, 9, 11, 12, 14, 16, 17 – Верхнее-Салтовский могильник Старо-Салтовского района, Харьковской обл.
- 13 – починок Томыз Глазовского уезда Вятской губ. (Смирнов, 1909, №116), 2-я пол. VIII в., Хазария.
- 15 – Коцкий городок близ с. Кондинского Березовского уезда Тобольской губ. (Смирнов, 1909, №92), IX век, Хазария.

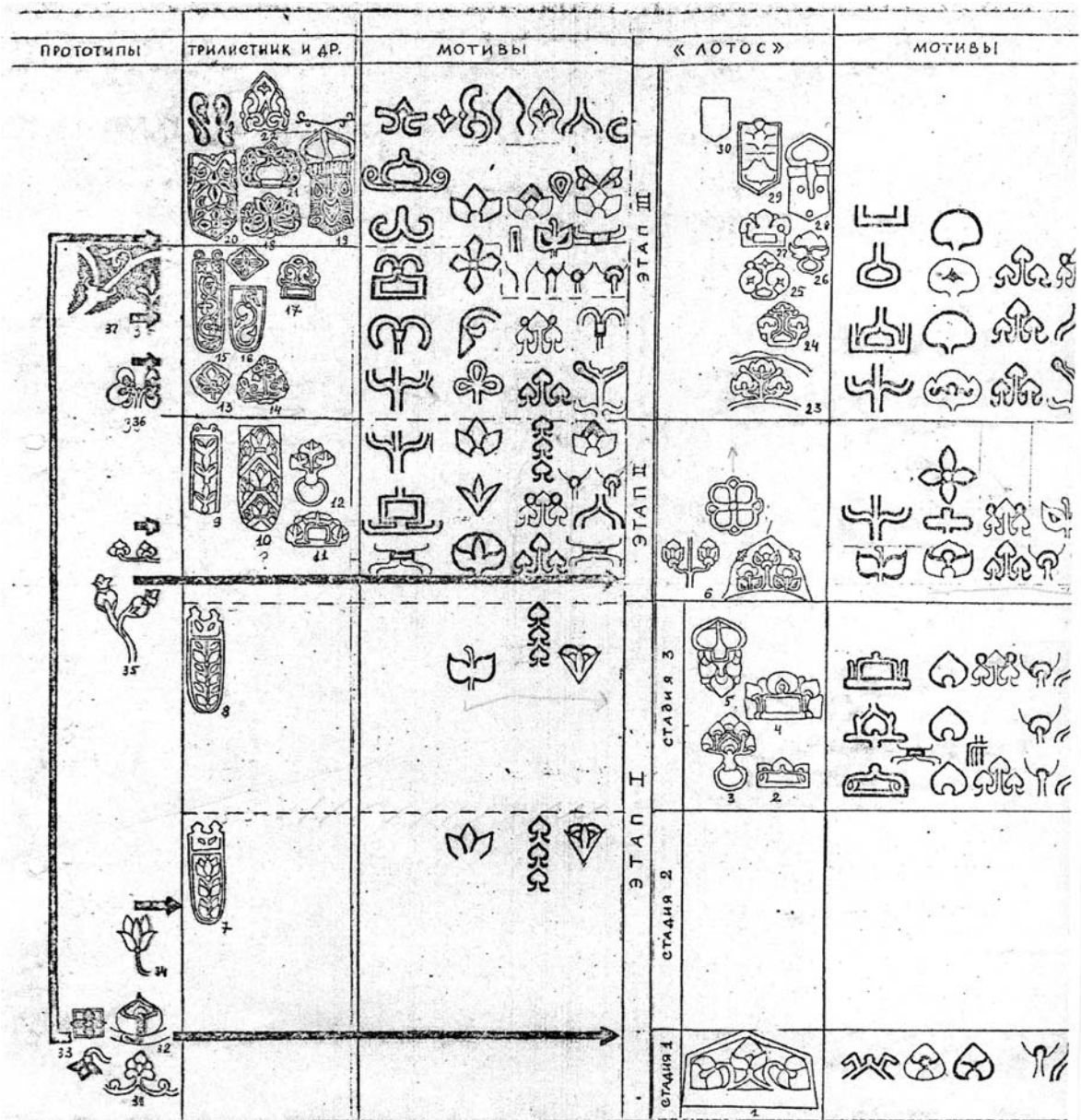
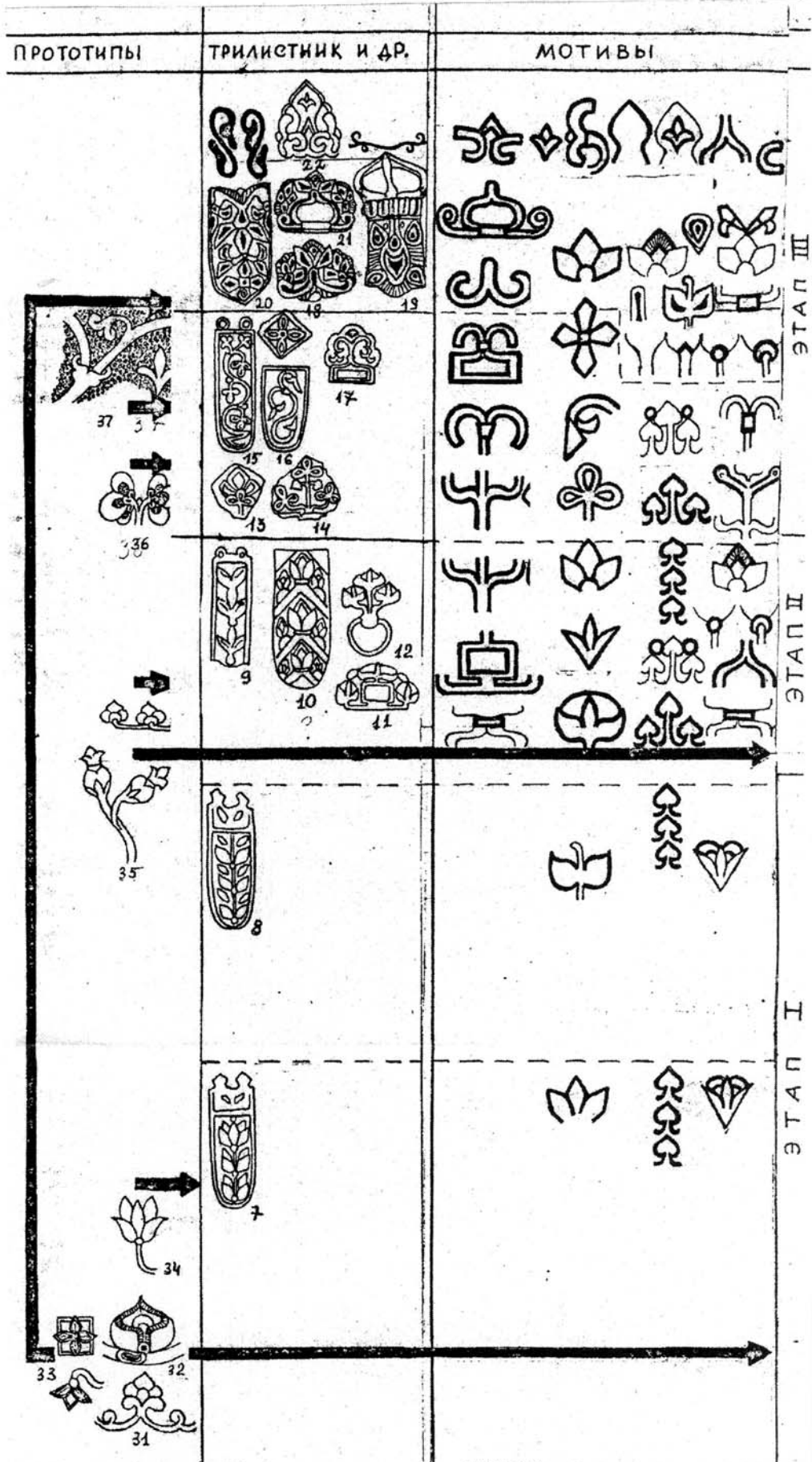

Рис. 7. Типологический ряд растительного орнамента группы трилистника и других мотивов.

- 34 – Россия, собрание П.Д.Салтыкова (Даркевич, 1976, с. 60, табл. 6 – 3), VII в.
 33 – Чаша с джейраном (Орбели, Тревер, 1935, с. 6), VII в.
 31 – д. Мальцева б. Соликамского уезда Пермской губернии (Смирнов, 1909, №60), VII в.
 32 – д. Кытманова б. Глазовского уезда Вятской губернии (Смирнов, 1909, №49), начало VII в.
 35 – д. Турушева Омутнинского района Кировской области (Даркевич, 1976, с. 83, табл. 9), конец VII в.
 36 – б. Пермская губерния, Археологический музей г. Лион (Смирнов, 1909, №65), середина IX в.
 37 – с. Афанасьева Афанасьевского района Кировской области (Даркевич 1976, с. 33, 35, табл. 16), вторая пол. VIII в.
 8, 9, 16 – Скалистинский могильник, Юго-западный Крым.
 10, 24, 26 – Дмитриевский могильник Шебекинского района Белгородской области.
 1-5, 11-15, 25, 27, 29, 30 – Верхнее-Салтовский могильник Старо-Салтовского района Харьковской области.
 17 – Ароматнинский могильник, Юго-Западный Крым.
 18-22 – Саркельский могильник, район Цимлянского водохранища.
 27 – починок Томыз б. Глазовского уезда Вятской губернии (Смирнов, 1909, №116).
 23 – Коцкий городок близ с. Кондинского б. Березовского уезда Тобольской губернии.

Р Е Ш Е Н И Е
Учредительного съезда Международного конгресса
«СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ»
Казань, 16 февраля 2007 г.

Участники Учредительного съезда Международного конгресса «Средневековая археология евразийских степей», организованного Институтом археологии РАН, Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казанским государственным университетом, Национальным музеем РТ, – представители 25 научных учреждений из 17 городов Российской Федерации, а также из Китая, Турции, Болгарии, Венгрии, Украины, Казахстана, Узбекистана, Киргизии обсудили актуальные проблемы археологических исследований средневековых памятников евразийских степей. В центре внимания участников съезда стояли проблемы изучения историко-культурного наследия народов Евразии, хронологически охватывающие период с эпохи раннего железа и до развитого средневековья включительно. Археологические раскопки последних десятилетий, проведенные на этих памятниках, привели к открытию ценностей, составляющих уникальный пласт историко-культурного наследия страны. Общеизвестна значительная роль степных народов и средневековых государственных образований в сложении современной этнополитической картины Евразии, особенно России. Истоки формирования и последующего развития многих евразийских этносов и соседних им народов нашей страны, многовековое взаимовоздействие, конфессиональная толерантность, национальные ментальности и известный диалог национальных культур, своими корнями уходят в интересующую нас эпоху.

В ходе обсуждений докладов было отмечено, что археологические памятники, расположенные на огромных пространствах степной зоны Евразии, несмотря на очевидную специфику каждого из них, отличаются определенным культурно-историческим единством, сложившимся в сходных природно-ландшафтных условиях, а также в результате многовекового межкультурного взаимовоздействия. Одновременно все эти памятники являются историко-археологическим наследием и уникальными источниками по изучению и осмыслению исторического опыта развития и сосуществования государств с разнокультурным и поликонфессиональным населением. Уникальность такого опыта, потребность его осмысления вызывают необходимость координации исследовательской работы многих науч-

ных учреждений и коллективов, занятых их изучением на разных территориях. Современный уровень организации науки требует постоянного расширения информационного пространства, обмена опытом и координации усилий археологов как на этапе полевых исследований (обмен опытом по усовершенствованию методики раскопок), так и в процессе анализа и научной интерпретации добытых материалов. Новый уровень аналитических исследований в археологии требует более активного привлечения данных антропологии, эпиграфики, этнографии, языкознания, фольклора, других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Учитывая вышеизложенное, участники Съезда **решили:**

- с целью координации усилий археологов и других специалистов в изучении актуальных проблем древней и средневековой истории народов евразийских степей и создания единого информационного пространства учредить Международный конгресс «Средневековая археология евразийских степей» с периодичностью проведения один раз в 5 лет;

- Учредительный съезд предлагает провести I Международный конгресс «Средневековая археология евразийских степей» в Казани в 2010 г. на базе Института истории АН РТ;

- инициаторам-организаторам учреждения Международного конгресса в лице Института археологии РАН и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ создать оргкомитет по формированию Совета Конгресса;

- поручить Совету разработать Положение о Международном конгрессе «Средневековая археология евразийских степей» и программу работ до созыва I Конгресса;

- первое заседание Совета конгресса провести в 2008 г. в Казахстане;

- учредить и организовать печатное издание Международного конгресса «Археология евразийских степей»;

- создать информационное Интернет-издание «Международный конгресс «Средневековая археология евразийских степей»;

- опубликовать II том Материалов Учредительного съезда Международного конгресса «Средневековая археология евразийских степей»;

– обратиться в Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ рассмотреть вопрос об упорядочении норм хранения керамики из археологических раскопок.

Съезд обращается к Президенту Республики Татарстан и к Кабинету Министров Республики Татарстан с просьбой обратить внимание:

– на необходимость обеспечения сохранности памятников археологии в зонах Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ;

– на состояние сохранности памятников эпиграфики.

Учредительный съезд Международного конгресса обращается в Президиум Академии наук Республики Татарстан с просьбой:

– учесть предложение съезда разработать республиканскую Целевую программу археологических исследований «Археология евразийских степей»;

– рассмотреть возможность включения в план издательской деятельности Академии наук Республики Татарстан публикацию серийного издания Международного конгресса «Археология евразийских степей».

Съезд выражает:

– искреннюю признательность Президенту Республики Татарстан и Кабинету Министров Республики Татарстан за поддержку инициативы проведения Конгресса, способствующей интеграции научного сообщества, более тесной координации деятельности научно-исследовательских учреждений России и зарубежья.

– персональную благодарность всем организаторам Учредительного съезда, прежде всего Институту истории им. Ш.Марджани АН РТ и в целом Академии наук Республики Татарстан за организацию и проведение форума.

СОДЕРЖАНИЕ

Надежда Артемьева

ПАМЯТНИКИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА
ВОСТОЧНОГО СЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ (1215–1233 гг.) 3

Игорь Волков

МАССОВАЯ КЕРАМИКА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ: ИНФОРМАТИВНЫЕ
ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ 10

Чынарбек Жолдошов

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ КЫРГЫЗСТАНА (I–II тыс. н.э.) 17

Владимир Иванов

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 22

Дамир Исхаков

КЛАНОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ «ДОМА ЧИНГИЗ-ХАНА»
(АЛТЫН УРУКА) И ЕГО АТРИБУТЫ (постановка проблемы) 28

Нурлан Кенжеахмет

МОНЕТЫ С ТЮРКСКИМИ РУНИЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ ИЗ КИТАЯ 31

Сергей Кляшторный, Дмитрий Савинов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МИГРАЦИИ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН В ЗАПАДНЫЙ
АРЕАЛ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ (кимако-кипчакский феномен) 42

Валерий Кольченко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КЫРГЫЗСТАНА:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 47

Анна Кочкина

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ X–XIII ВВ. 55

Игорь Кызласов

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ В СУДЬБЕ РОССИИ 63

Нияз Мажитов

ЕЩЕ РАЗ О БАШКИРО-МАДЬЯРСКИХ СВЯЗЯХ (мысли после доклада) 71

Галина Матвеева

О КУЛЬТУРНОМ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ
КУШНАРЕНКОВСКОГО И КАРА-ЯКУПОВСКОГО ТИПОВ 75

Ильяс Мустахимов

К ИСТОРИИ ТОПОНИМА «БИШБАЛТА» 87

Азгар Мухамадиев

МОНЕТЫ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ 90

Виктор Мыц

КРЫМ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В 60–80-Х ГОДАХ XIV В. 96

Наиль Набиуллин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКРУГИ ГОРОДА ДЖУКЕТАУ 103

Арнабай Нуржанов, Ольга Кузнецова ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТЕПНЫХ И ОСЕДЛЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ В СЕМИРЕЧЬЕ	115
Аида Петренко, Гульшат Асылгараева КОНЕВОДСТВО В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	120
Павел Петров НУМИЗМАТИКА И АРХЕОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ	124
Евгений Пигарёв ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕИФИКАЦИИ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА	127
Вячеслав Плахов ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАТКОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗДАНИЯ КОНЦА XIV В. У ПОС. КОМСОМОЛЬСКИЙ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ	132
Александр Сологуб, Ольга Орлова, Рустам Сингатулин WEB-МОНИТОРИНГ И СТЕРЕОФОТОФИКСАЦИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	137
Петр Старостин ОСТАТКИ ДРЕВНЕГО БОЛГАРА У МАЛОГО ИЕРУСАЛИМСКОГО ОВРАГА	140
Валерий Флёрв ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ: ПЛАН И РЕКОНСТРУКЦИЯ (научные проблемы в преддверии гибели памятника)	145
Иштван Фодор ЕВРАЗИЙСКАЯ СТЕПЬ И КАРПАТСКАЯ КОТЛОВИНА	153
Наталья Фонякова ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ХАЗАРИИ (вторая половина VIII – начало X в.)	158
Р Е Ш Е Н И Е Учредительного съезда Международного конгресса «СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ» Казань, 16 февраля 2007 г.	174

CONTENTS

Nadezhda Artem'yeva

THE SITES OF THE CHURCHE STATE OF EASTERN HSIA IN
THE TERRITORY OF PRIMORYE (1215–1233) 3

Igor Volkov

MASS-PRODUCTION POTTERY OF THE GOLDEN HORDE CITIES: INFORMATION
PROSPECTS AND THE PROBLEM OF HERITAGE PROTECTION 10

Chynarbek Zholdoshev

MEDIEVAL ROCK-PAINTINGS OF KYRGYZSTAN (1st – 2nd millennia AD) 17

Vladimir Ivanov

LOCAL SPECIFICS IN THE BURIAL RITE OF THE EURASIAN STEPPE
NOMADS IN THE PERIOD OF THE GOLDEN HORDE 22

Damir Iskhakov

CLAN ATTRIBUTION OF «THE HOUSE OF CHINGIS KHAN»
(ALTYN URUK), AND ITS ATTRIBUTES (raising the problem) 28

Nurlan Kenzheakhmet

COINS BEARING THE TURK RUNIC INSCRIPTIONS FROM CHINA 31

Sergey Klyashtorny, Dmitriy Savinov

THE EARLY MEDIEVAL MIGRATIONS OF THE TURKIC TRIBES TO THE WESTERN
AREA OF THE GREAT STEPPE (the Kimak-Kipchak phenomenon) 42

Valeriy Kolchenko

THE MEDIEVAL SETTLEMENTS OF NORTHERN KYRGYZSTAN:
THE HISTORY OF INVESTIGATION AND TOPICAL RESEARCH PROBLEMS 47

Anna Kochkina

THE PROBLEMS OF INVESTIGATION OF THE REGIONAL SPECIFICS
OF THE VOLGA BULGARIA ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE 10th – 13th CC. 55

Igor Kyzlasov

THE GREAT SIBERIAN ROAD IN THE HISTORY OF RUSSIA 63

Niyaz Mazhitov

ONCE AGAIN ON THE BASHKIR-MAGYAR RELATIONSHIPS
(considerations concerning the lecture) 71

Galina Matveeva

ON THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL CORRELATION OF THE SITES
OF KUSHNARENKOVO AND KARA-YAKUPOVO TYPES 75

Ilyas Mustakimov

CONCERNING THE HISTORY OF PLACE-NAME «BISHBALTA» 87

Azgar Mukhamadiev

THE COINS OF ANCIENT KAZAN 90

Viktor Myts

THE CRIMEA AND THE GOLDEN HORDE IN THE 60-s – 80-s OF THE 14th C. 96

Nail Nabiullin	
SOME QUESTIONS OF INVESTIGATION OF THE JUKETAU CITY ENVIRONS.....	103
Arnabay Hurzhanov, Olga Kuznetsova	
INTERACTION OF THE STEPPE AND SETTLED CIVILIZATIONS DURING THE EPOCH OF THE TURKIC KAGANATES IN THE SEVEN RIVERS REGION	115
Aida Petrenko, Gulshat Asylgaraeva	
HORSE-BREEDING IN THE CULTURE OF THE VOLGA-URAL PEOPLES: THE PROSPECTS OF INVESTIGATIONS.....	120
Pavel Petrov	
NUMISMATICS AND ARCHAEOLOGY: CONTACT ZONES, POSSIBILITIES, AND PROBLEMS	124
Evgeniy Pigaryov	
THE PROSPECTS OF MUSEUM CONSERVANCY OF THE SELITRENNOE HILLFORT	127
Vyacheslav Plakhov	
PRELIMINARY RESULTS OF INVESTIGATIONS OF AN ADMINISTRATIVE BUILDING REMAINS OF THE LATE 14 th C. NEAR THE KOMSOMOLSKY SETTLEMENT, ASTRAKHAN REGION.....	132
Aleksandr Sologub, Olga Orlova, Rustam Singatulin	
WEB-MONITORING AND STEREO-PHOTO ARCHIVES OF THE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE	137
Petr Starostin	
THE RUINS OF ANCIENT BOLGAR NEAR THE MALY IERUSALIMSKY RAVINE.....	140
Valeriy Flyorov	
THE PRAVOBEREZHNAYA TSIMLYANSKAYA FORTRESS: ITS PLAN AND RECONSTRUCTION (scientific problems in the light of the site's expected destruction).....	145
Ishtvan Fodor	
THE EURASIAN STEPPE AND CARPATHIAN DEPRESSION	153
Natal'ya Fonyakova	
ORIENTAL ELEMENTS IN THE APPLIED ART OF KHAZARIA (the second part of the 8 th – early 10 th cc.)	158
DECISION	
of the Constituent meeting of the International congress «MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF EURASIAN STEPPES» Kazan, on February, 16, 2007	174

**Средневековая археология евразийских степей
Том II**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева,
А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 25.07.2007 г.
Усл.п.л. 22,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел.: (843) 292-95-68, 292-84-82